ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

SLAVISTISCHE DRUKKEN EN HERDRUKKEN

*

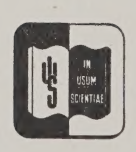
SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

uitgegeven door / edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

LEIDEN

XXII

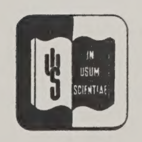

MOUTON & CO · 1959 · 'S-GRAVENHAGE

ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

НИКОЛАЙ ДУРНОВО

Photomechanic reprint

MOUTON & CO · 1959 · 'S-GRAVENHAGE

Originally published by
«Государственное издательство»
Москва-Ленинград
1924

PRINTED IN THE NETHERLANDS BY
KRIPS REPRINT CO., THE HAGUE

ВВЕДЕНИЕ.

Задачи научного изучения языка.

§ 1. Изучение всякого языка может преследовать или научные или практические цели. Практическое знание языка следует отличать от научного. Практически знающим язык является тот, у кого ассоциации между словами известного языка и их значениями настолько сильны, что у него непроизвольно представление о каком-нибудь значении вызывает и представление о самом слове, тот, кто правильно употребляет те или другие формы слов и сочетаний слов, не давая себе отчета в том, почему он это делает. Научное знание наоборот стремится к осознанию изучаемых фактов, к тому, чтобы понять связь между ними.

§ 2. Научное изучение языка может быть статическим, когда язык изучается в современном его состоянии или в один из моментов его прошлого, но без сопоставления с фактами более раннего прошлого, и историческим, когда изучаются изменения языка за более или менее продолжительный период времени. Статическое изучение языка может быть вполне научным лишь в том случае, если мы сумеем при этом не выходить за пределы изучаемого момента, объясняя лишь то, что объясняется из данного состояния языка. Поясним примерами. В нынешнем великорусском языке существует правило, что звонкие согласные в конце слова, если дальше не следует слово, начинающееся со звонкой согласной, переходят в глухие: при родит. ед.— дуба, пирога, рода, мужа, мороза именит. ед. звучит: **дуп**, **пирок**, **рот**, **муш**, **морос**, с глухими согласными на конце, при именит. ед. рыба, нога, борода, лужа, берёза родит.

множ.—рып, нок, борот, луш, берёс... Это закон живой, потому что мы в каждом новом случае, хотя бы в заимствованном из иностранного языка слове обязательно произнесем в конце слова тоже глухой согласный звук вместо звонкого. Поэтому такой закон должен найти себе место в статической грамматике соврѐменного великорусского языка. Точно также, если мы возьмем такие слова, как „профессор“, „исторический“, „факультет“, мы легко объясним себе, почему в этих словах, заимствованных из иностранных языков, неударяемое **о** в нашем произношении заменилось звуком **а** (прафессор, истарический), звуки **ф** и **т** (профессор, факультет) перед **е** стали звучать мягко, тогда как в немецком и французском языках они в соответствующих словах так не звучат, откуда в прилагательном „исторический“ явился суффикс — „(ч)еский“: всё это находит объяснение в тех законах, какие действуют в нашем языке в настоящее время. Статическая грамматика языка устанавливает, какие звуки и в каких комбинациях существуют в языке в данный момент, какие употребляются формы слов и их сочетаний, какие формы являются для данного языка в известный момент продуктивными, т.-е. способными влиять на образование других форм. Статическая грамматика современного русского языка, наприм., объяснит, почему такие, недавно заимствованные из иностранных языков слова, как аэроплан, танк, эмиссар, дирижабль, цеппелин, дреднот, склоняются по образцу исконных русских существительных, почему глаголы, недавно заимствованные из немецкого, французского и английского языков, образуют формы спряжения подобно другим, русским глаголам (визировать, аттестовать и пр.).

Но статическая грамматика оставит не объяснёнными все те факты языка, которые не объясняются из состояния языка в изучаемый момент. Так напр., изучение фактов современного русского языка не объяснит нам, почему мы говорим „на берёзе“, но „березник“, „вёсну“, но „вешний“, „царёв“, но „царевна“, почему при существительном „лиса“ прилагательное будет „лисий“, а при существ. „волк“—„волчий“, а не „волкий“, почему от „рыба“ уменьшительное „рыпка“, а от „нога“, „рука“ — „ношка“, „ручка“: чем объясняется

сложность типов склонения имен существительных и такая же сложность в образовании глагольных форм; чем вызваны сходства и различия между языками или говорами одного языка. Для объяснения этих и других подобных фактов языка приходится обращаться к истории языка.

История языка.

§ 3. История языка, изучающая его развитие с момента его образования за всё время существования языка, показывает, что всякий живой язык, т.-е. такой язык, который является разговорным языком какого-нибудь народа или общества, непременно изменяется с течением времени; меняется произношение, грамматические формы и значения слов; некоторые прежние звуки, формы, слова исчезают и заменяются новыми. Такие изменения происходят в языке непрерывно, хотя и с различною быстротою. При этом изменения, происходящие в языке, иногда бывают общи всему языку, т.-е. всему народу или обществу, говорящему на этом языке, иногда же усваиваются лишь частью этого народа или общества и не распространяются на другую часть того же народа. Такие изменения называются диалектическими от слова „диалект" (с греческого), т.-е. наречие или говор. Диалектические изменения в языке могут быть областными (местными), т.-е. охватывать часть народа, ограниченную известной областью или местностью, или же классовыми, когда они возникают в одном классе общества, не распространяясь на другой; такими изменениями, напр., вызываются различия между языком горожан и сельского населения или между языком представителей разных профессий. С появлением в языке диалектических различий язык утрачивает полную однородность и цельность и начинает дробиться на наречия и говоры, или диалекты, отличающиеся друг от друга своими диалектическими особенностями. Надо заметить, что языка вполне однородного во всех своих частях, т.-е. у всех говорящих на нём, мы не знаем. Всякий язык любого народа или племени представляет совокупность нескольких наречий

и говоров, связанных между собою общими им всем чертами и представляющих для сознания говорящих на них видоизменения одного общего языка. Говорами языка мы называли самые мелкие подразделения языка, языки небольших групп населения, отличающиеся друг от друга лишь незначительными особенностями, если между языком членов каждой такой группы мы не можем указать сколько-нибудь заметных различий, кроме чисто случайных или индивидуальных; наречием же называется совокупность близких между собой говоров, объединенных какими-нибудь крупными особенностями, отличающими их от других диалектических групп в том же языке и указывающими на ближайшую связь этих говоров между собою. Когда мы говорим о наречиях и говорах о д н о г о языка, мы имеем в виду общую жизнь их не только в прошедшем, но и в настоящем, т.-е. предполагаем, что в этом языке и теперь (или в то время, о котором идёт речь) возникают новые явления, общие всем его наречиям и говорам. Но с течением времени живая связь между наречиями может порваться, и они начинают развиваться вполне самостоятельно, т.-е. во всех новых явлениях независимо одно от другого; с этого момента мы уже не можем говорить о них, как о наречиях одного языка, так как связь между ними остаётся только в прошлом, а должны рассматривать их, как отдельные языки, как бы они ни были близки между собою по своему составу Таким образом, мы определяем близкие между собою языки, как самостоятельные языки или как наречия одного языка не столько на основании их сходства, сколько на основании их взаимодействия в данный момент. Надо впрочем заметить, что не всякие явления, общие нескольким языкам, позволяют рассматривать эти языки, как наречия одного языка, а только явления чисто звуковые, как это будет выяснено ниже.

Рядом с описанным процессом распадения языка в истории языков происходят и обратные явления: языки, ещё не успевшие сильно удалиться друг от друга, могут, сближаясь снова, сливаться в один язык, становясь таким образом наречиями этого языка. Кроме того, многие языки вытесняются другими языками, так сказать, вымирают.

§ **4**. С распадением одного языка на несколько языков, языки, выделившиеся из одного языка, продолжают сохранять черты, свидетельствующие об их общем происхождении. С течением времени этих черт становится всё меньше и меньше, и те общие черты, которые сохраняются в них, мало-по-малу настолько изменяются, что общее происхождение их можно узнать только при знакомстве с историей языка. Языки, восходящие в прошлом к наречиям одного общего языка, называются родственными; язык, от которого произошли такие родственные между собою языки, называется по отношению к ним праязыком. Родственные между собою языки могут стоять в разных степенях родства: могут быть более близко родственные языки и могут быть языки, стоящие в отдалённом родстве между собою. Так, напр., и французский, и литовский, и сербский языки являются родственными языками по отношению к русскому языку, но степень родства их различная: ближе всего к русскому языку стоит из этих языков сербский язык, восходящий вместе с ним к одному общему праязыку—общеславянскому; в более отдалённом родстве с русским стоит литовский язык, который вместе с другими балтийскими языками: латышским и вымершим прусским—восходит к общему им предку—языку общебалтийскому, выделившемуся вместе с общеславянским из одного некогда бывшего балтийско-славянского языка; ещё дальше стоит французский язык: общий предок русского и французского языков является общим предком и балтийско-славянских и других индо-европейских языков: это—так называемый общеиндоевропейский праязык.

Таким образом, мы видим, что изучение языка должно быть историческим даже в том случае, когда предметом нашего изучения является язык в его современном состоянии.

Изменения звуковой стороны языка.

§ **5**. История языка, как мы видели, состоит в изменении фактов языка с течением времени. Так как человеческий язык представляет совокупность таких звуков и звуковых

сочетаний, которые служат говорящему знаками предметов мысли, то ясно, что в языке следует различать две стороны: 1) самые звуки и их сочетания, какими располагает язык, т.-е. так называемые „звуки речи“ [1]) и 2) смысловую сторону—те значения отдельных звуков или их сочетаний, которые делают эти звуки знаками для мысли. Изменения в языке могут касаться как звуковой стороны языка, так и значений, т.-е., напр., изменения могут касаться звуков речи, не касаясь значений, связанных со звуковой стороной речи, и могут касаться значений, связанных с известными звуковыми комплексами, не затрогивая самих звуков. Так, изменение бывших некогда в русском языке произношений водà, несéте, руцѣ в вадà, несёте, рукé не отразилось на значении этих слов, оставшемся без изменения; наоборот, такие изменения в значении, какие произошли, наприм., в словах чернила (первоначально, — вещество, которым чернят), стрелять (первоначально,—пускать стрелы) и т. п., не отразились на звуковой стороне слов. Первая группа изменений—изменения звуков—рассматривается в фонетике и грамматике языка, а вторая—изменения значений—в семасиологии. Изменения звуков языка бывают двоякого рода: 1) или эти изменения не стоят ни в какой связи со значениями слов; это—изменения звуков речи самих по себе или под влиянием известного положения их в речи, напр., под ударением или без ударения, в конце слова или в начале, по соседству с теми или другими звуками, вызывающими изменение соседнего звука, и т. д.; такие изменения звуков называются ф о н е т и ч е с к и м и; 2) или же изменения звуков речи стоят в связи со значением звуковой стороны речи. В этих последних тоже можно различать два случая: или известное значение слов вызывает определённые звуковые условия, следствием которых и является то или другое изменение звуков, или со значением слова не связывается никаких особых звуковых условий, и изменения звуков

---

[1]) Те звуки, хотя и бы произносимые человеком, которые не служат в данном языке знаками предметов мысли, т.-е. не входят в состав слов языка, не принадлежат и к числу «звуков речи» данного языка. Таковы для русского языка например, свист, щёлканье языком, рыдание, хохот и др.

происходят благодаря не звуковым условиям, а так называемой аналогии, т.-е. сближению по сходству с другими словами, связанными с ними в представлении говорящих, как однородные в каком-либо отношении. Изменения звуков, являющиеся в первом случае, могут быть названы фонетическими, как и те, которые не стоят ни в какой связи со значениями слов, изменения же, получающиеся во втором случае, называются нефонетическими, или изменениями по аналогии. Изменения фонетические изучаются в отделе истории языка, называемом фонетикой, или историей звуков языка; история же нефонетических изменений языка не составляет какого-либо определённого отдела в истории языка; некоторые из таких изменений, именно, изменения, касающиеся грамматических форм слов, рассматриваются исторической грамматикой языка в отделе морфологии, или истории форм языка. Примеры чисто фонетических изменений: в русском слове „рука" звук **у** получился вследствие фонетического перехода в русском языке еще в доисторическую эпоху (т.-е. в такую эпоху от которой не сохранилось письменных памятников) полученного из общеславянского языка носового гласного звука в звук **у** неносовой; такое же **у** получилось в русском языке из того же общеславянского носового гласного звука и во всех других словах, где был этот звук, напр. в словах „гусь", „муж", „иду", „несу" и т. д. Другой пример: в великорусском „мёд"—фонетическое изменение прежнего **е** в **о** [1]) перед твёрдой согласной, как и в словах „клён", „вёсну" „сёла", „весёлый" и т. п., где **е** было в том же положении (перед твёрдой согласной), но отлично от таких слов, как „веселье", „зелень", „несть" и т. п., где **е** не перешло в **о**, потому что было перед мягкими согласными. В московском произношении слова „вода" в первом слоге слова—фонетический переход старого предударного **о** в **а**, как и в словах водить, гореть, голова и т. п., ср. сохранение **о** под ударением: вóду, водит, головка и т. п. Фонетическое изменение звуков, связанное со значением слов, представляют такие случаи, как

[1]) Буквою «ё» обозначается тот же звук, что и буквой «о» с тем различием, что буква «ё» кроме того указывает на мягкость предшествующего согласного звука, т.-е. мё=мь+о.

великорусские диалектические звательные формы от имён на—**а** без этой гласной: Вань, Маш, дедушк и пр., где отпадение конечной гласной вызвано ускорением темпа, связанным с употреблением звательной формы; подобными же причинами объясняется и отпадение конечной гласной в украинских формах 2-го л. множ. ч. повелит. наклонения на—**іть**: ходіть, озьміть, несіть (т.-е. ступайте, возьмите, несите), а также некоторые особенности в изменении т. наз. частичных и, частью, местоимённых слов [1]). Примеры нефонетических изменений по аналогии: в великорусских формах „руке“, „ноге“ звуки **к, г** мягкие явились вместо прежних **ц, з** (руцѣ, нозѣ) по аналогии с другими падежными формами тех же имён, напр,. именит. ед. рука, нога, а также другими именами, у которых основа дат.-местн. ед. не отличалась от основы других падежей или отличалась только мягкостью последней согласной основы, ср. семье, воде, губе при именит. ед. семья, вода, губа. В великорусских формах 2-го л. множ. ч. на —**ёте**: „ведёте“, „несёте“ и пр. в предпоследнем слоге нефонетически явилось **о** (пишется „ё“) вместо **е** перед мягкой согласной по аналогии с одной стороны с формой 1-го л. множ. ч. „ведём“, „несём“, где еще раньше этого произошел фонетический переход **е** в **о** перед твёрдой согласной, с другой стороны—тех глаголов, у которых перед окончаниями —**м** в 1-м л. множ. ч. и —**те** во 2-м л. множ. ч. была и раньше одна и та же гласная, именно **и:** стоим—стоите, сидим—сидите, и пр. В украинских формах 1-го л. ед. ч. печу, можу, ляжу явились звуки **ч, ж** нефонетически вместо **к, г** (пеку, могу) по аналогии со звуками **ч, ж** в формах других лиц: печеш, можеш, ляжеш, пече, може, ляже и пр., и тех глаголов, у которых основа в 1-м л. единств. ч. та же, какая и в других лицах, иду—идеш, несу—несеш, пишу—пишеш и пр.

§ **6**. Так как фонетические изменения не зависят непосредственно от значений слов, а вызываются исключительно фонетическими (звуковыми) условиями, то всякий раз, когда в языке происходит то или другое фонетическое изменение, оно распространяется на все случаи, в которых даны те же самые звуки в тех же звуковых положениях. Поэтому

---

[1]) См. ниже.

условия, при которых происходит то или другое фонетическое изменение в том или другом языке или говоре в тот или другой момент жизни языка, могут быть точно формулированы как правила, или, как их называют, звуковые (фонетические) законы, не допускающие исключений. Действие таких звуковых законов строго определяется условиями их проявления, той общественной группой, на которую распространяется такой закон, и известной эпохой, в течение которой звуковой закон продолжает быть живым законом, и после которой действие этого закона может прекратиться, и могут возникать новые звуковые законы, иногда противоречащие старым. Благодаря такому действию различных звуковых законов в разные периоды жизни языка, а также благодаря нефонетическим заменам звуков по аналогии получаются кажущиеся исключения из звуковых законов. Приведу примеры. В русском литературном произношении слов „дело", „победа", „мелкий" и др. звук **е** перед твёрдой согласной не перешол в **о** потому, что в эпоху перехода звука **е** перед твёрдым в **о** здесь был особый звук—**ѣ**,—отличный от **е**, который лишь после прекращения действия названного закона изменился в **е**. В словах „отец", „купец", „полезный", „деревенский" звук **е** (из более старого звука **ь**) не перешол в **о** как будто вопреки закону о переходе **е** в **о** перед твёрдыми согласными потому, что согласные **ц**, **з**, **н** в этих словах в эпоху действия этого закона были еще мягкими и отвердели потом (**ц** вообще, а **з**, **н** перед твёрдой согласной), когда закон о переходе **е** в **о** перед твёрдыми уже не действовал. Кажущимися исключениями из того же закона являются произношения „идёте", „на берёзе", „кулёчек", где старое **е** нефонетически заменено звуком **о** по аналогии с другими формами тех же слов и родственными словами после прекращения действия этого закона. Наконец, такие слова, как „небо", „крест", „надежда", „аптека", „карета"—заимствования из церковнославянского и иностранных языков, причём можно думать, что не только такие произношения, как „аптека" и „карета", но и произношение с **е** церковнославянских слов проникли в русский язык уже тогда, когда закон о переходе звука **е** в **о** перед твёрдыми в русском языке перестал

действовать [1]). Приведённые нами примеры позволяют сделать вывод, что нефонетические изменения, нарушающие известный фонетический закон, не могут возникать в период действия этого закона; так напр., произношение „несёте“ вместо „несете“ могло возникнуть только тогда, когда все **е** перед твёрдыми уже перешли в **о**, и закон об этом переходе перестал действовать как живой закон; до того разница между **м** твёрдым в 1-м л. множ. ч. и **т** мягким в окончании 2-го л. множ. ч. должна была ощущаться как препятствие к изменению **е** в **о**.

§ **7**. Что касается изменений по аналогии, то можно думать, что эти изменения так же закономерны, как и изменения фонетические, и что для них также можно установить правило, что каждое изменение по аналогии обнимает всю группу случаев, в которых даны те же соотношения значений и те же фонетические условия. Так, в современном русском литературном языке звук **е** заменился нефонетически (по аналогии) звуком **о** во всех формах 2-го л. множ. ч. глаголов 1-го спряжения под ударением, у всех имён существительных с основой на твёрдую со старым ударяемым **е** перед последней согласной основы в местно-предложном и дательно-местно-предложном падежах единств. ч. (берёзе, клёне, рёве и пр.), у всех имён существительных на —**а** ударяемое с основой на мягкую в окончании творит. единств. (судьёй, землёй, душой и пр.); согласные **з, с, ц** заменились согласными **г, х, к** в падежных формах на -ге,-хе,-ке и в повелит. на -ги,-ки,-гите,-ките от всех имён и глаголов с основой на задненёбные **(г, к, х)**, и те же свистящие звуки не заменились звуками г, к, х в других образованиях от тех же основ (друзья). Но определение нефонетических условий, вызывающих изменения по аналогии, значительно труднее определения фонетических условий звуковых изменений. Не все подобные условия пока

---

[1]) Можно думать, что в тех словах, которые перешли в русский язык из старославянского (древнецерковнославянского) языка до XII в., звук **е** перед твёрдыми перешол в **о**, как и в чисто русских словах, ср. такие слова, как „крёстный“, диалектич. „небёсный“ и др. и собств. имена: Алёна, Парфён, Офёр и др.; произношение же церковнославянских слов с **е** восходит к эпохе южнославянского влияния XIV—XV в.

поддаются учёту, и потому законы изменений по аналогии остаются невыясненными. Можно заметить, что изменение по аналогии обыкновенно возникает только в том случае, если факт, подлежащий изменению, в сознании говорящего связывается с двумя перекрещивающимися рядами сходных фактов: из приведённых выше примеров форма „идете" связывается с одной стороны с формами „идёшь", „идёт", „идём", с другой—с формами „стоите", „сидите", „лежите" и пр., где гласная—та же, что и в других личных формах; формы „руке", „ноге" ставятся в связь с одной стороны с формами „рука", „нога", руки", „ноги" и пр., с другой—с формами „воде", „слезе", „губе" и пр., где последняя согласная основы отличается от последней согласной основы в других формах тех же имён только мягкостью, и т. д. Применяя к изменениям по аналогии математическую формулу, можно обозначить условия таких изменений в виде пропорции: „$a : b = c : x$", где a, b, c — факты, уже существующие в языке, x—тот факт, который получается в результате изменения по аналогии.

§ 8. Чтобы определить, является ли то или другое изменение звуковой стороны языка фонетическим или нефонетическим, следует выяснить, обнимает ли это изменение группу явлений, связанных между собой только фонетически и не связанных по значению, или же группу явлений, связанных между собою по значению или употреблению. В первом случае мы имеем несомненно фонетическое явление, во втором случае, если при тех же фонетических условиях, но с другим значением или употреблением такого изменения не произошло,—явление нефонетическое. В тех случаях, когда известные фонетические условия встречаются только в известных группах случаев, объединённых между собой значением, решение вопроса о фонетических или нефонетических причинах изменений является часто затруднительным.

Методы изучения истории языка.

§ 9. Каким путём мы можем узнавать прошлое языка? Факты живого языка могут наблюдаться в живой речи, но

как наблюдать ту речь, которая произнесена уже давно, и которой мы не слыхали? Хорошо, если она была записана, но и в таком случае записи далеко не достаточны для суждения о языке записанной речи, тем более, что речь обыкновенно записывается не с целью передать особенности языка, а для передачи той мысли, которая является содержанием речи. Кроме того, мы знаем, что язык живёт независимо от того, существует ли на нём письменность или нет; почти каждый народ переживал такую эпоху, когда письменности вовсе не было. Когда она является, ею пользуются только немногие люди: долгое время огромное большинство народа остаётся безграмотным, да и грамотным людям часто ли приходится пользоваться письмом для передачи своих мыслей? Таким образом, жизнь языка в значительной степени идёт помимо письма. Поэтому история языка, хотя и пользуется для суждения о прошлом языка старыми записями речи, так называемыми письменными памятниками языка, но не довольствуется этим, а прибегает и к другим способам восстановления прошлых эпох в жизни языка. Такими способами являются: 1) изучение фактов живого языка безотносительно к диалектическим различиям, существующим в языке, 2) сравнительное изучение живых говоров языка, 3) сравнение изучаемого языка с родственными ему языками, 4) сравнение изучаемого языка с соседними, хотя бы и неродственными языками, и с языками тех народов, которые раньше приходили в соприкосновение с народом, говорящим на изучаемом языке.

1. § **10**. Всякий живой язык в современном его состоянии хранит факты, унаследованные им от разных эпох его жизни, и мы иногда имеем возможность выделить факты более ранние от более новых. Приведу примеры.

Если мы обратим внимание на чередование звуков **е** и **о** в родственных словах, как напр., ток и течь, возит и везть, весёлый[1]) и веселье, жоны и женин и т. п., то мы заметим, что слова, в которых при таком чередовании является **о** после твёрдых согласных, менее родственны друг с другом, чем слова, в которых чередуются **е** и **о** после мягких или

---

[1]) Буквою „ё“ мы обозначаем звук **о** после мягких согласных.

шипящих, и таких слов вообще немного; после же мягких и шипящих такое чередование очень часто, причём является в ряде живых образований: в различных формах одного и того же глагола: пёк—печь, вёз—везть, лёг—лечь, нёс—несть, в существительных и образованных от них прилагательных: сёла—сельский, вёсну—вешний, жоны—женин, сёстры—сестрин, в прилагательных и образованных от них существительных: весёлый—веселье, учёный—ученье, солёный—соленье, тёмный—темень, чёрный—чернь, пёстрый—пестрядь, в положительной и сравнительной степенях прилагательных: тяжолый—тяжеле, лёгкий—легче и т. д. Ясно, что первое чередование—**е** и **о** после твёрдых нешипящих—старше, чем второе—после мягких и шипящих. То обстоятельство, что шипящие в этом случае составляют одну группу с мягкими согласными, а не с остальными твёрдыми, легко приводит к предположению, что шипящие некогда и по своему произношению стояли ближе к тем согласным, которые теперь являются мягкими. Это предположение поддерживается и тем фактом, что в современном великорусском языке вообще звук **е** может быть только после мягких и шипящих согласных (а также, в известных случаях после **ц**), но не после остальных твёрдых согласных [1]. Рассматривая далее случаи чередования **е** и **о** после мягких и шипящих, мы замечаем, что в большинстве случаев такого чередования **о** является перед твёрдыми, но не перед **ц**, а **е** перед мягкими и перед **ц**. Это наблюдение позволяет нам поставить такие вопросы: 1) не было ли и **ц** прежде мягким или, выражаясь осторожнее, не стояло ли ближе к тем согласным, которые теперь являются мягкими (ср. и тот факт, что после **ц** может быть звук **е**, который не встречается после других твёрдых нешипящих согласных)? 2) не вызывалось ли чередование **е** и **о** после мягких и шипящих тем, что в одних случаях дальше следовали твёрдые согласные, в других мягкие? При положительном ответе на последний вопрос остаются необъяснёнными такие

---

[1]) Произношения в роде „дэпо" и т. п. встречаются только в языке образованных людей и ясно обличают своё нерусское происхождение; произношения в роде „однэй", „косэй" являются лишь диалектически в немногих грамматических категориях.

случаи, где сохраняется **е** перед твёрдой или **о** после мягких перед мягкой. Случаи первого рода по бо́льшей части могут быть объяснены только при сравнении нашего говора с другими говорами русского языка; что касается случаев второго рода, то нетрудно заметить, что слова, в которых отсутствует чередование **е** и **о** после мягких и шипящих, стоят ещё ближе грамматически друг к другу, чем слова с таким чередованием: дат.-местн. „берёзе“ ближе к имен. ед. „берёза“, родит. ед. „берёзы“, чем к слову „березник“ и т. д., а потому можно предположить, что чередование **е** и **о** после мягких и шипящих—результат звукового закона, действовавшего в русском языке раньше того времени, как появились такие формы, как берёзе, мёде, трущобе и т. п. Другой случай: существительное „путь“ по своему склонению отличается от всех остальных существительных русского языка. Оно не могло бы стоять особняком, если бы раньше не было особой группы имён, склонявшихся так же. Таким образом, мы должны предположить, что некогда в русском языке существовали имена, склонявшиеся так же, как и „путь“, но потом это склонение почему-то было утрачено, и единственным представителем этого склонения осталось существительное „путь“.

2. § 11. Из сравнения между собой живых наречий и говоров языка мы узнаём о фактах, предшествовавших выделению одних говоров и возникших после слияния других говоров, о влиянии одних говоров на другие и т. д. Так как образование говоров русского языка началось ещё в доисторическую эпоху и продолжается до сих пор, а особенности говоров, возникших в древнейшие эпохи языка, частью сохранились до сих пор или отразились на особенностях нынешних говоров, то путём сравнения живых говоров мы получаем возможность судить о явлениях разных эпох в истории русского языка. Приведу примеры того, каким образом сравнение живых говоров языка между собой помогает судить о прошлом языка. Среди современных великорусских говоров в одних (главным образом южновеликорусских) существует два различных звука—**ц** и **ч**, в других (значительной части северновеликорусских) этим звукам соответствует один звук—**ц** или **ч**. Так как оба звука

тех говорах, где они различаются, могут являться при совершенно одинаковых звуковых условиях, и так как в значении и употреблении слов с одним из этих звуков нельзя указать ничего общего, что противополагало бы их словам с другим звуком, то представляется маловероятным предположение, что в том говоре, который был общим предком северновеликорусских и южновеликорусских говоров, этим двум звукам соответствовал один звук, и что таким образом северновеликорусские говоры, знающие один звук на месте южновеликорусских **ц** и **ч**, ближе к этому предку, чем южновеликорусские говоры, и можно уже из сравнения великорусских говоров сделать вывод, что первоначально здесь было два звука, совпавшие впоследствии в одном звуке в части говоров, вывод, который подтверждается другими данными. Далее, мы можем обратить внимание на то, что северновеликорусские говоры, в которых звуки **ц** и **ч** совпали в одном звуке, в течение всего великорусского периода, т.-е. со времени возвышения Москвы, не были в таких условиях, которые могли бы способствовать обособлению их от других великорусских говоров; следовательно, совпадение **ц** и **ч** в одном звуке в этих говорах относится к тому времени, когда они представляли одно целое, обособленное от тех говоров, в которых различие между **ц** и **ч** сохранилось. Это могло быть только до великорусской эпохи, т.-е. до возвышения Москвы. Наоборот, черты, объединяющие все великорусские говоры и отсутствующие в белорусских и украинских, как напр., **о** в словах: **моешь, злой** (им. ед. м. р.), дат.-местн. ед. на -ге,-ке,-хе (**ноге, руке, сохе**), повел. на -ги,-ки (**моги, пеки**), им. мн. на **-а** от **имён** несредн. рода (городá, поварá), очевидно, возникли тогда, когда северновеликорусские и южновеликорусские говоры были ближе друг к другу, чем те или другие из них к белорусским или украинским говорам, т.-е., как мы выясняем из других данных, в эпоху, начавшуюся с расширения Московского государства в XIV в.

3. § **12** Так как в языке, несмотря на все происшедшие в нём за время его существования изменения, сохраняются между прочим некоторые факты, восходящие к очень отдалённому прошлому, предшествовавшему самому образованию

данного языка, то сравнение языка с родственными ему языками позволяет до некоторой степени судить об этом отдалённом прошлом, давая возможность выделить в нём те факты, которые сохранились в нём от общего предка этих языков, т.-е. факты, бывшие еще в том языке, от которого произошли и изучаемый нами и родственные ему языки, и те факты, которые развились в нём позднее, после выделения из праязыка, за время его существования, как самостоятельного языка. Сравнивая русский язык с другими славянскими языками, мы получаем представление о фактах общеславянского языка, т.-е. такого языка, от которого произошли все славянские языки, в эпоху его распадения, т.-е. в то время, с которого начинается независимое существование русского и других славянских языков, и, следовательно, о том наследии, которое перешло в русский язык из общеславянского; таким образом мы определяем начальный момент в истории русского языка. Так напр., находя слово „вода“ во всех славянских языках и зная, что это слово не могло в них быть заимствовано из других языков, мы заключаем, что оно перешло в них еще из общеславянской эпохи. Таким же образом, находя во всех славянских языках слово „сон“ лишь с разными гласными (русское „сон“, болгарское „сън“ [1]), сербское „сан“, чешск. и польск. sen, лужицк. son), мы заключаем, что и это слово перешло в них из общеславянского языка, но с таким гласным звуком, который в разных славянских языках превратился в разные звуки и который был между прочим и в ряде других слов, где имел ту же судьбу, ср. русское мох, сербское мах, польск. mech; русское дождь, болг. дъщ, сербск. дажда, польск. deszcz; русское локоть, болг. лакът, сербск. лакат, чешск. loket; русское пяток, болг. петък, сербск. петак; русск. песок, болг. пѣсък, сербск. песак, польск. piasek и мн. др. Из сравнения с другими словами, общими всем славянским языкам, мы можем вывести, что этот звук общеславянского языка отличался от звуков **а**, **о**, **е**, являвшихся в других словах и имевших другую судьбу

---

[1]) О значении букв „ъ“ и „щ“ в болгарской азбуке и вообще о значении букв славянских азбук см. Приложение I.

(ср. **а** во всех славянских языках в таких словах, как лам, вода, старый, правый, **о** в словах воду, может, бога, серебро, **е** в словах: женится, шесть, семь, десять, весел прилагат. и пр.), т.-е. вероятно, не был ни звуком **а**, ни звуком **о**, ни звуком **е** и, кроме того, был короче или слабее других гласных звуков, потому что в известных положениях выпадал во всех славянских языках (ср. в русском языке: сна, рта, локтя, пятка, песку и пр.; аналогичные формы с пропуском гласного звука—и в других славянских языках). Конечно, далеко не всегда такое сравнение помогает точно установить факты общеславянского праязыка; иногда для выяснения их приходится обращаться к сравнению славянских языков с их более отдалёнными родственниками—другими индоевропейскими языками. Так, из сравнения русского слова „пятый“ с болгарским и сербским „пети“, чешск. patý, польск pięty и других слов, в которых в славянских языках существуют те же соотношения звуков (таковы русские слова: десятый, счастье, глядят, сидят, грязь, лягу, сяду, телята и др.) нельзя с полной достоверностью выяснить, как звучал в общеславянском тот гласный звук, который в этих словах теперь превратился в болгарском и сербском языках в **е**, в русском и чешском в **а**[1]), в польском—в **е** носовое. Но при сравнении славянских языков с другими индоевропейскими языками мы видим, что там в этом слове и родственных словах является обыкновенно сочетание гласного звука с носовой согласной: ср. литовское penki „пять“, немецкое fünf, латинское quinque, откуда итальянское cinque (чинквэ) и французское cinq с носовой гласной; следовательно польский язык в этом случае лучше других славянских языков сохранил наследие общеславянского языка. Ещё пример. Из сопоставления таких случаев, как русские борода, ворон, голова, город, золото, корова, молоть, берег, берёза, дерево, умереть, приставка пере- с сербскими брада, вран, глава, град, злато, крава, млети, бриjег, бреза, дриjево, умриjети, пре-, болгарскими словами, звучащими почти так же, как **и** в сербском или с **ѣ** **(я)** вместо серб-

---

[1]) Буква „я“ в русском письме здесь обозначает звук **а** после мягкой согласной.

ских е, ије: брѣг. брѣза, прѣ-(чит. бряк, бряза, пря-или пре-), польскими broda, wrón, głowa, ogródek (огород) złoto, krowa, mleć, brzeg, brzoza, drzewo, umrzeć, prze -, и т. п., мы видим, что русским—**оро-,оло-,ере-** в ряде случаев последовательно соответствуют в болгарском и сербском языках ра, ла, ле (или лѣ, лије), ре (или рѣ, рије); в польском ro (или ró), ło (или łó), le, rze (или rzo). Очевидно, в общеславянском в этих словах были какие-то сочетания гласных с плавными, которые изменились в разных славянских языках по-разному. Что же это были за сочетания? Если мы возьмём такие русские слова, как боровой, порода, положить и т. п., то увидим, что в соответствующих словах других славянских языков тоже являются сочетания -оро-, -оло-, а не ра, ла, ро, ло; следовательно, в таких словах, как русские борода, голова, сербские брада, глава, польские broda, głowa и т. п., нельзя выводить русское -оро-, -оло-, сербское -ра-, ла-, польское -ro-, -ło- из общеславянских -оро-, -оло-.Сравнивая русские брат, красный, плакать, слабый, бледный, плечи, древний и т. п. с соответствующими словами других славянских языков, мы увидим, что в них везде являются сочетания -ра-, ла-, -ле-, -ре-, как и в русском языке; следовательно, в сербских брада, глава и т. п. -ра-, ла- не из общеславянских -ра-, -ла-.Наконец, в словах,соответствующих русским бросить, грозный, просит, слово и т. п., во всех славянских языках звучит также -ро-; следовательно, и -ro-, ło- в польском языке в таких словах, как broda, głowa, не представляет сохранения общеславянского сочетания плавной и гласной. Но если в словах, соответствующих русским борода, голова и пр., в общеславянском языке не было ни сочетаний -оро. -оло-, ни сочетаний -ра-, ла-, ни сочетаний -ро-, ло-, то как же тогда должны были звучать эти слова? Для ответа мы должны обратиться к более отдалённым родственникам русского языка—другим индоевропейским языкам, в которых мы находим слова родственные или тождественные по происхождению с разбираемыми словами славянских языков, т.-е. слова, происшедшие от тех же слов общеиндоевропейского языка, от которых произошли и разбираемые слова славянских языков, или образованные от одних и тех же по происхождению со славянскими сло-

вами основ. Так, с русскими словами борода, ворон, голова, город, золото, молоть, берег, приставкой пере- родственны, а частью и тожественны по происхождению немецкое Bart „борода“, латинское barba (откуда французск. barbe), литовское varnas „ворон“, литовск. galva „голова“, немецк. Garten „сад“ (развилось из понятия „огороженное место“), немецк. Gold „золото“, литовск. malti „молоть“, немецк. Berg „гора“ (отсюда русск. „берег“), латинский и литовский предлог per „через“, немецкая приставка ver-. Во всех этих случаях в других индоевропейских языках мы находим сочетания с гласной перед плавной между согласными, а потому можем думать, что русские сочетания -оро-, -оло-, -ере- между согласными в тех случаях, когда им соответствуют в болгарском сочетания -ра-, -ла-, рѣ, -лѣ между согласными, в сербском -ра-, -ла-, -ре- (или-риje-), -ле- (или-лиje-), и в польском ro, ło (или ró, łó), rze (или rzo), le, получились из общеславянских сочетаний гласной с последующей плавной между согласными. Правда, в русском языке есть сочетания -ор-, ол-, -ер- между согласными и притом довольно частые (борть, горсть, гордый, горло, корка, корм, моргать, портить, волк, долго, полк, полно, мертвый, первый и мн. др.), но в других славянских языках этим сочетаниям соответствуют или сочетания с другими гласными (a, i, u) перед плавной или после плавной, или одни плавные вовсе без гласной, откуда мы легко делаем вывод, что в тех словах, где в русском языке -ор-, ол-, -ер- между согласными, в общеславянском языке были не эти сочетания, а сочетания с какими-то другими гласными, более краткими, чем, гласные нормальной краткости, или одни плавные без гласной, а что в тех случаях, когда в общеславянском являлись между согласными сочетания с **о**, **е** перед плавной, эти сочетания изменялись в русском языке в -оро-, -оло-, -ере-, в сербском и болгарском в -ра-, -ла-, -ре-, -ле-, в польском в -ro-, -ło-, rze-, le- и т. д.

Следует добавить, что так как от эпохи распадения общеславянского праязыка, т.-е. с начала самостоятельной жизни нынешних славянских языков прошло много времени, за которое все славянские языки успели сильно измениться, то при сравнении нынешнего русского языка с живыми славянскими языками для выяснения состава общеславян-

ского языка эпохи его распадения необходимо принимать во внимание историю как русского, так и привлекаемых к сравнению славянских языков, так как только таким образом мы получаем более проверенные и точные данные. То же следует сказать и о сравнении славянских языков с другими индоевропейскими языками.

4. § **13**. Помимо сходства, вызванного общим происхождением языков от одного праязыка, между языками может быть сходство, вызванное заимствованиями одного языка из другого. Заимствоваться могут слова, обороты речи, а также основы и формальные части слов: суффиксы, приставки и пр.; при этом заимствования могут делаться как из родственных языков (между прочим и из говоров того же языка), так и из языков неродственных. Так, в нынешнем русском языке такие слова, как пальто, туалет, тротуар, брошюра, портрет и мн. др. заимствованы из французского языка, трамвай, ростбиф, бифштекс—из английского (через посредство немецкого), базар, башлык, башка, сарай и др.— из турецких языков (главным образом татарского) и. т. д. Примерами заимствованных основ в русском языке могут служить основы некоторых глаголов на -овать и -ировать, как „провоцировать“ и т. п., прилагательные в роде „синтактический“ при „синтаксис“, „апоплектический“, „экзаминационный“, основа „фил“ в таких сложных двухосновных словах, как „славянофил“, приставка „анти“ в таких образованиях, как „антинародный“, „антибольшевистский“ и пр., примерами заимствованных суффиксов — суффиксы: **изм:** октябризм, большевизм, **ист:** декабрист, октябрист, Пушкинист, Шаляпинистка, большевистский, меньшевистский, **-изация:** украинизация, **-ат:** старостат (существовавший до 1918 г. институт факультетских и курсовых старост в Университете) и т. п. Значительное число заимствований из какого-нибудь языка указывает на культурные или политические связи того народа, в язык которого делаются заимствования, с тем народом, из языка которого заимствования сделаны. Заимствованные слова в языке с течением времени подвергаются изменениям как в звуковой стороне, так и в значениях, как и незаимствованные слова, ср. русские слова „мастер“, „противень“ с немецкими „Meister“, „Brat-

pfanne“ или „на шаромыжку“ с французским „cher ami“. С течением времени заимствованные слова могут настолько измениться, что происхождение их может быть выяснено только при знакомстве с историей как того языка, в который заимствованы эти слова, так и того, из которого сделаны заимствования. Изучение заимствований из других языков, а также заимствований, сделанных другими языками из изучаемого нами языка, позволяет судить о том, какие влияния испытывал язык в течение своей жизни, с какими языками находился в связи в ту или другую эпоху, а также дополняет наши сведения и о других фактах истории языка. Так как заимствованные слова в языке подвергаются тем же изменениям, как и незаимствованные, то по тем изменениям, какие претерпело то или другое заимствованное слово, мы можем судить о времени заимствования. Так, можно думать, что слова „Елена“, „Рождество“ в нынешнем их произношении были заимствованы из церковнославянского языка сравнительно поздно; первоначально же, в начале исторической жизни русского языка, эти слова были усвоены им в другой звуковой форме и изменились согласно законам русского языка в „Олёна“, „Рожество“; изучение письменных памятников позволяет относить появление произношений „Елена“, „Рождество“ к XIV—XV вв. Иногда заимствования могут относиться к такой отдалённой эпохе, о которой наши сведения, полученные другим путём, очень ограничены, и потому факты, добытые путём изучения таких заимствований, могут дать важные дополнения к другим нашим сведениям об этой эпохе. Так, слова древнерусского языка „колбяг“, „шляг“, заимствованные русским языком из скандинавского, где они звучали, как kylfingr, Skilling, свидетельствуют, что в русском языке в это время еще были носовые гласные, и что носовые согласные не могли быть в положении перед согласными, а потому скандинавское in перед согласной должно было тогда в русском языке измениться в носовую гласную, которая потом, как и такая же гласная, существовавшая в незаимствованных словах, изменилась в **а**. Позднее, после утраты русским языком носовых гласных, скандинавское in перед согласными уже переходило в русский язык при заимствовании в виде **ин**, ср.

скандинавское имя Ingvarr, которое, будучи заимствовано русским языком впервые до утраты носовых гласных, обратилось к началу XI в. в „Игорь“ без н после и [1]), но в историческое время было известно и в форме „Ингвар“; в этом последнем виде оно представляет, очевидно, более позднее заимствование, той эпохи, когда в русском языке уже не было носовых гласных. Другой ценный факт— древнейшие финские заимствования из славянских языков: эти заимствования показывают, что в том славянском языке, из которого они сделаны, ещё были носовые гласные звуки, которые в финском языке передаются сочетаниями гласных с носовыми согласными, ср. Suntia „церковный служитель“ из того слова, которое по-русски звучит теперь „судья“ (у в русском языке в этом слове получилось из общеславянского носового гласного звука), und „крючок для удочки“ (у в русском „удочка“ из общеславянского носового гласного звука), kuontalo—кудель (у того же происхождения), а кроме того, были сочетания гласной со следующей плавной между согласными в соответствии с русским полногласием: palttina „полотно“, varpu „воробей“ talkkuna „толокно“, värttinä „веретено“ и др. Эти заимствования указывают, что или в русском языке в то время, когда финны заимствовали эти слова у русских, были носовые гласные и ещё не развилось полногласие, или, что финны заимствовали эти слова не из русского, а ещё из общеславянского языка; во всяком случае, они подтверждают тот вывод, какой можно сделать из сравнения славянских языков с другими индоевропейскими, что в соответствии с русским полногласием (т. е. сочетаниями оро, оло, ере между согласными), сербскими ра, ла, рије, лије или ре, ле, польскими ro, ło, rze, le и т. д. между согласными первоначально были сочетания гласной со следующей плавной между согласными.

Таким образом, мы видим, что изучение заимствований, проникших в язык из других языков, родственных и неродственных, а также заимствований, перешедших из этого языка в другие языки, необходимо для историка языка.

---

[1]) Изменение чужого in перед согласной в и, а не а, может быть, вызв по положением этого in в начале слова, а не после согласно[illegible]

Для выяснения того, какие заимствования проникали в язык или переходили из него в другие языки, и какое место они занимают в истории языка, мы сравниваем этот язык со всеми языками, с какими он мог приходить в соприкосновение, и выделяем те сходные элементы этих языков, которые не могут объясняться общим происхождением от праязыка, учитывая те изменения, которые произошли в этих языках с того момента, когда было сделано заимствование. В виду всего этого для историка русского языка желательно знакомство не только со славянскими и балтийскими языками, стоящими в наиболее близком родстве с русским языком, но и с языками иранскими, германскими, греческим, а также и вовсе неродственными финскими и турецкими языками. Так, знакомство с иранскими языками покажет, что в русский язык проникали заимствования из иранских языков между прочим и после его выделения из общеславянского языка: к таким заимствованиям, напр., принадлежат слова „собака", „топор", неизвестные другим славянским языкам. Знакомство с германскими языками позволяет разобраться в вопросе о сношениях русского народа со скандинавами, готами и немцами; без этого знакомства невозможно разрешение существенного для начальной русской истории „варяжского вопроса"; для дальнейшей истории русского языка это знакомство чрезвычайно важно в виду того, что культурная зависимость русского народа от германского никогда не прекращалась и не могла не отражаться на языке. Изучение греческого языка очень важно уже потому, что влияние греческого языка на русский в древний период русской истории не ограничивалось только книгой; в современном русском языке немало старых заимствований из живого греческого языка. В ту эпоху, когда начались сношения русского народа с греками, как русский, так и греческий язык отличались от нынешних русского и греческого языков. Рассмотрение древнейших русских заимствований из греческого языка даёт некоторые интересные указания на особенности и греческого и русского языков того времени. Так, греческий звук, обозначавшийся в греческом письме буквою υ, передается по-русски в тех словах, которые были заимствованы русскими в древ-

нейшую эпоху, через **у**: Акулина, Лукерья, купаресовое древо, куралесить и пр., ср. греч. Ἀκυλίνα, Γλυκερία, κυπάρισσος κύριε ἐλέησον; между тем, в самом греческом языке этот звук уже в XI в. перешел в i; очевидно, эти слова заимствованы из греческого языка не позже XI в., а скорее всего раньше, когда в греческом языке ещё произносился звук ü, заменённый в русской передаче через **у**. Для суждения о русском языке того же времени интересны между прочим те заимствованные из греческого языка слова, в которых греки произносили звуки **а** и **о**: в этих словах на месте греческого α в русском языке часто является звук **о**: Офонасий=греч. Ἀθανάσιος, кровать=греч. κραβάτι и др., а на месте греческого **о**—звук **у**: уксус=греч. ὄξος, Микула (позднее: Микола)= греч. Νικόλαος, старорусское пардус=греч. πάρδος. Очевидно, греческое α в то время представлялось русским более похожим на их **о**, чем на **а**, а греческое **о** более похожим на **у**, чем на русское **о**, а это могло быть, если русское **о** тогда звучало очень открыто, близко к **а**, а русское **а** отличалось каким-то особым свойством, отличавшим его от греческого **а**. Об этом свойстве заимствования из греческого языка нам ничего ясного не говорят, но другие данные, главным образом, извлекаемые из сравнения между собою славянских языков, позволяют предположить, что общеславянское **а** в эпоху распадения общеславянского языка было долгим, а **о** кратким. Долгота **а** и краткость **о**, повидимому, сохранялись и в русском языке в ту эпоху, к которой относятся древнейшие русские заимствования из греческого языка. В греческом же языке в эту эпоху гласные звуки, в том числе и **а**, были вообще кратки, а потому греческое **а** то̀лько под ударением воспринималось русскими и другими славянами, как **а**. На ту же особенность русского языка указывают и древнейшие заимствования из скандинавских языков, в которых скандинавское **о**, особенно **о** долгое, обычно передаётся через **у**, а безударное **а** через **о**: тиун, Трувор = скандинавским thiôn, Thôrvardr.

§ **14**. Кроме заимствований языки, приходя в соприкосновение друг с другом, могут оставлять после себя и другие следы. Среди говорящих на изучаемом нами языке могут

быть и такие, предки которых говорили на другом языке. При усвоении чужого языка они могли сохранить особенности своего прежнего произношения, для понимания которого мы должны обращаться к изучению того языка, на котором они говорили раньше. Так, обрусевшие литовцы в Западной Руси (в нынешней Польше), говорящие теперь по-белорусски, произносят звуки **г** и **к** вместо белорусских **h** (придыхание) и **х**: город, нога (с **г** мгновенным, как в московском произношении), корошо, колодная вода; обрусевшие финны части Олонецкой губернии говорят „воада, поашла“ (**оа** произносится за один слог) с переносом ударения на 1-й слог; обрусевшие инородцы Колымского края, а за ними и объякутившиеся русские не произносят плавных **р** и **л**, заменяя их звуком **j**: „юбия“ вместо „любила“, „коёва“ вместо „корова“ и т. п.

§ **15**. Сравнительное изучение живого языка во всём его объёме, т.-е. во всех его говорах, с родственными и неродственными языками требует прежде всего основательного знакомства с самыми объектами сравнения: с живым языком во всех его говорах. Только тщательное изучение живого языка во всём его диалектическом разнообразии позволяет составить более или менее ясное представление о законах языка, о том, что такое вообще язык. Как увидим ниже, письменные памятники, как документальные свидетели о языке, понятны только при свете фактов живого языка; те же заключения о прошлом языков, какие делаются на основании сопоставления фактов живых языков, понятно, требуют прежде всего изучения этих фактов. Поэтому исследователь языка прежде всего должен выработать в себе умение наблюдать факты живого языка.

§ **16**. Сравнительное изучение языков, будь то говоры одного языка или родственные языки или даже языки неродственные, стремится найти сходные черты между языками и затем объяснить это сходство. Как мы видели, сходство между языками может объясняться или общим происхождением обоих языков или заимствованием в одном языке из другого или тем, что говорящие на одном из этих языков или их предки раньше говорили на другом из них или на языке родственном этому другому; кроме этих случаев воз-

можно и случайное сходство, объясняемое сходными физиологическими и психологическими условиями изменений в языке. Примером подобного случайного сходства может служить одинаковое изменение звука **b** в **v** в южноевропейских и западносемитских языках (ср. итальянское avere, французское avoir „иметь“ из латинского habere, новогреческое vasilefs „король“, kiverniti „губернатор“ из древнегреческих βασιλεύς, κυβερνήτης, арамейское avî „отец мой“, ср. арабское abî), происшедшее в романских языках независимо от греческого, и в тех и других независимо от семитских, или одинаковое изменение **e** долгого в **i** (правда, при разных условиях) в новогреческом и английском, ср. новогреческое ktima „владение“, ritor „оратор“ из древнегреческих κτῆμα, ῥήτωρ и английское to see „видеть“, cream „сливки“ (в этих словах раньше звуку **i**, обозначенному буквами „ee“, „ea“, соответствовал звук **e**). Более или менее надежное решение вопроса, является ли наблюдаемое сходство между двумя языками случайным или органическим, возможно в том случае, если сходство не ограничивается одним фактом или фактами, стоящими в тесной связи, а простирается на ряд фактов, не связанных логически между собою. Так, сходство между всеми славянскими языками по отношению к употреблению слова „вода“ нисколько не связано логически с употреблением слова „сон“ тоже во всех славянских языках; изменение общеславянского **o** носового в **у** в великорусском и украинском языках само по себе нисколько логически не связано с изменением общеславянского **or**, **ol** в **оро**, **оло** и общеславянских **dj**, **tj** в **ж**, **ч**; поэтому, встречая ряд таких совпадений между великорусским и украинским языками в изменении общеславянского наследия, мы можем сделать вывод о большей близости великорусского и украинского языков между собою, чем с другими славянскими языками. Критерием для различения фактов, заимствованных из другого языка и происходящих от общего праязыка, является известное несоответствие заимствованных фактов с другими фактами того же языка. Такими прежде всего являются слова, противоречащие по самому произношению фонетическому строю языка, ср. такие заимствования в русском языке, как „эволюция“,

„депо“, произносимые первое с неударяемым **о**, а второе с немягким **д** („дэпо“) и с неударяемым **е**, или слова, не следующие морфологическим законам языка, напр. несклоняемые существительные: „депо“, „пальто“, „какаду“, „колибри“, „колье“ и т. п. Затем заимствование ясно, если словообразовательный состав слова легко определяется в одном языке и неопределим в другом; таковы слова „республика“, „популярный“, „астрономия“, „бифштекс“ и т. п. Иногда определение заимствования затрудняется благодаря так называемой народной этимологии, осмысляющей заимствованное слово, ср. такие слова, как „прохвост“, „противень“ из немецких Profos, Bratpfanne; здесь, правда, заимствование выдаёт несколько нелепый с точки зрения русского языка этимологический состав слова, но бывают и более удачные народные этимологии. Труднее определить иноязычное или исконное происхождение непроизводных слов, особенно, если заимствование давнее. Только после продолжительных научных разысканий удалось установить, что слова „хлеб“ и „молоко“ [1]) были заимствованы славянами в праславянскую эпоху из германских языков, и до сих пор остаётся невыясненным, унаследованы ли славянами слова „море“ и „берег“ от их предков или тоже заимствованы.

§ 17. Нельзя думать, будто сравнение языков между собою может когда-нибудь дать нам такое же полное представление о языке какой-нибудь прошлой эпохи, какое нам даёт непосредственное наблюдение о любом живом языке. Факты языка подвергаются с течением времени часто таким изменениям, которые не дают нам возможности узнать, что было раньше, зачастую же и полной утрате, а потому не поддаются восстановлению с помощью сравнения живых языков, так как восстановить мы можем только такие факты,

[1]) Слово „молоко“ восходит к такому слову общеиндоевропейского языка, в котором был звук, перешедший в европейских языках кроме балтийских и славянских в g, а в индоиранских, армянском, балтийских и славянских в звонкие шипящие или свистящие звуки; поэтому, если бы слово „молоко“ было унаследовано от праязыка, оно должно было бы звучать не с **к**, а с **з**, ср. русское „моло́зиво“. Звук **к** в русском „молоко“ объясняется общеславянским заимствованием из готского, в котором, как и в других германских языках, из общеиндоевропейского g получилось **к**.

которые или сохранились в языке или оставили после себя достаточно определённые следы. Чем отдалённее эпоха, которую мы хотим восстановить, тем больше успел измениться язык, тем значительнее понесённые им утраты, и тем меньше у нас данных для суждения об этой эпохе.

§ 18. При сравнении нескольких родственных языков мы определяем те черты, которые принадлежали их общему праязыку. Совокупность этих черт характеризует этот праязык в эпоху непосредственно перед его распадением, перед тем, как происшедшие от него языки стали развиваться и изменяться независимо друг от друга. Но в истории языков нам известны такие случаи, когда два наречия одного языка подвергаются независимым друг от друга изменениям по отношению к одним фактам, продолжая сохранять единство по отношению к другим. Поэтому черты, относимые нами к праязыку, могли в действительности принадлежать разным эпохам.

§ 19. Кроме сравнения между собой живых языков и говоров изучаемого языка для суждения о прошлом языка мы пользуемся документальными историческими данными, сохранившимися от этого прошлого в письменных памятниках. Письменные памятники старославянского и русского языков показывают, что в этих языках еще в X—XI веках сохранялись гласные звуки ъ и ь слабые, утраченные позднее всеми славянскими языками. Только древнейшие письменные памятники тех же языков дают возможность судить о морфологическом строе (склонении, спряжении и пр.) славянских языков в X—XI вв. и т. д. Несомненно, мы бы не могли с такой полнотой судить о языках древнеиндийском, древнегреческом, латинском, как теперь, если бы до нас не дошли письменные памятники этих языков. Если мы в настоящее время имеем такую разработанную сравнительную грамматику индоевропейских языков и сравнительно полное представление о звуковом и грамматическом строе общеиндоевропейского праязыка, то этим мы в значительной мере обязаны тому, что до нас дошли письменные памятники древнеиндийского, древнегреческого, латинского, готского, старославянского и др. языков. Без этих памятников это представление было бы гораздо более смутным.

Показания письменных памятников важны между прочим и тем, что они могут более или менее точно датировать засвидетельствованные ими факты; далее, они могут отражать такие вымершие языки, которые не оставили после себя потомков.

§ **20**. Однако, изучение письменных памятников не может заменить изучения живых языков, как источников для истории языка, и притом это изучение связано с известными трудностями. Самое понимание письменных памятников возможно только при существовании живой традиции, связывающей язык этих памятников с нынешними живыми языками. Так, памятники латинского языка понятны нам только потому, что пользование этим языком не прекращалось с того времени, как он был еще живым языком, до последнего времени. Непрерывная письменная традиция связывает и древнегреческий язык с современным новогреческим литературным языком. Санскритский язык сохранил свою понятность для современных санскритологов благодаря тому, что изучение его среди индийских учёных не прерывалось с того времени, как он стал литературным языком. Та же непрерывная традиция церковно-литературного употребления и у старославянского языка. Наоборот, отсутствие такой непрерывной традиции делает недоступными для понимания сохранившиеся до настоящего времени критские и этрусские надписи.

§ **21**. Но существование живой традиции недостаточно для верного понимания письменных памятников как свидетелей о языке. Пользуясь показаниями письменных памятников, следует помнить, что практическое письмо не стремится к точной передаче произносимой речи и не имеет в виду такой передачи: задача его—передача мысли, высказываемой в речи; история же языка изучает не эти мысли, а внешнюю форму речи: те звуки и сочетания звуков, которые служат для передачи мысли. Поэтому некоторые факты, интересные для историка языка, могут не отразиться на правописании, если это не мешает правильному пониманию написанного; напр., для различных звуков может употребляться одна и та же буква, как в русском письме, где буква „е“ может обозначать и звук **е** и звук **о**

Наоборот, для большей ясности понимания письмо может обозначать такие оттенки мысли, для которых нет особых выражений в языке: ср. различия в значении, обозначаемые правописанием с прописной и строчной буквы, в старом русском правописании такие варианты, как „миръ“ и „міръ“, „они“ и „онѣ“, различение рода в множ. ч. прилагательных и пр. Вообще, всякое практическое письмо, хотя бы и звуковое, является очень несовершенным способом для передачи произносимой речи.

§ 22. Обыкновенно звуковое письмо, т.-е. такое, буквами которого передаются звуки языка, при возникновении письменности на языке передаёт произношение с такой точностью, какую допускают средства, находящиеся в распоряжении правописания. Но с течением времени, так как язык не остаётся без изменения, правописание всё более и более удаляется от произношения, становясь этимологическим и историческим. Установившееся написание слова продолжает служить письменной передачей слова и тогда, когда произношение этого слова уже не соответствует его правописанию. Так, напр., написание „вода“, возникшее тогда, когда в 1-м слоге этого слова произносился звук **о**, продолжает употребляться для обозначения того же слова и в нынешнем русском литературном правописании, хотя теперь в русском литературном языке это слово звучит уже не с **о**, а с **а** в первом слоге, несмотря на то, что буква „о“ в русском письме продолжает оставаться знаком для звука **о**. С течением времени вследствие изменений языка письменные знаки могут получить новое значение, отличное от старого, и традиционное чтение написанного может иногда сильно отличаться от первоначального. В таком случае традиция не позволяет нам судить о произношении, существовавшем в ту эпоху, от которой дошли до нас письменные памятники. Так, при чтении латинских памятников в настоящее время букву **c** перед **e, i** русские и другие славяне, а также немцы читают, как **ц**, итальянцы, как **ч**, французы, англичане и испанцы, как **с**; букву „s“ между гласными все читают, как **з**, и такое чтение существует много веков. Поэтому мы никогда не могли бы догадаться о том, как читали эти буквы римляне классической эпохи, если бы нам не помогли гре-

ческие памятники передающие латинское c всегда через κ: Κικερων = Cicero, Καῖσαρ = Caesar, κῆνσος = census, а латинское „s“ всегда через „σ“, как видно из приведённых примеров, а также отчасти сравнительное изучение романских языков. Точно так же и в греческом письме вследствие перехода в греческом языке звука b в v и звука e (долгого) в i, буквы „β“ и „η“ стали читаться, как v, i (см. примеры в § 16), и мы никогда не могли бы догадаться о произношении этих букв в классическую эпоху, если бы нам не помогала передача латинскими писателями греческого „β“ через „v“ и греческого „η“ через „e“: bibliotheca, Thebae, Athenae, thesaurus. В славянском письме букву „ѧ“ русские стали читать, как а после мягких согласных, и так теперь читают эту букву и болгары и сербы; буква же „ѫ“ уже в древнейших памятниках часто заменяется буквами „оу“, и в настоящее время на месте её везде читается у. Поэтому ничто не указывало бы нам на первоначальное произношение этих букв, если бы мы не обратились к сравнению между собой живых славянских языков.

§ 23. Благодаря непрерывной живой традиции, связывающей язык письменных памятников языка прошлого с настоящим мы судим не только о произношении (как мы видели, эти суждения могут быть ошибочны, если не проверяются другим путём), но и о грамматическом строе языка и о значениях слов в языке, сохранённом нам письменными памятниками. Но если слово встречается только в таких памятниках, которые позднее в течение значительного промежутка времени не переписывались или не изучались, то значение такого слова может забыться, и традиция не помогает восстановить значение слова: в памятниках греческих, латинских, старославянских и других можно найти ряд слов, значение которых остаётся вовсе неизвестным или выясняется более или менее лишь благодаря привлечению говоров живых языков.

§ 24. Во всяком письме, существующем более или менее продолжительное время, устанавливается нормированное правописание, закрепляющее принятые почему-нибудь написания слов в одном неизменном виде. При наличности установившегося правописания те или другие принятые

написания уже перестают передавать произношение: в русском „вода“ буквою „о“ передаётся не тот звук, который передаётся этой буквой в слове „воду“, и тот же звук, какой передаётся буквою „о“ в слове „вода“, передаётся буквою „а“ в слове „давай“; написание „г“ в родительном падеже ед. ч. прилагательных совершенно не соответствует произношению этой формы; в слове „сжалиться“ одинаково напишет букву „с“ и тот, кто произнесёт это слово с долгим **ж** в начале слова: „жжалиться“ и тот, кто говорит: „зжалиться“.

Если в каком-нибудь письменном памятнике мы находим строго выдержанное правописание, то мы можем судить только о тех особенностях языка писца, проявлению которых правописание не мешает. Так, встречая, положим, в нынешних русских книгах имен. ед. муж. р. прилагательных на **-кий**, мы не можем решить, произносит ли автор в этом окончании **к** твёрдо или мягко, хотя правописание само по себе как будто передает произношение с **к** мягким; встречая написание „платит“, мы не знаем, произносит ли автор в этом слове **а**, как написано, или **о**, но встречая в род. ед. формы „сахара“ и „сахару“, „кипятка“ и „кипятку“, мы знаем, что орфография не узаконивает непременно одну из этих форм, а потому можем думать, что написавший „сахару“ или „кипятку“ произносит эти формы с конечным **у**, а написавший „сахара“ или „кипятка“ — с конечным **а** или с неясным звуком. Но ничто не мешает орфографии узаконить одну из таких форм, и тогда написание „-у“ или „-а“ в род. ед. уже не будет указывать на то, как говорит автор.

§ 25. Таким образом, чтобы судить о языке писца или автора написанного текста, необходимо иметь представление о той системе правописания, какой он пользовался. Тогда указания на язык будут давать: 1) те случаи, которые не регулированы правописанием; 2) случаи отступления от принятого правописания. Правописание на одном и том же языке может сильно разниться в разные периоды и в разных местах, иногда вне зависимости от изменений, происшедших в языке, и от диалектических различий. Поэтому при изучении письменных памятников необходимо изучить их орфографию. Отдельные слова, взятые в виде примеров из какого-нибудь письменного памятника, часто совершенно

не могут свидетельствовать о языке писца, раз мы не знаем его правописания; даже цельные памятники должны изучаться в связи с другими памятниками той же эпохи.

§ **26**. Случаи отступления от нормированного правописания являются главным материалом при изучении фонетики и морфологии языка по письменным памятникам. Вообще, вполне грамотно написанные памятники в любую эпоху и на любом языке, где существует этимологическое правописание, встречаются реже, чем памятники с уклонениями от принятой орфографии. Только в печатных книгах стремление следовать установленной орфографии проводится настойчивее; поэтому печатные памятники зачастую являются менее ценными источниками для истории языка, чем рукописные.

§ **27**. Отступления от грамотного письма бывают двух видов: описки и ошибки. Описки—чисто графическое явление, которое ничего не даёт для суждения об языке, но знакомство с наиболее обычными видами описок важно для того, чтобы не принимать описки за отражение фактов языка. Бо́льшая часть описок сводится к следующим категориям: 1) сходные по начертанию буквы могут смешиваться лицами, не вполне твёрдыми в письме. Так, у малограмотных русских мы встречаем смешение „б“ и „д“, „т“ и „ш“, „ѣ“ и „ы“ и т. п.; 2) в буквах или буквенных сочетаниях, состоящих из ряда одинаковых элементов, может быть пропущена часть буквы, или, наоборот, добавлен однородный элемент буквы; может быть, напр., написано „пт“ вместо „пп“ и наоборот, „шш“ вместо „ши“ и наоборот и т. п.; при повторении в слове нескольких букв повторяемые буквы могут опускаться, и, наоборот, может повторяться целый слог, особенно, если такое повторение находит себе опору в данном уже повторении одной буквы; таковы написания типа „гололодный“, „попопрыгунья“ и т. п.; 3) вместо одной буквы пишется другая, именно та, которая должна стоять в следующем слоге: „жужа“ вместо „мужа“, „быба“ вместо „рыба“, „гуру“ вместо „гору“ и т. п.; при этом буква заменяется буквой, занимающей в следующем слоге то же положение: гласная заменяется гласной, согласная согласной и т. д.; 4) реже — обратная графическая

ассимиляция: вместо нужной буквы пишется буква предыдущего слога: „вова“ вместо „вода“ и т. п. Так как в языке тоже известны случаи пропуска одного из двух одинаковых слогов (ср. „схимонах“ вместо „схимомонах“ и др.) и ассимиляции звуков звукам следующего слога (ср. украинское „багатий“ из „богатый“ и т. п.), то часто трудно бывает решить, имеем ли мы дело с опиской или с отражением звукового явления.

§ **28**. При анализе собственно ошибок надо исходить из того положения, что каждый пишущий стремится писать грамотно, а не выдавать своего произношения, и, следовательно, надо стараться определить, какие звуковые и грамматические или орфографические представления связываются у пишущего с известным написанием. Так, пишущий на нынешнем русском литературном языке привык соединять с буквой „о“ представление о звуке **о** под ударением, о звуке **а** непосредственно перед ударением и об особом не вполне отчетливом гласном звуке (в научной транскрипции принято его обозначать буквою „ъ“) в остальных случаях; поэтому, встречая эти звуки в названных положениях, он одинаково, если не знает точно правописания слова, может обозначить их буквою „о“ (напр., не только „воду“, „вода“, „дорогой“, но и „подорит“, „довай“, „зогубить“); но для звуков **а** и **ъ** в тех же положениях ему известно и употребление буквы „а“; поэтому во всяком слове, правописания которого писец точно не знает, мы одинаково можем ждать и „о“ и „а“, причём вероятность употребления той или другой буквы будет зависеть в известной степени от того, как часто в словах, написание которых приходилось видеть, встречалась та или другая буква. Таким образом, написание „довай“ вместо „давай“ и т. п. так же может свидетельствовать об аканье, т.-е. о переходе старого предударного **о** в **а**, как и написания „тапор“, „вада“.

Подобно тому, как писец с акающим произношением (т.-е. таким, в котором безударные **о** и **а** совпали) может выдавать свое произношение смешением „о“ и „а“ в безударных слогах, так и всякое совпадение двух звуков, различаемых правописанием, вызывает смешение соответствующих им букв на письме. Совпадение различавшихся не-

когда звуков ѣ и е, правда, не во всех случаях, в одном звуке е приводит к смешению букв „ѣ“ и „е“ даже там, где „е“ обозначает звук о, не передаваемый обычно в грамотном письме буквою „ѣ“. Совпадение ц и ч в одном звуке в севернорусском наречии вызвало смешение букв „ц“ и „ч“ в севернорусских памятниках (уже в XI веке). Наблюдая это смешение, мы можем сделать только вывод, что буквами „ц“ и „ч“ писцы обозначали один и тот же звук или одинаковые звуки, т.-е., по крайней мере, понятие о разных звуках не связывалось с различием в обозначавших их буквах. Если буквы „ц“ и „ч“ обозначали один звук, то памятники не позволяют решить, был ли этот звук звуком ц или звуком ч, или ни тем ни другим (напр., средним между ними). Не всегда, однако, употребление одной буквы вместо другой говорит только о совпадении звуков, обозначаемых этими буквами: иногда можно сказать, какой именно из обозначаемых этими буквами звуков являлся в данном случае. Это бывает тогда, когда мы имеем в памятнике не простое смешение, а употребление одной буквы вместо другой в строго определённых случаях. Так, некоторые южнорусские памятники, начиная со 2-й половины XII в., не смешивая букв „ѣ“ и „е“, однако, в новых закрытых слогах[1]) (т.-е. таких, которые раньше не были закрытыми) перед мягкой согласной употребляют „ѣ“ вместо „е“, не наоборот: камѣнь, шѣсть, учитѣль и пр. Это позволяет говорить, что в этом положении писцы произносили именно тот звук, который и в других случаях они обозначали буквой „ѣ“, а не тот, который обозначали буквою „е“.

§ 29. Отступления от установленной орфографии могут с течением времени становиться правилом, узакониваться как новая орфография. Так было, напр., с русскими отступлениями от старославянской орфографии, положившими начало русской орфографии церковнославянских текстов, без ѫ, без ѭ, с ꙗ в начале слова и ѧ после согласных, но с сохранением старославянского „щ“, старославянских неполногласных сочетаний и т. д. Эта русская орфография

[1]) Закрытый слог — слог, оканчивающийся на согласный звук или й.

получила свои видоизменения в разных областях; так, северно-русское совпадение **ц** и **ч** вызвало в новгородских памятниках смешение букв „ц“ и „ч“, а это смешение затем было узаконено, как орфографический приём, как показывают между прочим псковские памятники, в которых смешение букв „ж“ и „ш“ с „з“ и „с“ гораздо реже, чем смешение „ц“ и „ч“, хотя в языке одинаково совпали как **ц** с **ч**, так **з** и **с** мягкие с **ж** и **ш**. Но раз отражение известной языковой черты становится орфографическим правилом, показательная сила этого отражения теряется. Предположим, что новгородская орфография со смешением „ц“ и „ч“ была усвоена где-нибудь, где в говоре сохранилось правильное старое различение **ц** и **ч**, причём грамотность туда проникла при посредстве новгородской письменности. Различая в своём произношении звуки **ц** и **ч**, писцы в этой местности всё-таки смотрели бы на эти буквы, как на два равнозначащие варианта букв для обозначения обоих звуков, и продолжали бы их смешивать. Нечто подобное представляет узаконение правописаний „расту“, „работа“, „разговор“, „баран“, „стакан“ в местностях, где эти слова произносятся с неударяемым **о**.

§ **30**. Отступления от точной передачи звуков в звуковом в широком смысле письме носят обыкновенно исторический или этимологический характер. Поэтому для понимания правописания следует обратиться к его истории и изучить этимологические законы, действующие или действовавшие в языке. Раз письмо имеет исторический и этимологический характер, то понятно, что пишущий в тех случаях, когда встречается сомнение относительно правильного написания слова, прибегает к историческим и этимологическим домыслам. Так, анекдотические написания „присудствие“ (особенно судебное) и „филосовский“ могут быть вызваны не только тем, что для писца безразлично „д“ и „т“, „в“ и „ф“ в данных положениях обозначают звуки **т** и **ф**, но и сознательной этимологией, связывающей первое слово со словом „суд“, а второе — с многочисленными прилагательными на-овский. Поэтому при анализе письменного памятника следует считаться не только с заменой одной буквы другой вследствие совпадения звуков, обозначаемых этими буквами, но

и с возможными этимологическими и историческими домыслами писцов.

§ 31. Ошибки, т.-е. отступления от установленного правописания, носят различный характер: против тех правил правописания, которые менее соответствуют произношению пишущего, ошибок бывает более, чем против правил, не стоящих в противоречии с его произношением. Если язык, на котором написан известный памятник, не является родным языком пишущего, но всё же близок к его языку, то ошибок против грамотного письма мы можем ждать во всех случаях расхождения между языком пишущего и языком, на котором он пишет. Однако здесь возможно различное отношение к особенностям правописания, не соответствующим языку писца. Об этом отношении мы можем между прочим судить, изучая правописание древнейших памятников русского письма, представляющих списки с оригиналов, писанных на старославянском языке. Прежде всего мы видим, что писцы этих памятников не стремились к точной передаче старославянского произношения и заменяли звуки старославянского языка родными звуками, когда правописание не давало точных указаний на произношение или когда оно указывало на такие звуки или сочетания звуков, которые не встречались вовсе в русском языке. Старославянская буква „юс большой“ обозначала в старославянском письме звук **о** носовое, которому в русском языке во всех случаях соответствовали те звуки, которые обозначались в других словах буквами „оу“ и „ю“; поэтому русский писец, не зная другого значения этой буквы, кроме обозначения звука **у**, должен был смотреть на юс большой, как графический вариант букв „оу“ и „ю“, а потому правильное различение букв „юс большой“ с одной стороны и „оу“ „ю“ с другой, как чисто графическое, не связанное с различным звуковым значением букв, представляло для русского писца большие затруднения; вследствие этого уже в древнейшем памятнике русского письма, „Остромировом Евангелии“, написанном в 1056 г. и отличающемся в общем большой выдержанностью старославянского правописания, буква „юс большой“ часто смешивается с буквами „оу“, „ю“, в других памятниках XI в. встречается очень редко,

заменяясь по большей части буквами „оу", „ю", а позднее и вовсе выходит из употребления. В таком же положении русский писец находился и по отношению к буквам „ѩ", обозначавшей в старославянском письме сочетание j с **е** носовым, и „ꙗ", обозначавшей там сочетание ja, а для русского писца служившим знаками одного сочетания ja. Совпадение в значении этих букв вызвало устранение буквы „ѩ" из памятников русского письма. Легче было писцу не смешивать букв „юс малый", ѧ, обозначавшей в старославянском письме **е** носовое, и „а йотированное", ꙗ, так как „юс малый", ѧ, в старославянских оригиналах писался только после согласных и воспринимался русским писцом, как знак для **а** после мягких, а „ꙗ" писалось в старославянских оригиналах преимущественно в начале слова и после гласных и читалось русским писцом, как **ja**. В старославянском языке было между прочим сочетание **жд**: дъждь, пригваждати, раждати, рожденъ, межда и пр.: в русском языке того времени, когда на Руси появилась письменность, этому сочетанию соответствовало или одно **ж**: ражати, роженъ, межа, или сочетание **ждж**: дъжджь, пригвапджяти; сочетания же **жд** в русском языке тогда вовсе не было (позднее оно явилось, например, в слове „ждать", которое в X в. произносилось, как „жьдати", с гласным звуком **ь** между **ж** и **д**). Так как случаев, где старославянскому **жд** в русском языке соответствовало **ждж**, было очень немного, обыкновенно же в соответствии со старославянским „жд" являлось **ж**, то русские писцы могли смотреть на старославянское „жд", как на графический приём, читая его по-своему, как **ж**; но в соответствии с русским **ж** в старославянском было не только „жд", но и „ж": можеши, живъ, жена и пр.; правильное различение „ж" и „жд", читавшихся одинаково, как **ж**, для русских писцов было поэтому затруднительно, и они часто писали вместо „жд" одно „ж", а в XII в. перестали употреблять „жд" там, где в русском языке произносилось одно **ж**. В другом положении находились русские писцы, когда они встречали старославянские слова, заключавшие те звуки и сочетания звуков, какие были известны и русскому языку. В этих случаях точная передача старославянского правописания

не представляла большой трудности. Русский писец правильно писал по-старославянски: брати сѧ, гласъ, дрѣво, плѣнъ, хотя по русски соответствующие слова звучали не так (а именно: бороти ся, голосъ, дерево, полонъ), потому что в его языке были такие слова, как братъ, глазъ, древьний, плѣсьнь); точно так же он писал—рабъ, растоу, ладиıѧ (по-русски эти слова тогда звучали: робъ, росту, лодия), потому что и в его языке были слова с начальными ра, ла: ратай, разъ, ласкавъ и пр. Старославянскую букву „щ", которая в старославянском письме обозначала звуковое сочетание **шт**, русские писцы поняли как обозначение того звукового сочетания **шч**, которое они произносили в таких словах, как „пущу", „пуще", „ищу" и т. п., потому что в старославянском письме в соответствующих словах писалась эта буква. Вследствие такого понимания значения буквы „щ" русские писцы, читая по-старославянски, стали произносить тот же звук, что и в слове „пущу", в тех словах, где в своём родном языке произносили **ч**, но где по-старославянски писалось „щ": свѣща, хощу (по-русски соответствующие слова звучали: свѣча, хочу), хотя по-старославянски они звучали иначе, с звуковым сочетанием **шт**. Так как произношение этих слов с **шч** затруднений не представляло, то ошибки в написании „щ" там, где в русском языке слышалось **ч**, встречались сравнительно редко.

§ **32**. Памятники со строго выдержанной орфографией не позволяют судить об очень многих особенностях речи писца, в особенности о его произношении. Но по правописанию можно судить о тех особенностях языка, которые принадлежали тому говору, где правописание возникло, и о тех, которые потом наслаивались на правописании. Так, русское правописание до последней реформы сохраняло яркие следы своего старославянского происхождения, и в реформированном правописании эти следы не совсем стёрлись. Ср. написание через „а" приставки раз- и слов работа, расту, „жд" в слове „дождь", в дореформенном правописании „ея", род. ед. м. р. прилагательных на „-аго", им. мн. прилагательных ж. и ср. р. на „-ыя", „-iя": всё это—черты церковнославянского правописания. Кроме следов старославянского или церковнославянского языка, в совре-

менном русском правописании находим и следы акающего произношения: приставка „раз-“ пишется через „о“ под ударением, через „а“ без ударения, в глаголе „расту“ осталось „а“ в настоящем времени, где ударение во всех формах на окончании, и заменено буквой „о“ в прошедшем времени, так как в муж. р. **о** является под ударением; кроме того, пишется „а“ в безударных слогах там, где раньше было **о**, и где **о** до сих пор в окающих говорах русского языка, в словах: баран, стакан, паром, бразды и др.

§ **33**. Из всего сказанного видно, что для того, чтобы судить о языке писца по письменным памятникам, надо предварительно изучить орфографию, которой пользовался писец, установить отношение графической и орфографической системы памятника к системам современным и предшествовавшим, выяснить степень грамотности и орфографические привычки писца и т. д. Без подробного изучения правописания памятника самого по себе и на фоне других памятников, те или другие примеры, извлекаемые из памятника, как свидетели о языке писца, не имеют цены.

§ **34**. Таким образом показания письменных памятников получают известную достоверность: 1) при тщательной проверке этих показаний теми выводами, какие даёт сравнительное изучение живых языков; 2) при анализе правописания памятника в целом: отдельные вырванные из памятника написания не могут быть объяснены при отсутствии ясного представления об индивидуальных особенностях памятника; 3) при сравнительном изучении правописания данного памятника совместно с правописанием родственных памятников, т.-е. принадлежащих той же или близкой школе письма; 4) при историческом изучении правописания памятника, т.-е. выяснении последовательных этапов в правописании; история правописания—вспомогательная дисциплина, без которой нельзя изучать историю языка по письменным памятникам; 5) при сравнительном изучении правописания, существующего на данном языке, с правописанием на других языках, если между ними есть какое-нибудь соприкосновение: чтение на одном языке проверяется транскрипцией на другом языке (латинское произношение проверяется транскрипцией его в греческом письме, греческое произно-

шение—латинской транскрипцией и т. д.), значение букв азбуки одного языка — значением букв азбуки других языков, если установлена зависимость этих азбук одной от другой (греческое произношение Средних Веков проверяется показаниями готской и славянской азбук; с своей стороны, значение букв готской и славянской азбук отчасти выясняется из сравнения с греческой азбукой).

§ 35. Кроме письменных памятников, отражающих так или иначе особенности языка писцов, говоривших на изучаемом языке, документальные сведения о языке можно извлекать также из упоминаний о нём в письменных памятниках других языков. Для русского языка такие сведения содержатся в свидетельствах иностранных писателей о России, в которых находится и материал для суждения о русском языке, современном этим свидетельствам, напр., отдельные русские слова, термины, собственные имена и пр. Древнейшие данные мы находим у арабских писателей IX в., сообщающих между прочим названия некоторых русских рек, городов и т. п., затем у византийского императора Константина Багрянородного, жившего в конце X в., который говорит о поездках русских князей „на полюдье“, передаёт имена русских племён, названия городов, днепровских порогов и т. д. Позднее имеются свидетельства западных писателей; значительное количество последних появляется с XV в. Материал, заключающийся в свидетельствах иностранных писателей, очень скуден и по ценности во много раз уступает материалу, извлекаемому из собственно русских письменных памятников. Кроме того, этот материал очень неточен, потому что русские слова иностранными писателями в их передаче сильно искажаются, частью применительно к своему произношению и правописанию, а иногда и своей этимологии, частью потому, что могли дойти из вторых рук. Обращу внимание на сообщаемые Константином Багрянородным названия днепровских порогов, потому что они дают некоторые сведения о русском произношении X в., почти за сто лет до появления древнейшего дошедшего до нас памятника русского письма— „Остромирова Евангелия“. Повидимому, то лицо, которое сообщало Константину названия порогов, знало несколько

болгарский язык: названия двух порогов передаются у Константина в виде Ὀστροβουνιπραχ и Βουλνιπραχ, где πραχ очевидно, — „порог“, но в болгарской огласовке. Остальные частности названий порогов выдают русское произношение того же лица. Названия порогов Νεασητ и Βερουτζη показывает, что русские в это время произносили **а** и **у** там, где в общеславянском и древнеболгарском языках произносились носовые гласные: по-старославянски эти имена должны были бы звучать, как Неѧсыть и Вьрѫштии. Из названия Βερουτζη видно, что русские в этом слове произносили не **шт**, как болгары, что Константин передал бы через „στ“, а, вероятно, **ч**, так как в греческом письме нет средств для более точной передачи шипящей **ч**. Написания Ὀστροβουνιπραχ и Βουλνιπραχ („Островьныи праг“ и „Вълньныи праг“), повидимому, указывают на длительное произношение **г**, какое существует сейчас в южновеликорусском, белорусском и украинском, и какое тогда, вероятно, было в южнорусском. Из названий Βερουτζη, Ὀστροβουνιπραχ, Νεσσουπη (=не съпи) видно, что в то время еще произносились гласные **ъ** и **ь** в середине слова, а из слов Νεασητ, Βουλνιπραχ и Ὀστροβουνιπραχ,—что в конце слов уже гласных **ъ** и **ь** не было.

§ **36**. Прежде, чем излагать историю русского языка, я дам характеристику главнейших источников истории русского языка: 1) современного живого русского языка, 2) письменных памятников русского языка. Первая часть будет заключать в себе: а) характеристику нынешнего русского (великорусского) литературного языка в московском произношении, б) краткий обзор наречий и говоров нынешних русских языков.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Гласные звуки московского произношения.

А. Гласные звуки неокруглённые.

§ **37**. Нижние или нижнего подъёма—различные виды звука **а**. Обычное наше ударяемое **а** в начале слова и после твёрдых согласных (т.-е. в том положении, где оно обозначается буквою „а“)—заднее не напряжённое: более пе-

редние оттенки **а** вызываются положением после мягких согласных[1]); особенно заметно это между мягкими согласными. Это изменение объясняется тем, что произношение мягких согласных требует подъёма передней части спинки языка, т.-е. артикуляции, близкой к той, при которой образуются гласные звуки переднего ряда. Например, в словах „зять", „дяденька" („зять"=**з** мягкое + **а** + **т** мягкое, „дяденька"=**д** мягкое+**а**+**д** мягкое и т. д.) звук **а** обыкновенно не тот, что̀ в словах „сад", „Дашенька" („сад"=**с** твёрдое+**а**+**т** твёрдое, „Дашенька"=**д** твёрдое+**а**+**ш** твёрдое и т. д.), а передний звук нижнего подъёма, обозначаемый в научной транскрипции буквою „ä"[2]). Без ударения в литературном произношении такое же **а** заднее является в слоге непосредственно перед ударяемым не после мягких согласных (т.-е. там, где пишется „а" или „о", но не там, где пишется „я"); кроме того, встречается также **а** среднего ряда, как звук неполного образования, именно, менее голосный, в начале слов, во втором до ударения слоге: **а**тк**р**ывать, **а**бру-бить и т. п., реже—в конце слов: роман Тургенев**а**, стихи Пушкин**а**, Вар**я**, с пол**я** и т. п. Все звуки **а**, начиная с самого заднего и кончая самым передним, на слух очень близки между собою; различение их в литературном произношении затрудняется кроме того тем, что разные оттенки встречаются в разных звуковых положениях и потому с трудом поддаются сравнению.

§ **38.** Гласные среднего подъёма. Задние гласные этого подъёма в русском языке не встречаются. Гласные среднего ряда слышатся только в неударяемых слогах, причём обыкновенно сопровождаются некоторым ослаблением голоса и отличаются особенной краткостью, так что с трудом поддаются определению на слух; наиболее ясно средние гласные среднего подъёма слышатся во 2-м

---

[1]) После мягких согласных звук **а** в русском письме обозначается буквою „я", причём это обозначение не указывает само по себе на какие-нибудь отличия звука **а** после мягких от звука **а** после твердых, а только на мягкость предшествующего согласного звука. В начале слова и после гласных буква „я" обозначает сочетание **ja** или **йа**.

[2]) В этом значении ä надо отличать от буквы ä в немецком письме, где она обозначает звук э.

до ударения слоге между звонкими согласными: дорогой, говорить, загубить. Непосредственно перед ударением эти гласные вообще не встречаются, кроме немногих энклитических слов, а именно союзов (не местоимённых слов) „да“, „что“, „так“, „как“, напр.: „лебедь, рак да щука“, „рассказать, что солнце встало“, „так что же?“, „как вдруг“ и т. п., куда такая гласная перенесена по аналогии с теми случаями, где эта частица находилась в положении за слог до ударения. В фонетической транскрипции мы будем передавать полузвонкие средние неокруглённые звуки среднего подъёма буквой „ъ“. Передние (палатальные) звуки того же подъёма, — различные виды е[1]); в литературном произношении е обыкновенно является только под ударением, причём нетрудно различить два оттенка, один, более открытый, ненапряжённый — перед твёрдыми согласными и в конце слова: белый, отец, небо, этот, на стене и т. п., другой — более закрытый, напряжённый — перед мягкими неслоговыми звуками: день, вечер, видение, моей, эти; напряжённое е, повидимому, является также в немногих случаях, когда е произносится без ударения: „всё это“. В отличие от многих других языков, в том числе и от украинского, все согласные кроме ж, ш, ц перед е в великорусском мягки; твёрдые согласные перед е произносятся только иногда в недавних заимствованиях из иностранных языков. Несколько более задние, чем в великорусском, именно переднесредние оттенки е представляет звук е в украинском: мене, вмерла, молоденький, т.-е. различие между великорусским и украинским произношениями сочетаний согласных с е не только в том, что согласные перед е в великорусском мягки, а в украинском твёрды, но и в характере самого гласного звука.

§ 39. **Верхние гласные или гласные верхнего подъёма.** Задний звук этого подъёма, особого

---

[1]) Вернее, при передаче буквами русской азбуки — „э“, потому что буква „е“ в русском письме в начале слов означает не один гласный звук, а звуковое сочетание jэ и даже jо, а после согласных не только самый звук е, но также и мягкость этих согласных; кроме того, е часто употребляется и для обозначения звука о после мягких согласных. Я пользуюсь буквой е, как более употребительной, но в том значении, какое она имеет в большей части славянских и латинских алфавитов.

рода ы, литературному произношению несвойствен. Довольно заднее **ы** получается, когда стараются произнести **ы** отдельно, не в сочетании с предшествующим согласным звуком. Впрочем, в индивидуальном произношении некоторых лиц, правда, очень немногих, встречается заднее **ы** после шипящих. — Средний звук того же подъёма — обычное великорусское **ы**: дым, стыдно, сырой, рыбак, слёзы; после губных и **л** звук **ы** более задний, чем после зубных; после шипящих он более задний перед твёрдыми и более передний перед мягкими. В великорусском письме **ы** обозначается не только буквою „ы", но и буквою „и", именно в тех случаях, когда он заменил собою старое **и** после отвердевших согласных **ж**, **ш**, **ц** (жить, шил, ножи, спеши, цифра, станция и т. п.), а также в начале слова после конечных твёрдых согласных предыдущего слова: из избы, волк и кот, брат Иван (читай: изызбы, волкыкот, братыван); в безударных слогах после „ц" звук **ы** может обозначаться также и буквою „е" (о торговце, цена, цедить), а после шипящих буквами „е" и „а" (жена, шестой, жених, жара, шалун, шатёр). — Передний гласный звук верхнего подъёма — **и**; в великорусском согласные перед **и** обязательно мягки, но в других языках перед **и** существуют согласные и не вполне смягчённые, ср. сербск. низак (низок), франц. partie и пр. Что касается украинского звука, обозначаемого в украинской азбуке буквою "и" (тихо, бити, нива и пр.), то он обыкновенно произносится, как звук средний между великорусскими **ы** и **и**, т.-е., как передне-средний звук верхнего подъёма. Все гласные верхнего подъёма в московском произношении могут быть напряжёнными и ненапряжёнными; обыкновенно они являются напряжёнными под ударением: быть, сыр, жил, под ивой, листья, вилы, тихо и т. п., и ненапряженными без ударения: бывать, сырой, жена, жених, листочек, пилить, гляди, веду (в последних двух слювах буквами „я", „е" передается звук **и**) и пр.

Б. *Гласные звуки округлённые.*

§ **40**. Обыкновенно округление губ при произношении округлённых гласных соответствует поднятию языка: ниж-

ние гласные редко бывают округлёнными; если бывают, то округление губ обычно слабое; при средних гласных оно уже вполне определённо, при верхних—сильное со значительным выпячиванием губ вперёд. Но может быть сильное округление губ при гласных среднего подъёма; тогда гласные звучат более закрыто, приближаясь по характеру звука к верхним: **о** с сильным округлением звучит, как звук средний между **о** с нормальным округлением и **у**, звук **ö** с сильным округлением, — как звук средний между **ö** с средним округлением и **ӥ**. Такое **о** и **ö** с сильным округлением есть между прочим во французском языке. Может быть также и среднее округление при гласных верхнего подъёма; гласные, получающиеся в этом случае, на слух представляют середину между гласными верхнего подъёма с сильным округлением и гласными того же подъёма неокруглёнными; так, **у** с средним округлением на слух похоже на звук средний между **у** и **ы**; звук **ӥ** с средним округлением на слух представляет как бы середину между **ӥ** с сильным округлением и **и**. Изменения в характере звука, вызываемые губным округлением (лабиализацией) объясняются тем, что при округлении удлиняется резонатор, представляемый полостью рта, и суживается отверстие резонатора, через которое выходит голос наружу; вследствие этого получаются более низкие обертоны, чем при неокруглённых гласных.

§ **41.** Округлённые гласные нижнего подъёма — различные виды **а**, склонного к **о**, — в литературном произношении вообще не встречаются, но могут являться в известных положениях, как особенность индивидуального произношения, вместо **а**.

§ **42.** Гласные среднего подъёма. Задняя гласная — звук **о** под ударением в начале слога и после твёрдых согласных: **о**н, **о**зеро, к**о**т, д**о**мь и пр.; после мягких неслоговых звуков перед твёрдыми и в конце слова (пишется „е“) — та же гласная, но иногда и более передние оттенки, которые можно определять как заднесредние гласные звуки среднего подъёма: тётка, ёлка, возьмёшь; между мягкими артикуляция **о** продвигается еще больше вперёд; здесь обычно — средний, а иногда даже и передний звук

среднего подъёма, в последнем случае более или менее однородный с французским eu (deux, pleurer) и немецким ö (Töchter, böse): тётенька. Напряжённые и ненапряжённые оттенки округлённых гласных среднего подъёма различаются на слух довольно легко. В литературном русском произношении эти гласные обыкновенно ненапряжённые. Без ударения **о** является лишь в немногих энклитических словах, наприм., в сочетании „он был“, и при этом звучит напряжённо. Степень округления у всех округлённых гласных среднего подъёма в русском языке средняя. Кроме перечисленных гласных звук **о** неполного образования по голосу и притом очень краткое встречается за слог до ударения под влиянием соседних округлённых (лабиализованных) согласных вместо **ъ**: в по**л**утьме.

§ **43**. Гласные верхнего подъёма. Задний звук этого подъёма — **у** — является как под ударением, так и без ударения не между мягкими неслоговыми звуками: **у**мный, глупый, буря, лютый, **у**меть, туда, судить, любовь, пою (обозначается звук **у** в начале слова и после твёрдых через „у“, а после мягких и в сочетании с j или й — через „ю“); между мягкими, а после ударения вообще после мягких обыкновенно произносится гласный звук более переднего образования, именно, средний гласный округлённый звук того же подъёма (пишется „ю“, а после „ч“ — „у“): тюря, нюня, любит, возят (читай: возют), чуни, чудить; наконец, передний гласный звук того же подъёма, более или менее однородный с французским и немецким ü, в литературном произношении является только без ударения после гласных, как замена сочетания **йу** или после ударения между мягкими неслоговыми звуками (пишется „ю“): бывают, делают (читай: бывайут, делайут с **у** среднего ряда или бывайт, делайт с ü без **й**), то же ü в диалектич. южновеликорусском возют (3 мн.; читай: возüть с **з** мягким). Округлённые гласные верхнего подъёма обыкновенно в русском языке являются напряжёнными под ударением: умный, глупый, буря, лютый, любит, и ненапряжёнными без ударения: уметь, туда, судить, любовь, любить, бывают

Количество гласных.

§ **44**. В русском литературном произношении различие между гласными по количеству связано с ударением: ударяемые гласные произносятся заметно дольше неударяемых. Неударяемые гласные, будучи короче ударяемых, различаются по количеству между собою: наименее краткая из них — в слоге непосредственно перед ударением. Если перед ударением больше двух слогов, то самой краткой является обыкновенно гласная 2-го предударного слога (за слог до ударения), которая склонна к выпадению; гласные 3-го и 4-го предударных слогов менее коротки, хотя и короче гласной слога, непосредственно предшествующего ударению, ср. слова пост^{а}новить, ост$_{а}$новить, благ^{о}дарить, отблаг$_{о}$дарить, где маленькой буквой обозначен звук, который может выпадать. Гласные слогов после ударения вообще короче, чем гласные слога, непосредственно предшествующего ударению, причём наименее короткий из послеударных слогов, кажется, последний. Те краткие звуки, которые в данном языке короче других кратких звуков нормальной краткости, называются „иррациональными“ (термин, употреблявшийся академиком Ф. Ф. Фортунатовым) или „редуцированными по количеству“ или „очень краткими“.

Хотя вообще безударные гласные звуки в русском литературном произношении короче ударяемых, но встречаются случаи, когда в 1-м предударном слоге (непосредственно перед ударением) произносятся долгие гласные. Это 1) те случаи, когда в этом слоге произошло стяжение гласных; такие слова, как „п**оо**бедать“, „круг**оо**бразный“, стар**оо**брядец“, „**вообще**“ могут произноситься с долгим **а** в первом предударном слоге, получившемся из стяжения двух гласных, обозначаемых на письме буквами „оо“; но такое произношение этих случаев является не единственным: возможно произношение с краткими гласными или с сочетанием гласных **ъа**[1]); 2) случаи реторического удлинения предударной гласной для обозначения усиления качества: ха̂роший, гра̂мадный, ба̂льшущий, зда̂ровый и пр.

---

[1]) О звуке ъ см. § 38.

§ 45. Голосность или сонорность гласных в русском языке не одинакова. Как и количество, она убывает от ударения к неударяемым слогам. Самым звонким (голосовым) в московском произношении является гласный звук ударяемого слога, затем — слога, непосредственно предшествующего ударению; сонорность остальных неударяемых гласных стоит, между прочим, в зависимости от характера соседних согласных; именно между звонкими согласными сонорность их больше, чем между глухими, ср. позволять и состоять, поставлять, или годом и глупость и т. п.; в положении между глухими сонорность гласного звука может даже сойти на-нет, т.-е. гласный звук может заменяться одним выдыханием, которое заполняет паузу между согласными, но не даёт впечатления определённого звука (такое произношение, наприм., возможно в слове „подтолкнуть" и т. п.); если один из этих согласных звуков длительный, то он в таком случае может становиться слоговым[1]), ср. такие слова, как кошечка, кончивши, на рельсах и т. п. (произносится: кошчка, кончфшы, на рельсх)[2]). Гласные неполного образования по голосу, т.-е. с ослабленной сонорностью, часто называются „глухими" В этом значении термин „глухой" однороден, но не тожествен с тем же термином в применении к согласным, так как обозначает не полное отсутствие голоса, как у глухих согласных, а лишь его ослабление, так как звук, произносимый при полном отсутствии голоса, как состоящий из одного шума, воспринимается нами уже как согласный звук[3]).

Согласные звуки современного русского языка.

§ 46. Гортанные согласные. Сюда в великорусском литературном произношении относится только гортанный взрыв, которым начинаются слова с начальными гласными в начале речи и после гласных; в середине речи после

---

[1]) См. ниже § 58.

[2]) Жирным шрифтом обозначаю слоговые согласные.

[3]) Таково, наприм., немецкое h (Hund, haben), образуемое той же артикуляцией органов произношения, как и а.

согласных предыдущего слова этот взрыв в русском языке отсутствует, да и в других положениях он очень слаб. В украинском и белорусском языках существует также гортанное придыхание, получившееся в этих языках из общерусского **г**; этот звук не следует смешивать с той фрикативной задненёбной звонкой согласной, какая является в южновеликорусском наречии в соответствии с северновеликорусским и московским **г** и украинским придыханием, и какая встречается и в московском произношении в немногих словах: коготь, ноготь, когда и др.

§ **47** Задненёбные, или велярные. Сюда принадлежат наши твёрдые согласные: взрывные глухая **к** и звонкая **г** и фрикативные глухая **х** и звонкая, обозначаемая в фонетической транскрипции греческой буквой „γ“: кот, город, пахать, когда в последнем слове буквою „**г**“ передается фрикативный звонкий звук. Звонкая фрикативная согласная в литературном произношении встречается лишь в некоторых словах церковного языка и в словах лёгок, мягок, коготь, ноготь (в последних четырёх под влиянием **х** в формах лёгкий, мягкий, когти, ногти), реже в словах „богатырь“ и „богатый“, в которых произносится также и „**г**“ взрывное, затем перед **д** в словах когда, тогда, где и, наконец, перед звонкими согласными, как замена звука **х**: дух земли, серых гусей и т. п. В южновеликорусском наречии звонкая фрикативная задненёбная согласная является вместо всякого **г** литературного произношения. Согласные задненёбные могут быть более задними или менее задними; обыкновенно, наши **х** и γ более задние звуки, чем **к** и **г**. Из сонорных звуков к задненёбным относится так назыв. **р** „картавое“, встречающееся в русском языке лишь как особенность индивидуального произношения, но обычное во многих других языках (наприм., во французском, немецком и пр.) и то **н**, какое является наприм. в немецком jung, danke, т.-е. перед **к** или вместо бывшего некогда сочетания ng. Отчасти к велярным согласным принадлежит и великорусское **л** твёрдое при произнесении которого к нёбу поднимается и часть задней части спинки языка; такое **л** называется поэтому велярнозубным.

§ 48. Средненёбные, или палатальные согласные. В современном великорусском языке сюда относятся мягкие г, к, х, и γ или j: кислый, на руке, на ноге, погибнуть, хитрый, в ухе, боги, (в этом слове γ мягкое или j), яма (=jама), юноша (=jуноша), ёлка (=jолка), ельник (=jельник) и пр. Положение языка при произношении средненёбных может быть различным: чем более впереди лежат места касания языка к нёбу, тем согласные мягче. Русские г, к, х, γ (j) мягкие принадлежат к числу очень передних и, следовательно, очень мягких средненёбных звуков, наприм., по сравнению с немецкими средненёбными в таких словах, как mich, ruhid, liegen. Относительно звуков γ мягкого и j надо заметить, что обыкновенно буквой „j“ обозначаются только наиболее передние оттенки звонких фрикативных средненёбных согласных; что касается j в русском языке, то оно, в тех случаях, когда является не вследствие смягчения г фрикативного, образуется с довольно широкой щелью между языком и нёбом, вследствие чего шум от трения выдыхаемого воздуха при проходе через эту щель является сравнительно слабым; при дальнейшем расширении щели, шум, характерный для j, становится ещё слабее, и j переходит в и неслоговое (й). В русском литературном произношении собственно j известно лишь в положении до ударения перед гласной (ударяемой и неударяемой); к приведённым выше примерам прибавлю: моя, боюсь, питьё, свинья, еловый (читай: маjа, баjус, питьjо, свиньjа, jиловый), а после ударения и перед согласной обыкновенно уже не j, а и неслоговое: сарай, пойду, вымою (=вымойу), платье (=платйе).

§ 49. Нёбнозубные согласные в нынешнем великорусском языке могут быть твёрдыми и мягкими. Твёрдые нёбнозубные произносятся с помощью корональной артикуляции языка; при произношении мягких нёбнозубных к этой артикуляции присоединяется ещё сближение и передней части спинки языка с твёрдым нёбом. К нёбнозубным в русском языке принадлежат шумные взрывные д и т твёрдые и мягкие и фрикативные: а) так наз. свистящие з и с твёрдые и мягкие, б) шипящие ж и ш краткие только твёрдые: жена, шум, шесть, и долгие, как твёрдые, так и

мягкие; шипящие долгие твёрдые являются в таких словах, как безжизненный, бесшумный, восшествие, разжиревший, без шубы, с женой и т. п.; долгие мягкие шипящие: возжи, дрожжи, позже, уезжать, дождя, щука, ищу, счастье, извозчик, из чашки и т. п. В обычном правописании долгое **ш** мягкое по большей части передаётся буквою „щ" или „сч", а долгое ж мягкое—„жж", „зж", „жд". Диалектически в великорусском очень распространено вместо **ж**, **ш** долгих мягких произношение **ж**, **ш** долгих твёрдых; реже, но притом иногда даже в московском литературном произношении, вместо долгих **ш**, **ж** мягких являются сочетания **ждж**, **шч** мягкие; в украинском и белорусском этим долгим согласным соответствуют **ждж**, **шч** твёрдые. Из названных согласных в русском произношении **д** и **т** твёрдые принадлежат к собственно зубным (точнее—зазубным), а остальные к переднепёбным. Из сонорных согласных к нёбнозубным в русском литературном произношении относятся плавные **л** и **р** и носовая **н** твёрдые и мягкие. Звук **н** произносится почти с той же артикуляцией передней части языка, как и **д**, но с открытым проходом воздуха через нос. При произношении русского **р** приподнятый кверху кончик языка, дрожа под напором выдыхаемого воздуха, ритмически ударяется о верхние дёсны (альвеоли) над передними зубами; разница между артикуляцией **р** твёрдого и мягкого состоит в том, что при **р** мягком передняя часть языка поднята выше, проход для выдыхаемого воздуха уже, и дрожащий кончик языка меньше, чем при **р** твёрдом. При **л** язык так соприкасается с нёбом, что получается один или два боковых прохода для выдыхаемого воздуха. При бо́льшей величине боковых проходов получается **л** открытое, при меньшей—**л** закрытое, дающее впечатление бо́льшей мягкости; чем закрытее **л**, тем оно мягче; великорусское **л** мягкое, наприм., в словах лето, слёзы, лист, люди, земля, пыль является очень закрытым. Что касается великорусского **л** твёрдого, то кроме того, что оно очень открыто, оно представляет ещё ту особенность, что при произношении его, в то время, как кончик языка соприкасается с пространством над передними верхними зубами, задняя часть спинки языка приближается к мягкому нёбу, вследствие чего такое **л** называется велярно-зубным.

§ 50. Губные согласные делятся на собственно губные или билабиальные, для произношения которых сближаются или сжимаются обе губы, и губнозубные, когда нижняя губа приближается к передним верхним зубам. К чисто губным в русском языке принадлежат взрывные звонкая **б** и глухая **п**, а также сонорная носовая **м**, произносимая почти с теми же движениями губ, как и **б**. Согласные губные фрикативные — звонкая **в** и глухая **ф** в литературном произношении вообще принадлежат к губнозубным, хотя в неударяемых слогах перед округлёнными гласными возможно произношение **в** чисто губного (билабиального): голо**в**ушка, кор**ову** и т. п. В фонетической транскрипции билабиальное **в** принято обозначать буквою **w**. Этот звук по своей артикуляции и на слух очень близок к **у**, отличаясь от него лишь бо́льшим сближением губ и вследствие этого более заметным шумом. В зависимости от положения языка губные согласные в русском языке бывают а) твёрдыми, или веляризованными, если при произношении их задняя часть спинки языка приподнимается к мягкому нёбу, принимая приблизительно те же положения, как для гласных **о**, **у**, и б) мягкими, или палатализованными, если поднимается передняя часть спинки языка к твёрдому нёбу, как для произнесения звука **и**. В то время, как палатализация повышает собственный тон (т.-е. те обертоны, которые образуются в полости рта) согласных звуков, веляризация, наоборот, способствует понижению этого тона, вследствие чего различие между твёрдыми и мягкими согласными в русском языке особенно значительно. Кроме названных губных согласных существует также губное **р**, получающееся от ритмического дрожания сближенных губ под напором выдыхаемого воздуха; такое губное **р** может быть звонким и глухим; звонкое губное **р** произносится, наприм., в том междометии, которое передаётся на письме, как „брр...", а глухое — в междометиях, которыми останавливают лошадей („тпру") или призывают телят („тпрусень").

§ 51. Из аффрикат, т.-е. слитных сочетаний согласной взрывной неполного образования с согласной фрикативной того же места образования, в русском литературном произ-

ношении существуют лишь нёбнозубные, а именно: 1) шипящие: глухая **ч** мягкое (чаша, червь, чистый, хочу и пр.) и соответствующая звонкая аффриката, являющаяся лишь как замена **ч** перед звонкими шумными согласными, наприм., в слове, неупотребительном впрочем в литературном языке, „учба“ (учение), или в конце слова перед словом, начинающимся со звонкой шумной: ночь бледнеет, печь блины и пр.; в белорусском, украинском и некоторых северновеликорусских говорах шипящие аффрикаты твёрды. Твердые шипящие аффрикаты, но с некраткой фрикативной частью получаются и в литературном московском произношении из сочетаний **д** и **т** со следующими шипящими: поджаривать, отжил, под шубой, ошутиться и пр. — 2) свистящие — глухая **ц** твёрдое (церковь, царь, отец и пр.) и соответствующая звонкая, являющаяся, как замена **ц** перед звонкими шумными: владелец дома, отец дьякон. В украинском и некоторых великорусских говорах твёрдым свистящим аффрикатам литературного произношения могут соответствовать мягкие свистящие аффрикаты, ср. малор. отець, род. ед. вітця. Мягкие свистящие аффрикаты существуют также в белорусском и некоторых северновеликорусских говорах, как замена мягких взрывных зубных: цёмный, дзед (вместо тёмный, дед) и пр. Это явление называется дзеканьем; слабое дзеканье, т.-е. с очень короткой и слабой свистящей частью аффрикаты, слышится иногда и в литературном произношении. Дзеканье объясняется тем, что при произношении сочетаний мягких зубных взрывных с гласными между ними развивается переходный звук, т.-е. язык не сразу переходит к положению, нужному для гласного звука, а через посредство положения, производящего мягкий свистящий звук. Кроме того, в литературном произношении существуют твердые и мягкие свистящие аффрикаты с некраткой фрикативной частью из сочетаний зубных взрывных с последующими свистящими: под забором, под землёй, отставка, под собой, от семьи и пр.

§ 52. Латеральные согласные. Сюда принадлежат в русском языке согласные **д** и **т** перед **л** твёрдым или мягким с неполным „латеральным“ взрывом, представляющим переход от полного смыкания органов речи к тому

положению, какое является при произношении **л**: метла, седлать, тлеть, длинный.

§ **53**. *Фаукальные согласные*. Такие согласные получаются при встрече согласных взрывных с носовыми того же места образования, т.-е. **б, п, д, т** в сочетаниях **бм, пм, дн, тн** с **м, н** твёрдыми или мягкими. При произнесении их образуется затвор, нужный для произнесения соответствующих взрывных неносовых (б, п, д, т), но обычного взрыва до произнесенія следующих за ними носовых не получается: этот взрыв заменяется опущением нёбной занавески для пропуска звучащего воздуха через нос и ослаблением затвора: обман, обменить, одна, передний, плотный, отнять и т. п.

Согласные смягчённые веляризованные и округлённые.

§ **54**. *Смягчёнными, или палатализованными* в современном великорусском языке являются все средненёбные согласные, мягкие нёбнозубные и мягкие губные. На письме принято обозначать смягчённые согласные теми же буквами, как и соответствующие им несмягчённые согласные, обозначая самое смягчение употреблением после них букв е, и, ю, я, ь.

§ **55**. *Веляризованными* кроме губных и **л** (см. выше § 49) могут быть также и нёбнозубные; при произнесении веляризованных нёбнозубных вместе с поднятием кончика языка поднимается и задняя часть спинки языка. В русском литературном произношении твёрдые нёбнозубные, как и твёрдые губные, веляризованы.

§ **56**. *Округлённые, или лабиализованные* согласные в великорусском литературном произношении редки и притом исключительно перед округлёнными гласными, но диалектически в русском языке встречаются довольно часто.

Количество согласных.

§ **57**. Почти все простые согласные (не аффрикаты) в русском языке могут быть и краткими и долгими, при чём долгота согласных по большей части новая, возникшая

в историческую эпоху при встрече двух однородных согласных после выпадения гласных между ними; такие долгие согласные на письме передаются двумя согласными буквами: **сзади**, **отдать**, **подданный**, **обыкновенный** и пр. О долгих шипящих см. § 49. Об аффрикатах с некраткой фрикативной частью см. там же. Аффрикаты с долгим затвором и краткой фрикативной частью в русском языке встречаются довольно часто; по большей части они получились при встрече взрывных зубных или зубных аффрикат со следующими зубными аффрикатами после выпадения гласной между ними: **вотчина**, **подцепить**, **ссориться** (здесь—„**ться**“ читается, как **ца**, где **ц** с долгим затвором).

Понятие о слоге. Звуки слоговые и неслоговые.

§ **58**. Деление речи в звуковом отношении на слоги основывается на попеременном усилении и ослаблении выдыхания или на таком же усилении и ослаблении звучности; звук или группа звуков между двумя моментами ослабления выдыхания или звучности с одним моментом наибольшей силы, так сказать, волна выдыхания или звучности, называется слогом. Главный, т.-е. наиболее сильный или звучный звук в слоге, называется слоговым а остальные, подчинённые ему звуки в том же слоге—неслоговыми. Так как гласные звуки обыкновенно более полнозвучны в сравнении с согласными, а согласные сонорные—в сравнении с прочими согласными, то эти звуки наиболее часто являются в роли слоговых; с другой стороны, согласные в сочетании с гласными обыкновенно бывают неслоговыми; поэтому гласные могут быть неслоговыми только в сочетаниях с гласными или при ослаблении их звучности, а согласные становятся слоговыми только в слоге, в котором нет гласного звука или гласный звук подвергся ослаблению своей звучности. В фонетической транскрипции слоговой характер звука обозначается, если нужно, кружком под буквой, а неслоговой—дугой.

§ **59**. В великорусском литературном произношении все гласные обыкновенно слоговые; в неслоговом употреблении

встречается **и** в дифтонгах **ай**, **ей**, **ой**, **уй** и т. п., а также **йа**, **йу** и т. п. и трифтонгах **йейй** (наприм. третьей, лисьей) и т. п.; при этом дифтонги и трифтонги с **й** (т.-е. **и** неслоговым) перед гласной—только в слогах после ударения. Во многих великорусских говорах, а также в белорусском и украинском известно и неслоговое **у**, соответствующее звукам **в**, **ф**, **л** литературного произношения в некоторых положениях. Согласные нашей речи обыкновенно неслоговые; слоговые согласные встречаются кроме некоторых междометий (**тш**, **кш**, **тс** и т. п.) только иногда в неударяемых слогах вследствие выпадения гласных этих слогов: Ива**н**на, ф тиат**р**х, кош**ч**ка, ф са**мм** дели, но**в**ва, на рель**с**х (буквы, обозначающие слоговые согласные, переданы жирным шрифтом, долгое **м** передано двумя буквами) и т. п.

ПОНЯТИЕ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ.

§ **60**. Формой в языке называется звуковое выражение отношения понятия, выраженного целым словом или сочетанием слов, к другим понятиям. При этом различаются два случая: 1. первое понятие выражено словом или сочетанием, имеющим форму; второе понятие (отношение к которому определяется формой) выражено другими словами или сочетаниями слов в том же речевом комплексе, а отношение между первым и вторым понятиями выражено или частью слова, имеющего форму, или различными видоизменениями в звуковой стороне слова (так наз. формальной частью или формальной принадлежностью) или особыми, так наз. частичными (формальными) словами и другими способами; 2. первое понятие выражено целым словом, имеющим форму; второе понятие выражено или частью этого слова (так наз. основой) или известными звуковыми признаками слова (так наз. основной принадлежностью слова); отношение между первым и вторым понятием выражено или формальной частью этого слова или различными изменениями в звуковой стороне слова.

Формы первого рода называются синтаксическими, второго — словообразовательными. Понятно, что для того, чтобы

та или другая часть слова или звуковая принадлежность слова могла сознаваться, т.-е. выделяться в нашем сознании из целого слова как основа или основная принадлежность, надо, чтобы она же, в том же звуковом виде или с небольшими изменениями, повторялась и в других словах и сознавалась как имеющая то же значение; те же условия нужны и для выделения формальной принадлежности.

§ **61.** Примеры синтаксических форм. В сочетании „он читает книгу“ в слове „читает“ окончанием „—ет“ выражается отношение понятия „читает“ к одному третьему лицу речи, в слове „книгу“ окончанием „—у“ — отношение понятия „книгу“ к понятию „читает“; таким образом присутствие окончаний „—ет“ и „—у“ в словах „читает“ и „книгу“, связанных с определёнными значениями, и составляет форму этих слов. В сочетании „книга лежит на столе“ в слове „книга“ окончанием „—а“ это слово обозначается, как независимое слово, от которого могут однако зависеть формы других слов в том же сочетании; в слове „лежит“ окончанием „—ит“ обозначено существующее в настоящее время отношение понятия „лежит“ к понятию „книга“, как к 3-му лицу речи; в сочетании „на столе“ частичным словом (предлогом) „на“ и окончанием „—е“—отношение между понятиями „книга лежит“ с одной стороны—и „на столе“, с другой стороны. В сочетании: „русские и поляки славяне“ частичным словом (союзом) „и“ обозначено отношение понятий „русские“ и „поляки“ друг к другу, а интонацией целого сочетания и отсутствием глагольной связки—взаимное отношение между собой понятий „русские и поляки“ с одной стороны и „славяне“ с другой стороны в настоящем времени (присутствие связки „были“ или „будут“ указывало бы на взаимное отношение этих понятий в прошедшем или будущем времени). В сочетании „старая берёза упала“ окончаниями „—ая“ в слове „старая“ и „—а“ в слове „упала“ обозначено отношение признаков „старая“ и „упала“ к существительному женского рода „берёза“, стоящему в именительном падеже; при этом суффиксом „—л“ в слове „упала“ указывается на то, что указанное соотношение понятий относится к прошедшему времени.

§ **62**. Примеры словообразовательных форм. В слове „садовый“ формой слова, а именно присутствием части „—ов“ выражено отношение этого слова к другим словам, существующим в языке, заключающим звуковое сочетание „сад—“ (с вариантами „сат—“ и „сад—“ с д мягким) и обозначающим, в связи с присутствием этого звукового сочетания, разные понятия, связанные с понятием „сад“: „садовник“, „садочек“, „в саду“, „сад“, „садик“ и пр. Ср. ту же часть „—ов“ в таких словах, как „домовый“, „столовый“ и пр., обозначающую те же отношения между этим словами и такими словами, как „дом“, „домик“, „стол“, „столик“ и пр., какое существует между словами „садовый“ с одной стороны и „сад“, „садик“ с другой.

§ **63**. Способами звукового выражения соотношений слов или сочетаний слов между собою или так называемыми формальными признаками являются: 1. **аффиксы** (префиксы, суффиксы, инфиксы) или формальные части слов, т.-е. такие части слов, которые обозначают отношение понятия, выраженного целым словом, к другим понятиям, выраженным другими словами; 2. так называемая **флексия основ**, т.-е. такие звуковые признаки слов, которые, не составляя отдельной части слова, однако имеют формальное значение; так, в словах „несу“, „нёс“, „несть“ такой флексией основы является характер гласного звука основы (**и**, **о**, **е**) и твёрдость или мягкость **с**; 3. **частичные слова**, т.-е. слова, не имеющие реального значения, а показывающие только соотношение понятий, выраженных другими словами, между собой; в русском языке сюда относятся предлоги, союзы, связка (глагол „был“ и др.) и т. п.; 4. **ударение и интонация**, 5. **порядок слов**; 6. **паузы**. Первые два способа представляют формы самих слов, а остальные — формы словосочетаний.

Морфологический состав нынешнего русского литературного языка.

§ 64. Слова, имеющие одинаковые формы или формы, соотносительные между собою по значению, могут объединяться в классы, называемые грамматическими классами,

потому что эти классы слов служат предметом изучения грамматики как науки о формах языка. Грамматические классы могут быть более общими и менее общими. Кроме того, слова, принадлежащие по формам целых слов к разным классам, как напр., личные формы глаголов и причастия, могут принадлежать к одному классу по формам основ. Наиболее общими грамматическими классами являются классы:

а. слов, имеющих формы, и
б. слов, не имеющих форм.

§ 65. К словам, не имеющим форм, в русском языке относятся предлоги, союзы и другие частицы, так наз. неграмматические наречия (кàк, тàк, где, здесь, там, тут, когда, очень, весьма и т. п.) и некоторые заимствованные из иностранных языков существительные: пальто, депо, колибри, какаду и т. п. В разговорном языке можно заметить тенденцию склонять некоторые из таких слов: „без пальта“, „в пальте“, „под пальтом“, имен. мн. „пóльта“, „из бюра“, „в бюре“ и т. п.

§ 66. В классе слов, имеющих формы, можно различать опять два класса:

1. слов, имеющих только словообразовательные формы, и
2. слов, имеющих также и синтаксические формы.

§ 67. К первому классу в нынешнем русском языке относятся α. глагольные неизменяемые слова — инфинитивы и деепричастия — и β. именные неизменяемые слова — грамматические наречия. В нынешнем русском языке обычны в настоящее время два способа образования грамматических наречий от прилагательных: 1. от прилагательных качественных с суффиксом „— о“ (о только под ударением; без ударения слышится неясный звук, который передается буквами „о“ и „е“): хорошо, умно, глупо и пр., 2. от некоторых относительных прилагательных с суффиксом „—и“ или с приставкой „по—“ и суффиксом „—и“: рыцарски, по-барски, по-волчьи и пр. Наречия на „—о“ могут образовывать сравнительную степень: умнее, глупее и пр.

§ 68. Слова, имеющие синтаксические формы, распадаются в русском языке на два класса:

1. склоняемые слова,

2. спрягаемые слова, или глаголы.

§ 69. Склоняемые слова по значению форм склонения делятся на два класса:

а. существительные, у которых формы склонения не являются формами согласования,

б. прилагательные, у которых формы склонения являются формами согласования, т.-е. такие слова, которые изменяются по падежам, родам и числам применительно к падежу, роду и числу существительного, к которому относятся.

§ 70. Формами падежей существительные обозначаются в речи или как независимая часть словосочетания (форма именительного падежа) или как название предмета мысли, стоящего в известном отношении к другим предметам мысли, обозначаемым словами, входящими в то же словосочетание (формы косвенных падежей). Формы рода и числа у существительных не являются по значению синтаксическими формами, потому что служат для обозначения разных предметов мысли, а не разных отношений имеющих эти формы слов к другим словам в той же речи. Формами согласования в падеже, роде и числе прилагательные обозначаются как названия постоянных признаков предмета, обозначенного существительным, с которым прилагательное согласовано. Таким образом, у прилагательных не только падежные формы, но и формы рода и числа являются синтаксическими формами как формы согласования.

§ 71. Таким образом, различие между существительными и прилагательными состоит в различном синтаксическом употреблении тех и других. Что касается различий в образовании форм, то можно заметить, что в нынешнем русском языке бо́льшая часть прилагательных образует падежные формы по типам, отличным от тех типов, по которым склоняется бо́льшая часть существительных, но это различие между существительными и прилагательными в образовании падежных форм не выдержано вполне, так как есть значительное число существительных, склоняющихся по типам, характерным для прилагательных (портной, запятая, животное и т. п.), а прилагательные притя-

жательные в муж. р. частью склоняются по типу, характерному для существительных.

§ 72. Различие между единственным и множественным числом в современном русском языке обозначается различиями в падежных окончаниях обоих чисел, и только часть имён существительных имеет во множ. ч. основу, отличную от основы единств. ч. (таковы: мещанин — мещане, татарин — татары, хозяин — хозяева, телёнок — телята, друг — друзья и т. п.).

§ 73. Род существительных определяется формами согласования прилагательных (строгий судья, большая семья, дальний путь, белая грудь, худое имя, злая воля), но обозначается также и известными различиями в образовании падежных форм самих существительных (дух, душа, окно, твор. ед. путём, грудью). В нынешнем русском языке мужеский, женский и средний роды различаются только в единственном числе; поэтому указания элементарных грамматик о различении рода так наз. pluralia tantum не имеют смысла. Мужеский и средний роды различаются между собой только в формах именительного и винительного падежей единственного числа. Кроме этих родов у имён мужеского рода и во множественном числе в нынешнем русском языке различаются также одушевлённый и неодушевлённый род. Это различие обозначается только в винительном падеже, как в прилагательных, согласованных с существительными одушевлённого и неодушевлённого рода (строгого судью, строгий суд, белого бычка, белый дом и пр.), так и в самих существительных, в последних, за исключением единственного числа имён на — **а**.

§ 74. В категории прилагательных можно различать а. собственно прилагательные и б. причастия, т.-е. такие отглагольные прилагательные, в основах которых обозначено время соединения данного глагольного признака с предметом, обозначенным именем, с которым согласовано причастие: пишущий, писавший, написавший, писанный, написанный и т. п. Причастия сохраняют глагольное управление; наприм., причастия от переходных глаголов с прямой переходностью могут сочетаться с винительным падежом имени „художник, написавший эту картину“.

§ 75. В формах согласования прилагательных качественных и причастий страдательных современный великорусский язык различает двоякие формы: а. формы аттрибутивные: бедный старик, бедного старика, злая собака, злой собаки, добрые люди, добрых людей, прочитанная книга, и т. д. и б. формы предикативные: старик беден, собака зла, люди добры, книга прочитана. Предикативные формы прилагательных употребляются только в согласовании с независимым именительным падежом и обозначают сочетание признака, обозначенного основой прилагательного, с предметом, обозначенным именительным падежом существительного, не как уже данное, предполагающееся известным, а как открываемое в мысли. Основное значение аттрибутивных форм—обозначение признака, выраженного основой прилагательного, как аттрибута, т.-е. в данном уже для мысли сочетании его с предметом, обозначенным существительным, с которым согласовано прилагательное. Но аттрибутивные формы могут употребляться и в предикативном значении, а прилагательные относительные и притяжательные и вовсе не имеют особых предикативных форм, отличных от аттрибутивных.

§ 76. Формами спряжения или формами сказуемости называются такие формы, которые обозначают известный глагольный признак [1]), т.-е. действие или состояние в открываемом мыслью сочетании его с субьектом признака (этот субьект может быть в речи и не выражен особым словом). Слова, имеющие формы спряжения, называются глаголами. Впрочем, обычно термин „глагол“ понимается в более широком смысле, со включением в это понятие и причастий и неизменяемых глагольных слов—инфинитивов и деепричастий. Формами спряжения в глаголе являются формы наклонения, времени и лица с их различиями по числам, а в русских формах прошедшего времени также формы рода и числа. Наклонением в глаголе называется такая форма, которая показывает отношение говорящего к проявлению признака, обозначенного основой глагола: представляет ли он себе этот признак, как действительно проявляющийся

[1]) См. Д. Н. Ушаков. Кр. введ § 89.

или проявившийся в прошедшем или имеющий проявиться, или только как возможный, как желательный или как настоятельно требуемый, и т. д.

§ 77. В нынешнем русском языке существуют три формы наклонения: прямое или изъявительное, когда действие или состояние, обозначенное основой глагола, представляется говорящим как действительно происходящее, происходившее или имеющее произойти, и косвенные: а. условное, когда данное действие или состояние представляется лишь возможным при известных условиях или желательным, и б. повелительное, выражающее требование, предложение или просьбу.

§ 78. Время в русском глаголе различается только в формах прямого или изъявительного наклонения и обозначает проявление глагольного признака, выраженного основой глагола, как современное речи или предшествующее ей или ожидаемое в будущем. В нынешнем русском языке глагол имеет три времени: настоящее, прошедшее и будущее; впрочем все три формы имеет только часть глаголов, именно,—глаголы несовершенного вида, остальные—глаголы совершенного вида—имеют только две формы времени, одну, употребляющуюся в значении будущего времени, и другую для прошедшего времени.

§ 79. Формами лица с их различиями по числам обозначается или лицо говорящее или лицо, к которому обращена речь, или так наз. 3-е лицо речи; формой 1-го лица множ. ч. может обозначаться как множественность говорящих, так и совокупность лиц, объединяемых говорящим, как солидарных с ним или однородных с ним в каком-либо отношении. Формы всех трёх лиц обоих чисел в нынешнем русском языке являются только в настоящем и будущем времени. Повелительное наклонение имеет только формы 2-го л. обоих чисел и две формы 1-го л. множ. ч. (на -м и мте), из которых одна обозначает приглашение выполнить известное действие совместно с говорящим безотносительно к количеству лиц, приглашаемых к этому выполнению (форма на-м), другая обозначает такое же приглашение, обращённое к нескольким лицам или к такому лицу, в обращении к которому говорящий употребляет форму 2-го л. множ. ч. (форма

на **-мте**). Многие глаголы несовершенного вида не имеют форм 1-го множ. повелительного наклонения. Формы прошедшего времени и условного наклонения не имеют форм лица, а вместо этого имеют формы согласования в роде и числе, сближающие их по этой черте с прилагательными, употреблёнными в предикативной форме. При этом условное наклонение не имеет особого суффикса, а образуется с помощью частичного слова „бы".

§ 80. Изложенную классификацию слов языка, установленную на основании грамматических или формальных признаков, не следует смешивать с другими классификациями слов по неграмматическим признакам, наприм., по значению или по каким-нибудь внешним признакам, не стоящим в связи со значениями слов. Как мы видим, она сильно расходится с той классификацией, которая до сих пор господствует в учебниках грамматики, изучаемых в низшей и средней школе. В этих учебниках мы находим смешение грамматических и неграмматических принципов деления, что приводит к различным непоследовательностям и противоречиям. Так, выделение существительных и прилагательных в особые категории в учебной грамматике основано на грамматических признаках, но обычное определение этих категорий, как названий предмета и названий качества, не соответствует самому содержанию определяемых этими названиями классов. Так, не только слово „камень", но отчасти и слово „каменный" можно рассматривать, как название предмета, в первом случае того, о котором говорится, а во втором — того, из которого сделан другой предмет; слова „белый" и „белизна", „добрый" и „доброта" одинаково являются названиями качества или признака предмета, но в первом случае этот признак относится к какому-то предмету, а во втором рассматривается в отвлечении от предмета. Остальные категории или „части речи" в учебниках выделяются уже на основании неграмматических признаков или признаков, несоотносительных с теми, на основании которых устанавливаются категории существительных и прилагательных. Так, к категории „имён числительных" в учебниках относятся слова, обозначающие число и принадлежащие по формам слов или к существи-

тельным (большая часть числительных количественных), или к прилагательным (остальные числительные количественные и числительные собирательные и порядковые), или к неизменяемым словам (дважды, трижды и пр.). Правда, некоторые из числительных количественных (два, три, четыре, сорок, девяносто, сто) представляют своеобразные особенности в склонении, а бо́льшая часть числительных количественных и в согласовании с именами предметов, подвергающихся счёту, но это, с одной стороны, не основание для устранения их из категории имён, потому что и остальные имена склоняются по разному, а различие в согласовании и управлении в других случаях не является основой для деления на части речи, а с другой стороны не основание и для выделения вместе с ними в одну категорию и числительных порядковых, являющихся и по образованию форм и по синтаксическому употреблению самыми обыкновенными прилагательными. К категории местоимений элементарные грамматики относят те склоняемые слова, существительные и прилагательные, которые по своему неграмматическому значению являются не словами-названиями, а словами местоимёнными [1]). Опять-таки значительная часть местоимений, т.-е. местоимённых склоняемых слов, представляет такие особенности в образовании форм склонения, рода и числа, а частью и в согласовании, которых не имеют другие склоняемые слова, но и по этим особенностям они не объединяются в одну группу (такие местоимения неличные, как тот, мой, весь и пр. по образованию форм стоят ближе к прилагательным, чем к личным местоимениям я, ты, мы, вы), а кроме того, часть местоимений (напр., какой, который, са́мый, всякий) по образованию форм ничем не отли-

---

[1] Слова названия — такие слова, которые имеют определённое значение независимо от данной речи: стол, два, стоять, хорошо и т. п.; слова местоимённые — такие слова, значение которых определяется только из данной речи, так как они обозначают известное отношение к данной речи предметов мысли, обозначенных другими словами, или самые предметы мысли в их отношении к данной речи: я, ты, он, кто, тот, который, твой, где, здесь, там, тогда, так и т. п. Различие в значении между словами названиями и словами местоимёнными — неграмматическое, так как не обозначается формами слов и не отражается на синтаксическом употреблении этих форм.

чается от прилагательных. К категории глаголов в учебниках относится бóльшая часть глагольных слов; по формам целых слов глаголы принадлежат к разным классам: а. спрягаемых слов (личные формы глагола и формы прошедшего времени), б. слов склоняемых и согласуемых (причастия) и в. слов, не имеющих синтаксических форм (инфинитивы и деепричастия). Правда, слова, относимые учебниками к классу глаголов, принадлежат к одному классу по формам основ, но таким образом этот класс оказывается не соотносительным с классом имён и местоимений, выделяемых не по формам основ, а по формам целых слов. Неграмматический принцип лёг также в основу обычного деления существительных на собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные; эти деления никакого значения для грамматики языка не имеют. Неудобство от проведения различных принципов при делении слов языка на так наз. части речи видно из таких примеров, как отнесение прилагательных „глухой", „такой" и „другой" к трём различным частям речи (прилагательным, местоимениям и числительным), тогда как образование форм этих слов и их синтаксическое употребление совершенно одинаковы; во многих грамматиках слово „один" относится одновременно к двум частям речи только на основании неграмматических значений этого слова и т. д.

КРАТКИЙ ОЧЕРК РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ.

§ 81. Единство русской языковой группы. Русским языком в широком смысле в настоящее время называют всю совокупность говоров и наречий, на которых говорит весь русский народ или все русские народности: и великоруссы, и малоруссы, и белоруссы. Но можно заметить, что объединение всех русских наречий по отношению к настоящему времени в один язык не совсем точно, потому что в настоящее время между малорусскими, белорусскими и великорусскими говорами в их целом нет постоянной живой связи; та связь, которая ощущается между ними,—уже в прошлом, и об одном русском языке мы можем

говорить только по отношению к историческому прошлому этих говоров. Единство русского языка в его прошлом видно из тех особенностей языка, которые и в настоящее время являются общими всем русским наречиям и говорам, отличая их в своей совокупности от остальных славянских языков. Таковы следующие черты, объединяющие все русские языки:

1. Полногласие, т.-е. произношение оро, ере, оло между согласными в таких словах, где в большинстве славянских языков сочетания ра, ре, ла, ле и ро, ре, ло, ле между согласными: город, берег, молодой, молоко и пр. (см. выше § 12 и ниже §§ 154, 177).

2. Сочетания ро, ло в начале слова, так же, как и в западнославянских языках, в некоторых случаях, где в южнославянских языках — ра, ла, как, напр., в приставке роз-, в слове локоть и др. (см. ниже § 153).

3. Звук у так же, как и в чешском и сербском языках, там, где в польском ę и ą (е и о носовые) после твёрдых, в болгарском звук, обозначаемый буквою „ж" или а, в словинском о: рука, иду (см. выше § 12 и ниже § 172)

4. Звук а после мягких и шипящих там, где в польском ę или ą (е или о носовые) после мягких и шипящих, в сербском и болгарском е: пятый, сяду и пр. (см. выше § 12 и ниже § 172).

5. Звук о в начале слова в некоторых случаях, где во всех славянских языках je или е: озеро, осень и пр. (см. ниже § 176).

6. Сочетания ор, ер, ол между согласными там, где другие славянские языки имеют или слоговые р, л или другие сочетания гласных с плавными, отличные от русских: гордый, верх, полный, волк (см. ниже §§ 156, 178).

7. Звук ж там, где в польском dz, в чешском z, в словинском j, в сербском ђ и в болгарском жд, т.-е. во всех славянских языках другие звуки: вижу, межа и пр. (см. ниже §§ 146, 171).

8. Звук л мягкое после губных, как и в сербском, где в западнославянских языках и в болгарском мягкие губные без л: земля, люблю, капля (см. ниже § 161. 3).

9. Одно **л** между гласными, как и в сербском и болгарском, там, где в польском и чешском tl, dl между гласными: мыло, она села, молитва и пр. (см. ниже § 161. 1.).

10. Сочетания зв, цв в начале слова, как и в сербском и болгарском, там, где в польском и чешском gv, kv: звезда, цветок и пр. (см. ниже § 147. 3).

11. Беглое **о** там, где в польском и чешском беглое **е**, в сербском беглое **а**, а в болгарском беглое **ъ**: сон и пр. (см. выше § 12 и ниже §§ 131, 180—182).

12. **о** после шипящих там, где в остальных славянских языках **е** или другие звуки: чорный, шол, шолковый (см. ниже § 199).

13. Звук **о** в окончаниях некоторых падежных форм прилагательных, как и в сербском, отлично от западнославянских языков, где в этих формах является **е**: злого, злому, род. ед. ж. р. злой (см. ниже § 330).

14. **-т** или **ть** в окончании 3-го л. ед. ч. глаголов 2 спряжения и 3 множ. глаголов 1 спряжения (в 3 ед. глаголов 1 спряж. и 3 мн. глаголов 2 спряж. окончание **-т** или **-ть** не во всех русских говорах), тогда как в остальных славянских языках в этих формах в настоящее время окончания **-т** (или **ть**) нет: горит, сидит, ю.-в.-р. горить, сидить, м.-р. горить, сидить, 3 мн. идут, несут, ю.-в.-р. идуть, нясуть, м.-р. йдуть, несуть (см. ниже § 474).

15. Одинаковые особенности в образовании видов, отличающие русские языки в целом от сербского, болгарского, словинского и отчасти чешского и лужицких языков.

Кроме указанных черт, все русские языки имеют и ряд других общих черт.

Соседи русских народностей.

§ 82. Соседями русских на востоке и, частью, на севере и северо-западе являются различные турецкие и финские народности (т.-е. народности, говорящие на турецких и финских языках), а на западе и юго-западе: а) балтийские народности—латыши и литовцы, б) славянские народности—поляки и словаки, в) мадьяры, принадлежащие к числу финских народностей, и г) румыны.

§ 83. Многие из восточных и северных соседей русских, говорящие на турецких и финских языках, под влиянием русских усваивают русский язык, и таким образом территория русского языка на востоке и на севере постепенно расширяется. Наоборот, на западе только литовцы и, отчасти, латыши до последнего времени подвергались подобному влиянию, и территория русского языка несколько расширялась насчет территории литовского языка, так что в числе западно-русских, именно, белорусских говоров есть такие, которые являются говорами обелоруссившихся литовцев; некоторые из таких говоров отличаются известными особенностями литовской фонетики, именно, произношением **к** вместо **х**: **карашо, калодная вада**. С образованием литовского и латышского государств взаимоотношение между балтийскими и русским языками должно было измениться. По соседству с польским и словацким языками замечается обратное явление: русский язык подвергается сильному влиянию польского и словацкого языков, которое должно было усилиться после того, как западная часть русской территории вошла в состав Польской и Чешско-Словацкой республик. Польское и словацкое влияние на западно-русские говоры состоит главным образом в усвоении отдельных слов польского и словацкого языков и, частью, в усвоении некоторых грамматических категорий.

Деление русской языковой группы.

§ 84. Русская языковая группа в настоящее время распадается на три русские языка: великорусский, белорусский и малорусский [1]). Эти языки, в свою очередь, не являются однородными, распадаясь на наречия и говоры. Наиболее резко такая неоднородность выражена в великорусском языке, распадающемся на два значительно отличающихся одно от другого наречия: северновеликорусское и южно-

[1]) Малорусский язык принято также называть украинским, так как бо́льшая часть территории, занятой малорусским языком, носит название Украйны или Украины. На украинском наречии малорусского языка говорит бо́льшая часть малороссов, и это наречие легло в основу малорусского или украинского литературного языка.

великорусское. Белорусский язык также распадается на наречия северноберусское и южнобелорусское; впрочем, разница между северноберусским и южнобелорусским наречиями выражена не так резко, как разница между наречиями великорусского языка. Что касается малорусского языка, то бо́льшая часть его отличается однородностью, хотя по некоторым признакам и может быть разделена на наречия восточноукраинское, западноукраинское и галицкое, и только на севере малорусской территории так. наз. северно-малорусские или полесские и подляшские говоры и на крайнем западе, по обоим склонам Карпат, карпатские говоры довольно сильно отличаются по своему характеру от более или менее однородной массы украинских и галицких говоров.

§ 85. Переходные говоры. Между говорами названных выше языков и наречий благодаря взаимодействию между ними образовались переходные говоры, т.-е. такие говоры, которые по своему происхождению или основе принадлежат одному наречию, но претерпели известные изменения под влиянием говоров другого наречия, сближающие их с этим последним, причём эти изменения носят закономерный характер. Такую закономерность лучше всего можно проследить на изменениях в звуковой стороне говоров, подвергшихся влиянию других говоров, т.-е. переходным говором является такой говор, в котором заимствования из другого говора не ограничиваются отдельными, хотя бы и многочисленными словами и частями слов, а изменяют в бо́льшей или меньшей степени самый звуковой строй такого говора. Так, говоры, переходные от северновеликорусских к белорусским и южновеликорусским, характеризуются между прочим усвоением заимствованной из белорусских или южновеликорусских говоров звуковой черты—аканья (см. §§ 92 и 93) во всех случаях, где встречаются безударные **о** и **а**, хотя бы самые слова с подобным произношением и не были заимствованы из белорусского или южновеликорусского. Получившиеся благодаря такому влиянию говоров другого наречия новые звуковые черты переходных говоров обыкновенно не вполне совпадают с теми звуковыми чертами говсров, служивших образцом, влиянием которых они вызваны. Так, аканье переходных говоров

с северновеликорусской основой обыкновенно отличается от аканья белорусских и южновеликорусских говоров. Это объясняется тем, что звуковые черты переходных говоров, возникающие в подражание звуковым чертам других говоров, создаются при других условиях, на основе другого звукового строя, чем в говорах, служивших образцом для подражания.

§ 86. Из переходных говоров можно отметить следующие:

1. Широкую полосу переходных говоров на всём протяжении границы между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями. Все эти говоры по своей основе северновеликорусские, подвергшиеся непосредственному или посредственному влиянию южновеликорусских говоров и усвоившие ряд черт, сближающих их с южновеликорусскими. Так как они и по своему характеру (по своим звуковым, грамматическим и словарным особенностям) и по географическому положению занимают середину между двумя наречиями великорусского языка, то их можно называть средневеликорусскими. Впрочем, многие средневеликорусские говоры можно называть переходными только по отношению к прошлому. Таков, прежде всего, московский говор, или московское наречие; последнее при своём возникновении представляло говор переходный от северновеликорусского к южновеликорусскому, но затем обособилось от южновеликорусского влияния и само стало центром для тяготеющих к нему и изменяющихся под его влиянием великорусских говоров.

2. Переходные говоры между северновеликорусским и севернобелорусским наречиями. Эти говоры по своей основе северновеликорусские, претерпевшие известные изменения под влиянием белорусских. Значительная часть этих говоров, именно так наз. псковские говоры могут быть названы переходными только по отношению к прошлому, так как переходный процесс закончился уже несколько веков тому назад. Остальные переходные говоры этой группы представляют изменения, явившиеся уже под влиянием не севернобелорусских, а псковских говоров.

3. Переходные говоры между севернобелорусским и южновеликорусским наречиями. Эти говоры по своей основе

белорусские, изменившиеся под влиянием южновеликорусских говоров.

4. Переходные говоры между южнобелорусскими и северномалорусскими говорами. Эти говоры по своей основе северномалорусские, подвергшиеся влиянию южнобелорусских говоров.

5. Кое-где на границе южновеликорусского наречия с украинским—переходные говоры с малорусской (украинской) основой, подвергшиеся южновеликорусскому влиянию; таких говоров очень немного; на протяжении бо́льшей части границы между южновеликорусскими и украинскими говорами переходных говоров не отмечено.

§ 87. Особенности великорусского языка. Общими чертами всего великорусского языка являются следующие:

1. Из гласных звуков **о** и **е** древнейшей эпохи [1]) в закрытых слогах [2]) вообще получились те же звуки, что̀ и в открытых: **нос** и **носа**, **ось** и **оси**, **приход** и **прихода**, **озёр** и **озёра**, **семь** и **семеро**, с.-в.-р. **овца** и **овечка** (в обоих случаях **о**), южновеликор. **авца** и **авечка**. Ср. ниже § 230.

2. Звуки древнейшей эпохи **е** и **ь** (если **ь** не выпадало) [3]) перед твёрдыми согласными вообще перешли в **о** (пишется по бо́льшей части „ё" или „**е**") весёлый, берёза, тёмный, подённый, жоны (ср. веселье, березник, темь, день, женин, где **е** и **ь** не перешли в **о**, потому что стоят перед мягкими согласными); без ударения такое **о** сохранилось в окающих с.-в.-р. говорах: вёсна, нёсу, сёло, тёмно, играёт и пр., и изменилось в других говорах. Ср. ниже §§ 217—218.

3. В соответствии с б.-р. и м.-р. **ы** и **и** перед **й** в в.-р. по бо́льшей части является **о** и **е**, а именно, в окончании им. ед. м. р. прилагательных: злой, такой, большой, чей, сам-третей, с.-в.-р. доброй, бедной; в глаголах мою (=мойу), моешь (=мойэш), вою, рою, крою, брею, повелит. мой, вой, рой, крой, брей, шей, пей, лей; в таких словах, как помойки, шея.

---

[1]) Т.-е. эпохи, предшествовавшей образованию в.-р., б.-р. и м.-р. языков.

[2]) Закрытые слоги — слоги, оканчивающиеся на согласный звук или **й**, открытые—оканчивающиеся на слоговой гласный звук.

[3]) О звуке **ь** см. ниже, § 131.

4. Малорусским и белорусским **ры**, **ри**, **лы**, **ли** между согласными в в.-р. часто соответствуют сочетания **ро**, **ре**, **ло**, **ле** (в тех случаях, где в древнейшую эпоху были сочетания **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** с гласными звуками **ъ** и **ь**): дрова, крови, крошить, греметь, крестить, креста, глотать, блоха, яблоко, слеза, блестеть.

5. Согласные звуки (кроме шипящих и **ц**) перед гласными **и**, **е** и перед тем **о**, которое произошло из старых **е** и **ь** (ср. п. 2) в громадном большинстве говоров мягки: пить, тихо, нижний, десять, день, отец, вёсла, тётка, нёс. Ср. ниже §§ 166—169.

6. В бо́льшей части в.-р. говоров сохранились старые сочетания согласных с j: листья, платье, судья, коренья, веселье, налью, ночью, мышью.

7. Сохранилось старое различие между **р** твёрдым и **р** мягким: рад и ряд, грозна и грязна.

8. Местн. ед. имён муж. и ср. р. и дат.-местн. имён ж. р. с основой на **г**, **к**, **х** оканчиваются на **гѣ**, **кѣ**, **хѣ**: в пирогѣ, в городкѣ, в ухѣ, ногѣ, рукѣ, сохѣ.

9. В им. мн. многие существительные муж. р. и некоторые существительные ж. р. имеют окончание **а** с ударением на окончании: города, дома, мастера, писаря, учителя, края, староста, зеленя, податя, пустоша и пр.

Кроме названных особенностей в.-р. язык представляет ряд других отличий от б.-р. и м.-р. в произношении, грамматическом строе и словарном составе.

§ 88. Северновеликорусские особенности. Главными особенностями с.-в.-р. наречия, общими всем его говорам, являются следующие:

1. *Оканье*, т.-е. сохранение старого различия между неударяемыми **о** и **а**, хотя бы и не во всех неударяемых слогах, причём старое **о** (получившееся не только из **о**, но из **ъ**, **е**, **ь** древнейшей эпохи) произносится, как **о**: пойду, вода, жона, волна, блоха, вёсной, лёдок, но: зайду, давай грязна и пр.

2. Взрывное (мгновенное) **г**: гора, нога, другой и пр., кроме немногих слов с **г** фрикативным.

3. **т** твердое в окончании 3-го л. обоих чисел настоящего

(и будущего) времени глаголов: идёт, знает, стоит, ходит, несут, знают, сидят, носят.

Кроме этих особенностей есть и другие, общие всем с.-в.-р. говорам.

§ 89. Особенности говоров с.-в.-р. наречия. С.-в.-р. наречие по своему составу не однородно, и между говорами его существуют значительные различия. Назовём наиболее важные.

1. Старое **ѣ** (см. §§ 129, 130, 134) под ударением в одних (очень немногих) говорах произносится всегда, как дифтонг **иэ**, в других,—как **е** (реже **иэ**) перед твёрдыми и **и** перед мягкими (хлеб, лето или хлиэб, лиэто, но: хлибец, на свити), в третьих—всегда, как **е**, и в части говоров всегда, как **и** (хлиб, лито, мисец, вирить).

Старое **ѣ** перед ударением перед твердыми в одних говорах произносится, как **е** (в лесу, петух), в других,—как **о** (в лёсу, пётух), и в части говоров (по большей части там же, где и ударяемое **ѣ** произносится, как **и**),—как **и**; перед мягкими предударное **ѣ** в одних говорах произносится, как **е**, в других,—как **и**.

2. В некоторых восточных с.-в.-р. говорах ударяемое **о** старое (не из старого **ъ**) при известных условиях (ср. ниже § 231) произносится очень закрыто, близко к **у**, или, как **уо**; в бо́льшей части с.-в.-р. говоров эта особенность или отсутствует или не отмечена наблюдателями.

3. Звук **а** между мягкими неслоговыми звуками (обозначаемый обыкновенно буквою „я“) под ударением в одних говорах изменился в **е**: грезь, петь, в шлепи, ейца (но грязный, пятый, шляпа, где **а** перед твердыми согласными), в других сохраняется без изменения: грязь, пять, в шляпе, яйца.

4. Звуки **ц** и **ч** правильно различаются лишь в части с.-в.-р. говоров, в других говорах или они смешиваются (напр., говорят: черковь, отечь, но цай, цистый, пецка), или вместо обоих звуков произносится один звук, чаще всего **ц**: церковь, отец, цай, цистый, пецка и пр., но в части говоров **ч**: курича, улича, яйчо, чистый, печка, или звук средний между **ц** и **ч**. При этом звук **ц** в части говоров произносится мягко: отець, цяй, пецька и пр., в остальных говорах

твердо. Наоборот **ч** в части говоров, различающих **ц** и **ч**, произносится твёрдо: **чыстый**, чэй.

5. Звук **в** в конце слова и перед согласными в большей части с.-в.-р. говоров сохраняется как **в** губнозубное, или изменился в **ф** (перед глухими и в конце слова не перед звонкими), но в части восточных говоров изменился в **у** неслоговое: кроу, домоу, прауда, дауно (**у** везде неслоговое). Такое же неслоговое **у** в тех же говорах произносится и вместо **л** твердого перед согласными и в конце слова: воук, упау.

6, Вместо **к** и **г** твёрдых после мягких неслоговых (т.-е. после **й** и мягких согласных) в части восточных говоров с.-в.-р. наречия произносятся **к** и **г** мягкие: хозейкя, Ванькя, конькём, цейкю, Ольгя и пр.; в остальных говорах **к** и **г** твёрдые в этом положении сохраняются без изменения.

7. Твор. множ во многих с.-в.-р. говорах оканчивается на **м**, т.-е. совпадает с дат. мн.: с рукам, с ногам, с добрым людям, горючим слезам и пр.; в некоторых говорах употребительны твор. мн. существительных на **мы** или **ма**, твор. мн. прилагательных на **ма** и твор. мн. местоимений на **мя** (примеры см. в § 402); в остальных говорах твор. множ. оканчивается на **ми**, как и в литературном.

8. От глаголов 1 спряжения с основами на **г** и **к** во 2 и 3 ед. и 1 и 2 мн. в одних говорах сохраняются старые формы на чошь, жошь, чот, жот и пр.: печошь, бережошь и пр., в других вместо **ч**, **ж** являются **к**, **г** мягкие: пекёшь, пекёт, берегёшь, берегёт, в третьих (главным образом восточных)— **к**, **г** твердые: пекош, берегош, могот, лягот, испеком и пр.

9. От глаголов *„дать“* и *„есть“* в немногих северновеликорусских говорах употребляются формы 2 ед. даси, ѣси (с ударением на конце); в большей части говоров 2 ед. от этих глаголов образуется так же, как и в литературном: даш, ѣш.

10. Окончание **т** в 3 ед. глаголов 1 спряжения и 3 мн. глаголов 2 спряжения в одних говорах может отсутствовать: несё, знае, сидя, любя (но: стоит, ходит, несут, знают), в других говорах никогда не отпадает.

§ 90. Особенности, общие всему ю-в.-р. наречию. 1. *Аканье*, т.-е. совпадение безударных **а** и **о** в одном звуке. При этом в 1 предударном слоге из **а** и **о** после

твёрдых согласных по бо́льшей части бывает а, чем и вызвано название самого явления: вады, дарить, тапор и пр.

2. Совпадение безударных звуков, получившихся из ранее бывших звуков **е, ь, ѣ**, и **а** („я") после мягких и шипящих в одном звуке: или **а** („я") или **е** или **и** и пр., смотря по говору и положению звука в слове: вясной, сяло, вяду, цвяты и пр., вяла, дяла, пряла в одних говорах, вила, дила, прила в других, вела, дела, прела в третьих, в грязи, вязи, ни лянись в одних говорах, в гризи, визи, ни линись в других и т. д.

3. Длительное (фрикативное) **г**: нага, гости.

4. Отсутствие смешения **ц** и **ч**: чай, церковь и пр.

5. Мягкое произношение **ч**: чяй, чистый, хачю.

6. Твёрдое произношение **ц**: цэрква, канцы.

7. **ж** и **ш** долгие твёрдые на месте литературного ж долгого мягкого и **щ**: дажжа, ежжу, ишшу, шшука.

8. Отсутствие дзеканья.

9. Твор. мн. только на **-ми**: с руками, с людьми.

10. Род.-вин. личных и возвратного местоимений на **-е**: мене, тебе, себе.

11. 3 ед. и мн. глаголов на **-ть** (**т** мягкое): идеть, знаеть, стоить, любить, дасть, знають, стоять, любють; у глаголов 1 спряжения, а при ударении на основе и у глаголов 2 спряжения 3 ед. может быть и без **-ть**: он иде, зная, читая, ходя, любя.

Кроме того, ю.-в.-р. наречие в целом отличается от с.-в.-р. или части с.-в.-р. говоров и некоторыми другими чертами, между прочим характером и местом ударения, синтаксическим строем, словарным составом.

§ 91. **Различия между ю.-в.-р. говорами.** 1. По характеру аканья различаются а) говоры с диссимилятивным аканьем, т.-е. с произношением в 1-м предударном слоге **а** перед слогом с гласными **у, ы, и**, а также по бо́льшей части перед слогом с **о** и с **е** из старого **ѣ**, а перед слогом с гласными **а, е** и в некоторых случаях перед слогом с гласною **о** звука, отличного от **а** и несколько похожего на тот звук, который является вместо **о** и **а** в других неударяемых слогах: въда, пъпал, дъвай и пр.; после плавных гласная в таком положении может отсутствовать:

галва, парсёнок; б) говоры с недиссимилятивным аканьем, т.-е. с произношением **а** в 1 м предударном слоге независимо от гласной ударяемого слога: вада, давай, садись, пайдём и пр. Диссимилятивное аканье отмечено только кое-где в Курской г. Можно думать, что отсутствие указаний на диссималятивное аканье в некоторых случаях объясняется неумением наблюдателей отличить гласный звук, являющийся в 1-м предударном слоге перед слогом с **а**, от звука **а**, являющегося в других случаях. Но несомненно также, что диссимилятивное аканье, бывшее раньше, во многих говорах утрачено.

2. В произношении гласных, явившихся из **е**, **ѣ** и **а** после мягких в 1-м предударном слоге в ю.-в.-р. говорах различаются следующие типы:

а) *диссимилятивное яканье*, т.-е. произношение гласных **и** или **е** в слоге перед слогом с ударяемым **а** и гласной **а** („я“) перед слогом с ударяемыми гласными верхнего подъёма: вила, нисла, вилять (или: вела, несла, велять), бяру, няси, цвяты.

б) *сильное яканье*, т.-е. произношение **а** („я“) в 1-м предударном слоге независимо от характера гласного звука ударяемого слога: вяла, нясла, вялять, бяру, няси, цвяты, нясеш, сяло.

в) *ассимилятивно-диссимилятивное яканье*, т.-е. произношение **а** перед слогом с **а** и гласными верхнего подъёма (у, ы, и) и гласных **е** или **и** перед слогом с гласными **е**, **о**: вяла, нясла, вялять, бяру, няси, цвяты, нѐсеш, за селом, песок.

г) *умеренное яканье*, т.-е. произношение **а** („я“) в положении перед твёрдыми согласными и звука **и** (реже **е** закрытого) перед мягкими неслоговыми звуками, независимо от характера гласного звука ударяемого слога: вяла, нясла, бяру, цвяты, за сялом, пясок, вилять, ниси, нисеш, бильё.

д) *иканье*, т.-е. произношение **и** или **е** закрытого во всех случаях: вила, нисла, биру, цвиты, сило, писок, вилять, ниси, нисеш.

е) переходные от диссимилятивного к умеренному типы яканья, в которых диссимилятивность сохраняется только перед твёрдыми (тогда перед мягкими только **и**) или только перед мягкими (тогда перед твёрдыми только **а**).

По характеру произношения гласных звуков 1-го предударного слога перед слогом с гласными среднего подъёма, обозначаемыми буквами „о“ и „е“, диссимилятивное яканье представляет следующие виды:

аа. Задонский тип: перед слогом с тем **о**, которое получилось из некогда бывшего гласного звука **ъ** а в отрицании и предлогах кроме того перед слогом с тем старым **о**, которое в в.-р. говорах нигде не изменилось в **уо**, а также и перед слогом со звуками, получившимися из старых **е** и **ь**, произносится **е**, а перед слогом с тем старым **о**, которое в говорах изменяется в **уо** и с тем **е** (или другими звуками), которое получилось из старого **ѣ**, произносится **а** („я“): сяло, вясне, песок, за селом, ведешь, зелёный.

бб. Обоянский тип: в тех случаях, где в говорах аа произносится звук **е**, здесь произносится **и**; в остальных случаях—**а** („я“): сяло, вясне, писок, за силом, видешь, зилёный.

вв. Суджанский тип: перед слогом с **о**, как из старого **о**, так и из старого **ъ**, одинаково произносится **а**, а перед слогом с гласными **о**, **е** из старых **е**, **ь**, **ѣ** произносится **и**: сяло, пясок, за сялом, висне, видешь, зилёный.

гг. Донской тип: перед слогом со всеми гласными среднего подъёма произносится **и**: сило, писок, за силом, висне, видешь, зилёный.

Диссимилятивное и переходное аканье разных типов слышится главным образом в Курской и Орловской гг. и соседних с ними уу. Тульской и Воронежской г. г., а также в Донских округах Донской обл., сильное — в Рязанской, Тамбовской, Воронежской, вост. части Тульской и северных округах Донской обл., ассимилятивно-диссимилятивное яканье отмечено в вост. уу. Рязанской г., в Лебедянском у. Тамбовской г. и Усть-Медведицком окр. Донской обл.; точное распространение этого типа яканья и разграничение между ним и сильным яканьем на основании имеющегося матерьяла сделать нельзя. Умеренное яканье является наиболее обычным типом произношения предударных гласных в южных уу. Московской г. и, кажется, бо́льшей части Тульской г. и кроме того встречается в говорах Рязанской, Тамбовской, Пензенской и др. губ. Иканье свойственно

главным образом мещанским говорам, т.-е. является чаще всего у жителей городов, у торговцев и т. п.; у обычного сельского населения редко.

3. Произношение **в** перед согласными и в конце слова. В говорах Орловской и Курской губ., в бо́льшей части Тульской г. кроме самых северных и восточных уездов и в южных округах Донской обл. вместо **в** произносится **у**, которое является слоговым в начале слова и неслоговым после гласных: у хату, удова, у поли, деука, голоука, годоу, кроу, любоу; в остальных говорах **в** в этом положении звучит, как **в** губнозубное перед звонкими и **ф** в конце слова и перед глухими.

4. Произношение **к** после мягких неслоговых звуков. В большинстве говоров такое **к** непременно мягко: хозяйкя, чяйкю, Ванькя, Володькя, кулькя, уточкя, с огонькём и пр. В тех ю.-в.-р. говорах, где существует произношение твёрдого **к** после мягких (в Московской и в части Тульской Тамбовской и Пензенской г.г.) оно, повидимому, объясняется московским влиянием.

5. В некоторых говорах сохранилось различие между двумя видами ударяемого **о**: именно, старое **о** в известных случаях произносится похоже на **уо** (см. выше § 89.2 и ниже §§ 157а, 226, 231). Такое произношение отмечено между прочим в Задонском и Землянском у.у. Воронежской г., Михайловском у. Рязанской г., Елецком у. Орловской г. и кое-где в Курской г.

6. В окончании род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных в одних говорах является **г** (фрикативное): каго, чаго, яго, злога, синига и пр., в других – **в**: каво, чаво, яво, злова, синива и пр.

7. Вместо **ф** в значительной части говоров слышится **хв** или **х**: Хвёдар, Хвилип, хванарь, Хама и пр.

Есть и другие различия между ю.-в.-р. говорами.

§ 92. О с о б е н н о с т и ср.-в.-р. г о в о р о в. Главнейшими особенностями ср.-в.-р. говоров, т.-е. переходных говоров с с.-в.-р. основой и ю.-в.-р. наслоением являются следующие.

1. Аканье недиссимилятивное.

2. Произношение предударных гласных, соответствующих орфографическим „е", „я", различное. В бо́льшей

части говоров эти звуки совпали в одном звуке. По качеству этого звука в 1-м предударном слоге можно различать следующие виды произношения.

Еканье, т.-е. произношение в этом слоге звука **е** (не „ё“): село, река, петак, гледи (в Коломенском у. Московской г., Егорьевском у. Рязанской г., в Ардатовском и Арзамасском у. у. Нижегородской г. и др.).

Иканье, т.-е. произношение **и** или **е** очень закрытого, близкого к **и**: сило, рика, питак, глиди и т. п.; свойственно сильно отличающимся друг от друга по другим чертам а) московскому, так назыв. „литературному“ языку образованного общества, б) говорам частей Псковской и Новгородской гг., в) говорам ю.-в. уу. Нижегородской и части Симбирской гг., а также и другим говорам.

Яканье ассимилятивное, т.-е. произношение **а** („я“) только перед слогом с ударяемым **а**, а перед слогом с другими согласными **и** или **е**, по крайней мере, перед мягкими гласными: вялят, тябя, мянять, зятья, бяда, но вилиш тибе, сминил, пити, мишечик, в биде; перед твёрдыми: биды и бяды, нису и нясу; распространено главным образом в югозападных уу. Тверской и с.-з. уу. Московской г.

Яканье умеренное (объяснено выше, § 91, г). распространено в части Псковской г., бо́льшей части Московской г., в Нижнем Поволжье и др. местах.

Яканье сильное (объяснено выше, § 91, б) распространено главным образом в средневеликорусских говорах Рязанской и Тамбовской г.г.

В некоторых (очень немногих) средневеликорусских говорах, усвоивших аканье сравнительно недавно, продолжает сохраняться различие между предударными звуками, соответствующими орфографическим „е“ и „я“: иногда сохраняется предударное **а** после мягких, а в соответствии с орфографическим „е“ произносится **и** или **е** или разные звуки в зависимости от положения: пятак, десяти, но велять, менять, делить, село, река и т. п.; иногда различаются предударные звуки, восходящие к старым **е** (или **ь**) и **ѣ**; наприм., говорят: тепло, весна и т. п., но бида, писок и т. п.

3. В говорах Рязанской и Костромской г.г. отмечено произношение старого **о** в известных случаях, как **уо** или

похоже на **у** (ср. выше § 89,₂ и 91,₆); в других средневеликорусских говорах подобного произношения, повидимому, нет.

4. На месте старого ударяемого **ѣ** в большинстве говоров произносится **е**; в части Костромской г. в этих случаях встречается произношение **и** (мирить, вирить), а в части Рязанской г. (редко)—**йэ**: хлиэб.

5. **а** между мягкими („я“) в большинстве говоров не перешло в **е**: грязь, пряник, стоять, но кое-где произносят и **е**: грезь, преник, стоеть.

6. Звук **в** в большинстве говоров не заменяется через **у**, а в конце слов и перед глухими произносится, как **ф**; только в части Касимовского и Спасского уу. Рязанской г. и в Костромской г. встречается произношение с **у** слоговым в начале слова и **у** неслоговым после гласных вместо **в**: унук, деука, короу.

7. Звук **г** взрывный почти везде.

8. Звуки **ц** и **ч** различаются этимологически правильно в средневеликорусских говорах Псковской, Новгородской и западной части Московской г.г., а также в некоторых Поволжских говорах; в других говорах (напр., в восточной части Московской г., в ср.-в.-р. говорах Владимирской, Рязанской, Тамбовской г.г. и части Поволжья) на месте этимологических **ц** и **ч** является один звук, по бо́льшей части **ц** твёрдое, реже **ц** мягкое или шепелеватый звук, средний между **ц** и **ч**; в части говоров, различающих **ц** и **ч**, звук **ч** твёрдый (молчы, чыстый), в других, наоборот, очень мягкий, близкий к московскому **щ** (но отличающийся от него между прочим краткостью) или шепелеватый (само **ц** в таких говорах твёрдо).

9. **щ** и соответствующее звонкое сочетание звуков произносится в разных говорах различно: как **ш**, **ж** долгие твёрдые, как **ш**, **ж** долгие мягкие, как **шч**, **ждж** мягкие, как **с**, **з** долгие мягкие шепелеватые.

10. В некоторых говорах встречается шепелеватое произношение мягких **з**, **с** (т.-е. вместо них произносятся звуки средние между **з**, **с** мягкими и **ж**, **ш** мягкими).

11. В некоторых говорах (в Новгородской, Тверской,

з. части Московской г. и Касимовском у. Рязанской г.) отмечено дзеканье: дзядзя, пайдзём, цябя и пр.

12. В в. части Московской г. и ср.-в.-р. говорах Владимирской, Рязанской и Нижегородской г. г. встречается произношение с **к, г, х** мягкими вместо твёрдых после мягких неслоговых звуков: Ванькя и т. п.; на з. ср.-в.-р. территории такое произношение неизвестно.

13. Конечные мягкие губные отвердели в части ср.-в.-р. говоров Новгородской, Тверской и з. части Московской г.: сем, голуб, кров; в остальных говорах губные в этих случаях мягки.

14. В акающих говорах Новгородской и части Тверской г. встречается произношение с **н** долгим вместо **дн**: анна (одна) и пр.

15. Твор. мн. в бо́льшей, повидимому, части говоров оканчивается на **-ми**, в меньшей—на **-м**, т.-е. совпадает с дат.

16. В окончании 3-го л. обоих чисел глаголов **-т** твёрдо на С. ср.-в.-р. территории и в бо́льшей части Поволжья и мягко на Ю. (кроме Поволжья).

Различия между ср.-в.-р. говорами вызваны частью различным характером ю.-в.-р. говоров, влиявших на изменение ю.-в.-р. основы, частью — различиями в самой с.-в.-р. основе этих говоров. К различиям первого рода принадлежит, может быть, различие между сильным яканьем на В. и несильным на З., к различиям второго рода—различия, указанные в пп. 3, 4, 5, 6, 8, 9—11, 12, 13, 14 и др.

§ **92**а. С.-в.-р. говоры с намечающейся переходностью. В некоторых с.-в.-р. говорах оканье заменено аканьем лишь отчасти, т.-е. только при тех или других звуковых условиях, сохраняясь в остальных случаях. Быть может, ю.-в.-р. влиянием (непосредственно или через посредство переходных говоров) объясняется во многих с.-в.-р. говорах совпадение безударных **о** и **а** не в 1-м предударном слоге: **зълотой** и **зъ тобой**, **стърику** и **дъведу**, **выдъла**, и **вѣтъчка**. В части с.-в.-р. говоров безударное **о** сохранилось только после твёрдых согласных, а после мягких перешло в **е**; т.-е. вместо **вёсна**, **сёло**, **нёсу** теперь говорят: **весна**, **село**, **несу**. В некоторых говорах при сохранении оканья

после твёрдых согласных (вода и пр.) появляется яканье после мягких: вясна, дяла и пр. Наоборот, есть говоры, в которых при аканье после твердых согласных (вада) сохраняется **о** после мягких (вёсна). Наконец, можно заметить, что вытеснение **о** безударного после твердых и замена его звуком **а** происходит постепенно, при одних звуковых условиях раньше, чем при других. Так, в говоре Петровской вол. Егорьевского у. Рязанской губ. предударное **о** систематически заменяется звуком **а** только перед слогом с ударяемым **а**.

§ 93. Особенности переходных говоров от с.-в.-р. к б.-р.

1. Аканье недиссимилятивное.

2. Яканье сильное.

3. **ы**, как в б.-р., в соответствии с великорусским **о** или **е** перед **й** в таких словах, как мыю (1 ед.), мый повел., крыю, крый, шыю (шью), шый повел., в им. ед. муж. р. прилаг.: злый, худый и пр., в словах: шыя, помыйки. Впрочем, чаще в этих случаях произносятся **о** и **е** по-великорусски.

4. Звук **г** взрывный: **город, нога.**

5. Вместо **в** в конце слога может являться **у** неслоговое; наоборот, вместо **у** в начале слова нередко произносится **в**, а перед глухими согласными **ф**: в меня, ф тебя, врожай (т.-е. у меня, у тебя, урожай).

6. В бо́льшей части говоров на месте орфографических **ц** и **ч** произносится один звук: **ц** твёрдое в одних говорах, **ц** твёрдое шепелеватое (среднее между **ц** и **ч**) в других, **ц** мягкое или шепелеватый звук, близкий к **т** мягкому, в третьих. В остальных говорах существуют оба звука, причём **ч** часто произносится твёрдо, как и **ц**. Надо думать, что **и** в этих говорах раньше на месте **ц** и **ч** был один звук.

7. В некоторых говорах этой группы является дзеканье, т.-е. произносятся мягкие аффрикаты **дз, ц** вместо мягких **д, т**: дзеци, цихо, дзет, ацец.

8. В части говоров Псковской г. вместо мягких свистящих з, **с**, а также, в дзекающих говорах, **дз, ц** (из **д, т** мягких) произносятся шепелеватые звуки, близкие к **ж, ш, дж, ч** мягким, или же шипящие **ж, ш, дж, ч** мягкие.

9. Вместо **дн** обычно произносится **н** долгое: онна.

10. Встречаются неупотребительные в других великорусских говорах формы имен. мн.: городы, лесы, береги, хотя употребляют и формы: города, леса, берега.

11. Твор. мн. оканчивается на **-м**, совпадая с дат. мн.: за грибам, с вам, с хорошим людям.

12. 3 л. ед. и мн. ч. глаголов оканчивается обычно на **-ть** (т мягкое); окончание **-т** (твёрдое) встречается редко; в ед. ч. глаголов 1-го спряжения **-ть** может отпадать (не везде): несеть или несе и пр.

Из указанных черт на северновеликорусскую основу указывают пункты 4, 6, 8, 9, 11, белорусское же наслоение сказывается в пп. 1, 2, 3, 5, 7, 10, 12; впрочем, характер аканья и яканья этих говоров, отличный от характера аканья и яканья в соседних б.-р. говорах, уже этим самым указывает на переходность.

§ 94. Особенности б.-р. языка:

1. Аканье в широком смысле, т. е. совпадение безударных звуков, соответствующих орфографическим „о“ и „а“, и совпадение безударных звуков, соответствующих орфографическим „е“ и „я“.

2. **ы** (иногда **э**), **и** перед **й** или **j** в ряде случаев, где в в-р. **о, е**: а) в имен. ед. муж. р. прилагат.—злый, худый и худэй, який и якей; б) в глагольных формах: повел. мый, крый, вый, шый и пр., 1 ед. мыю, крыю, выю, шыю и пр., повел. пий, лий, вий и пр.; в) в словах: шыя, помыйки (=шея, помойки) и т. п.; г) в таких сложениях, как отыйти, подыйти и пр.

3. **о** из **е** ударяемого перед твёрдыми: сёла, ишов.

4. Мягкость согласных перед **е, и**: нива, низкий, несць.

5. Сочетания **ры (ри), лы, ли** в соответствии с в.-р. **ро, ре, ло, ле** между согласными в таких словах, как крышить, проглынул, крыви, блищить и др.

6. **у** редуцированное в начале слова перед согласной вместо **в**: ʸнук, ʸлес. После гласной такое **у** становится неслоговым: за ўнуком.

7. **у** неслоговое перед согласными и в конце слова вместо **в** и **л** после гласных: дереўня, попоў, воўк, пиў, пайшоў;

впрочем, в существ. и прилаг. на **л** и перед суфф. **-ка** обычно **л** сохраняется: гол, стол, палка.

8. Начальные **у** и **и** без ударения перед согласной редуцированы, а после слов, оканчивающихся на гласный звук, становятся неслоговыми: ʸнук, ʸже, ʸзнав, ⁱголка, ⁱграть; за ў нуком, не ўзнав, пыйграть, за йголкой; такое редуцированное **и** может и совсем утрачиваться: голка, грать, предлог „з“.

9 Мягкие губные в конце слов и перед j отвердели: сем, голуб, кроў, сып, семъю, бъю, пъю и пр.

10. **г** звучит, как гортанное придыхание, обычно, не перед звонкими и сонорными, глухое:ноһа, иһрать.

11. Дзеканье, т.-е. произношение мягких свистящих аффрикат **дз**, **ц** вместо мягких **д**,**т**: дзеци, дзет, цёмны.

12. Долгие мягкие зубные и шипящие в соответствии с в.-р. сочетаниями мягких зубных и шипящих с j: платьте (точнее: плацьце), судьдя (точнее: судьдзя), брусься, Илля, вяселля, клочча, божжа.

Сочетания **р** и губных с j обыкновенно сохраняются: перъя, рыбъя, семъя, кровъю, но в некоторых говорах и в этих случаях произносятся долгие **р** и губные: перра, рыббя, семмя, кровьвю.

13. **р** твёрдое в соответствии с в.-р. **р** мягким: рад, гразь, куру, бяроза, гарыть, рэзать.

14. Твёрдость всех шипящих, в том числе **ч**, **щ** и соответствующих им звонких: жыву, чыстый и пр.

15. Произношение **щ** как **шч** твёрдые: шчы, шчука; соответствующее звонкое сочетание произносится, как **ждж** твёрдое: вожджы, ежджаць. Диалектически известно и произношение с **ш**, **ж** долгими твёрдыми: шшука, вожжы.

16. **ц** твёрдое: цар, цэп и пр.; но **ц**, **дз** на месте **т**, **д** мягких произносятся мягко: дзеци, жыць, дзядзя.

17. Сохранение **к** твёрдого после мягких неслоговых звуков: хозяйка, полька, каньком и пр.

18. Свистящие перед падежными окончаниями местного и дат.-местн. на **-е** у основ на задненёбные: на лавце, на назе, на сасе, на парозе и пр.

19. Сохранение старых звательных форм на **-е**, **-у**: человече, волче, куме, брате, сынку и пр.

20. Отсутствие имен. мн. на -а от имён несреднего рода: городы, домы, лесы.

21. Формы местоимений: род.-вин.—мене, тебе, себе, дат.-местн. — табе, сабе.

22. Звук **г** (h) в окончании род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных: то́га, ничо́га, злога, доброга.

23. **т** (или **ц**) мягкое (**-ть,-ць**) в 3 л. обоих чисел глаголов. Диалектически эта форма встречается и без окончания **-ть** (только у глаголов 1 спряжения и у глаголов с ударением на основе в ед. ч.).

24. Шипящие перед окончанием повелит. наклонения у глаголов с основой на задненёбные: пячы, помажы и др.

25. Имен. множ. существительных при имен. числительных два, три, четыре: два сталы, три паны, чатыры мужики.

26. Формы вин. множ. от названий животных (не лиц) совпадают с имен. множ., а не родит.: есть раки, доить коровы, закладать кони.

27. Предлог „з“ вместо предлогов „с“ и „из“.

28. Вопросительная частица „ти“.

Кроме того, б.-р. язык отличается от в.-р. и отчасти м.-р. известными особенностями в интонации, ударении и словаре.

§ **95**. Деление б.-р. языка. Б.-р. язык распадается на два наречия: северовосточное и югозападное. Первое сближается по некоторым чертам с в.-р. языком, причём эта близость увеличивается от того, что значительная часть северовосточных б.-р. говоров подверглась вторичному влиянию со стороны ю.-в.-р. наречия. Югозападное б.-р. наречие, с своей стороны, представляет черты, сближающие его с с.-м.-р. наречием м.-р. языка.

§ **96**. Различия между наречиями б.-р. языка. Главнейшие различия между северовосточным и югозападным наречиями б.-р. языка следующие.

1. *Аканье* в ю.-з. наречии недиссимилятивное; в с.-в. диссимилятивное, несколько отличное от диссимилятивного аканья ю.-в.-р. говоров: на месте орфографических **а** и **о** после тве́рдых согласных в 1-м предударном слоге произносятся звуки, отличные от **а**, по качеству частью средние между **а** и **ы**, частью округленные, близкие к **о**, только не-

ред слогом с ударяемым **а**; перед слогом со всеми другими гласными в 1-м предударном слоге **а** чистое: въда, вады, ваде, даеть, горадок и пр.; гласный звук, являющийся перед слогом с ударяемым **а**, в восточных говорах этого наречия близок к **ы** и, может быть, даже совпадает с **ы** в западных, наоборот, звучит очень открыто и, может быть, частью перешел в **а**

2. *Яканье* в ю.-з. наречии сильное, в с.-в. — диссимилятивное. Белорусское диссимилятивное яканье в большинстве с.-в. б.-р. говоров отличается от диссимилятивного яканья ю.-в.-р. говоров; именно, здесь в 1 предударном слоге произносится **и** на месте орфографических **е, я** только перед слогом с **а**; перед слогом с другими ударяемыми гласными произносится **а**: вяду, вядзеш, бярэш, бяром, сяло, пясок и пр., но вила, з сила и пр.; поэтому такой тип яканья можно назвать белорусским. Но в части говоров Витебской, Смоленской и Калужской губ., принадлежащих к сев.-вост. б.-р. наречию, является и яканье, сходное с ю.-в.-р. яканьем Суджанского типа (см. выше § 91., вв).

В некоторых западных б.-р. говорах бывшей Гродненской и самых западных уездов Минской губ. (в теперешней Польше) отмечено еканье.

3. В ю.-з. б.-р. говорах имеется ряд черт, сближающих ю.-з. б.-р. наречие с м.-р. языком и отсутствующих в сев.-вост. б.-р. говорах. Таковы:

а. дифтонги (только под ударением) в соответствии с с.-м.-р. дифтонгами, ю.-м.-р. **і**.

б. имен. множ. на **ѣ** (т.-е. **е** в одних говорах и **иэ** в других): рубле, жанце, дзявке, панэ, сталэ или: рублиэ, жанцыэ, дзявкиэ, паныэ, сталыэ.

в. Именит. на **ѣ** от существительных женского и ср. р. при числит. „двѣ“: дзве руце, дзве сяле и пр.

г. 1 мн. наст. вр. и повелит. накл. на **мо** (рядом с формами на **м**): идемо, даймо.

д. 1 и 2 мн. повелит. на **ѣм, ѣте**: бярэм, бярэця, нясем, нясеця или бярыэм, нясиэм, бярыэця, нясиэця и пр.

е. Будущее сложное с „иму“: рабицьму, нясцимеш и пр. (рядом с образованиями с „буду“), и др.

4. Окончание **ть** (ць) в 3 ед. наст. вр. глаголов 1 спряж-

и глаголов с ударением на основе отсутствует в ю.-з. наречии: бярэ, нясе, зная, ходзя, и никогда не отпадает в сев.-вост. наречии: нясець, знаиць, ходзиць.

5. Окончание **те** (це) во 2 мн., если на него падает ударение, в ю.-з. наречии произносится со звуком **е**: идзице станце́, спице́, дасце́, ясце́, в сев.-вост. — со звуком **о**: спицё, дасцё, ясцё.

6. Форма 3 ед. наст. врем. глагола „быть" в ю.-з. наречии произносится со звуком **е**: **есць**, **есь** или **е**, в сев.-вост. —со звуком **о**: ёсць, ёсь.

7. В 1 мн. наст. вр. у глаголов с основами на твёрдые согласные перед окончанием **ом** в ю.-з. наречии произносятся те же твёрдые согласные: идом, нясом, пяком и пр., в сев.-вост. —согласные мягкие или шипящие: идзём, нясём, пячом.

В говорах северной части Витебской г. встречается цоканье.

§ 97. **Переходные б.-р. говоры с ю.-в.-р. наслоением.** Часть сев.-вост. б.-р. говоров подверглась ю.-в.-р. влиянию и образовала переходные говоры от б.-р. к ю.-в.-р. Признаками переходности этих говоров служат, между прочим, следующие черты.

1. Отсутствие дзеканья.

2. Произношение задненёбного фрикативного звонкого звука вместо придыхания.

3. Наличность **р** мягкого, причём в некоторых из этих говоров **р** мягкое и твердое смешиваются: бура, старяться, гряница, гразь и пр.

4. Мягкое **ч**: чистый, хачю и пр.

5. Долгие **ж** и **ш** в соответствии с **ждж** и **шч** чистых б.-р. говоров: ежжу, пушшу и пр.

6 Утрата **у** неслогового из **л**: волк, зайшол и пр.

7. Сочетания мягких зубных с j: свинья, платья и пр.

8. Падежные формы на **ге**, **ке** **хе**: наге, руке, сахе и пр.

9. Именит. ед. прилаг. на **ой**: злой, худой и пр.

10 **в** в род. ед. прилагат.: злова и пр.

11. Именит. мн. от имен муж. р. на **а**: города и пр.

Количество таких черт возрастает по направлению к востоку и убывает к западу. Повидимому, как переходные.

следует рассматривать и некоторые из тех говоров со смягчением **к** после мягких неслоговых, в которых **к** не смягчается после **ч**: хозяйкя, деревенькя и пр., но дочка и т. п.: отсутствие смягчения **к** после **ч** может указывать на то, что **ч**, которое теперь звучит в таких говорах мягко, раньше было твёрдым.

Малорусский язык,

§ **98**. Малорусские особенности. Главнейшие черты, общие всем чистым м.-р. говорам, следующие [1]).

1. На месте старых **о** и **е** в новых закрытых слогах [2]) являются не те звуки, какие в открытых слогах: нуос, нус или ніс, принюос, принюс или приніс, пієч или піч, но: носа, принесла, печи. Что касается **о** и **е** не старых, а из бывших некогда **ъ** и **ь** (см. § 131), то такие **о** и **е** в новых закрытых слогах сохраняются: сон, день и пр. (из старых сънъ, дьнь).

2. **е** (старое и из **ь**) перед старыми твердыми согласными последовательно перешло в **о** только после шипящих, как под ударением, так и без ударения: шовк, жовтий, жонатий, чорний, чоловік.

3. В соответствии с в.-р. **о** и **е** перед **й** является **и** в им. ед. муж р. прилагательных: добрий, такий, дурний (или: добри, таки, дурни), в глаголах: мию, рию, вию, крию и пр., повелит. мий, рий, вий, крий, пий, ший, в существ. шия, помийки.

4. В соответствии с в.-р. **ро**, **ре**, **ло**, **ле** между согласными из старых **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** в открытом слоге могут являться **ри**, **ли**: кривавий, гриміти, глитати, слиза, а в карпатских говорах также **ир**, **ил**: кирвавий, силза.

5. **в** не перед гласными в начале слова может переходить в **у** редуцированное, а после гласных в **у** неслоговое: ʸдова, праўда, воліў.

6. **л** твердое перед согласными и в муж. р. прош. врем. глаголов перешло в **у** неслоговое или в **в**: дав, вовк.

---

[1]) Во всех м.-р. примерах орфография малорусская (украинская О ней см. Приложение I.

[2]) Т.-е. таких, которые получились вследствие выпадения гласных **ъ** и **ь** в следующем слоге.

7. **г** произносится, как гортанное придыхание.

8. Все согласные перед **е** твёрды.

9. В.-р. сочетаниям шипящих и мягких зубных с j соответствуют долгие (в одних говорах) или краткие (в других говорах) шипящие и мягкие зубные: життя, колосся, весілля, ніччу (ночью) или житя, колося, весіля и пр.

10. **щ** и соответствующее звонкое сочетание звуков произносятся, как **шч** и **ждж**, по твёрдости или мягкости однородные с остальными шипящими звуками.

11. **ц** вообще мягко, но перед **е,и** отвердело: криниця, криницю, но: отцеві и пр.

12. Сохранились формы на **зі, ці, сі** от имен с основами на **г, к, х**: на дорозі, в лузі, жінці (жене), в кожусі.

13. В именит. мн. не только местоимений, но и существительных с основами на мягкие согласные обычно окончание **ѣ** (т.-е. **іе** в некоторых с.-м.-р. и **і** в остальных говорах): с.-м.-р. коніе, гостіе, ю.-м.-р. мої, коні, гості.

14. Отсутствует именит. мн. на **а** от имён не среднего рода.

15. В род. ед. прилаг. и местоимений муж. и ср. р.—окончание **ого**: кого, доброго, всього.

16. Окончание **ть** или **т** в 3 ед. глаголов 1-го спряжения отсутствует: несе, знає, співає, или зна, співа (но хвалить, сидить, несуть, знають, мовчать и т. п.)

17. В повелит. накл. глаголов с основами на **г,к** являются перед окончаниями шипящие **ж,ч**: стережи, печи, стережіть, печіть.

18. Форма 1 мн. повелит. накл. отличается от 1 мн. наст. или буд. вр.: 1 мн. наст. или буд. вр.: беремо, станемо, пишемо, носимо, 1 мн. повелит накл. берім, станьмо, пишім, носім.

§ 99. Деление м.-р. говоров. Бо́льшую часть м.-р. территории занимают *южномалорусские* говоры, характеризующиеся тем, что в них старые **о,е** в новых закрытых слогах, как и старое **ѣ**, перешли в **і**: кінь, віз, ніс, пік, ліг, піч, сім, сіно, на руці (=конь, воз и вёз, нос и нёс, пёк, лёг, печь, семь, сено, на руке), а старые **ы,и** совпали в одном звуке, среднем между **ы** и **и**: син, синий, дим, низ и пр. (сын, синий, дым, низ). За выключением этих говоров остаются на севере м.-р. территории *северномалорусские* говоры, в

которых на месте старых **о,е** в новых закрытых слогах являются или дифтонги или гласные звуки, отличные от **і**, причём в тех говорах, в которых известны дифтонги, на месте старого **ѣ** тоже является дифтонг **іе**, а старые **ы,и** частью совпали в одном звуке, частью различаются, а на крайнем западе, по обоим склонам Карпат—*карпатские* говоры, в которых **ы,и** различаются (сын, дым, но синий, дивиться), а из старых **о е** в новых закрытых слогах частью является **і** (в большей части прикарпатских говоров на польском склоне Карпат), частью другие звуки (главным образом в закарпатских говорах, в пределах Чешскословацкой республики): нус, нюс=нос, пёс и др.). Южномалорусская группа в свою очередь делится на восточноукраинские, западноукраинские, галицкие и гуцульские (в Карпатах) говоры; среди северномалорусских различают восточнополесские, западнополесские и подляшские говоры, а на Карпатах—говоры восточной группы (бойков, верховинцев, замішанцев и др.), и говоры западной группы или руснацкие (лемков и лемаков).

§ **100** Различия между м.-р. говорами. Главные различия между южномалорусскими, северномалорусскими и карпатскими говорами указаны в § 99. Из остальных различий отметим следующие.

1. Звонкие шумные (**б,д ж з**, отчасти **в**) в конце слова и перед глухими сохраняют свою звонкость в украинских и с.-м.-р. говорах и перешли в глухие в остальных.

2. В таких словах, как зілля, каміння, свиння, суддя, життя и пр., в вост.-укр. и части с.-м.-р. являются долгие мягкие согласные, а в остальных говорах краткие: зіля, каміня, житя или зіле, каміне, жите, свиня, судя и пр.

3. Мягкое **р** в большей части с.-м.-р. и зап.-укр. говоров отвердело, в остальных говорах сохранилось.

4. Конечное **ц** в части м.-р. говоров (в галицких, гуцульских, части карпатских и с.-м.-р. и некот. др.) отвердело: отец, місяц; в остальных говорах мягко. Не в конце слова (не перед **е,и**) **ц** отвердело только в гуцульских говорах.

5. **т** в окончании 3 л. глаголов мягко в вост.-укр., закарпатских и части с.-м.-р. говоров и твёрдо в остальных: ходить, несуть и ходит, несут.

6. **а** после мягких (буква „я“) и шипящих под ударе-

нием в части с.-м.-р., зап.-укр. и галицких говоров и у гуцулов изменилось в є или и: п'єть, мнєсо, сєду и пр. или йивір, взьити, тьипко, тельита, земльи (им. ед.), жьилібно, в остальных говорах сохраняются: п'ять, мнясо, сяду, явір, взяти, тяжко, телята, земля, жалібно.

7. Все шипящие (ж ш ч дж,ждж,шч) кроме некоторых особых случаев¹) в большинстве м.-р. говоров твёрды, кроме гуцульских и части с.-м.-р. говоров, в которых все шипящие произносятся мягко: гуцул. жєба, жьилібно, чьис, с.-м.-р. жяба, вінчяти, жіто.

8. Вместо и в гуцульских и некоторых с.-м.-р., зап.-укр. и гал. говорах под ударением произносят е: ходети, бестриї, спеш.

9. Вместо неударяемого о в части с.-м.-р., зап.-укр. и галицких говоров произносят у: убід, муї, забуліла, ду вугню, мулуді, чулувік.

10. Мягкие т и д в гуцульских и закарпатских говорах и части галицких говоров обыкновенно заменяются к и г взрывным мягкими: кішко, хоків, залеків, сигят, гідо, вигів (=укр. тяжко, хотів, залетів, сидять, дідо, видів; буква г во всех примерах обозначает г взрывное).

11. В инфинитиве и прош. вр. глаголов быть и бывать в большей части м.-р. говоров кроме части карпатских говоров вместо ы является у: бути, був, була, бувати, бував и пр.; в части карпатских говоров, у так наз. „былаков“, сохраняется ы: быти, быв, была и пр.

§ 101. Так называемые „руснацкие“ говоры на краïнем западе м. р. территории (говоры лемков и лемаков) отличаются от остальных м.-р. говоров кроме того следующими чертами:

1. Ударение в этих говорах всегда на предпоследнем слоге: во́да, моло́дый и пр., кроме тех слов, где оно оказалось на последнем слоге вследствие стяжения: бесіде́, годе́, оне́ (=бесідує, годує, онєє).

2. Из некогда бывших сочетаний ръ,рь,лъ,ль между согласными в открытых слогах получились сочетания с глас-

---

¹) Напр., перед і: душі, гроші, шість, жінка, мовчіть и в 3 мн. глаголов 2 спр. біжять, сушять, мовчять.

ными перед плавной: гырміти, хырбет, кырвавий, сывза, (греметь, хребет, кровавый, слеза).

§ **102**. Говоры переходные от м.-р. к б.-р. На границе между с.-м.-р. и б.-р. говорами расположена полоса переходных говоров с с.-м.-р. основой, изменившихся под влиянием б.-р. говоров. Признаками переходности этих говоров служат следующие черты:

1. Аканье, часто неполное (напр., в части таких говоров сохраняется старое различие между **а** и **о** после ударения).

2. **о** вместо **е** после мягких согласных перед твердыми согласными и в конце слова: овёс, всё.

3. Мягкие согласные в соответствии с м.-р. твердыми согласными перед **и** из старого **и**: біті, тіхо и пр., а в некоторых говорах также перед **о** из **е** (см. п. 2) и перед **е**; хотя в большей части таких переходных говоров твёрдые согласные перед **е** сохраняются.

4. Дзеканье; впрочем, повсеместно **дз**, **ц** мягкие вместо **д**,**т** мягких только после **з**,**с**: роздзілити и т. п.; в остальных положениях дзеканье распространено меньше.

Остальные черты переходных говоров с с.-м.-р. основой те же, что и в других с.-м.-р. говорах. Б.-р. черты переходных говоров убывают по направлению к области чистых с.-м.-р. говоров.

§ **103**. Говоры переходные от ю.-м.-р. к ю.-в.-р. Такие говоры отмечены только кое-где на границе ю.-м.-р. с ю.-в.-р. и не тянутся по ней непрерывной полосой. Характерным признаком таких переходных говоров является аканье при твердом произношении согласных перед **е** и, частью, **и** и при м.-р. произношении **г**, как придыхания.

§ **104**. Польское и словацкое влияние на м.-р. говоры. Польское влияние сказывается на всем м.-р. яз., но состоит исключительно в наличности большего или меньшего количества заимствованных из польского яз. слов; в западных м.-р. говорах это влияние отражается также на употреблении некоторых грамматических форм, повидимому, заимствованных с польского, как, напр., им. мн. от названий лиц муж. пола на **ове**. Но в карпатских говорах польское и словацкое влияние отражается и на звуковом

строе; особенно сильно такое влияние в руснацких говорах, где оно идет не от польского, а от словацкого яз., как показывают многочисленные заимствованные из словацкого яз. слова с сочетаниями **ла**, **ра** вместо малорусских полногласных сочетаний: младый, слама, драга, здравя и др. Здесь словацким влиянием вызвано появление в известных случаях **ш** мягкого вместо **с**: шьватый, зродітша, вше (святой, родится, всё), **ц** вместо **ч**: овоц, міц, пец, уцтивый (овощ, мощь, печь, учтивый), **ц** в окончании инфинитива: спац, брац, и пр., формы 1 ед. глаг. на **м**, 1 мн. на **ме**.

Образование русских языков и наречий.

§ 105. Состав в.-р. языка. Рассматривая особенности в.-р. яз. и его наречий, мы можем заметить, что общие черты в.-р. наречий, объединяющие их в один в.-р. язык и отличающие в.-р. яз. от других русских языков, новее, чем черты, характеризующие каждое из этих наречий (с.-в.-р. и ю.-в.-р.) в отдельности, и что процесс слияния их в один язык продолжается до сих пор. Наоборот, индивидуальные особенности с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречий, как, напр., цоканье в с.-в.-р., аканье и фрикативное **г** в ю.-в.-р., старше эпохи образования в.-р. яз. и указывают на то, что раньше отношение между этими наречиями было другое; так, можно думать, что то др.-р. наречие, из которого потом получилось ю.-в.-р. наречие, еще до образования в.-р. языка одно время было тесно связано с наречием, позднее образовавшим б.-р. яз. или вошедшим в состав б.-р. яз., что еще раньше это наречие могло жить общей жизнью с предками и б.-р. и м.-р. языков (**г** фрикативное!), отделившись от севернорусского наречия.

§ 106. Состав б.-р. языка. Из двух наречий, на которые распадается б.-р. яз., ю.-з. наречие содержит ряд таких черт, сближающих его с м.-р. языком, которые нельзя считать вызванными м.-р. влиянием, а следует рассматривать, как черты, свидетельствующие о первоначальной близости ю.-з. б.-р. говоров к тому др.-р. наречию, из которого потом образовался м.-р. язык. Сев.-вост. б.-р. наречие не заключает черт, указывающих на исконную близость его к пред-

ку м.-р. яз.; наоборот, северные говоры этого наречия обнаруживают некоторую близость к с.-в.-р. наречию. В то же время б.-р. яз. в целом представляет ряд общих черт с ю.-в.-р., из которых главная—аканье. Но можно заметить, что близость б.-р. к ю.-в.-р. в сев.-вост. б.-р. говорах органичнее, так что получается такое впечатление, что сев.-вост. б.-р. говоры, первоначально, может быть (если не все, то частью), близкие к предку с.-в.-р. наречия, затем пережили период общей жизни с предком ю.-в.-р. наречия, а после слились с говорами, образовавшими ю.-з. б.-р. наречие, и передали им черты, развившиеся во время единства их с предком ю.-в.-р. наречия.

§ 107. **Выводы**. Таким образом, нынешний состав русских языков и наречий позволяет думать, что первоначальное распределение русских наречий было другое. К тому др.-р. наречию, из которого потом образовалось с.-в.-р. наречие в.-р. языка, и которое мы можем назвать севернорусским, первоначально принадлежали также говоры, образовавшие позднее северовост. наречие б.-р. яз., или, по крайней мере, часть этих говоров. В состав того др.-р. наречия, из которого позднее образовался м. р. яз., и которое мы назовем южнорусским, первоначально входили также говоры, образовавшие позднее югозап. наречие б.-р. яз. То наречие, из которого образовалось ю.-в.-р. наречие, и которое вслед за акад. Шахматовым я буду называть восточнорусским, некогда стояло ближе к южнорусскому, чем к севернорусскому, а затем пережило период общей жизни с говорами, образовавшими сев.-вост. б.-р. наречие, во время которого развилось аканье. После этого восточнорусское наречие сблизилось с севернорусским, от которого еще задолго до этого отпали его югозап. говоры, а западнорусские говоры, легшие в основу сев.-вост. б.-р. наречия, сблизились с частью южнорусских говоров, которым передали аканье, и таким образом образовали б.-р. язык, который затем пережил период общей жизни с ю.-р. наречием. Те ю.-р. говоры, которые не вошли в состав б.-р, языка, образовали м.-р. язык.

§ 108. Более подробные сведения о диалектическом составе русских языков с детальным указанием диалекти-

ческих границ см. в издании Московской Диалектологической Комиссии: „Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением Очерка русской диалектологии. Составили члены Комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М. 1915“. К тому, что там говорится об аканье и яканье в ю.-в.-р. и б.-р. и о делении б.-р. говоров, следует сделать некоторые поправки согласно изложенному в настоящем очерке. При пользовании „Опытом диалектологической карты“ следует принять во внимание новые политические границы на территории, занятой русскими языками. Эти границы следующие:

Граница России и Финляндии идет от Ледовитого океана, начиная от западного берега полуострова Рыбачьего (между Варангер-фьёрдом и Александровской бухтой), на ю.-з. к старой границе между Россией и Финляндией и затем по этой границе до Финского залива. Граница России с Эстонией идет от Финского залива к ю. по р. Нарове и Чудскому озеру, далее вдоль западного берега Псковского озера и южнее в западной части Псковского у. Южнее Псковского у. Россия граничит с Латвией. Эта граница идет сначала приблизительно по старой границе между Псковской г. и Люцынским у. Витебской г., а затем направляется к ю., пересекая Дриссенский у. западнее г. Дриссы. Южнее З. Двины Россия граничит с Польшей. Эта граница идет приблизительно по границе между Дисненским и Полоцким у.у. до Минской г. Бо́льшая часть Минской г., кроме Новогрудского и Пинского уу., западных частей Минского и Слуцкого уу. и самой з. части Мозырского у., входящих в состав Польши, составляет Белорусскую республику. Таким образом, граница между собственно Россией и Белоруссией идет по границе между Минской и Могилевской гг., а граница между Белоруссией и Польшей —по границе между Минской и Виленской г. и далее по Минскому, Слуцкому и Мозырскому уу. Начиная от южной границы Минской г., Польша граничит с Украиной. Граница Польши и Украины идет в пределах прежней Волынской г., приблизительно вдоль границы между Овручским и Ровенским уу. и далее по Ровенскому и Острожскому у. Около Острога граница поворачивает на З. к бывшей границе

Острожского у. с Кременецким и идет на Ю. по в. границе Кременецкого у. до Галичины и далее—по р. Збручу, т.-е. по старой границе между Галичиной и Подольской г. до Днестра. Граница Украины и Румынии идет от Каменца-Подольска по Днестру до Черного моря. Граница Украины и Белоруссии совпадает со старой южной границей Минской г. Граница между Россией и Украиной, начиная от границ обеих с Белоруссией, вплоть до границ Области Войска Донского, совпадает со старыми границами между Могилевской, Орловской, Курской и Воронежской гг., с одной стороны, и Киевской, Черниговской и Харьковской гг.—с другой стороны, за исключением территории между Сновью (притоком Десны) и Десной, где граница идет по Черниговской г., оставляя Суражский, Мглинский, Новозыбковский и Стародубский уу. в пределах собственно России. Из бывшей Области Войска Донского в состав Украины входят з. часть Донецкого окр. со станицей Каменской, части 1 Донского и Черкасского округов и Таганрогский округ, причём г. Новочеркасск входит в состав России. На Кавказе южная граница России идет по Кавказскому хребту. Граница между Эстонией и Латвией вся лежит вне территории, занятой русскими народностями. Граница между Латвией и Литвой идет по границе между Курляндской и Ковенской г. г. и между Витебской и Ковенской г., граница между Литвой и Польшей — по ю. части Сувалкской г. и далее—по границе между Ковенской и Виленской г.г. и по Ново-Александровскому у. Ковенской г. Граница между Польшей и Чешскословацкой. республикой идет по гребню Карпат, т.-е. по старой границе между Австрией и Венгрией. Граница между Польшей и Румынией, повидимому, совпадает со старой границей между Галичиной и Буковиной. Таким образом, великорусский народ почти весь теперь находится на территории Российской республики, кроме нескольких деревень на З. от Псковского озера, вошедших в состав Эстонии, и частей Донецкого и 1 Донского округов Области Войска Донского, отошедших к Украине. Белорусский народ разделен между Россией, Белоруссией, Латвией и Польшей. Малорусский народ разделен между Украиной, Россией, Белоруссией (ю. часть Минской г.), Польшей, Чешско-словацкой республикой и Румынией.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ.

§ 109. Письмо было заимствовано русскими у южных славян, именно у болгар в X в. Вместе с самым искусством письма на Русь проникли и болгарские книги, как переведенные с греческого языка, так и оригинальные. Когда возникла русская письменность, она на первых порах представляла подражание той письменности, т.-е. язык старославянский стал для русских писателей литературным языком. Некнижного, живого русского языка писцы старательно избегали, пытаясь выражаться по возможности чистым старославянским языком, и достигли в этом отношении известных успехов. Не только чисто литературный, но и деловой язык надписей, грамот и прочих юридических и других актов мог представлять подражание языку болгарских царских канцелярий, хотя и в меньшей степени. Ср. на монетах Владимира Святого надпись „Владимиръ на столѣ“ вместо русского „Володимиръ“..., в грамоте великого князя Мстислава Юрьевскому монастырю около 1130 г.: „Се азъ“ вместо русского „язъ“ и т. п. Кроме того, самая старославянская азбука была приспособлена к звукам старославянского, а не русского яз.; поэтому для некоторых звуков не хватало букв, как, напр., для сочетания согласных, являвшегося в таких словах, как „дъждь“ („жд“ здесь старославянское правописание, не соответствовавшее русскому произношению[1]), позднее—для сочетания мягких согласных с **о** („рублевъ“) и т. п.; для других звуков были лишние буквы, напр. „оу“ „у“ и „юс большой“ для звука **у**, и орфография поэтому в русских памятниках была старославянская. Но русские писцы уже в XI в. (от X в. до нас не дошло памятников) при чтении старославянских текстов на место звуков старославянского языка подставляли свои звуки в тех случаях, когда соответствующие старославянские звуки отсутствовали в русском языке. Поэтому они читали по-старославянски, не по-русски „градъ“, „плѣнъ“, „рабъ“, так как являю-

[1]) В русском яз. в XIв. в этом слове и в других однородных случаях произносилось **ждж** в южнорусских говорах и какое-то звуковое сочетание, передававшееся буквами „жг“, в севернорусских говорах.

щиеся в этих словах звуки и звуковые сочетания существовали и в русском языке (ср. братъ, блѣдьнъ, радъ), но читали с **у**: рука, мужь, и пр., там, где в старославянских текстах стояла буква „юс большой", принимая ее за обозначение своего звука **у**. Вследствие подстановки на место звуков, обозначавшихся известными буквами ст.-сл. письма, звуков своего языка, соответствующих в других словах этим буквам, русские писцы некоторые старославянские слова стали читать, а иногда и писать несогласно ни с русским, ни со старославянским произношением. Так, старославянское „свѣшта", которое могло писаться „свѣща", русские читали с **шч** мягким, хотя в русском яз. этому слову соответствовало с в ѣ ч а с **ч**. К такому искусственному, не согласному ни со старославянским, ни с русским живым произношением чтению, а частью и правописанию, восходят такие слова русского литературного языка, как 1 ед. трепещу, род. ед. ея (по новому правописанию „ее") и др.

Благодаря такому чтению старославянских текстов те особенности старославянской орфографии, которые оставались при этом чтении не переданными в произношении писцов, мало-по-малу стали изменяться, и таким образом возникло русское правописание старославянских текстов, опиравшееся на русское чтение этих текстов. Памятники старославянского языка с таким правописанием вазываются памятниками р у с с к о г о и з в о д а.

§ 110. Русское правописание старославянских текстов уже в XI в., от которого дошли до нас древнейшие памятники русского письма, не было везде вполне однородным: орфография памятников представляет большое разнообразие в зависимости от местности, от степени грамотности и других индивидуальных особенностей писцов. Очевидно, строго урегулированной орфографии не было; но известная орфографическая система была. Общерусские черты правописания с XI в. такие. Буквы „юс большой" и „оу", „юс малый йотированный" и „а йотированное" с самого начала смешиваются; уже с конца XI в. в большинстве памятников буквы „юс большой" и „юс малый йотированный" почти не употребляются (случаи их написания, по большей части единичные, попадаются еще в некоторых памятниках 1-й половины

XII в.). Вместо старославянского „жд“ в тех словах, где этому сочетанию в русском языке соответствовало ж, пишется по большей части одно „ж“: вижю, вожь и пр., хотя встречается и „жд“. Старославянское сочетание „шт“ почти всегда передается буквою „щ“; только в некоторых памятниках XI и нач. XII в. встречается „шт“ (ищю, хощю, свѣща). Старославянские сочетания ръ, рь, лъ, ль между согласными в тех случаях, когда в русском языке им соответствовали сочетания с гласными перед плавными, по большей части передаются согласно с русским произношением через ър, ьр, ъл (откуда позднее ор, ел, ол): так, уже в 1-м почерке так наз. Остромирова Евангелия: вьрха, пьрстъ, испълнь, напълниша; рядом с этим встречается написание, повидимому, чисто графического происхождения, с гласными по обе стороны плавных: скърьбь, съмьрьти, мълъва, цьрькъви; есть однако памятники, сохраняющие, правда, непоследовательно, старославянское правописание. Старославянское „ѣ“ пишется правильно только в тех словах, которым соответствуют русские слова с ѣ: дѣло, тѣло, члсвѣкъ, мънѣ и пр.; в тех случаях, когда такого соответствия не было, правописание не выдержано; так, в старославянских сочетаниях **рѣ**, **лѣ**, соответствовавших русским полногласным сочетаниям **ере**, **оло**, писалось, начиная с XI в., и „рѣ“, „лѣ“ и „ре“, „ле“: брѣгъ, млѣко и брегъ, млеко; позднее, по большей части, возобладали написания с „е“ (но „плѣнъ“); в форме „тѣлесе“ и т. п. часто пишется „е“: „телесе“, потому что русская форма звучала „тѣла“; в дат. местоимений „тебѣ“, „себѣ“ часто писалось „е“, потому что в русском языке соответствующие формы звучали „тобѣ“, „собѣ“ и были формы род.-вин падежа „тебе“, „себе“.

§ 111. В части памятников XI и XII в.в., повидимому, главным образом южных заметно стремление различать буквы „**а** йотированное“ и „**ѧ**“, (юс малый нейотированный) „**е**“ йотированное и „**е**“ согласно старославянской орфографии, т.-е. не только в начале слога, где это не представляло труда, но и после согласных. Последнее для большинства русских писцов было нелегко, потому что в русском языке все согласные перед **а** из **е** носового, а в большинстве говоров и перед **е** уже в XI в. были мягки, а потому для различения

таких случаев, как „моля“ и „глаголя“, „вънати“ и „въня“ а в большинстве говоров и „небо“ и „за нього“ русский язык не давал указаний. Поэтому русские писцы, придерживавшиеся в этом случае старославянской орфографической системы, иногда делали ошибки: писали „а йотированное“ не только после „н“ и „л“, но и после „м“: „мя“ и т. п.; тем не менее, такие ошибки в памятниках, придерживавшихся этой системы, не очень многочисленны, потому что писцы, даже не зная точно старославянского произношения, могли усвоить правило писать „е и а йотированные“ только после „н“ и „л“, преимущественно в формах местоимения „и“ (оу нього, за ню), в глаголе „глаголати“, в склонении существительных, в глаголах с 1 ед. на—„ляю“, „няю“ и т. п. В памятниках, различающих „а йотированное“ и „а“, „е йотированное“ и „е“ после согласных, отмечается также различие между старославянскими л и н мягкими и немягкими особым значком при буквах „л“ и „н“. Опять-таки, и на это различие русский язык не давал указаний, и писцы должны были руководиться этимологическими соображениями (вроде того, что в формах „за нихъ“, „съ ними“ надо писать н с крючком). Понятно, что такое правописание в памятниках с этой системой не выдержано, и встречаются ошибки там где писцу не помогали его этимологические соображения.

В остальных памятниках различие между старославянскими мягкими и немягкими л и н перед гласными е, а (юс малый), и, ь не обозначается; поэтому буква „е йотированное“ употребляется только в начале слога, буква „е“ всегда после согласных, а в начале слога там, где в русском языке было не сочетание је, а е без јотации (етеръ, есе, евангелие), буква „а йотированное“ только в начале слога и буква „а“ только после согласных. Впрочем, под влиянием правописания, различавшего буквы „е“ и „е йотированное“, „а“ и „а йотированное“ после согласных, встречаются иногда случаи смешения этих букв. Такие случаи, напр. есть в севернорусских минеях конца XI в.

§ 112. В севернорусских памятниках с конца XI в. (древнейший—сентябрьская Минея Патриаршей Типографии приблизительно 1095 г.) севернорусское совпадение ц и ч в одном звуке вызвало смешение букв „ц“ и „ч“, которые упо-

требляются там безразлично для обозначения звука, получившегося после совпадения **ц** и **ч**, в течение всего последующего времени; никакой попытки заменить эти буквы одной буквой в севернорусском правописании сделано не было. Кроме смешения „ц“ и „ч“ севернорусское правописание характеризуется обозначением звукового сочетания, являющегося в таких словах, как „дъждь“, „пригвожденъ“ буквами „жг“: „дъжгь“, „пригвожгенъ“.

§ 113. В некоторых южнорусских памятниках то же по происхождению звуковое сочетание передаётся через „жч“: дъжчь Гал. Четвероев. 1144 г. (в этом памятнике это звуковое сочетание везде передаётся только в таком виде) и др.; очевидно, это написание читалось, как **ждж** (как читалось написание „жг“ в севернорусских памятниках, решить труднее). Соответствующее глухое звуковое сочетание обыкновенно везде передаётся буквою „щ“, но есть памятники, в которых вместо „щ“ пишется и „шч“, причём это „шч“ пишется не только в русских словах, но и в старославянских (где по-русски звучало **ч**): „имоушче“, „отвѣшча“ (Слова Григория Богослова XI в.).

§ 114. Кроме названных особенностей русского правописания, в русских списках старославянских текстов попадаются и другие отступления в сторону русского языка, как, напр., полногласные формы: оумерети и т. п., язъ вместо азъ, род. ед. ж. р. на ѣ: недѣлѣ, святоѣ, еѣ и т. п., но все эти особенности не более как неизбежные ошибки писцов, вызванные недостаточной грамотностью или недостаточной внимательностью.

§ 115. Несколько в ином положении оказывались русские писатели и переводчики, когда приходилось не переписывать со старославянских оригиналов, а переводить с греческого или другого языка или составлять что-нибудь новое. Здесь пишущему могло не хватить того запаса знаний старославянского языка, который он почерпал из знакомства со старославянскими памятниками, и в его работу проникали руссизмы такого рода, каких он избегал при переписке старославянских текстов. Так, писец „Остромирова Евангелия“ дьякон Григорий, отличавшийся исключительной по сравнению с писцами других памятников русского письма грамотностью,

пишет: „перегноувъ“, „Володимира“, „Новѣгородѣ“; русский переводчик церковного устава не позже XI в. пишет: „паголоцѣ“ и часто „сторона“, „переходить“, хотя во всех случаях, где приходится выписывать старославянский текст или употреблять слово, достаточно знакомое ему из старославянских текстов, он подобных ошибок не делает (см. Типогр. Устав № 142). Писец жития Феодосия Печерского конца XII в. часто пишет „печера“ вместо „пещера“; вероятно, в таком виде это слово было в его оригинале.

§ 116. Всё же можно заметить, что русские писатели и переводчики домонгольской эпохи допускали в своих произведениях руссизмы сверх тех, которые были установлены русским правописанием, ненамеренно и, насколько возможно, старались выдерживать литературный церковнославянский язык. Конечно, это легче было делать в таких произведениях, для которых имелись образцы для подражания в старославянских переводах и оригинальных произведениях. Поэтому церковнославянский язык чище и выдержаннее в службах русским святым, в житиях русских святых и в похвальных словах и поучениях, чем в летописях и исторических повестях. Отчасти по тем же причинам, отчасти и по другим церковнославянский элемент почти отсутствует в большинстве памятников юридического характера: в грамотах, Русской Правде и т. п.

§ 117. Изменения, происходившие в русском языке, отразились и на правописании памятников русского письма. Сильнее всего отразилась на нем судьба гласных **ъ** и **ь**. Эти гласные звуки, как особые звуки, отличные от других гласных, существовали в русском языке в то время, когда русскими была получена письменность. Утрата этих звуков в одних случаях и совпадение их со звуками, получившимися из старых **о** и **е**, в других случаях сделали крайне затруднительным, иногда даже невозможным различение на письме букв „о“ и „ъ“, „е“ „ь“ в одних случаях и положений, где нужно писать „ъ“ и „ь“ и где их не нужно писать в других случаях. Вследствие этого, в конце концов, в русском письме установилась орфография, по которой „ъ“ и „ь“ там, где обозначавшиеся ими звуки совпали с рефлексами старых **о** и **е**, были заменены буквами „о“ и „е“, а там, где

соответствующие звуки выпали, могли не писаться. Но прежде, чем такая орфография установилась, в памятниках русского письма мы наблюдаем нередко случаи смешения букв „о“ с „ъ“ и „е“ с „ь“.

Понятно, что с развитием русской письменности число руссизмов в русском письме должно было увеличиваться. Самые церковнославянские тексты уже переписывались не со старославянских оригиналов, а с русских списков. Тем не менее, церковнославянская традиция никогда не умирала.

§ 118. Сходную судьбу имел церковнославянский язык и у южных славян. И там болгарские и сербские переписчики вносили в церковнославянские тексты черты своих языков. Вследствие этого церковнославянские тексты, переписанные сербами, болгарами, румынами и русскими, стали сильно отличаться друг от друга. С целью ввести однообразие в правописание церковнославянских текстов, в XIV в. в Болгарии была предпринята реформа правописания, связанная с именем Евфимия Тырновского.

§ 119. Эта реформа распространилась и на Руси, где ее успеху много содействовал митрополит Киприан (1390—1406 г.) и южнославянские деятели, прибывшие около этого времени в Россию, Пахомий Логофет и др. Введенная ими реформа вновь узаконила „юс большой“, „жд“ вместо русского „ж“ в таких словах, как „одежда“ и пр., сочетания „ръ“, „лъ“ между согласными вместо русских „ор“, „ер“, „ол“ и др. особенности болгарского правописания и графики. Конечно, русские писцы, употребляя букву „юс большой“, не умели отличать ее от букв „оу“ или „у“ и произвольно ставили одну букву вместо другой. Некоторые особенности этого нового правописания с течением времени были устранены: перестали писать „юс большой“ и по прежнему стали писать „ор“, „ер“, „ол“ между согласными но правописание „жд“ осталось; остались и некоторые другие новшества, введенные этой реформой.

§ 120. Таким образом, матерьял для суждения о русском языке в древнейшую эпоху мы можем извлекать из всех памятников, писанных русскими людьми, хотя бы эти памятники были только списками с южнославянских оригиналов. Но тот матерьял, который дают такие списки, позволяет су-

дить главным образом о фонетических особенностях русского языка, поскольку они отразились на правописании, значительно меньше — о морфологических и почти не дает представления о синтаксическом строе и лексическом составе русского языка писцов. Несколько более дают самостоятельные русские произведения и, отчасти, переводы церковного, поучительного и, в особенности, исторического характера, писанные хотя и по-церковнославянски, но не вполне выдерживающие этот литературный язык. Наконец, памятники делового письма: надписи, грамоты, договоры и пр. представляют более чистый русский язык, но зато по бо́льшей части очень бедны и однообразны по своему содержанию. Кроме того, при суждении о русском языке той или другой эпохи и области по юридическим памятникам, следует помнить, что отражающийся в них язык и при самом незначительном влиянии литературного церковнославянского языка может быть всё-таки далек от живого языка данной эпохи и области вследствие особой консервативности юридического языка: юридические формулы могут оставаться без изменения долгое время, хотя бы заключающиеся в них формы, слова и обороты давно были утрачены живым языком: так, новгородские грамоты XV в. иногда дословно и даже буквально повторяют содержание грамот XIII в.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЯ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.

I. Звуки, перешедшие в русский язык из общеславянского.

§ 121. Начальный момент в истории русского языка устанавливается на основании сопоставления его с другими славянскими языками. Таким моментом является или эпоха распадения общеславянского языка или эпоха распадения одного из языков, выделившихся из общеславянского, являющегося предком русского и каких-то других славянских языков. Так как вопрос о такой промежуточной эпохе между эпохой распадения общеславянского языка и эпохой образования русского (общерусского) языка может быть решен только по выяснении состава общеславянского языка эпохи его распадения, то перейдем к рассмотрению этого состава.

§ 122. Из о.-сл. языка перешли в о.-р. язык следующие звуки [1]: *гласные* чистые а, о, у, ы, е, и, ѣ, ъ, ь, носовые о^{н}, е^{н}, ѣ^{н}; в некоторых положениях, быть может, были ä, ö, ü, которых мы не можем с достаточной уверенностью отличить в таких случаях от а, е, у.

Согласные губные б, п, в (w), м, зубные или передненёбные немягкие д, т, з, с, н, плавные л, р, зубные мягкие з^{i},

---

[1]) Не следует забывать, что звуки любого праязыка не могут быть определены с такой же точностью, как звуки какого-ниб. живого языка. Поэтому обозначения: „о.-сл. **а**“, „о.-сл. **е**“ и т. п. — только приблизительные, даже условные названия тех или иных звуков о.-сл. языка, принадлежавших, как можно думать, к категории звуков **а** или к категории **е** и т. д. или близких к ним. При этом, напр., под термином „о.-сл. **е**“ следует понимать не только какой-ниб. один звук категории **е**, неопределимый более точно, но, может быть, и несколько звуков этой категории.

сⁱ, ж, ш, н₁, плавные лⁱ, рⁱ, аффрикаты ч, ц, дз и, может быть, дж, причём, быть может, среди шипящих аффрикат (дж и ч) различались аффрикаты с кратким и долгим затвором, далее — средненёбная j, задненёбные г, к, х и, может быть, гˣ, гортанное придыхание h.

Гласная и в сочетании с гласными и гласные ъ, ь в сочетаниях с сонорными согласными могли быть неслоговыми; наоборот, сонорные согласные (м, н, л, р) в сочетаниях с ъ, ь и перед согласными могли становиться слоговыми.

Гласные.

§ 123. **а** являлось в положении после согласных и й (т. е. и неслогового); что касается **а** в начале слова, то еще раньше в общеславянском языке перед всяким начальным **а** развивалось й или j; ср. р. яблоко, м.-р. ябко, п. jabłko, с. jабука с лит. obûlas, нем. Apfel, или р. ягненок, п. jagnię, с. jагње с лат. agnus и т. п. Отсутствие j перед начальным **а** в некоторых старославянских и нынешних болгарских говорах (азъ, агньць, аблъко) можно объяснять вторичной утратой начального j. Но во всех славянских языках имеется несколько слов (союзов и местоимений) с начальным **а**, восходящим к о.-сл. эпохе: р. а, ась, али, акой (с ударением на **а**), ажно, авось, ан, ст.-р. аче, аже, п. a, aby, acz, ale, albo, ст.-сл. а, аже, акы, амо, аще, с. а, ако, али, амо и т. д. Акад. Фортунатов связывает эти слова с латинским указательным местоимением hic, haec и пр. и думает, что в этих словах в о.-сл. было перед **а** придыхание, сохранившееся между прочим в лужицких языках и в говорах чешского языка. По мнению проф. Мейе, начальное й в о.-сл. развивалось первоначально только между гласными, а потому в начале тех слов, которые, как о.-сл. **а**, употреблялись преимущественно в начале речи, такое й не должно было развиться; начальное же придыхание в чешском и лужицком могло быть вторичным. Остальные русские слова с начальным **а** заимствованы уже в русском языке из других языков: алый (турецк.), алчный (церк.-слав.) и т. п.

§ 124. **о** в о.-сл. могло быть только после твёрдых согласных и в начале слова: добръ, огнь и т. п., так как после мягких согласных еще раньше в о.-сл. оно изменялось

в е (земл^i^ejo^н^, кон^i^емъ); правда, в р. и с.-з. славянских языках, а в падежных окончаниях и в ю.-сл. языках теперь есть о и после мягких и шипящих: р. сёла, сёстры, п. siołо, siostra, р. жоны, п. żona, р. конём, землёй, с. земљом, чашом, но оно явилось позднее, как на это указывают и старинные памятники тех же славянских языков и сами живые славянские языки; ср. с.-в.-р. жона, п. żona с русским же женин, ст.-сл., с. и б. жена, словин., ч. и словац. žena.

§ 125. у являлось в различных положениях; впрочем, после мягких неслоговых звуков, может быть, в о.-сл. было не у, а ü (см. § 136). Русское у восходит не только к о.-сл. у, но и к о.-сл. о^н^ (см. §§ 133, 172).

§ 126. ы могло быть только после твёрдых согласных; теперь оно сохранилось, как звук, отличный от и, только в русских языках (не везде) и с.-з. славянских языках, но засвидетельствовано также памятниками ст.-сл. и ст.-ч. языков. В нынешних русских и с.-з. славянских языках ы не в начале слова является только после твердых губных и зубных (в широком смысле) согласных, в том числе после шипящих. Но из древне-р., ст.-п. и ст.-сл. памятников мы видим, что первоначально в этих языках, а следовательно и в о.-сл. у могло быть также и после задненёбных, ср. др.-р. и ст.-сл. рѣкы, хытрыи, гыбѣль, и что ы после шипящих вторичное, вследствие отвердения шипящих.

§ 127. е в о.-сл. вообще было только в положении после согласных; перед некогда бывшим начальным е еще раньше в о.-сл. развивалось й или j, ср. р. ёж, есть (наст. вр.), ст.-сл. ѥжь, ѥсть, с. јеж, јест, п. jeż, jest с лит. eżys, esti, латин. est и т. п. Но 1. в некоторых словах, именно в указательной частице „э“ и сложных с нею j перед е отсутствует во всех славянских языках; вместо него в б.-р., м.-р. и з.-слав. языках является придыхание: в.-р. э, эво, эна, этот, энтот экой, м.-р. гегь, б.-р. гэтый, ст.-сл. еда, еша, есе, етеръ (в памятниках, различающих е и ѥ), с. е, ево, еда, ено, ето, п. het, ч. диалектич. henten, hena, hevo. Наиболее вероятным является объяснение акад. Ф. Ф. Фортунатова, по которому эта частица в о.-сл. звучала с придыханием: „he“ (Фортунатов сопоставляет ее с латин. hunc, hic и греч. ἕτερος), которое в части славянских языков утрачено — 2. В других

словах в большинстве славянских языков в начале слов перед **е** является j, но некоторые ст.-сл. памятники указывают на отсутствие j: един, езеро, есень; в русских языках в соответствии с таким **е** является начальное **о**: озеро, осень один, овин, олень, осетр; повидимому, начальное **о** в соответствии с **е** ст.-сл. и je других славянских языков в русском является только в том случае, если в следующем слоге гласные **е** или **и** [1]); поэтому можно думать, что в этом положении гласная **е** еще в о.-сл. подвергалась (может быть, только диалектически) какому-то изменению, вызывавшему далее диалектическое отпадение начального j; русские языки восходят к тем говорам о.-сл. языка, в которых начальное j перед **е** в таком положении отпало; изменение же начального **е** в **о** произошло уже в эпоху отдельной жизни русского языка. Кроме начального **е** в словах, перешедших с таким звуком из о.-сл. языка, в русском языке подвергалось изменению в **о** и то начальное **е**, которое было в словах, заимствованных из других языков, ср. собственные имена Ольга, Олёна, Остап, Овдотья, Офимья, Офрем (ср. фамилию Афремов), др.-р. октенья, опитемья, олей и т. п., заимствованные из скандинавского и греческого языков, где они звучали, как Helga, Ἑλένη, Εὐστάφιος, Εὐδοκία, Εὐφημία, Ἐφραίμ, ἐκτενία, ἐπιτιμία, ἔλαιον. Помимо начального **е** в русском языке подвергалось значительным изменениям и **е** в других положениях. Об этих изменениях будет сказано в своем месте.

Примечание 1. Существует мнение, принадлежащее проф. А. Мейе, что перед **е** в названной выше указательной частице и сложных с нею словах в о.-сл. придыхания не было, а j или й не развилось потому, что оно развивалось только между гласными в середине речи, а все эти слова являлись в о.-сл. только в начале речи, т.-е. отсутствие начального j здесь вызвано теми же причинами, как и отсутствие начального j перед **а** в союзе „а“ и некоторых частицах, начинающихся с **а**; придыхание же, имеющееся в б.-р., м.-р. и з.-сл. языках, развилось позднее. Признавая, что нет препятствий к тому, чтобы считать придыхание в названных

---

[1]) **о** в „одна“ по аналогии с „один“; в „ольха“, вероятно, **о** старое.

языках вторичным, я тем не менее не думаю, чтобы в этих словах было в о.-сл. начальное **е** без придыхания, потому что всякое начальное **е** (а такое **е** в русском языке некогда было) переходило в русском языке в **о**.

Примечание 2. **е** не могло быть так же после согласных задненёбных (г,к,х,) потому что они перед **е** еще раньше в о.-сл. переходили в мягкие шипящие: печеши, ле^{н}жеши (2 ед., ср. 1 ед. пеко^{н}, ле^{н}го^{н}); после мягких свистящих з^{i} или дз^{i}, ц, с^{i} звук **е** мог быть только в падежных окончаниях (почему—см. ниже § 147): отьцемъ, вьс^{i}е, стьз^{i}ejo^{н} или стьдзеjo^{н} (в словах село, земля и др. свистящие не были мягки.)

§ 128. **И** являлось в разных положениях. Не после согласных следует различать **и** долгое (или јиˌ йи) и **и** краткое или **ь** (перед **и** кратким, может быть, было й, перед **ь** непременно должно было быть или ј или й). **и** долгое можно предполагать в о.-сл. в таких словах, как р. искра, с. искра, ч. jiskra, в окончании им. мн. прилаг.: ст.-сл. зълии, р. волчьи, чьи, в падежных окончаниях существительных ж. р. с основой на й: р. молнии (дат.-местн. ед.) и т. п. Относительно случаев с **и** кратким или **ь** отдельные славянские языки не дают вполне ясных указаний на то, в каких случаях было **ь**, в каких **и**, ср. р. ёмкий, с. јамац, указывающие на старое **ь**, но ст.-сл. имъше (им. мн. м. р. прич.); в.-р. игла, указывающее на старое **и**, но м.-р. єгла, ч. jehla, р. наём, боец, с. нaјам, бојац, п. najemny, ч. zajem, bojec, но ст.-сл. наимъ, достоинъ, воинъ и пр., в.-р. литерат. яиц, яичница, в.-р. диалект. и б.-р. яец, яєшня, м.-р. яєць, п. jajeczny. Шахматов думает, что в подобных случаях о.-сл. язык первоначально имел јь под ударением и йи без ударения; потом одни формы могли влиять на другие. В положении перед слогом, в котором были **ъ** или **ь** слабые (см. ниже, § 131), **и** краткое или **ь** не в начале слова выпали или перешли в **й** во всех славянских языках, ср. р. займа, бойца, с. зајма, бојца, п. zajmu и пр.

После согласных **и** получилось в о.-сл. только из долгих гласных и дифтонгов балт.-сл. языка и потому в эпоху распадения о.-сл. языка в большинстве случаев было долгим.

§ 129. **Ѣ**. Звуком **ѣ** о.-сл. языка называется **тот** звук, к

которому восходят звуки ст.-сл. и р. языков, обозначающиеся в памятниках этих языков буквою „ѣ“. О.-сл. ѣ представляло дифтонг **ие**, как можно заключать из того, что 1. ему до сих пор соответствует **иэ** в архаических с.-в.-р. и с.-м.-р. говорах, а также в словацком и лужицких языках, и сочетание **ије** или **је** после согласной в некоторых говорах сербского языка (дијело, дјед и пр.); 2. чешское **е** со смягчением предшествующего согласного звука из ѣ могло получиться только из **йе**, так как перед **е** согласные в чешском не мягки; 3. в тех русских и сербских говорах, где ѣ не сохранилось как дифтонг или сочетание **ије**, **је**, оно перешло в **е** или в **и**; также и в чешском из ѣ получилось или е или і, а такая двойственность легче всего объясняется из первоначального **ие**. В польском ѣ перед твердыми зубными перешло в **а**, а в остальных положениях в **е**, в обоих случаях со смягчением предшествующей согласной, в западноболгарском во всех положениях в **е**, а в восточно-болгарском в **а** перед твердыми согласными и в **е** в остальных положениях. Примеры: р. дед, б. дѣдъ (в новом правописании: дяд), с. дјед, п. dziad,; р. дети, б. им. ед. дѣте (нов. правоп. дете), с. им. ед. дијете (мн. дјеца), п. им. мн. dzieci; р. снег, б. снѣг, (нов. правоп. сняг), с. снијег, п. śnieg и т. п.

§ 130. О.-сл. ѣ было двоякого происхождения: 1. из балт.-слав. **е** долгого и 2 из дифтонга **ой** [1]). Но еще раньше перехода **ой** в ѣ в о.-сл. в положении после мягких неслоговых звуков **е** долгое изменялось в **а** долгое[2]), а **о** переходило в **е**; поэтому вместо **ой** являлось **ей** изменявшееся затем в **и** [3]); таким образом, ѣ в о.-сл. получалось только из тех **е** долгого и **ой**, которые были в положении не после мягких неслоговых звуков; но если перед **ой** были согласные

---

[1]) Буква „о“ здесь условно означает тот краткий гласный звук, который в эпоху распадения о.-сл. языка звучал, как **о** очень открытое, но был ли он звуком **о** в более раннюю эпоху, когда произошло изменение этого звука в **е** и дифтонга на й, содержавшего этот звук, в ѣ, мы не знаем; он мог звучать и как **а** краткое; из того балт.-слав. звука, к которому восходит о.-сл. **о**, в балтийских (лит. и латыш.) языках получилось **а**.

[3]) Такое **а**, напр., в словах жар, час; в некоторых инфинитивах на -ать после шипящих: кончать, молчать.

[2]) Такое **и**, напр., в старой форме дат.-местн. ед. земли.

задненёбные, то при изменении **ой** в **ѣ** они переходили в мягкие свистящие: рѣцѣ, нодзѣ и пр. Следовательно, перед **ѣ** в эпоху распадения о.-сл языка из мягких согласных могли быть только свистящие **ц**, **с**, **з**, или дз и не могли быть шипящие. Следует заметить, что еще в о.-сл. **ѣ** в конце слова при каких-то условиях переходило в **и**; такое **и** было, напр., в имен. ед. мати (ст.-сл. мати „мать“), им. мн. вьлци, горди (ст.-сл. влъци, гради „волки, города“, ср. нын. р. черти, ради, знали), повелит. иди, помодзи (нын. р. иди, неси, помоги) и пр.

§ 131. Гласные **ъ** и **ь** в о.-сл. были короче других кратких гласных и, вероятно, менее звонки, а потому называются иррациональными и глухими, а также редуцированными. Они являлись только в положении после согласных или **й**, причём перед **ъ** могли быть только согласные твёрдые, а перед **ь**—все согласные кроме задненёбных, изменивших ся в этом положении ещё раньше в шипящие. Гласные **ъ** и **ь** были двух видов: 1. сильные — в 1-м слоге слова под ударением: дъско^{н} и т. п., и перед слогом, содержавшим слабые ъ, ь: сън^{ъ}, вьс^{ь}, б^{ь}рьв^{ь}но, род. мн. бьр^{ь}вьн^{ъ}, ж^{ь}ньц^{ь} жнец), род. ед. жьн^{ь}ца[1]) и т. п., и 2. слабые— в остальных случаях: с^{ъ}на, д^{ъ}ска и пр. Судьба их в славянских языках сходна: сильные **ъ** и **ь** перешли в те или другие гласные полного образования, а слабые выпали. Указание же на то, что в о.-сл. существовали еще в эпоху его распадения **ъ** и **ь** слабые, как особые гласные звуки, дают древнейшие письменные памятники ст.-сл. и русского языков, свидетельствующие о сохранении этих звуков в этих языках в эпоху появления на них письменности. Качество гласных **ъ** и **ь** в о.-сл. точно установить нельзя, потому что в разных славянских языках из них получились различные гласные звуки, но на основании того, что из **ъ** сильного получилось **о** в русском, нижне-лужицком, словацком и говорах ст.-сл. языка, **е** в польском, кашубском и чешском, **а** в сербском и **ъ** в болгарском (примеры см. в § 12), причём согласные перед этими звуками везде твёрды,

---

[1]) В приводимых примерах **ъ**, **ь** сильные передаются строчными буквами, а **ъ** и **ь** слабые—маленькими буквами вверху строки.

можно думать, что о.-сл. **ъ** в эпоху распадения о.-сл. языка было звуком среднего ряда, неверхним (должно быть, среднего подъёма), с слабым округлением (более слабым, чем в **о**) или даже без округления. Правда, в старых заимствованиях из германских языков звуком **ъ** передавалось германское **u** или **о** закрытое: гъте (готы), кънязь (kuningas), с другой стороны, в старых финских заимствованиях из славянского славянскому **ъ** соответствует **u**: talkkuna „толокно“ и пр., но эти соответствия могут объясняться тем, что заимствования относятся к тому периоду о.-сл. эпохи, когда еше балтийско-славянское краткое **у** не перешло в **ъ**. Что касается **ь**, то смягчение согласных перед **ь** в русских, с.-з. славянских и болгарском языках указывает на то, что это был звук переднего ряда (палатальный), быть может, с некоторой оттяжкой назад, а переход его в **е** почти во всех славянских языках позволяет считать его близким к **е**. Разница между **ъ** и **ь** сильными и слабыми, вероятно, состояла в том, что **ъ** и **ь** сильные были менее краткими, т.-е. были по количеству ближе к гласным звукам с нормальною краткостью, чем **ъ** и **ь** слабые.

§ 132. Кроме **ъ** и **ь** редуцированными по количеству могли быть также **ы** и **и** в положении перед **й**. Эти **ы** и **и** редуцированные были менее краткими в первом слоге слова под ударением и в том случае, если в следующем слоге (после j) было **ь** слабое или **и** краткое, и более краткими в остальных случаях (если после **й** следовала гласная полного образования). Более краткие **ы** и **и** редуцированные позднее в славянских языках должны были выпасть: в.-р. братья, с. браћа, п. bracia, в.-р. свинья, м.-р. свиння, с. свиња, п. świnia и пр., в.-р. диалект. умъю, мъю при литерат. умою, мою и пр., ср. ст.-сл. и др.-р. братиꙗ, свиниꙗ, др.-р. мыю Менее краткие **ы** и **и** редуцированные в большинстве славянских языков имели ту же судьбу, что и **ы**, **и** нередуцированные, в том числе **и** в м.-р. и в б.-р., но в в.-р. на месте такого **ы** явилось **о** или, очень редко, **э**, а вместо **и** —звук **е**: мою, мой (повел.), им. ед. прилаг. злой, худой при диалектич. мэю, мэй, злэй, худэй; шея; повел. пей, лей, шей, им. ед. чей, сам-третей, соловей, род. мн. друзей и т. п. ср. м.-р. мию, мий, злий (или зли), шия, пий,

чий, кочий, с. мијем, зли, шија, пиј, п. myję, zły, szyja.

§ 133. **о, е носовые.** На существование носовых гласных в о.-сл указывают только польский и кашубский языки, в которых носовые гласные сохранились, немногие македонские говоры, заменившие их сочетаниями гласных с носовыми согласными, и отчасти старославянский язык, в котором этим о.-сл. гласным соответствовали особые звуки, обозначавшиеся буквами „юс большой“ и „юс малый“. В остальных славянских языках носовые гласные перешли в неносовые. Определение о.-сл. носовых гласных, как **о** носового и **е** носового, условно, так как точно произношения их мы не знаем[1]). О.-сл. **о** носовому в ст.-сл. соответствовал звук, обозначавшийся буквою „юс большой“; в некоторых говорах ст.-сл. языка и в языках русском, сербском, чешском, словацком и лужицких **о** носовое перешло в **у** неносовое, в словенском в **о**, в болгарском в **ъ**, но в некоторых македонских говорах—в **ъм, ам** перед губными и **ън, ан** перед зубными согласными, в польском и кашубском в **е** и **о** носовые (причём старые немягкие согласные перед ними не смягчились). Примеры: р. зуб, род. зуба, б. зъб, макед. зъмб, замб, с. зуб, словин. zob, ч. zub, п. ząb, род. zęba и т. п. (Другие примеры см. § 12). Можно думать, что в тех говорах о.-сл. языка, к которым восходят русский, сербский, чешский и лужицкие языки, **о** носовое звучало близко к **у** носовому.

О.-сл. **е** носовому в ст.-сл. соответствовал звук, обозначавшийся буквою „юс малый“; в польском и кашубском на месте его являются **е** или **о** носовые с мягкостью предшествующей согласной (кроме шипящих, которые в этих языках отвердели); в южнославянских языках о.-сл. **е** носовое перешло в **е**, в русском и чешском в **а** с его видоизменениями, причём в русском согласные перед таким **а**, кроме **ж, ш** и **ц**, мягки, в чешском частью мягки, частью отвердели. Примеры: р. мясо, б. и с. месо, ч. maso, п. mięso, р. ряд, б. и с. ред, п. rząd.

---

[1]) Существует мнение, что в ст.-сл. носовые гласные по качеству звука были ближе к **ъ,ь**, чем к **о,е**.

§ 134. „ѣ носовое“ условное название того звука или звукового сочетания о.-сл. языка, из которого в о.-сл. получился звук, обозначавшийся буквою „юс малый“, в южнославянских языках **е**, а в русском и западнославянских— **ѣ** и те звуки, какие вообще получались в этих языках из **ѣ**. Этот звук являлся только в окончаниях вин. мн. имён и местоимений муж. р. и род. ед. и им.-вин, мн. имён и местоимений ж. р. с основами на мягкие неслоговые звуки и получался, повидимому, из более старого **jонс**; примеры: др.-р. конѣ, своѣ, еѣ, землѣ, доушѣ, нын. в.-р. все (им.-вин. мн.), её (с фонетическим изменением конечного **ѣ** в **о** после й), диалектич. мое, чье (им.-вин. мн.), м.-р. коні, мої, єї, доброї, землї, где ї из о.-р. **ѣ**, п. ziemie, dusze и др.; в ст.-сл. в окончании этих слов писался „юс малый“ или „юс малый йотированный“, и обозначалась особым значком мягкость **л**, **н**. Следует заметить, что, повидимому, при тех же фонетических условиях в русском и западнославянских языках в им. пад. ед. ч. муж. р. причастий наст. вр. получалось не **ѣ** носовое, а **е** носовое, откуда в русском **а**, в польском ę; р. зная, п. znaję. Возможно, что здесь действовала какая-нибудь аналогия; напр., знаjеⁿ могло получиться вместо знаjѣⁿ с **ѣ** носовым по аналогии с ходеⁿ.

Примечание. Изложенная здесь гипотеза, объясняющая русское **ѣ** и ст.-сл. „юс малый“ в падежных формах из о.-сл. **ѣ** носового, принадлежит акад. Ф. Ф. Фортунатову и принимается не всеми учеными. Не вдаваясь в подробности, обращу внимание на то, что выводить окончание **ѣ** в названных падежных формах в русском языке из о.-сл. диалектического **ѣ** неносового невозможно, потому что последнее в таком положении (после мягких несвистяших) в о.-сл. языке фонетически не получалось.

§ 135. **ö**, быть может, являлось в о.-сл. из **е** в положении после мягких или полумягких неслоговых звуков перед твёрдыми согласными, если только эта черта не развилась в северозападной славянской группе языков и в русском уже по выделении из о.-сл.

§ 136. **ü** в о.-сл. могло быть в положении после мягких неслоговых и соответствовало звуку **у**, являвшемуся в других положениях. Перейдя из о.-сл. языка между прочим в

ст.-сл. и в русский язык, звук ӥ обозначался в древнейших памятниках этих языков буквою „ю", между прочим и после шипящих, при которых не было надобности в обозначении мягкости согласной: шюмъ, бьъшю, чюти и пр.

§ 137. Количество гласных в о.-сл. языке. Количество гласных в о.-сл. языке было неодинаково. Мы уже отметили, что там были гласные ъ и ь, которые были короче других кратких гласных о.-сл. языка. Среди остальных гласных можно различать гласные краткие нормальной краткости и гласные долгие. Указания на различение долгих и кратких гласных в о.-сл. дают главным образом сербский, словинский и чешский языки, в которых до сих пор существует различие между долгими и краткими гласными, и отчасти некоторые явления польского и русского языков. Так как условия, при которых являются долгие и краткие гласные в сербском, словинском и чешском языках, не одинаковы, то точное выяснение того, какие звуки в о.-сл. языке были долгими и какие краткими, затруднительно. Можно установить, что первоначально в о.-сл. языке были долгими те гласные, которые для эпохи распадения о.-сл. языка определяются нами, как **а,у,и,ы,ѣ, о**ⁿ,**е**ⁿ,**ѣ**ⁿ, а краткими — **о,е**, но к эпохе распадения о.-сл. языка первоначальные долгие гласные в известных положениях (между прочим, по большей части в конце неодносложных слов) сократились, наоборот, **о,е** в некоторых случаях, повидимому, могли удлиняться (напр., перед слогом с гласными **ъ,ь** слабыми или не в конце слова под восходящим ударением).

Согласные.

§ 138. Губные. В о.-сл. языке, повидимому, были как губнозубная фрикативная согласная **в**, так и чисто губная, билабиальная **w**; последнюю впрочем нельзя отличить от о.-сл. **у** неслогового Значительная часть говоров русских и ю.-слав. языков указывают на о.-сл. **w** или **у** неслоговое перед **ъ,ь** и после согласных. **У** неслоговое перед **ъ,ь** слабыми, быть может, еще в говорах о.-сл. языка переходило в **у** слоговое (причём **ъ,ь** выпадали?), ср. м.-р., б.-р. и диалектич.

в.-р, удова, унук с с. и б. удовица, унук, р. литерат. вдова, внук, п. wdowa, wnuk.[1]).

§ 139. Звука **ф** в о.-сл. языке не было; он развился в некоторых наречиях русского языка позднее, частью же является в заимствованиях из других языков. До сих пор звук **ф** не известен многим м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. говорам.

§ 140. Нёбнозубные. Плавная согласная **л** в о.-сл языке была трёх видов: 1. твёрдое велярнозубное **л** перед гласными а,о,у,ы,ъ, о носовым и перед твёрдыми зубными согласными; 2. среднее („европейское") **l** перед палатальными гласными е,и,ѣ,ь, е носовым и перед согласными кроме твёрдых зубных; 3. мягкое **л**[i], получавшееся в о.-сл. из сочетаний с j, а также после губных на месте j. Различать их мы можем потому, что в русском и польском языках **l** не перед согласными и **л**[i] совпали в одном **л**[i], а **л** твердое не совпало с ними: р. село, слава, стол, п. sioło, sława, stół, р. лист, молить, люди, воли, земли, блюдо, учитель, п. list, modlić, ludzie, woli, bluda, uczyciel, а в сербском совпали о.-сл. **л** твёрдое и **l** в одном **l** (сербы пишут „**л**"), а **л**[i] не совпало с ними: село, слава, сто (конечное **л** изменилось в **о** и здесь слилось с предыдущим **о**), лист, молити, но: вољи, људе, земљи, бљудо, учитељ.

§ 141. **н,р** мягкие, как и **л**[i], в о.-сл. получились вследствие изменения сочетаний **н,р** с последующим j и являлись перед всеми гласными кроме **о, ы, ъ, ѣ** (но могли быть перед **ѣ** носовым). В положении перед палатальными гласными (**е, и, ь, е** носовым) большинство славянских языков не даёт возможности отличать **л, н, р** мягкие от **л, н, р** немягких, кроме ст.-сл., в памятниках которого **л, н, р** мягкие отмечаются особыми значками, и сербского, в котором, впрочем, сохранились лишь **н** и **л** мягкие, обозначаемые буквами „**љ**", „**њ**", отличные от **л, н** немягких, обозначаемых буквами „**л**", „**н**": њива, његов, но: низак, небо.

§ 142. **ж** и **ш** мягкие в о.-сл. были разного происхождения, а именно:

1. из более старых **г, х** перед палатальными гласными

---

[1]) М. б., так надо объяснять и праоуда Изб. 1073 г., довлѣєть 2 ноч. Арх. Ев., где не в 1-м слоге слова ъ не пропускается.

е долгим, **е,и,ь, е** носовым; такого происхождения в нынешнем русском языке шипящие **ж,ш** в бежать, слышать (старое **е** долгое после мягких, как мы видели, еще в о.-сл. перешло в **а**), жена, душевный, жить, ушица, дружба, дружеский, ушко, ушёл, жать и пр., ср. слова от тех же основ, но с **г,х**: бегать, услыхать, дух, уха, друг, ухо, уходить; со словом „жена" родственно греч. γυνή, со словом „жить" тожественно по происхождению литовское gyti „оживать", со словом „жив" лит. gyvas „живой";

2. из сочетаний **гj, хj**: княжой, душа и др.; ср. скандин. kuningas;

3. из сочетаний **зj, сj**: лижу, пишу и пр.; ср. инфинитивы тех же глаголов: лизать, писать.

4. из **з,с** перед палатальными согласными **л**[1], **н**[1]: помышлять, вешний, диалектич. дражню, ср. мыслить, весна, дразнить.

Согласные **ж** и **ш**, как и согласные **л**[1], **н**[1], **р**[1], **ч**, в эпоху распадения о.-сл. языка не могли быть перед **о,ы,ъ,ѣ** (но были перед **ѣ** носовым).

Примечание 1. Вследствие изменения **з,с** перед **л**[1], **н**[1] в **ж,ш** в о.-сл. явились сочетания **жл,шл,жн,шн**, с шипящими и **л, н** мягкими в некоторых случаях, из которых потом эти сочетания были вытеснены по аналогии с другими случаями. Ср. иж нѭ Арх. Ев. 142, съблажню ся ib. 95, но там же чаще такие написания, как възлюбиши, из нѥго, где възиз- по аналогии с употреблением тех же предлогов в других случаях. В в.-р. дразню, казню звук **з** по аналогии с дразнишь, казнишь и пр., где **н** в о.-сл. не было мягким. Наоборот, в диалектич. дражнить **ж** по аналогии с дражню.

Примечание 2. Повидимому, в говорах о.-сл. языка **ж,ш** могли получаться из **з,с** иногда в таких случаях, когда между ними и следующей мягкой согласной **л**[1] или **н**[1] являлось **ъ** или **ь** слабое, ср. р. шлю, шлёшь и пр. (в памятниках с XIII в.)[1]), с. шљем или шаљем, шљеш или шаљеш, но **ст.-сл.** сълѭ и пр., др.-р. ошлю голову Акир XV в. и др., с. ошљи „ослиный" и др.

---

[1]) Однако, форма „слю" и т п. обычна и в р. нецерковных памятниках и очевидно существовала и в живом р. языке еще в XIII в.

§ 143. **ч** мягкое в о.-сл. получилось в следующих случаях:

1. вследствие изменения **к** перед палатальными гласными: **е** долгим (откуда позднее **а**), **е,и,ь**, **е** носовым; такое **ч** в русских молчать, печёшь, мучить, сучок, червь, частый, четыре, ср. **к** в умолкнуть, пеку, мука, сук, литовск. kirmis „червь", kimsztas, keturi „четыре", латин. quattuor;

2. из бывшего ранее сочетания **kj**; такое **ч** в русских лечу (инфин. лечить), молчу и др., ср. **к** в лекарь, умолкнуть.

§ 144. Русским **ж,ш,ч** названного происхождения во всех славянских языках соответствуют те же шипящие звуки. Но русские **ж,ч** не всегда восходят к о.-сл. **ж,ч**. Именно:

1. из некогда бывшего в о.-сл. языке сочетания **dj** в русском получилось **ж**, в ст.-сл. и болг. **жд**, первоначально мягкое, в сербском ђ, в словинском j, в зап.-слав. языках свистящие: в чешском z, в польском dz; примеры: р. вижу, ст.-сл. виждѫ, б. виждам, с. виђу, ч. vizi, п. widzę, р. межа, б. межда, с. међа, словин. meja, ч. meze, п. miedza, р. пряжа, б. прежда, с. пређа, словин. preja, п. przędza и т. д., ср. **д** в словах видишь, пряду, лат. medius, англ. mid;

2. из некогда бывших в о.-сл. сочетаний **tj** и **кт** перед палатальными гласными в русском языке получилось **ч**, в ст.-сл. и болг. **шт**, первоначально мягкое, в сербском ћ, в словинском **ч**, в чешском и польском свистящая аффриката **c** (в нынешнем чешском и польском это **c** твёрдо); примеры: р. хочешь, ст.-сл. хоштеши, б. щеш, с. ћеш, п. chcesz, р. свеча, ст.-сл. свѣшта, б. свѣщъ (в новом правопис. свящ), с. свијећа, ч. svice, п. świeca, р. печь (инфин.), ст.-сл. пешти, с. пећи, п. piec, р. ночь, ст.-сл. ношть, б. ношт, с. ноћ, ч. и п. noc, ср. **т** в р. хотеть, свет, с инфин. печь ср. пеку и инфин. нести при несу, со словом ночь—лит. naktis „ночь", латин. род. ед. noctis „ночи", нем. Nacht.

§ 145. Из некогда бывшего в о.-сл. языке сочетания **здj**, так же, как из сочетаний **згj** и **зг** перед палатальными гласными во всех славянских языках получились сочетания с шипящими звуками: в в.-р. в московском произношении **ж** долгое мягкое, в говорах или сочетание **ждж** мягкое или чаще **ж** долгое твёрдое и др., в б.-р. и м.-р. **ждж** твёр-

цое; для о.-р. эпохи предполагается сочетание **ждж** мягкое; в ст.-сл. было **жд**, первоначально мягкое, в болгарском **жд**, в сербском **жд**, польском żdż; примеры: р. литерат. езжу, м.-р. їжджати, ст.-сл. ꙗждѫ или ѣждѫ, п. jeżdżę, ср. р. ездить; р. дождь, род. дождя, ст.-сл. дъждь, б. дъждъ, с. дажда, п. deżdż и deszcz, р. дрожжи, б. дрожде, с. дрожда, п. drożdże; в последнем слове в о.-сл. некогда, повидимому, было сочетание **зг**.

§ 146. Из некогда бывшего в о.-сл. сочетания **стј**, также, как и из сочетаний **скј** и **ск** перед палатальными гласными во всех славянских языках получились сочетания с шипящими: в в.-р. в московском произношении **ш** долгое мягкое, в говорах или сочетание **шч** мягкое или **ш** долгое твёрдое и др., в б.-р. и м.-р. **шч** твёрдое, в ст.-сл. и болг. **шт**, в сербском **шт** и в польском szcz: р. пущу, диалект. пущать, ст.-сл. поуштѫ, б. пущам, с. пуштам, пуштим, п. puszczę, р. ищешь, ст.-сл. иштеши, б. ищеш, с. иштеш, п. iszczesz, ср. инфин. пустить, искать.

§ 146 а. Судьба старых сочетаний **здј**, **стј** во всех славянских языках позволяет думать, что эти сочетания еще в о.-сл. эпоху изменились в сочетания **ждж**, **шч**; на такие сочетания указывают русские, западнославянские и словинский языки; старославянские, болгарские и сербские **жд**, **шт** легко могли получиться из ждж,шч. Если сочетания **здј**, **стј** еще в о.-сл. изменились в **ждж,шч** то очевидно и сочетания **дј,тј** в ту же эпоху изменились в шипящие аффрикаты **дж,ч**, но отличавшееся от шипящих аффрикат **дж,ч** другого происхождения; можно думать, что аффрикаты из **дј,тј** отличались более долгим затвором и более слабым фрикативным элементом, что и вызвало переход их в ђ и ћ в сербском и в свистящие в западнославянских языках и перестановку затворного и фрикативного элементов этих аффрикат в древнеболгарском; после **ж** и **ш** затворный элемент аффрикат сокращался, и таким образом сочетания **ждж,шч** из здј,стј совпадали с подобными же сочетаниями из згј. скј или зг,ск перед палатальными гласными.

§ 147. Мягкие **ц,с,дз** при диалектическом **з** мягком получались в о.-сл. позднее того времени, как возникли шипящие, из звуков **к,х,г** в следующих случаях:

1. раньше того времени, как дифтонг **ой** переходил в **ѣ**, в положении после палатальных гласных **и,ь, е** носового, но не после того **ь**, перед которым были смягчённые согласные (**л,н,р** и шипящие); возможно, что изменение к,х,г в **ц,с,дз** мягкие или отсутствие этого изменения зависело от характера гласной, следовавшей за этими согласными, или от каких то других причин; вследствие перехода задненёбных в смягчённые свистящие гласные **о ъ**, бывшие после таких задненёбных, изменялись в **е ь**: изменению в **е** подвергалось и то **о**, которое было в дифтонге **ой** позднее, когда дифтонги **ой,ей** переходили в **ѣ**, **и**, новое **ей**, получившееся из **ой** после мягких свистящих, переходило в **и**. Примеры: р. девица, отец, заяц, месяц, конец (ср. кон, на кону), подлец, хитрец, весь, нельзя, князь и т. п., ст.-сл. дѣвица, отьць, коньць, пришьльць, старьць, вьсь, польѕа или польза и пр. но р. пирожок, мешок, волчок, ручка, конёк (от „конь“, где в о.-сл. было **н** мягкое) кулёк (здесь старое л мягкое)[1]. На то, что **ой** после свистящих такого происхождения изменялось в **ей**, откуда позднее **и**, указывают ст.-сл. и др.-р. падежные формы дат. ед. дѣвици и т. п., и местн. ед. отьци, коньци и т. п. Однако, в зап.-славянских и в русских языках немало случаев сохранения **к,х,г** в тех же положениях, ср. р. кликать, двигать, лихо, старик, земляника, м.-р. пільга („польза“, но в др.-р., повидимому, было и „пользя“, ср. на пользю Уст. XI-XII в. л. 25 об.)[2]), ни зги, др.-р. вху (вхоу же тоу землю хоутиньскоую. Грам. Варлаама около 1192 г.) „всю“ и др; есть такие случаи и в ст.-сл.: ликъ, великъ, оученикъ, подвигъ, двигнеши и пр., в сербском: дјевојка, велик и др.; некоторые случаи можно считать о. сл., как, напр., ученик, велик, р. княгиня, др.-р. кънягыни и пр. Сюда же следует отнести и формы всех, всем, ст.-сл. вьсѣмь, вьсѣхъ, вьсѣмъ, указывающие на то, что **х** здесь еще сохраня

---

[1]) Впрочем в ст.-сл. и в этом положении является **ц**: мышьца, рожьць, вльчьни. Возможно, что это новообразования, или же диалектически в о.-сл. к изменялось в **ц** и после такого **ь**, перед которым были смягченные согласные.

[2]) Р. „польза“ заимствовано из церковнославянского языка, как показывает з твердое. Наоборот, мягкое з, повидимому, указывает на русское происхождение.

лось до перехода **ой** в **ѣ**[1]). Случаи с **х,к,г** вместо ожидаемых **ц,с,дз** или **з** мягких указывают на то, что переход задненёбных в свистящие после **и,ь, е** носового в о.-сл. происходил при каких-то условиях, остающихся не вполне выясненными, и что, может быть, при некоторых условиях являлся не во всех говорах о.-сл. языка.

2. Позднее того времени, как **к, х, г** изменялись в свистящие после палатальных гласных, те же задненёбные переходили в мягкие свистящие **ц, с, дз,** или **з** мягкие перед **ѣ** и **и** из бывшего ранее дифтонга **ой**; примеры: м.-р. руці, на нозі, в кожусі, б.-р. руце, назе, сасе (в в.-р. **ц**, **з**, **с** в этих формах не сохранились: руке, ноге, сохе), в.-р. друзья, др.-р. рѣцѣ, руцѣ, на нозѣ, вълци (им. ед.), послуси, друзи, помози, рьци, помозѣте, рьцѣте и др., ст.-сл. рѣцѣ, ноѕѣ, вльци, доуси, дроузи, помоѕи, рьци, помоѕѣте, рьцѣте (повел.). Того же происхождения **с** в косвенных падежах местоимения весь перед **ѣ**: всех, всем. Свистящие согласные такого происхождения позднее в в.-р. почти всюду были нефонетически заменены мягкими задненёбными: руке, ноге, сохе, мужике, друге, пастухе, пеки, пеките, помоги, помогите и пр., в м.-р. и б.-р. сохранились только в падежных формах на **-ѣ** (примеры см. выше), а в повелит. наклонении глаголов заменены шипящими: м.-р. печи, печім, печіть, поможи, поможім, поможіть и пр.

Диалектически **к,г,х**, подвергались переходу в **ц,с,дз** или **з** мягкие перед таким **в** (вероятно, в этом положении в этих говорах было не **в**, а **w** или **у** неслоговое), за которым следовало **ѣ** или **и** из дифтонга **ой**: р. цвет, звезда, др.-р. цвѣлити, ст.-сл. цвѣтъ, звѣзда, влъсви (им. мн.), б. цвѣт, звѣзда (по нов. правоп. цвят, звязда), с. цвиjет, звиjезда, цвиjелити, словин. cvet, zvezda, но п. kwiat, gwiazda, rozkwielić. Русские языки вместе с ю.-слав. восходят к тем говорам о.-сл. языка, в которых задненёбные в этом положении изменились в сви-

---

[1]) Можно думать, что еще раньше, чем **х** после **ь** изменялось в **с**, в говорах о.-сл языка сочетание **вь** с **ь** слабым в косвенных падежах местоимения **вьхъ** изменялось в **у**, после которого **х** не подвергалось изменению; в таком случае в этих говорах **с** в этом местоимении фонетически получалось только а) в им. ед. м.р (р. весь), б) в формах перед **ѣ** и **и** из **ой**, а по аналогии с этими формами проникало и в остальные формы.

стящие, а зап.-слав. — к таким говорам, в которых этого изменения не произошло. Но и в русском и в ю.-слав. языках встречается иногда и **к** в том же положении: м.-р. квіт, квітка, квіль, б.-р. квет, в.-р. квет (Пск. и Олон. губ.), квелый и др., с. квелити.

Неясно, какую судьбу имели задненёбные в о.-сл. перед **в**, если за ним следовала старая палатальная гласная: переходили ли они и в этом положении в свистящие лишь диалектически или везде, или же, наоборот, оставались без изменения. При последнем предположении **ц** в р. цвести, цветет (др.-р. цвисти, цвьтеть) и с. цвисти, цвиљети объяснялось бы аналогией с **ц** в цвѣтъ, цвѣлити.

§ 148. Сочетания **ск, зг** перед **ѣ** из **ой** изменялись в одних говорах о.-сл. языка в **сц** и, может быть, **здз** мягкие (указаний на такое изменение **зг** не сохранилось), в других—в **ст,зд** мягкие; в ст.-сл. памятниках встречается и „сц“ (Сав. кн., Зогр. Ев. иудеисцѣмь, людьсциі) и „ст“ (Супр. рукоп.: дъстѣ, чловѣчьсти и др.), но только „зд“: дроздѣ. В р. язык перешли сочетания **ст,зд:** крстияньстѣи, воиньстѣи, Житие Феодосия в сп. XII в., новгородьстии, заморьстии и др. 1 Новгор. летоп. и т. п., а быть может, также и **сц,** ср. „сц“ в ю.-р. грамотах XIV в. и позднее: лавровьсции, самборьсции — гал. грам. 1422 г. В церковных памятниках встречается и „ст“ и „сц“, но определенных указаний на язык писцов из них извлечь нельзя. Сочетание **ст**, являвшееся в окончании именных основ на - **ск** - в некоторых падежах, рано стало нефонетически заменяться через **ск** мягкие: золобѣ женьскѣ, в чловѣчьскѣи доуши Изб. 1073 г., любинѣ... морьскѣи Уст. XI — XII в., роусьскѣи земли, смолиньске Сказание о Борисе и Глебе в сп. XII в., оу смолѣнеске грам. 1229 г. и др.

§ 149. О.-сл. **j** мы не везде можем с достаточной уверенностью отличить от **й** (**и** неслогового). В начале слова перед согласными **j** или **й** было двоякого происхождения: а) из старого балтийско-славянского **j** и б) новое, развивавшееся перед начальным **а** и перед начальными палатальными гласными. По мнению Мейе, новое **j** или **й** развивалось в о.-сл. только в середине речи между гласными, т.-е. между конечной гласной одного слова и начальной гласной дру-

гого слова. Но те же случаи, в которых Meйе отсутствие начального j в славянских языках объясняет положением соответствующих слов в начале речи, или допускают и другое объяснение или не могут быть удовлетворительно объяснены и при этом предположении (см. § 127, прим. 1). Если предположить, что перед всеми палатальными гласными кроме **и** в о.-сл. развивалось в начале слова **j**, то из балтийско-славянского **е** долгого в этом положении мы должны бы ждать в славянских языках **ja**, ср. **ja** в середине слова в р. бояться, стоять и т. п. Быть может, такого происхождения начальное **ja** в яд, ясли, ст.-сл. ꙗдъ, ꙗсли, с. асли (если в этих словах о.-и.-е. корень **ед** с **е** долгим). Но то же слово „яд" в др.-р. языке было известно и с начальным **ѣ**: ѣдъ, ср. м.-р. їд, с. иjед; в других словах все славянские языки указывают на начальное **ѣ**: р. ем, есть (инфин.), еда, др.-р. ѣм, ѣсти, ѣда, с. иjем, jести, ч. jim, jisti, п. jem, jeść, р. еду, ездить, езда, др.-р. ѣду, ѣздити, с. jедем, jездити, ч. jedu, jezditi, п. jadę, jezdzić. Это говорит за то, что или в подобных случаях **j** развивался только при каких то особых, невыясненных условиях, или, что здесь кроме немногих случаев было не **j**, а **й**, после которого **е** долгое не подвергалось изменению в **а**. В части говоров о.-сл. языка **й** или **j** в начале слова не развивалось или могло отпадать перед таким **е** кратким, за которым следовало сочетание немягкой согласной с **е** или **и** (см. § 127).

Остальные средненёбные согласные, какие теперь существуют в русском языке (напр., в словах: руке, ноге, гибель, кит, хитрый и пр.), из о.-сл. получены не были, а явились уже в историческую эпоху жизни русских языков.

§ 150. Задненёбные **г,к,х** в о.-сл. могли быть перед всеми непалатальными гласными, между прочим и перед **ы**, а также перед немягкими согласными. Сочетания **гы, кы, хы**, впоследствии были утрачены славянскими языками, перейдя в сочетания средненёбных с **и** и засвидетельствованы лишь древними памятниками ст.-сл., русского, польского и чешского языков. Встречающиеся в нынешнем русском языке сочетания задненёбных с **ы**, как „волк ы кот" (пишется „и"), „кыска", междометие „кыш", нового происхождения.

§ 151. Фрикативная задненёбная согласная г^x, повидимому, была только в окончании род. ед. м. и ср. р. местоимений и прилагательных—ог^{x}о,—ег^{x}о и, быть может, в немногих отдельных словах, напр., в том слове, которое тепрь в с.-в.-р. произносится *коровод*, а в ю.в-р. *курагод* (в литерат. *хоровод* х явилось нефонетически). Этот звук предполагается в о.-сл. потому, что в с.-в.-р. и кашубском он имел судьбу, отличную от судьбы о.-сл. г взрывного; именно в с.-в.-р. и кабушском о.-сл. г взрывное сохраняется, как взрывной согласный звук, ср. в с.-в.-р. погода, дорогой, огонь, строго, другой, нога и др.; в окончании же род. ед. муж. р. местоимений и прилагательных **ого, его** в некоторых с.-в.-р. говорах является **г** фрикативное, в некоторых отсутствует: тоо, доброо и пр., в бóльшей же части с.-в.-р. говоров является **в**: *тово*, *чево*, *доброво* (см. ниже § 265); в кашубском в этом окончании является w: kowa, nowewa и пр. В остальных славянских языках о.-сл. **г** взрывное и фрикативное совпали, в польском, нижнелужицком, словинском, сербском и болгарском— в звуке г взрывном, в ю.-в.-р. б.-р., м.-р., чешском и верхнелужицком в г фрикативном или h.

О придыхании **h** в о.-сл. см. выше, по поводу звуков **а** и е—§§ 123 и 127.

О.-сл. *сочетания с слоговыми плавными.*

§ 152. Такими в о.-сл. языке были или могли быть 1. все сочетания с плавной перед согласной или в конце слова и 2. сочетания плавных с последующим **ъ** или **ь** слабым не после гласных.

§ 153. Из некогда бывших в о.-сл. сочстаний **ор, ол ср л** долгими слоговыми в начале слова перед согласными получились позднее, но еще в о.-сл. языке благодаря удлинению гласной и перестановке, сочетания **ра**, **ла**, если на начальный слог падало так наз. восходящее ударение: ср. р. ратай, рало, лакомый, лань, ст.-сл. ратай, рало, лаком, лань, с. ратај, рало, лаком, лане, ч. radlo, lakomy, п rataj, radło, łakomy, łaknąć, łań с лит. artejis, „пахарь“, arklas „плуг“, alkanas, „голодный“. Если же на первом слоге бы-

ло нисходящее ударение или ударение было не на 1-м слоге, то удлинение гласной происходило лишь в тех говорах о.-сл. языка, к которым восходят языки ю.-сл. и словацкий, но перестановка гласной и плавной тоже происходила во всех говорах: др.-р. робъ, робыни, нын. р. диалектич. робить, робота [1]), ролья (пашня), роз-(приставка) [1]), росту [1]), рост, локоть, лодка, диалектич. лони или лонись (в прошлом году) и др.. ч. rob, robiti, robota, role, roz-, rostu, rost, loket, lódka, loni, п. rob, robić robota, rola, roz-, rość (инфинит.), łokieć, łodź, łódka, łoni, ст.-сл. рабъ, работа, раз-, расти, растъ, въздрастъ, лакъть, ладии, лани, с. рабити, работа, раз-, растем, раст, лакат, лађа, лани и пр., ср. с нем. Arbeit, лит. alkune „локоть", eldija, „лодка". Диалектически в о.-сл. сочетание **ал** в начале слова могло сохраняться без перестановки, откуда ст.-сл. алъкати, алъдии.

§ **154**. В сочетаниях ор, ол, ер, ел с **р**, **л** долгими слоговыми между согласными еще в о.-сл. эпоху в части говоров, к которым восходят языки южнославянские, чешский и словацкий, происходило удлинение гласной, причём долгая плавная сокращалась, оставаясь слоговой; в остальных говорах, предках русских и бо́льшей части северозападных славянских языков, гласная оставалась краткой. Вследствие этого в одних говорах получились сочетания с гласными **а**,**ѣ** перед краткой слоговой плавной, в других—с гласными **о**,**е** перед долгой слоговой плавной. Эти сочетания в большинстве славянских языков кроме русского и, отчасти, кашубского, подвергались перестановке; в русском же из этих сочетаний позднее развилось так *наз.* полногласие. Таким образом, р. борода, корова, мороз, берег, дерево, береза, голова, золото, молоко, молоть и п. broda, krowa, mróz, brzeg, drzewo, brzoza, głowa, złoto, mleko, mleć восходят к о.-сл. диалектическим борда, корва, морзъ, бергъ, дерво, берза, голва, золто, мелко, мелти с краткими гласными и долгими слоговыми пла̀вными, а ст.-сл. брада, крава, мразъ, брѣгъ, дрѣво, глава, злато, млѣко, млѣти, с. брада, крава, мраз, бријег, дријево, бреза, глава,

[1]) Правописание „работа", „расту", „раз"-, „возраст" и т. п. по происхождению церковнославянское. В с.-в.-р. и м.-р. в этих словах произносится **о**.

злато, млеко, млети, ч. brada, kráva, mráz, dřevo, hlava, zlato, mléko, mlíti—к о.-сл. диалектическим же барда, карва, марзъ, бѣргъ, дѣрво и пр. с долгими гласными и краткими слоговыми плавными. Ср. лит. galva „голова", derva „сосна", karve „корова", нем. Berg „гора", Bart „борода", Gold „золото", Milch „молоко", англ. milk. Возможно, что перестановка гласной и плавной происходила еще в говорах о.-сл. языка.

§ **155**. **ел** после шипящих перед твердыми еще в о.-сл. подвергалось какому-то изменению, в результате которого в сев.-зап. славянских языках получилось **ло**, а в южнославянских и в чешском не только **лѣ**, но и **ла**: п. człon, żłób, ст.-сл. члѣнъ, жлѣбъ, с. жлиjеб и члан. О русском **оло** из о-сл. **ел** будет сказано ниже.

§ **156**. В сочетаниях **ър**, **ъл**, **ьр**, **ьл**, между согласными в о.-сл. гласные были неслоговые, а согласные слоговые. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что 1. из о.-сл. **ър**, **ьр** в сербском, словинском, чешском и словацком получилось по большей части **р** слоговое без гласной: с. грло, крма (корм), трг, мртав, тврд, зрно, срце, црн, први, смрт, врх, ч. hrdlo, krm, trh, zrno, srdce, prvý, smrt, vrch, а из **ъл**, **ьл** частью **л** слоговое, ср. ч. plný, vlk, и др., частью звуки, которые нельзя выводить из **ъл**, **ьл** с **л** неслоговым: ср. с. пун, вук, мучати (молчать), сунце, пук, жут, ч. slunce, pluk; 2. в русских языках в этих сочетаниях **ъ**,**ь** перешли в **о**,**е**, что могло получиться лишь в том случае, если плавные после них были сначала слоговыми, а потом утратили слоговой характер; в противном случае **ъ**,**ь** должны были бы выпасть: горло, корм, торг, мертвый, твёрдый, зерно, чорный, первый, смерть, верх, долгий, солнце, полк, полный, жолтый, волк, молчать. Сочетания ър, ьр, ъл, ьл с неслоговыми **ъ**,**ь** и слоговыми **р**,**л** в славянских языках получили различные изменения: из **ър**, **ьр** в сербском и словинском во всех случаях, а в чешском в большинстве случаев получилось, как мы видели, **р** слоговое без гласной, но из **ьр** после шипящей в чешском получилось **er**: černý; в польском из **ър** и из **ьр** перед твёрдыми зубными получилось **ar**: gardło, pokarm, targ, martwy, twardy, ziarno, czarny, а в остальных случаях из **ьр**—**er** и **erz**: pierwszy, śmierć, se-

rce, wierzch; из **ъл, ьл** в сербском получилось **у** (примеры выше), в чешском из **ъл—lu**, а из **ьл—l** слоговое (примеры выше), в польском из **ъл—łu** и **ło** после зубных: dług, tłusty, słońce и **uł** не после зубных: pułk, а из **ьл—eł** перед твёрдыми зубными: pełny и др., **oł** перед твёрдыми зубными после шипящих: żółty, czołno, и **il** не перед твёрдыми зубными: wilk, milczeć (волк, молчать). В ст.-сл. языке во всех случаях произошла перестановка гласной и плавной; мы видим в ст.-сл. памятниках такие написания, как мрьтви, съмрьть, тръжьникомъ, длъжьнъ, испльнити, мльчааше и пр. О судьбе этих сочетаний в русском языке см. ниже. В виду того, что в сочетаниях, получившихся из о.-сл. **ър,ьр,ъл,ьл** между согласными, в одних славянских языках гласные утрачены, в других нередко являются после плавных, порядок звуков в о.-сл. определяется из показаний русских языков с одной стороны и балтийских или других индоевропейских с другой, ср. лит. gurklys „горло", turgus „торг", mirti „умирать", žirnis „горох" (ср. р. зерно), szirdis „сердце", pirmas „первый", virszus „верх", vilkas „волк", нем. Volk „народ" (ср. р. полк).

Сочетания на слоговую плавную в конце слов в о.-сл. можно предполагать в форме 2 и 3 л. ед. ч. аориста на основании ст.-сл. оумрѣ (умер), закла (заколол) и т. п.

§ **157**. В сочетаниях **р^ъ**, **л^ъ**, **р^ь**, **л^ь**, с **ъ, ь** слабыми в начале слов и после согласных плавные могли становиться слоговыми в говорах о.-сл. языка, оставаясь неслоговыми в других говорах. Слоговые плавные такого происхождения сохранились, как слоговые, в сербском (с изменением **л** в **у**), частью в чешском; в русских языках гласные **о,е** после плавных в в.-р. и **ы,и** в б.-р. и м.-р. указывают тоже на первоначальные сочетания со слоговыми плавными, потому что иначе **ъ,ь** слабые должны были бы выпасть. Примеры: в.-р. крови, кровавый, дрова, крошить, греметь, крестить и т. п., б.-р. крыви, крывавый, дрыва, крышиць, грымець, хрысциць, м.-р. криви, кривави, дрива, кришити, гриміти, христити, с. крвав, крви, дрва, кршити, грмљети, крстити, с **р** слоговым и ударением на **р** во всех приведённых словах, в.-р. блоха, глотать, яблоко, слеза, род. ед. слезы, м.-р. блиха глитати, слиза, карпат. яблыко (обычно: ябко), с. буха

гутати, јабука, суза; к произношению со слоговыми плавными в начале слова могут восходить в.-р. диалектич. ирва (род. ед.=литер. рва), иржать, ирветь (3 ед.), оржаной, илжеть (лжёт), ильгота, ольняной и т. п., м.-р. иржа, ирвати, ильну, ильняний, Ильвів (Львов), с. ржи, ржак, рђав с ударением на р, лагати, лажем (лгать, лгу), лануги (льнуть), ласти, ластац (льстец) с ударением на „ла". К о.-сл. диалектическому произношению с неслоговыми плавными могут восходить м.-р. формы с р,л неслоговыми или с пропуском р, л: срібний, ябко, в.-р. кстить, кстины, Псков (из Пльсковъ), рва, рвать, ржи, ржаной, ржёт, лжёт, льну, лгать, льгота и пр., польские krwi, krszyć, krzcić (крестить), grzbiet (хребет, спина), grzmieć (греметь), plwać, łza (слеза), łba, łgać, rdzawy и пр. с неслоговыми r,l,. Впрочем, мы не можем установить точно как того, восходят ли сербские, словинские и чешские слоговые плавные, сербское у из лъ,ль и сербские и русские сочетания плавных с гласными в таких случаях к о.-сл. слоговым плавным, или развились в отдельных славянских языках после выпадения ъ,ь слабых, так и того, получены ли польским и отчасти русским языками неслоговые плавные из о.-сл. диалектических неслоговых плавных или явились позднее вследствие утраты слоговыми плавными их слогового свойства.

Ударение.

§ **157**. а) Ударение в о.-сл. различалось по месту и по качеству. По месту оно было свободным, т. е. могло быть на любом слоге слова. Таким оно и осталось в русских языках, в чакавских говорах сербского языка, в болгарском и словинском языках, тогда как в штокавских говорах сербского языка ударение, вследствие переноса о.-сл. ударения на один слог к началу слова, не может быть на последнем слоге двусложных и многосложных слов; в чешском ударение всегда на начальном слоге, а в польском и кашубском на предпоследнем слоге. Сохранив о.-сл. свободное ударение, русский язык и чакавские говоры сербского языка сохранили и о.-сл. место ударения, за исключением тех довольно многочисленных случаев, где ударение перенесено

по нефонетическим причинам. В словинском и, отчасти, болг. помимо случаев нефонетического переноса ударения в одной категории случаев о.-сл. ударение на 1-м слоге перенесено на следующий слог фонетически.

По качеству ударение в о.-сл. языке было музыкально-экспираторным, т. е. состояло не только в усилении голоса, но и в повышении тона, причем различались по крайней мере два вида ударения: так наз. „нисходящее“ на кратких и долгих слогах только в 1-м слоге слова и, может быть, в конце двусложных слов после слога с редуцированными гласными: сьто, дъва, съпи, къто, ср. в в.-р. говорах, различающих **уо** и **о**: хто, што (но с предлогами: на штуо), словин. što, dva с нисходящим ударением, и так наз. „восходящее“ на кратких и долгих на любом слоге слова. Указания на эти два вида ударения дают некоторые факты р. яз., гл. обр. тех в.-р. говоров, которые различают **уо** и **о** под ударением, и словинский язык, а также сербский, чешский и отчасти польский языки. Эти указания следующие.

1. Р. полногласным сочетаниям в о.-сл. соответствовали сочетания „**о** или **е**+**л** или **р** слоговые“ между согласными (см. § 154). В тех случаях, когда на них падало ударение, оно могло быть или на гласной или на плавной. В 1-м случае в р. яз. получилось ударение на 1-м слоге полногласного сочетания, что может быть только в 1-м слоге слова: г**о**род, б**о**роду, берег, дерево, в**о**лос, золото, голову, жолоб, в**о**лок; при этом **о** 1-го слога в говорах, различающих **уо** и **о**, произносится открыто, как **о**; в сложении с предлогами ударение переносится на предлог: з**а** бороду, н**а** берег, з**а** волосы, п**о**д голову, н**а**-волок; ударения: на дерево, на золото, под жолоб—поздние. В словинском в этом случае в двусложных и трехсложных словах ударение перенесено на 2-й слог: brad**o**, drev**o**, vlas**i**, glav**o**, и является нисходящим; в односложных словах оно нисходящее: grad, vlas, breg. В сербском в этом случае нисходящее ударение на 1-м слоге с долгой гласной: град, браду, брег или бриjег[1]), древо или дриjево[1]), влас, власи, злато, главу, жлаб; в чешском в открытых слогах, а также в новых закрытых слогах не перед сонорными—сочетания с краткими гласными: hrad,

[1]) и краткое, потому что старое ѣ здесь разложилось на два слога.

bradu, vlas, vlasy, zlato, hlavu, а перед сонорными, в том числе перед v,j в новом закрытом слоге сочетания с долгими гласными vrán.

Если ударение в о.-сл. падало на плавную, то в р. языке получилось ударение на 2-м слоге полногласных сочетаний: мороз, корова, сторожа (им. ед. ж. р.), беречь, стеречь, умереть, берёза, болото, головка, голодный, молочный, горох; при этом вм. о ударяемого в говорах, различающих уо и о, произносится уо; в словинском—ударение восходящее: mraz, krava, straza, graja (загородка), umreti, breza, blato, glavka, gladni, в сербском по большей части нисходящее ударение с краткой гласной: мраз, крава, врана, бреза, блато, гладни, млечни, дра-же (дороже), но иногда и здесь является долгая гласная: стража.

Как увидим ниже, в.-р. о в говорах, различающих под ударением о и уо, словинский перенос ударения с 1-го слога, словинское нисходящее ударение на односложных словах и, отчасти, сербское а долгое с нисходящим ударением и чешское а краткое в 1-м слоге указывают на так наз. о.-сл. „нисходящее“ ударение, а в.-р. диалектическое уо, словинское а с восходящим ударением и, отчасти, сербское а краткое и чешское а долгое — на так наз. о.-сл. „восходящее“ ударение.

2. В 1-м слоге слова в части в.-р. говоров на месте о.-сл. о под ударением являются или о или уо: 1. дома, воду, слово, просо, кости, поле, роду, просто, гости, говора, сто, кто, што; 2) куожа, вуоля, нуоша, пуоп, нуосиш и др. В словинском в первом случае ударение переносится на следующий слóг, где оно является нисходящим, а в односложных словах (в том числе и тех, которые стали односложными после утраты ъ,ь слабых первого слога), ударение нисходящее; во втором случае ударение вообще там же, где и в русском языке, и при этом восходящее, а звук о закрытый: 1. vodo, slovo, proso, kosti[1]), sto, kto с нисходящим ударением; 2. vola, nosi[1]), и др. В сербском в обоих случаях о с нисходящим ударением, но в 1-м случае о часто бывает долгим, а во втором оно обычно краткое: 1. воду и др., 2. воља, носиш[1]), и др. В чешском в 1-м случае в первом открытом слоге слова, а также в новом закрытом слоге

[1]) Подчеркнуты гласные тех слогов, на которых ударение.

не перед сонорными **о** краткое, а перед сонорными, а также перед v и j — ŏ, а во 2-м случае ŏ как в закрытых, так и в открытых слогах.

3. Не в 1-м слоге слова в в.-р. говорах, различающих ударяемые **о** и **уо** на месте старого о.-сл. **о**, произносится всегда **уо** кроме слабоударяемых слов: забуота, молокуо, окнуо, шируокий, веснуой, рабуота, наруод, род. наруода и пр. В словинском в соответствующих случаях является **о** закрытое с восходящим ударением: zab**o**ta, nar**o**da, por**o**da pror**o**ka и пр. В сербском и чешском языках ударение в этих случаях перенесено, и потому ясных указаний на характер ударения в о.-сл. в таком положении эти языки не дают.

В виду согласных указаний в.-р. говоров и словинского языка можно думать, что ударение в этом случае по качеству совпадало с тем ударением, какое было в 1-м слоге на старом **о**, изменившемся в в.-р. говорах в **уо** и сохранившем своё место ударения в словинском языке.

4. Гласные **е, ъ и ь** в 1-м слоге слова во всём русском языке под ударением имели одинаковую судьбу независимо от характера ударения в о.-сл.: **е** одинаково изменялось в **о** или **е** в в.-р. и б.-р. в зависимости от характера следующего согласного звука и сохранялось, как **е**, или изменялось в дифтонги в м.-р. в зависимости от судьбы редуцированных гласных следующего слога, **ъ** одинаково во всём русском языке изменился в **о**, а **ь** в **е** и **о**. В словинском в одних случаях ударение с 1-го слога слова перенесено на 2-й слог, где является нисходящим, в других случаях сохранено на 1-м слоге: 1. neb**o**, pep**e**l, jes**e**n, jez**e**ro, mel**i**vo, 2. **b**rdo, z**r**kalo, s**e**la. В штокавских говорах сербского языка в обоих случаях является одинаково нисходящее ударение на кратком гласном звуке: jезеро, вечера, небо, звено, брдо, грло, зрно, дрво.

Судя по указаниям словинского языка, можно думать, что и на гласных **е,ъ,ь** в о.-сл. языке различались те же два вида ударения, что и на **о**, причём одно из них в словинском и с этих гласных переносилось с 1-го слога слова на следующий слог, а другое сохранялось на 1-м слоге; а в штокавских говорах сербского языка, в чешском и русском

оба вида ударения, бывшего на 1-м слоге, удержались на этом слоге и совпали по качеству.

5. Ударение на 1-м слоге с гласными о.-сл. языка **а,у,ы,и,ѣ, о** носовое и **е** носовое в славянских языках имело следующую судьбу:

В русском языке ударение в 1-м слоге на этих гласных везде одинаково по качеству и не вызывает различных изменений этих звуков, но при положении после предлогов в одних словах переносится на предлог, в других не переносится (за исключением приставки „вы"). В словинском в одних случаях ударение с 1-го слога перенесено на следующий слог, где оно является нисходящим, в других сохранилось на 1-м слоге, частью, как восходящее, частью, как нисходящее: 1. suho, druga, seno, dever, mladost, 2. kraja, leto, lipa, brata, mera, riba, lipami, sipati, delati, begati, jagoda, vidim, и др. В штокавских говорах сербского языка в соответствии со словинским перенесённым ударением обычно является нисходящее ударение на долгой гласной, в соответствии со словинским ударением на 1-м слоге — нисходящее ударение на краткой гласной: 1. сухо, друга, сиjено[1]), сину; 2. краjа, суше, видим, сjедем, брата, мjера, синове, рибица, дjелала, но в некоторых случаях долгота сохраняется дача, тежа, суша. В чешском в 1-м случае в первом слоге двусложных слов под ударением краткие гласные, во 2-м долгие.

6. Не в 1-м слоге слова в словинском старое (не перенесенное с 1-го слога) ударение по качеству по бо́льшей части совпадает с тем ударением, которое сохранилось на 1-м слоге, и потому можно думать, что и в о.-сл. ударение не на 1-м слоге по качеству более или менее совпадало с тем ударением 1-го слога, какое соответствовало словинскому неперенесённому ударению и какое было на том **о**, которое в в.-р. говорах изменилось в **уо**.

Таким образом мы устанавливаем два вида о.-сл. ударения (безотносительно к долготе или краткости гласных): 1. одно из них являлось только в 1-м слоге слова, а также в односложных словах или тех, которые стали односложными

[1]) См. выше стр. 133, примеч.

позднее во всех славянских языках; это ударение в словинском перенесено с 1-го слога на следующий слог, а в односложных словах сохранилось, как нисходящее, в части в.-р. говоров и в чешском языке отразилось на открытом произношении старого **о**; оно же было в о.-сл. на сочетании **„о или е+плавная“** между согласными в том случае, когда ударение падало на первую часть этого сочетания; 2. другое могло быть на любом слоге слова; в словинском языке это ударение сохранилось без переноса: гласная **о** под этим ударением становилась закрытой в словинском, чешском и в.-р., отчасти и в польском языках, откуда в.-р. начальное **во** из о.-сл. **о**, в.-р. диалектич. **уо** (см. §§ $89_2, 91_5$), словинское **о** закрытое с восходящим ударением, чешское ů, польское (иногда) ó; краткие гласные под этим ударением в чешском могли удлиняться: наоборот, в сербском долгие гласные под этим ударением по большей части сократились; это ударение было между прочим в о.-сл. на 2-й части сочетания „**о** или **е**+плавная“ между согласными. Первый вид ударения принято называть „нисходящим“, второй—„восходящим“, основываясь на таких соображениях: 1. Ударение с 1-го слога слова в о.-сл. языке переносилось на предлог или отрицание в 1-м случае и не переносилось во 2-м: а) р. **из** дому, **на** воду, **за** слово, **под** носом, **ва** поле, **от** роду, **под** гору, **за**просто, **на** сто, **ни за** что ни **про** что, **на** небо, **под** вечер, **на** весну, **за**сухо, **на** зиму, **за** сеном, **не**друг, др.-р. **про** гость, с.-в.-р. диалект. **на** озери; б) р. на кожу, из кожи, про волю, под ношей, уносишь, под горку, за зёрнами, за зеркалом, у края, из рая, на сушу, под липой, на дачу, у брата, за брата, за меру, из рыбы, за ягодами, по ягоды и пр. На то же явление указывают и сербский и словинский языки. 2. В односложных словах в словинском языке до сих пор различаются ударения нисходящее и восходящее; так как в этих словах не могло быть переноса ударения, то можно думать, что словинский язык сохранил в этих случаях о.-сл. качество ударения. Но во всяком случае различие между двумя видами о.-сл. ударения не могло ограничиваться только этим. Допуская, что всё различие между ними было только в том, что первое было нисходящим, а второе восходящим,

мы не можем объяснить, каким образом нисходящее ударение в словинском перенесено с 1-го слога на следующий слог, тогда как восходящее ударение на 1-м слоге сохранилось; неясно также, какими причинами вызвано удлинение гласных звуков под восходящим ударением в чешском, в.-р., отчасти польском языках. Повидимому, так наз. „нисходящее“ ударение было по преимуществу музыкальным, а „восходящее“ по преимуществу экспираторным, т.-е. первое состояло в повышении голоса и сравнительно слабом его усилении, второе же заключалось главным образом в усилении голоса.

II. Отношение русского языка к другим славянским языкам.

§ 158. Сравнивая отдельные славянские языки между собой, мы можем заметить, что они по своим особенностям объединяются в три группы: восточнославянскую, или русскую, к которой принадлежат русские языки — великорусский, белорусский и малорусский; западнославянскую, обнимающую языки польский и кашубский, верхнелужицкий и нижнелужицкий, чешский и словацкий; и южнославянскую, в которую входят языки болгарский, сербохорватский и словинский. Черты сходства между языками, входящими в одну группу, и различия между языками одной и языками другой группы не оставляют сомнения в ближайшем родстве языков каждой такой группы в отдельности, т.-е. в том, что между эпохой распадения о.-сл. языка и эпохой самостоятельной жизни каждого из нынешних славянских языков была общеюжнославянская эпоха для южнославянских, общезападнославянская для западных славянских и общерусская для русских языков, т.-е. можно говорить о существовании в прошлом языков русского, западнославянского и южнославянского, позднее распавшихся на существующие теперь славянские языки. Но этим ближайшее родство между отдельными славянскими языками не ограничивается. Не говоря уже о более близком родстве между языками в пределах одной группы, можно заметить существование связи между языками, входящими в разные группы: так наприм., чешский и словацкий языки ближе

к южнославянским, чем языки польский, кашубский и лужицкие; далее, можно указать черты, сближающие русские языки с одной стороны с западнославянскими, с другой — с южнославянскими. Так как все совпадения русских языков с западнославянскими, отличающие эти языки от южнославянских, и, наоборот, совпадения русских языков с южнославянскими в чертах, отсутствующих в западнославянских языках, равно как и черты, сближающие чешский и словацкий языки с южнославянскими, нельзя объяснить случайностью, то следует допустить, что эпохе существования общерусского, общезападнославянского и общеюжнославянского языков предшествовали эпохи, когда группировки славянских языков были другие, причём эти группировки менялись, как показывает близость русских языков с одной стороны к западнославянским, с другой к южнославянским и т. д. Остаётся вопрос, следует ли эти группировки относить к эпохе после окончательного распадения о.-сл. языка или смотреть на них, как на группировку наречий одного о.-сл. языка, предполагая наличность живой связи не только в пределах каждой диалектической группы, но и между самими группами. Не решая этого вопроса, отмечу только те черты, которые указывают на отношение русских языков к другим славянским языкам.

§ **159**. Русские языки представляют ряд черт с одной стороны, отличающих их как от зап.-слав., так и от ю.-сл. языков, с другой—черты, сближающие их или с одной, или с другой группой славянских языков. Из них следует различать черты более или менее исконные, действительно указывающие на связь русских языков с теми или другими славянскими языками, и черты более поздние и случайные.

§ **160**. Черты, отличающие русские языки от всех других славянских языков с самого момента выделения русского языка: 1. полногласие (см. §§ 12, 81, 177). 2. сочетания **ол ор,ер**, между согласными из о.-сл. **ъл, ьл,ър,ьр,** (см. §§ 81,178), 3. **ж** из о.-сл. **дj** (см. § 81), 4. **о** вместо начального **е** (см. §§ 81, 127). По другим чертам русские языки не занимают обособленного положения среди других славянских языков.

§ **161**. Общие черты русских и южнославянских языков. С южнославянскими языками роднят русский язык следующие черты:

1. Переход о.-сл. сочетаний **дл,тл** в одно **л**, тогда как в зап.-слав. языках эти сочетания сохранились: р. ель, еловый, сало, мыло, крыло, гóрло, молиться, молитва, шол, мёл, ж. р. мела, плёл, ж. р. плела и др., с. јела, јелов, сало, мило, крило, грло, молити се, молитва, ишао, мео, ж. р. мела, плео, ж. р. плела, п. jodła, jodłowy, sadło, mydło, skrzydło, gardło, modlić się, modlitwa, szedł, miótł, ж. р. miotła, plótł, ж. р. plotła; в древнейших памятниках русского письма написания крилѣ, молитва, шьлъ и т. п. одинаково передают как ст.-сл., так и русское произношение этих слов. Но в части в.-р. говоров, именно, в говорах бывшей Псковской области и нынешних Псковской, зап. части Новгородской и ю. части Петроградской губ. сохранились некоторые следы и другого произношения. Именно, в псковских памятниках XIV—XVI в. встречаются написания: блюгли ся, привегли, оусегли, сострѣкли, чькли и т. п. (=блюли ся, привели, въсѣли, сострѣли, т. е. встретили, чьли, т. е. читали), где „г", очевидно, из старого **д** перед **л** (ср. диалектич. гля= для и т. п.); в нынешних говорах Псковской и Петроградской губ. Жерегло (пролив между Чудским и Псковским озером=жерело), жагло (жало), перецок (из „перецокл"= перечол), прицклась (причлась); там же и в зап. части Новгородской г. муж. р. прош. вр.: пришот, ушот (из „пришодл", „ушодл"). В этих же говорах в других случаях, однако, является одно **л**: мёл, плёл, сало, мыло, вилы, крылья, ёлка и пр. Повидимому, это потомки каких-то западнославянских говоров, оторвавшихся от западнославянской группы и вошедших в состав русского языка уже после его образования, причем эти говоры слились с остальными русскими говорами и утратили бóльшую часть зап.-слав. черт; этим объясняется, почему зап.-слав. **дл,тл** сохранились в таких говорах не последовательно, а лишь в некоторых словах и формах. Акад. А. А. Шахматов связывает особенности этих говоров с упоминанием Повести Временных Лет, что „радимичи и вятичи от рода ляхов".

2. Переход о.-сл. **квѣ,гвѣ** в цвѣ,дзвѣ (откуда звѣ-). См выше § 147. з.

3. Черта, правда, сближающая русские языки только с сербохорватским, словинским и говорами ст.-сл. языка, но не с болгарским,—переход сочетаний губных с j, полученных из о.-сл. языка, в сочетания губных с л мягким. В о.-сл. сочетания губных с j в первом слоге слова во всех говорах о.-сл. языка изменились в сочетания губных с л мягким, ср. р. блюдо, б. блюдо, с. бљудо, ч. blido, п. bluda: сочетания же губных с j не в первом слоге слова перешли в сочетания губных с л мягким только в русском, сербском, словинском и говорах ст.-сл. языка, прич м уже древнейшие памятники этих языков свидетельствуют о существовании этой черты. В зап.-слав. языках (во всех) и в болгарском о.-сл. сочетания губных с j дали мягкие губные, а в говорах ст.-сл. языка частью тоже дали мягкие губные, частью, повидимому, сохранились, как сочетания губных с j. Примеры: р. грабли, земля, корабля, капля, с. грабље, земља, капља, п. grabie, ziemia, kapia, ст.-сл. землѩ, земьѩ и земѩ, каплѩ, капьѩ, кораблю и корабью и пр.

Повидимому, можно думать об эпохе совместной жизни предков русских и ю.-сл. языков, во время которой и развились черты, отличающие их от зап.-слав.

§ **162.** Общие черты русских и западнославянских языков. С другой стороны русские языки представляют немало очень старых совпадений и с зап.-слав. языками. Эти совпадения частью сближают русскую группу с зап.-сл. группой вообще, частью—с ближайшими языками этой группы: польским, кашубским и лужицкими.

1. Само полногласие свидетельствует об отсутствии удлинения **о** перед плавной в тех говорах о.-сл. языка, к которым восходят русские языки, а этим они сближаются не с ю.-сл., а с северозападными славянскими языками (чешский язык в данном случае примыкает к ю.-сл. языкам).

2. Начальное **ро,ло** в таких словах, как ровный, локоть, сближает русские языки с зап.-слав. кроме словацкого. Эта черта такая же старая, как и отсутствие удлинения в сочетаниях гласной с плавной между согласными.

3. **ѣ** в окончании род. ед. и имен.-вин. мн. имён и местоимений ж. р. и вин. мн. муж. р. с основой на мягкий неслоговой звук, ср, м.-р. еї, землї, конї и т. п.; то же в зап.-

слав. языках; в ю.-слав. звук, являвшийся в этих окончаниях, совпал со старым **е** носовым (ст.-сл. „юс малый"). (См. выше, § 134).

4. Смягчение согласных перед палатальными гласными (**е,и,ь,ѣ, е** носовое, откуда теперь **а**), быть может, тоже сближает русский язык с северозападными славянскими языками; правда, в м.-р. согласные перед **е,и** твёрды, но это отвердение позднее.

5. В русском языке, как и в северозападных славянских языках, **е** перед твёрдыми согласными перешло в **о**; в русском, как и в лужицких языках, этот переход не обусловлен характером следующей твёрдой согласной; в польском же и кашубском он является только перед твёрдыми зубными. Правда, этого перехода почти нет в м.-р. языке, но некоторые факты, между прочим, северномалорусский переход **е** в новых закрытых слогах в **уо** и **у**, свидетельствуют о том, что **е** перед твёрдыми некогда и здесь изменилось в направлении к **о**, и м.-р. произношение с **е** представляет вторичное изменение этого звука.

Кроме этих черт можно указать ряд морфологических и лексических особенностей, общих русским языкам с зап.-слав., главным образом с сев.-зап. (польским, кашубским и лужицкими), которые заставляют предполагать эпоху общей жизни предков русских и зап.-слав. языков, подобно тому, как присутствие в русских языках черт, общих им с ю.-слав., приводило к предположению об общей южно-восточно-славянской эпохе.

§ **163.** Эти два различные ряда совпадений русских языков показывают, что наречия, лёгшие в основу русского языка, прежде чем обособиться в самостоятельный язык, пережили очень сложную историю. Мы не станем здесь решать вопрос, какие из черт, сближающих русские языки в целом с той или с другой группой славянских языков, являются диалектическими чертами о.-сл. эпохи, и какие возникли после распадения о.-сл. языка и вызваны позднейшими группировками славянских языков: этот вопрос выходит за пределы истории русского языка.

III. Общерусские изменения звуков.

§ **164**. Главные эпохи в истории русского языка. В истории русских языков можно установить две главных эпохи: 1. эпоху общерусскую, с момента выделения русского языка из о.-сл. или с момента прекращения связи с другими славянскими языками до распадения общерусского языка, и 2. эпоху, наступившую после распадения общерусского языка, т. е. эпоху одновременного существования нескольких русских языков; по отношению к великорусскому языку можно различать период от распадения общерусского языка до образования великорусского языка и после образования великорусского языка. В зависимости от этого деления изложение истории русского языка можно располагать по эпохам: 1. изменения звуков, произошедшие в русском языке в общерусскую эпоху, и 2. изменения звуков, произошедшие в в.-р., б.-р. и м.-р. языках после распадения общерусского языка. Но при таком делении мы не всегда можем отличить явления, возникшие в в.-р., б.-р. и м.-р. языках после распадения общерусского языка, от диалектических явлений общерусской эпохи, так как уже в эту эпоху существовали заметные различия между наречиями общерусского языка; так, особенности южнорусские и севернорусские определились уже в общерусскую эпоху. Поэтому изменения звуков русского языка я буду рассматривать в другом порядке: 1. сначала изменения общерусские, затем 2. изменения не общерусские, но общие разным русским языкам и, наконец, 3. изменения, принадлежащие только одному из русских языков, хотя бы возникшие еще в о.-р. эпоху. Конечно, и при таком порядке изложения будет принята во внимание сравнительная хронология исторических явлений языка.

А. Изменения доисторические.

§ **165**. Доисторическими изменениями звуков мы называем те изменения, которые произошли еще до появления первых письменных памятников языка. Для русского языка такой доисторической эпохой является время до середины XI в. (точнее,—до 1056 г., времени написания Остромирова

Евангелия) или, если принимать во внимание документальные указания на некоторые особенности русского языка у Константина Багрянородного,—до середины X в.

К доисторическим изменениям звуков русского языка относятся следующие.

§ **166**. Смягчение всех согласных перед палатальными гласными (тогда еще **е**, **и**, **ѣ**, **ь**, **ѧ** носовое). В о.-сл. согласные в этом положении были полумягки, как показывают южнославянские языки (главным образом сербохорватский и старославянский), но в северозападных славянских языках смягчились, как и в русском. Смягчённые согласные этого происхождения (из о.-сл. полумягких перед палатальными гласными) сохранили мягкость в в.-р. и б.-р., но в м.-р. они мягки лишь перед заместителями старых **ѧ** носового и **ѣ**, а также в конце слова и перед согласными после выпадения старого **ь** слабого, и тверды перед **е** (из о.-сл. **е** и **ь**) и перед **и**. Но эта твёрдость вторичная, на что́ указывают следующие факты: 1. В м.-р. перед **е**,**и** отвердели не только о.-р., но и о.-сл. мягкие согласные; согласные тверды не только в таких словах, как низкий, лист, несеш, летить, тихо, горить, где **н**, **л**, **р**, **с**, **т** из о.-сл. немягких (полумягких), но и в словах: нива, над ними, земли, бури, до него, поле, лице, где **н**,**л**,**р**,**ц** — из о.-сл. мягких, хотя перед другими гласными и в конце слов о.-сл. **н**,**л**,**р**,**ц** мягкие в м.-р. не отвердели: кінь, коня, земля, буря (в тех говорах, где сохраняется вообще **р** мягкое), лиця, на руці.—2. Мягкие согласные сохранились а) если конечные **е**,**и** отпали: мать, по̀вел. беріть (2 мн.), инфин. ходить (рядом ходити) и т. п., б) в таких словах, как тьомний, льон, сльози и т. п., в) в с.-м.-р. говорах перед дифтонгом **уо** или **йо** из старого **е** перед твёрдыми: нюос, тюотка и пр. Отвердение согласных перед **е**,**и** в м.-р. вызвано, повидимому, изменением в артикуляции самих гласных **е**,**и**, которые произносятся не при передних, а при передне-средних подъёмах языка.

§ **167**. Смягчение согласных перед гласными **и**,**ь**,**ѣ** могло быть отмечено только в тех памятниках русского письма, в которых различаются буквы „н“, „л“, с одной стороны, и те же буквы со значком мягкости, с другой стороны. Те памятники, в которых не употреблялись такие буквы, не

располагали средствами для обозначения мягкости согласных перед звуками **и,ь,ѣ.** Но и те памятники, в которых буквы „н“, „л“ и те же буквы со значком для мягкости употребляются безразлично, не дают достаточно ясных указаний, потому что нельзя решить, понимал ли писец эти буквы, как знаки для **н,л** мягких или нет. Только те памятники, в которых мы видим стремление правильно различать эти буквы, при выдержанности правильных написаний могут говорить о различии между старыми мягкими и немягкими **н** и **л** в языке писца, а своими отступлениями от правильного правописания могут указывать на совпадение старых мягких **н** и **л** с новыми **н** и **л** мягкими, получившимися вследствие смягчения этих звуков перед **и,ь,ѣ.** Такое правописание мы встречаем в ряде памятников XI и XII в.в. В этих памятниках обыкновенно буквы „н“ и „л“ со значком мягкости пишутся почти без исключений только на месте старых, т.-е. о. сл. смягчённых **н** и **л**: так, во 2-м почерке Арх. Ев. на 8 случаев правильного написания буквы „л“ с крючком сверху, обозначавшим мягкость, и 8 случаев правильного написания „н“ с крючком, обозначавшим мягкость, нет ни одного случая неправильного употребления этих букв; в Типогр. Уставе № 142 XI—XII в. немногие случаи написания такого „н“ перед „ѣ“: гнѣвъ („н“ с крючком) 25 об. и т. п., кажется, обязаны своим появлением последнему переписчику, в оригинале которого было много, но, повидимому, только правильных случаев с такими буквами. Но эта правильность в значительной степени объясняется тем, что эти буквы встречались в определённых категориях слов, которые нетрудно было запомнить: „н“ с крючком—в косвенных падежах местоимения „и“ с предлогами: съ нимь и т. п., в прилаг. „господьнь“, в существительных на „ня“ или „ни“, „л“ с крючком—после губных в конце основы и у существительных на „ля“, кроме того, те памятники, которые употребляли эти буквы также перед „юсом малым“, могли руководиться правилом, что они пишутся в глаголах на „-няти“ и „-ляти“. Но правильность в употреблении этих букв в самых грамотных памятниках русского письма XI—XII в.в. однобокая: если писцы не делают ошибок там, где пишут их, то зато они очень часто пишут „н“, „л“

там, где следовало бы писать те же буквы с крючком, ср. во 2-м почерке Арх. Ев.: кънигы, кънижьникъ, много раз (с буквою „н" с крючком это слово в Арх. Ев. не пишется), на нь, съ ними (много раз), преклонь, оуньше, послѣдннии, земли, оучїтель, оставльше и мн. др. (во всех примерах „н", „л" без крючка), в Типогр. Уставе: на земли, корабль, поклоньше, въ въшьнихъ, въ нь и мн. др. Это указывает, что в написании букв „н", „л" со значком мягкости писцы руководились не произношением, а орфографическими соображениями, и что в их произношении эти буквы перед „и", „ь", „ѣ" не отличались от „л", „н".

§ 168. Смягчение согласных перед е носовым, точнее, перед тем гласным звуком, который произносился в начале исторической эпохи в русском языке на месте о.-сл. е носового, могло быть отмечено как теми памятниками, которые различали буквы „н", „л" без значка мягкости и со значком, так и теми памятниками, которые употребляли после согласных и букву „а йотированное" и букву „юс малый". Памятники, не употреблявшие букв „н" и „л" со значком мягкости и употреблявшие после согласных только „юс малый", не могут свидетельствовать о произношении согласных перед заместителем старого е носового, потому что одна и та же буква могла обозначать разные звуки, если эти звуки были близки друг к другу, а на письме не было средств для их различения. Памятники, употребляющие после согласных буквы „юс малый" и „а йотированное", позволяют судить о произношении звуков, обозначаемых этими буквами, если мы в правописании замечаем стремление различать эти буквы, поскольку это стремление не выдержано. Так, во 2 почерке Арх. Ев. мы находим стремление писать „а йотированное" в соответствии со ст.-сл. „а йотированным" или „юсом малым" после н, л, мягких, и букву „юс малый" в соответствии со ст.-сл. „юсом малым" после немягких и после шипящих: здесь обычно пишется „а йотированное" в местоим за ны и т. п., в прилаг. вышьняаго, нижьняаго, в глаголах с длительной основой на -яти: испълняя ся, [1]) кланаяя ся, раздѣляюще, в импер-

[1]) Буквой „я" здесь и ниже передаётся буква „юс малый" (ѧ).

фекте: цѣлꙗше, в существ. на -я: волꙗ и т. д. Но писцу не удаётся выдержать ст.-сл. орфографию. Он часто пишет „ѧ“ после „л“, „н“, „р“, „с“ вместо „ꙗ“: боляаше, моляхоу ся, храняше, варяю, лазоря, сентямбря, разарꙗ, самарянъ, вься, всякъ (много раз) и т. д.[1]); с другой стороны, употребляет букву „ꙗ“ после „м“: имꙗ (много раз), мꙗ (много раз), времꙗ, беремꙗ, а иногда и после других букв: блоудꙗ (запись). Эта невыдержанность указывает на то, что в языке писца согласные в сочетаниях, где он писал буквы „ꙗ“ и „ѧ“, были одинаково мягки. В Ефремовской Кормчей XI—XII в. после „л“, „н“ пишутся „ѧ“ и „ꙗ“ независимо от того, соответствуют ли „л“ и „н“ о.-сл. мягким или немягким согласным. В Типогр. Уставе рядом с правильными написаниями обѣдьнꙗꙗ, кланꙗющаꙗ ся и т. п. обычны такие, как костянтиня града, земля, поставляють ся, лазоря, вечерня, всяко и т. п. То же правописание мы находим и в других памятниках XI—XII в. в., употребляющих и „ѧ“ и „ꙗ“ после согласных.

§ **169**. Смягчение согласных перед **е** могло быть отмечено как в памятниках, различавших буквы „н“, „л“ без значка мягкости и со значком, так и в памятниках, употреблявших после согласных не только букву „е“, но и букву „**е** йотированное“. Памятники, употреблявшие после согласных только букву „е“, не располагали средствами для различения мягких и немягких согласных перед **е**. Но мы имеем целый ряд памятников, различающих по употреблению буквы „е“ и „е йотированное“ после согласных; некоторые из этих памятников обнаруживают такую правильность в правописании этих букв, которая заставляет думать, что о.-сл. несмягчённые согласные перед **е** в произношении писцов этих памятников звучали не так мягко, как о.-сл. смягчённые согласные. Так, во 2-м почерке Арх. Ев. после „л“ и „н“ последовательно пишется „**е** йотиро-

---

[1]) Бо́льшая часть (и очень много) ошибочных написаний, с „ѧ“ вместо „ꙗ“ приходится на долю имперфекта. Не объясняется ли это тем, что в имперфекте писец произносил **а** с предшествующей мягкой согласной в таких случаях, как бяху, хотяше, где он писал „ѧ“, руководясь правилом, что „ꙗ“ пишется только после „л“. „н“, „м“ (последнее в силу какого-то недоразумения)? По аналогии с этими случаями он писал в имперфекте „ѧ“ и после сонорных.

ванное“ (более 100 раз) во всех случаях, где согласные л, н восходят к о.-сл. л,н мягким, и также последовательно „е“ после о.-сл. немягких согласных (как после „л“, „н“, так и после других): о нѥмь, понѥже, отнѥлѣже, поклонѥнию, обременѥни, тоунѥ, мьнѥ (ср. ст.-сл. „меньше“), глаголѥте, чьрвлѥною, възлюблѥнъ, вселѥноую, землѥ (зв.) и т. д., привлекоу, възлеже, съплетъше, облекоша, не погыбнеть, имене, вънезаапоу и т. д. Единственный случай написания „ѥ“ не после „л“, „н“ приходится на положение после мягкой шипящей: наречѥши ся 168. Объяснять эту последовательность одной грамотностью нельзя, потому что тот же писец обнаруживает непоследовательность в употреблении „ѧ“ и „ꙗ“. В Мстисл. грам. около 1130 г. различаются „не“ в „почьнеть“, „игоумене“, „изоостанеть“ и „нѥ“ в „донѥлѣже“, „осеньнѥѥ“, „въ нѥ“, и только один раз ошибочно написано „оу него“. Мстисл. грам. не списана со ст.-сл. текста, и можно думать, что различие между „не“ и „нѥ“ основано на произношении, и что „оу него“ — описка или ошибка, вызванная какими-нибудь особыми причинами, и не указывает на произношение. В Ефремовской Кормчей нач. XII в. случаи написания „ѥ“ вместо „е“ и наоборот настолько редки по сравнению со смешением „ѧ“ и „ꙗ“, что вызывают вопрос, не списана ли Ефр. Кормчая с такого списка, в котором буквы „е“ и „ѥ“ не смешивались лицом, которое уже не различало о.-сл. мягких и немягких перед е? В Типогр. Уставе XI—XII в. в. о.-сл. сочетаниям н[i]е (с н мягким), л[i]е (с л мягким) постоянно соответствуют нѥ, лѥ или не,ле со значком мягкости у букв н,л: съ заоутрьнѥю, на нѥмь, поклонѥнию, хвалѥниѥмь, волѥю, посълеть, г(осподи)не (в последних двух словах н,л с крючком) и т. п., и только один раз ч. Сумеѡне, где „н“ с крючком, и несколько раз встречаем написания не,ле вместо нѥ, лѥ: съ заоутрьнею блгословленъ, глет, къ немоу и т. п. Повидимому, и здесь отступления от правильного обозначения мягкости согласных перед е принадлежат последнему переписчику; в оригиналах же его „не“, „ле“ и „нѥ“, „лѥ“ могли различаться правильно[1]). Есть однако и такие памятники, писцы которых,

[1]) Показания Типогр. Устава № 142 особенно ценны потому, что Устав повидимому, переведён на Руси, а не у южных славян.

будучи знакомы с орфографией, различавшей **н,л** мягкие и не мягкие, этой орфографии не выдерживают. К таким памятникам принадлежат отчасти только что названные Ефр. Кормчая и Типогр. Устав, последние писцы которых не различали **н, л** мягких и немягких. В Остр. Ев. встречаются написания „погыбнеть“, где „н“ с крючком, „гнѥтоуть“, в 1-м почерке Арх. Ев. идѥ, кръвѥ, в Гал. Ев. 1144 г. боудѥть и др., в Добр. Ев. 1164. възлѥже, знамѥньѥ и т. д. Вывод, какой можно сделать на основании изучения подобных памятников, такой. Правильное различение „е“ и „ѥ“ после „н“, „л“ не может объясняться как чисто орфографическое явление и, следовательно, указывает на произношение самих писцов. Согласные в положении перед палатальными гласными **и,ь,ѣ** и звуком, получившимся из **ѧ** носового, русские писцы в XI в. произносили мягко. В положении же перед звуками, обозначавшимися буквою „е“, некоторые писцы различали в своём произношении старые смягчённые согласные, которые произносили безусловно мягко, и те согласные, которые в о.-сл. еще не были смягчёнными, и которые и они произносили не вполне мягко. Судя по тому, что в севернорусских минеях конца XI в. общеславянские смягчённые и полусмягчённые **л,н** перед **е** не различаются, что Ефр. Кормчая и Типогр. Устав, в которых правописание, различающее мягкие и немягкие **л,н** перед **е**, не выдержано, представляют севернорусские списки с южнорусских оригиналов, и что Арх. Ев., в котором это правописание выдержано, написано, повидимому, в Южной Руси, можно думать, что произношение, различавшее мягкие и полумягкие согласные перед **е**, свойственно было только южнорусским писцам, хотя и среди последних, как показывают 1-й почерк Арх. Ев., Гал. Ев. 1144 г., Добр. Ев. и др., были такие, по крайней мере, в середине XII в., которые произносили все согласные перед **е** вполне мягко. Можно думать, что в части южнорусских говоров XI в. новое смягчение согласных перед **е** еще не было полным, а окончательное смягчение их в этом положении произошло несколько позже. Но более вероятно, что немягкое произношение **л, н** перед **е** в тех случаях, когда они соответствовали ст.-сл. немягким **л,н**, было только книжным или

литературным и не совпадало с живым русским произношением. Что подобное явление было возможно, можно заключать на основании того, что в нынешнем русском произношении иностранные слова довольно легко усваиваются с немягкими согласными перед **е**: дэпо, Тэн, рэфлекс, дэзорганизация, Вольтэр, Гайнэ, пэнснэ, сэрсо и пр., между тем как немягкие согласные перед **и**,**й** заменяются мягкими даже при чтении на иностранном языке; точно также остаются непереданными в русском произношении иностранных слов и многие другие особенности иностранного произношения. Другим указанием на возможность книжного произношения немягких согласных перед **е** при свойственном живому языку в подобных случаях произношении мягких согласных является поморское старообрядческое произношение при чтении церковных книг сочетаний бе, ве, де, не, пе, се, те и др. с немягкими согласными, а сочетаний бѣ, вѣ, дѣ, нѣ, пѣ, сѣ, тѣ и пр. с мягкими; можно думать, что это произношение, не соответствующее живому произношению поморских старообрядцев, заимствовано русскими у южных славян в XIV—XV в. в.

§ **170**. Переход **ел, ьл** в **ол, ъл**. Ещё раньше, чем согласные перед **е** в русском языке смягчились, в сочетаниях **ел, ьл** между согласными **е** переходило в **о**, а **ь** в **ъ**. Очевидно, согласная **л** в этих сочетаниях уже тогда звучала очень твёрдо. Следовательно, изменение **е,ь** в **о,ъ** в таких сочетаниях указывает на более раннее общерусское изменение **л** среднего в **л** велярно-зубное перед согласными, независимо от качества следующего согласного звука, т.-е. не только перед твердыми, но и перед мягкими. Примеры: волк, долг, толку, молчать, молоко, молотъ, народн. и др.-р. полон, жолоб, ср. п. wilk, milczeć, mlěko, mleć, plon, ст.-сл. млѣко, млѣти, плѣн, жлѣб. В древнейших памятниках русского языка (XI в.) это явление отразилось в написаниях с „ъл" таких слов, как вълкъ, пълнъ, мълчахоу, испълнивъ и т. п., причём в тех памятниках, в которых является русское правописание подобных сочетаний с гласными перед плавной, перед „л" всегда пишется „ъ".

§ **171**. Переход **ч, дж** с долгим затвором (из **тj**, **кт** и **дj**) в **ч,дж**. Таким образом новое **ч** совпало со старым

из **k,kj**; что касается **дж**, то оно вообще переходило в **ж**, т.-е. совпало с **ж** другого происхождения (из **г,гj**), но диалектически, быть может, сохранялось **дж**, ср. нын. м.-р. и б.-р. виджу, саджу, садженый=в.-р. вижу, сажу, саженый. В памятниках XI в. и позднее **ж** такого происхождения почти всегда передаётся буквою „ж“: Остр. Ев. прихожоу, роженыи и др., Изб. 1073 г. жажа, прѣже, Арх. Ев. хожаше, межю, дажь, не обижю и т. п. Что касается „ч“, то в русских списках церковно-славянских книг оно встречается значительно реже, в виде ошибок против нормальной орфографии, требовавшей в подобных случаях буквы „щ“: чюждего, трепечоушта Изб. 1073 г., скрьжьчеть, хочеши, хочю, вячеслава, по чюжемь 2 поч. Арх. Ев., ба ся бояче Мин. 1095 г. (запись) и др.

§ **172**. Изменение **о,е,ѣ** носовых в неносовые **а, у,ѣ**. В ту эпоху, когда происходил этот переход, согласные перед е носовым уже были мягки и остались такими и в нынешних русских языках. Древнейшие указания на это изменение —у Константина Багрянородного, который передаёт русские (по Константину—славянские) названия Днепровских порогов Νεασητ (=Неясыть, где „я“ из jeⁿ) и Βερουτζη (=Вьручий где „у“ из **о** носового); в Остр. Ев. „юс большой“ и „оу“ читаются одинаково за **у**, „а йотированное“ и „юс малый йотированный“—одинаково за **ja**, и „а“ и „юс малый“ после шипящих одинаково за **а**: лоукавый, водоу, могоу, волю, оубиють, ꙗзыкъ, жьнꙗ, почахъ и пр. Звук **ѣ** из **ѣ** носового передается уже в памятниках XI в. через „ѣ“: отъ троицѣ Изб. 1073 г., недѣлѣ, захарие, с(вя)тоѣ, ключѣ Арх. Ев., с(вя)тоѣ м(учени)цѣ Мин. 1095 г., от съсоудохранильницѣ, въ всѣ же недѣлѣ Типогр. Уст. № 142.

§ **173.** Отпадение начального **j** перед **у**. Начальное **j** в р. языке отпало как перед старым **у**, так и перед **у** из **о** носового. Таким образом получились в р. языке слова: уный, уноша, уг, уха и др., в соответствии со ст.-сл. юнъ, юноша, югъ, юха (во всех этих словах **j** старое, дославянское); удыже в соответствии со ст.-сл. ѭдоу же, утро при ст.-сл. оутро и ютро; в памятниках XI—XII в.в.: оудыже Арх. Ев., къ оужьнѣи странѣ Типогр. Уст. № 142, XI—XII в., оуноша Ефр. Кормч. и др.

§ **174.** Изменение **е** в ŏ перед твёрдыми согласными. Указание на это изменение извлекаем из перехода этого звука в **о** в в.-р. и б.-р. и из того, что в м.-р. после удлинения гласных в новых закрытых слогах и перехода их в дифтонги этот звук изменялся в дифтонг йŏ или **уо**, ср. нын. с.-м.-р. нюос, а также из того, что после шипящих в м.-р. перед твёрдыми согласными тоже **о**: жона, чоловік и пр.[1]) В памятниках указанное изменение не могло быть отмечено за отсутствием в славянской азбуке особой буквы для ŏ; поэтому звук ŏ сознавался писцами, как видоизменение звука **е** и обозначался буквою „е". Нынешнее в.-р. **о** в конце слова из **е** не восходит к о.-р. **ŏ**, а явилось нефонетически (ср. в имен. ед. р. не только лицо, питьё, моё, с.-в.-р. полё, но и с.-в.-р. имё) или же вследствие позднейшего диалектического перехода конечного **е** в **о** в части с.-в.-р. говоров

§ **175.** Переход **ь** в **ь** округлённое. В то же время **ь** в таком же положении становилось округлённым, т.-е. близким к ŏ, но отличавшимся от **ŏ** из **е**, между прочим, особой краткостью и неполнозвучностью; отсюда в в.-р. и б.-р. **о**: овёс, тёмный, шол, а в м.-р. **е**, но также и **о**: овес и пр., но тьомний, льон, ішов, шовковий, сльози.

§ **176**. Переход начального **е** в **о**. Русские озеро, осень, один и пр. можно возводить к о.-сл. диалектическим езеро, есень, единъ (при језеро, јесень, јединъ других говоров). Такому же переходу в **о** подвергалось начальное **е**, а также **е** (не јe или йе) после гласных в заимствованных словах, причём закон об этом переходе продолжал действовать еще в историческую эпоху—в XI в. В памятниках в подобных случаях **о** уже в XI в., хотя примеров очень мало, так как русское живое произношение противоречило церковной орфографии и книжному произношению: одины Изб. 1076 г., одинъ 2-й поч. Арх. Ев. и др., октениа Типогр. Уст. № 142 XI—XII в., озеро Златоструй XII в., вифлеомъ, въ геоноу, иосѣе 2-й поч. Арх. Ев. (впрочем, после **и** чаще „**е** йотированное": евангелиѥ и др.) и

---

[1]) Впрочем, изменение **е** в **о** после шипящих могло быть результатом и другого процесса, изменения в направлении к **о** после старых смягчённых,— процесса, начало которого может относиться к эпохе до окончательного смягчения согласных перед **е**.

т. п. Надо заметить, что в церковном произношении в XI и XII в.в. греческие слова с начальным **е** и с **е** после гласных читались всегда без j перед этим **е** (теперь принято их читать с j); так, в русских церковных памятниках XI—XII в.в. постоянно: еуаггелие, еллини, егуптъ, елисавеѳь архиереи, иероусалимъ, иереи, нееманъ и пр., тогда как, в славянских словах всегда в начале слова „е йотированное" (кроме таких слов, как еда, етеръ и т. п.).

§ 177. Полногласие. В сочетаниях **ор, ер, ол** (последнее, как мы видели, не только из о.-сл. **ол**, но и из о.-сл. **ел**) с долгими слоговыми плавными между согласными после плавной развивался переходный, очень краткий звук, тожественный по качеству с гласным звуком перед плавной, причём плавная сокращалась и затем становилась неслоговой; в сочетании **ер** перед твёрдой согласной очень краткое **е** после **р** по общему правилу переходило в ö. Позднее **е**,ö,**о** после плавных в этих сочетаниях переходили в гласные полного образования еще в доисторическую эпоху, и таким образом получились сочетания **оро**, **ерö**, **ере**, **оло** между согласными: город, берёза, умереть, голова, молоко, жолоб и т. п. В памятниках XI и XII в.в. церковного письма примеры с русскими полногласными сочетаниями, как несвойственными церковнославянскому литературному языку, встречаются довольно редко, притом зачастую не в основном тексте, а в записях, приписках и т. п.: Володимира, Новѣгородѣ запись Остр. Ев., перегноувъ приписка на поле писца Остр. Ев., поросяте, полоненъ Изб. 1073 г., оумерети, жеребии, беремя 2-й поч. Арх. Ев., по середѣ, черева, норовъ, золотѣ Минея 1095 г., сторона, переходить, паволоцѣ, пороздьноую (неделю, т.-е. праздничную) Типогр. Уст. № 142 XI—XII в., измолода, городоу, оболочашети и, воротъ, оболость Ж. Феодосия, XII в., половы, половелъ Гал. Ев. 1144 г. и др. В м.-р. город, перед, голод и т. п. **о**,**е** не перешли в дифтонги и в **і**, потому что стали гласными полного образования после того времени, как старые **о**,**е** удлинялись перед слогом с **ъ**,**ь** слабыми. Поэтому **і** в род. мн. голів, беріз и т. п. следует объяснять аналогией с другими род. мн. В русском языке, особенно в в.-р., много слов церковнославянского происхождения с ю.-слав. сочета

нием „плавная + гласная“ между согласными: благо (ср. др.-р. бологo, м. пр. в Слове о полку Игореве), глава, сладкий (ср. м.-р. солодкий), главный (ср. м.-р. головний и в.-р. головной с другим значением), плен (ст.-сл. плѣн, др.-р. полонъ), вред, пред, среда, упрекать (ср. перечить), требовать (ср. др.-р. притеребы, название города в Галичине Теребовль), время (ср. др.-р. и м.-р. веремя), прежде (др.-р. переже, в.-р. диалектич. переж) и мн. др.

§ **178**. Изменение сочетаний **ър, ьр, ъл** между согласными. В сочетаниях **ър, ьр, ъл** (последнее из о.-сл. **ьл** и **ъ,л**) с неслоговыми **ъ,ь**, слоговыми плавными между согласными гласные стали слоговыми и перешли в **ъ,ь** сильные, а плавные стали неслоговыми. Если в следующем слоге были **ъ** или **ь** слабые, то плавные, быть может, ещё раньше удлинялись, а затем, в то время, когда возникало полногласие, после них развивались гласные, тожественные по качеству с гласными перед плавными, т.-е. **ъ** или **ь**, а сами плавные сокращались и становились неслоговыми. **ъ** и **ь** после плавных в таких сочетаниях были, повидимому, слабее обычных **ъ** и **ь** сильных, а потому сохранялись не везде и не при всяких условиях. Позднее эти **ъ** и **ь**, если не выпадали, как и всякие **ъ** и **ь** сильные, перешли в **о** и **е**. Такое изменение старых сочетаний **ър ьр, ъл** между согласными в **ъръ, ьрь, ълъ** с дальнейшим переходом этих сочетаний в **оро, ере, ерё, оло** называется вторым полногласием. Примеры на сочетания **ор, ол, ер** между согласными приведены выше (§§ 81.6, 156). Примеры 2-го полногласия: в.-р. верёвка, долог (долгий), полон (полный), диалект. молонья, верёх, доложно, столоб, кором, м.-р. горон и пр., но также: молния, верх, должно, столб, корм, горн, существ. долг, смерть и пр.; в в.-р. смерётушка, столобок, м.-р. горобок гласная после плавной, быть может, по аналогии. В письменных памятниках сочетания **ър, ьр, ъл** между согласными до конца XII в. обычно передавались начертаниями „ър“, „ьр“, „ъл“: тържьникомъ, скърбь, на тържищи, оутвьрдити, търплю, съмьрть, мьртвии, пьрвии, мълва, мълвити, сълньце, тълцѣте, запъртить (Мстисл. грам. около 1130 г.), дьржа (ib.), четвьрга (Типогр. Уст. № 142) и пр. Встречающиеся написания в роде скрьбь, злъчь и т. п. представляют сохране-

ние ст.-сл. орфографии, а такие, как върьхоу, зьрно, скьрьбь, тълъцѣте (Остр. Ев. и позднее), — искусственный приём письма, соединение церковнославянского правописания с русским. Поэтому достоверных указаний на второе полногласие памятники, правильно употребляющие „ъ“ и „ь“, не смешивая их с „о“ и „е“, не дают.

Б. *Изменения исторической эпохи.*

§ 179. Общерусские явления исторической эпохи — переход **ъ,ь** сильных в гласные полного образования **о,е**, утрата ъ,ь слабых, сокращение долгих гласных, изменения согласных, вызванные выпадением **ъ,ь** слабых, и некоторые мелкие явления.

Судьба гласных **ъ** и **ь** в русских языках.

§ 180. Кроме тех **ъ,ь** сильных, какие были в о.-сл. языке, в о.-р. в доисторическую эпоху стали сильными **ъ,ь** перед плавными, за которыми следовала согласная, и диалектически развились новые **ъ,ь** после плавных. Кроме того, **ъ** и **ь** слабые, быть может, еще в говорах о.-сл. языка в положении перед гласными, ассимилируясь им, могли переходить в гласные полного образования, ср. в русских памятниках XI и XII в. в. такие примеры, как: изо обою 13 слов Григория Богосл. XI в., изоостанеть Мстисл. грам. около 1130 г., почтети и Арх. Ев., видѣхомы и, и т. п. Затем остававшиеся в языке **ъ** и **ь** слабые, сокращаясь, постепенно исчезали из произношения, а **ъ** и **ь** сильные в связи с этим переходили в гласные полного образования, именно, **ъ** — в **о**, **ь** округлённое (см. выше § 175)—в **ŏ**, а **ь** неокруглённое — в **е**. О времени выпадения **ъ** и **ь** слабых и перехода **ъ,ь** сильных в **о**, **ŏ**, **е** можно судить по памятникам русского письма. Эти памятники указывают на то, что **ъ,ь** сильные до 2-й половины XII в. во всех говорах русского языка, нашедших себе отражение в этих памятниках, произносились, как особые звуки, отличные от гласных, обозначавшихся буквами „о“, „е“, так как последовательно передаются в них буквами „ъ“ и „ь“; случаи написания „о“ и „е“ вместо „ъ“ и „ь“ до вто-

рой половины XII в. единичны и притом в начале XII в. не чаще, чем в памятниках 3-ей четверти XI в., а потому должны пониматься, как случайно проникшие в них черты македонской графики, так как среди ст.-сл. памятников XI в., писанных в Македонии, есть такие, в которых вместо „ъ“, „ь“ пишутся иногда „о“ и „е“.

§ 181. Время утраты **ъ,ь** слабых. Звуки **ъ,ь** слабые в начальном слоге слов, повидимому, вовсе не произносились или, по крайней мере, не сознавались пишущими, как особые звуки, в одних словах и могли выпадать в других словах уже в XI в. На это указывают почти все памятники русского письма XI и XII вв., в которых буквы „ъ“ и „ь“ на месте **ъ,ь** слабых в первом слоге слова очень часто пропускаются; в некоторых словах, как, наприм., книга, князь, кто, многъ, два, вси, всего и др., написания без „ъ“ и „ь“ в памятниках преобладают. Кроме первого слога, в памятниках XI и XI в. в. „ъ“ и „ь“ нередко пропускаются в словах, сложных с приставками, в первом слоге слова после приставки: никто, никде, перегноувъ (Остр. Ев.), възпи, изгна, възва, пославыи, сюда же „лъжесвѣдѣтели“ 2-й поч. Арх. Ев., где „ъ“ пропущен в первом слоге второй части сложного слова. Возможно, что в 1-м слоге слов **ъ,ь** были подвижными, т.-е. могли выпадать еще в о.-сл. языке. В остальных положениях „ъ“, „ь“ в памятниках русского письма до второй половины XII в. почти не пропускаются; поэтому случаи пропуска „ъ“, „ь“ слабых не в 1-м слоге слова в памятниках XI и первой половины XII в. следует обьяснять или особыми условиями—таковы къждо, комоуждо и пр. Остр. Ев. и др., тькмо 2-й поч. Арх. Ев. и др., едва, довлѣеть Арх. Ев. и др., желѣзною Мин. 1095 г. и др.[1])—или влиянием церковнославянской графики или описками.[2]). Но со второй

---

[1]) В этих словах **ъ,ь** могли отсутствовать еще в о.-сл. языке.

[2]) В единственном нецерковном памятнике русского письма 1-й половины XII в.—Мстиславовой грамоте около 1130 г.—„ъ“ и „ь“ пропускаются только в начальном слоге: князь, княжение, всеволодъ, всеволодоу, в других слогах всегда пишутся: дължьни, серебрьно, даровьное, почьнеть, роусьскоу, осеньнее. В ещё более старом памятнике—надписи на Тьмутороканском камне 1068 г.—„ъ“ пропушено в слове „князь“, но сохранено в словах „въ лѣто“, „от тъмоутороканя“, „мѣрилъ“.

половины XII в. случаи пропуска „ъ“ и „ь“ на месте ъ,ь слабых не в первом слоге слова начинают попадаться чаще, хотя встречаются памятники с выдержанным старым правописанием. Так, из двух переписчиков жития Феодосия Печерского (памятника русского происхождения, составленного до 1100 года) в списке 2-й половины XII в. второй переписчик не только последовательно сохраняет „ъ“, „ь“ на месте **ъ,ь** слабых не в 1-м слоге слова, но чрезвычайно редко допускает пропуск этих букв и в первом слоге, наприм., пишет: дъва, зълии, както, чьто, съпати, вьси, вьсего и т. п. и только слова князь, многъ по большей части пишет без „ъ“. Первый переписчик пропускает буквы „ъ“ и „ь“ в начальном слоге слов и в первом слоге слов после приставки (двою, где, кто, птица, всѣхъ, зря, мню, пси, псати, что, злым, створи, сподоби, посла, призвавъ, презрѣти, оумреть, събравъше ся), хотя и в этих положениях чаще пишет „ъ“ или „ь“, кроме таких слов, как кто, книгы, князь, многъ, вси, которые обыкновенно он пишет без „ъ“ или „ь“. В остальных положениях случаи пропуска „ъ“, „ь“ у первого писца жития Феодосия единичны: прилѣжно, скоудно, въгодника, правьдника, пресвѣтла, двьрми, горко, въ оуглѣ, ис проуугла[1]), тогда как случаев написания „ъ“, „ь“ в этих положениях больше 300. Но в грамоте Варлаама Хутынского около 1192 г. уже не только вхоу (=всю), съ двѣма, кто, злыми, но и пожни, божниця, хотя значительно чаще „ъ“ и „ь“ написаны правильно. В списках летописей XIV в., где обычно буквы „ъ“, „ь“ на месте **ъ,ь** слабых пропускаются, очень часты случаи сохранения „ъ“, „ь“ в частях, излагающих события XI и XII в. в., очевидно восходящих к оригиналам XII в. Вообще же в памятниках XIII в. и позднее пропуск „ъ“ и „ь“ на месте старых **ъ,ь** слабых—обычное явление. Позднее „ь“ в соответствии со старым **ь** слабым сохранилось в русском правописании в значении так наз. „мягкого знака“: большой, редька, синька, медь, гость и т. п.; в конце слов буквы „ъ“ и „ь“ удержались частью, как знаки твёрдости и мягкости конечного согласного звука, частью просто, как знаки конца

[1]) Особо стоит слово „тъкъмо“, в котором 1-й переписчик по большей части пропускает 2-е „ъ“ (второй переписчик пишет это слово всегда с двумя „ъ“).

слова (идёшь, ужъ, прочь) до последнего времени. Отсюда можно сделать вывод, что **ъ,ь** слабые в первом слоге слова могли выпадать ещё в XI в., но окончательно исчезли из произношения как в 1-м слоге слова, так и в остальных слогах не раньше 2-й половины XII в.

§ 182. Время перехода **ъ,ь** сильных в **о,е**. Начало перехода **ъ,ь** сильных в **о,е** следует относить ко 2-й половине XII в. Именно, со 2-й половины XII в. случаи смешения букв „о", „е" с буквами „ъ", „ь" (т. е. написания „о", „е" вместо „ъ", „ь" и наоборот) перестают быть единичными, причём „о" и „е" вместо „ъ" и „ь" пишутся не только в таких случаях, где эти написания могли бы объясняться, как отражение македонской графики, употреблявшей „о", „е" вместо „ъ", „ь", но и в русских сочетаниях „ор", „ол", „ер" вместо старых „ър", „ъл", „ьр". Примеры: соньмищихъ, ропъщѣте, надо всѣми, самарянескъ, стоуденець, перьста, мерьтвии, растергноути, мерътвыи и др. Добрилово Ев. 1164 г, и др.; за волховомь (1-е и 3-е **о** из ъ: в оконч. твор. ед. в XI и первой половине XII в. всегда писалось „-ъмь"), на волхевьци, волмина, может быть, противенъ Варл. грам. около 1192 г., но там же правильно „ъ", „ь": рьль, дияволъмь, от пожьнь, въ сь вѣкъ. В Смоленской грам. 1229 г. (договоре смольнян с Ригою) в сп. А буквы „ъ" и „о", „ь" и „е" совершенно не различаются и произвольно ставятся одна вместо другой. Впоследствии буквы „ъ", „ь" в значении букв для гласных звуков совсем выходят из употребления, сохраняясь лишь в качестве знаков для обозначения твёрдости и мягкости, для обозначения конца слова и в разделительном значении; в значении же „гласных букв" остаются только „о" и „е". Такое правописание является преобладающим уже в конце XIII в., но единичные памятники, смешивающие „ъ" и „ь" с „о" и „е" попадаются еще в XV в. (таковы некоторые Двинские грамоты). Таким образом правописание русских памятников, начиная со 2-й половины XII в., показывает, что к этому времени звуки **ъ** и **ь** уже перешли в гласные полного образования и совпали по качеству с **о,ŏ,е** из старых **о,е** в разных говорах р. языка (примеры смешения „ъ" и „ь" с „о" и „е" наблюдаются и в южно-русских—Добрил. Ев и др.—и в северно-

русских — Варл. грам. и др. — и в западнорусских — Смол. грам. — памятниках), хотя возможно, что еще в конце XII и начале XIII в. существовали говоры, в которых **ъ,ь** сильные сохранялись, как звуки, отличные от звуков, обозначавшихся буквами „о“, „е“. Впрочем, и в тех говорах, где **ъ, ь** сильные совпали с **о**, ö, **е** другого происхождения, это совпадение не везде было полным. Как увидим ниже, в южнорусском в тех положениях, в которых **ъ** и **ь** переходили в гласные полного образования, т.-е. в новых закрытых слогах, получившихся вследствие выпадения **ъ,ь** слабых, старые **о,е** изменялись в дифтонги; в части же в.-р. говоров старое **о** сохранялось без изменения только в безударном положении и в первом слоге слов под нисходящим ударением, а под восходящим ударением (в любом слоге слова) изменилось в долгий очень закрытый звук, отличавшийся от **о** другого происхождения; гласная же **о** из старого **ъ** такому изменению не подвергалась; таким образом возникла разница между **о** старым в село, вон (указат.=во+н) и **о** из **ъ** в селом, вон (наружу) и т. п.

§ 183. Второе полногласие. Выше (§ 178) было сказано, что, может быть, еще в древнейшую эпоху при положении сочетаний **ър,ьр,ъл** между согласными перед слогом с **ъ,ь** слабыми после плавных могли развиваться звуки **ъ** или **ь**, которые позднее переходили в **о,е**, как и всякие **ъ,ь** сильные. Вместе с тем было указано на то, что достоверных указаний на это явление, называемое „вторым полногласием“, памятники, не смешивающие „ъ“, „ь“ с „о“, „е“, т.-е. до 2-й половины XII в., не дают, потому что написания „ъръ“, „ьрь“, „ълъ“ между согласными представляют лишь искусственный приём письма. После перехода **ъ,ь** сильных в **о,е**, звуки **о,е** явились и на месте тех **ъ,ь**, которые развивались после плавных в случаях второго полногласия; такие **о,е** могут передаваться в памятниках, начиная с XIII в., буквами „о“, „е“: веребныя (недели) Парим. 1271 г., череньци Новг. Кормч. 1282 г., Двинские грам. XV в. и др., черенца, короцму (=корчму) Сильв. Сб. XIV в., оумерелъ, молонья Лавр. летоп., до оумеретвы Иродова ю.-р. Путенское Ев. и др. Наиболее часты случаи 2-го полногласия в с.-в.-р., в остальных русских языках они значительно реже; из ста-

ринных памятников наибольшее число примеров на 2-е полногласие дают памятники севернорусские.

§ 184. Благодаря переходу ъ,ь сильных в гласные полного образования и утрате ъ,ь слабых, возникли чередования основ с гласными о, ŏ, е и без них. Так, при имен. ед. сон, отец, честь, лесть, рпот, день, чернець, тесть, Полотеск и т. п. явились формы род. ед.: сна, отца, чти, льсти, ропта, дня, черенця или чернця, тсти, Полотска, наоборот, при имен. ед. дска вин. ед. доску, род. мн. доск, при им. ед. ручка, горка, стклo род. мн. ручек, горок, стёкл и т. д.; другие слова получили различный вид в зависимости от различного фонетического положения, напр., дом камян, но домо сь, домо т, день велик, но дне сь, днё т (=день тот); предлоги въ, съ, къ, подъ в одних случаях являлись без гласной: в домѣ, с нимь, к тому, под землею, в других — с гласной: во снѣ, со мною, ко князю, подо мною, во образѣ и т. д.; также и приставки: вход, сбор, свѣт (=совет), но вошла, собрати, создати. Там, где основа имела несколько ъ или ь, являлись чередования форм с утратой то одного, то другого из этих звуков: им. ед. жнець, пришлець, Смольнеск и т. п., род. ед. женця, пришельця, Смоленьска, имен. ед. бревно (из бърьвно), род. мн. бервён (из бърьвънъ) и пр. Ср. в письменных памятниках XII—XV вв. без ръпта Христиноп. апост. XII в., сти (=тестя) Панд. 1296 г., цте, ко цтю Ипат. летоп., лсти, сборъ, свѣтъ Лавр. летоп., чти Кормч. 1282 г. и позднее, Смольнескъ Риж. грам. около 1300 г., Видьбескъ Полоцк. грам. около 1265 г. и т. д.

§ 185. Изменения, вызванные аналогией вследствие изменения ъ,ь. Позднее, в отдельных русских наречиях, в силу обычной грамматической аналогии, являлось стремление или провести одну и ту же основу по всем формам от одного и того-же слова или внести однообразие в образование одних и тех же форм от разных основ. В первом случае возникали нефонетически такие формы, как жнеца, пришлеца, брёвен, тестя, лести и пр. по аналогии с формою имен. ед. или доска, стекло, Полоцк, Смоленск, Витебск и т. п. по аналогии с формами косвенных падежей, собор, собирать, вошол, сошол, взошол по аналогии с собрать, вошла, сошла, взошли и пр. и, наоборот, вшьеть (ю.-в.-р.)

3 ед. вместо вошьеть по аналогии с вшить, вшила. Одна основа могла быть вытеснена другой в одной категории форм и сохраниться в другой категории, ср. в нынешнем русском стекло, но склянка (фонетические условия для выпадения **ь** одни и те же), Смоленск и смольнянин и т. п.; в некоторых случаях возникли парные формы, ср. нынешн. р. собирать и сбирать, пришелец и пришлец и т. п. В зависимости от действия разных аналогий возникли и новые диалектические различия, ср. м.-р. жнець, род. ед. женця, где сохранилось старое чередование основ, и в.-р. жнец, р. ед. жнеца, где основа имен. ед. проникла и в косвенные падежи. Во втором случае по аналогии с чередованием различных основ в формах от одного имени возникало такое же чередование и у тех имён, где первоначально во всех формах было одна и та же основа, т.-е. выпадала старая гласная полного образования (**о** или **е**) или вставлялась гласная там, где её прежде не было. Так, по аналогии с чередованиями сон—сна, лён—льна, возок—возка, день—дне (позднее — дня), честь — чти и т. п, возникли чередования ров — рва, во рву, лёд — льду, потолок — потолка, камень—камня, ремень—ремня, корень—корня, диалект. урок—урка, шесть—шти и т. п., ср. др.-р. рова, леду, потолока, камене, корене и пр.; в м.-р. сохраняются старые формы леду, каменя, кореня и пр.; формы лёду, потолока, ремени и т. п. известны, между прочим, и некоторым в.-р. говорам, ср. песню, записанную в Симбирской губ.: „Едет поп Емеля, а крест на ремени". Наоборот, явилось нефонетически новое **о** там, где не было раньше никакого гласного звука, наприм., в род. мн. досок вместо доск по аналогии с именами, имевшими суфф. -ъка (палка, краска, плётка и т. п.). Рассматриваемые явления могли возникнуть довольно рано; так, уже в Ростовском житии Нифонта, в списке 1219 г.: на камьни, в Новгор. Прологе 1262 г. во рвѣ, Ряз. Кормчей 1284 г. шти (=шести) и т. п.

§ 186. Судьба **и** (**иь**) после гласных. Тот гласный звук или сочетание звуков, которое передавалось на письме в др.-р. и ст.-сл. памятниках буквою „и" после гласных в таких словах, как „мои" (им. ед.), „воиско", „заимати" и т. п. не перед слогом с **ъ,ь** слабыми—это было

или сочетание иь или сочетание йи с и очень кратким или одно и очень краткое — изменялось тогда же, когда ъ,ь слабые выпадали, в й (и неслоговое), ср. нынешн. в.-р. мой, твой, войско, поймать, бойца, яйцо, пойду, тройка, и пр., м.-р. мій, твій, військо, яйце, піду и пр. В письменных памятниках XII—XVII в. в. такое й передавалось буквою „и", но на то, что это „и" обозначает й (т.-е. и неслоговое), могут указывать такие написания ю.-р. памятников, как нѣ ищю, нѣ имоуть Добр. Ев. и др.: в ю.-р. памятниках „ѣ" вместо „е" пишется только в новых закрытых слогах.

§ 187. Изменение јь. Сочетание јь, обозначавшееся на письме буквою „и", потому что в ст.-сл. языке ему обыкновенно соответствовало и, с ь сильным, в то время, когда всякое ь сильное изменялось в ӧ и в е, тоже изменилось в јӧ перед твёрдыми и в јe перед мягкими неслоговыми звуками, ср. нынешн. в.-р. заём, боец, раёк, питьём, военный, диалект. яец, яешня и пр., м.-р. яєць, копійок и пр. В письменных памятниках с XII в.: възаемъ, достоенъ, гноенъ, галилѣескъ, самарѣескъ Добр. Ев., переемъ Р. Пр. 1282 г. и др.

§ 188. Сохранение и после гласных. Как мы видели, рядом с сочетанием јь в о.-сл. языке после гласных могло быть в тех же словах и или йи; такое и сохранилось, между прочим, и в русском языке: яиц, яичница. Что касается таких слов, как хозяин, мои (им. мн.), сараи (им. мн.), то здесь в о.-сл. было и долгое, которое сохранялось, как слоговое, при всяком положении в слове.

§ 189. Судьба ы,и редуцированных в слабом положении. Звуки ы,и редуцированные в слабом положении, т.-е. если далее не следовало ь слабого, выпадали одновременно с выпадением ъ,ь слабых. На это указывают следующие факты: 1. такие ы,и в русских памятниках до конца XII в. обозначаются по большей части буквами „ы", „и"; буква „ь" вместо „и" встречается только в церковнославянских текстах, восходящих к ст.-сл. оригиналам; в Мстиславовой грамоте около 1130 г., грамоте Варлаама Хутынского около 1192 г., даже в Смоленской грам. 1229 г. по сп. А в таких случаях употребляется исключительно „и", в житии Феодосия Печерского и Сказании о Борисе и Глебе по списку XII в. на несколько сот случаев „и" только по два

примера с „ь“ (поутьѥ, г(оспод)ьѥ, д(е)нью, братьѣ). Между тем, с XIII в. в таких случаях написания с „ь“ становятся частыми не только в церковных, но и в чисто русских памятниках. Так как „ь“ в это время перестаёт употребляться в значении гласной буквы, то ясно, что оно и здесь не обозначает гласного звука. — 2. В ю.-р. памятниках со 2-й половины XII в. перед таким „и“ или „ь“ вместо „е“ пишется „ѣ“: весѣлье, зѣлье, трѣтьее Добр. Ев., а „ѣ“ в этих памятниках пишется только в новых закрытых слогах; слог, предшествующий такому **и**, мог стать закрытым только в том случае, если **и** выпало. После выпадения **и** редуцированного перед **й** или j получались сочетания согласных со следующим **й** или j. Эти сочетания сохранились в в.-р. и изменились, кроме сочетаний губных с j, в долгие мягкие согласные, диалектически подвергавшиеся потом сокращению, в б.-р. и м.-р. Примеры: в.-р. судья, житьё, веселье, семья, перья, пью, льётся, шью, м.-р. суддя, життя, весілля (свадьба), сім‘я, пір‘я, п‘ю, наллю, ллецьця и пр. или судя, житє и пр. Случай выпадения редуцированного **ы** слабого представляет в.-р. диалект. мъю, умъю = мою, умою, м.-р. мию с **и** из **ы** сильного под ударением.

§ 190. Следствия утраты **ъ, ь** слабых. Утрата гласных **ъ,ь** и **ы,и** слабых вызвала в русских языках ряд изменений звуков гласных и согласных. К первым относится удлинение и некоторые дальнейшие изменения гласных звуков в новых закрытых слогах, получившихся после выпадения **ъ,ь,ы,и** слабых следующего слога. Это явление находит себе соответствие в подобных же явлениях некоторых других славянских языков (польского, чешского и др.), но в виду того, что это соответствие неполное, и что самое явление датируется памятниками, относящими его ко 2-й половине XII в., следует считать его возникшим уже на русской почве. Здесь оно получило развитие только в ю.-р. группе говоров, а потому будет рассмотрено ниже, вместе с другими южнорусскими явлениями (см. § 230).

Изменения согласных, вызванные выпадением ъ,ь слабых.

§ 191. Благодаря выпадению **ъ,ь** слабых, согласные, бывшие перед этими гласными, оказывались в конце слова

или перед согласными. Новые конечные согласные подверглись следующим изменениям.

§ **192**. Отпадение конечных **л** (твёрдого и мягкого, после согласных. Некоторые конечные согласные после согласных выпадали; так, выпало **л** твёрдое после согласных в окончаниях прош. вр. глаголов: в.-р. нёс, вёз, пёк, лёг, издох, грёб, утоп, умер, м.-р. нїз, віз, пік, лїг, здох, грїб, вмер и пр.

л мягкое в конце слова отпало диалектически в в.-р. после губных: руп, корап, журaф или рупь, корапь, журафь (и жураў); в литературном в этих случаях конечное **л** сохраняется.

§ **193**. Изменение конечных **л**, **р** после согласных. В других случаях конечные **л** и **р** после согласных изменились в **л**, **р** слоговые и далее в сочетания **ол**, **ел**[i], **ор**, **ер**[i]; судя по памятникам, такому изменению могло подвергаться и **л** в окончании муж. р. прош. врем.: не моголъ Типогр. Ев. № 8, потополъ грам. 1229 г. в сп. С и др.; позднее такие формы были всюду вытеснены формами без **л**. Наоборот, у имён с основой на **л** твёрдое после согласной в формах, оканчивающихся на **л**, по бóльшей части является на конце **ол** (с фонетическими изменениями безударной гласной): стёкол, вёсел, чисел, тёпел, узел, диалектич. узол, кругол, смугол; в литературном в.-р. утвердились от некоторых имён формы без гласной перед **л** после твёрдой согласной (повидимому, книжного происхождения), причём **л** в индивидуальном произношении может становиться слоговым: подл, нагл, кругл, смугл.

Конечное **л** мягкое после согласных могло становиться слоговым и далее изменялось в **ел**[i], а после задненёбных в **ол**[i]: в.-р. уголь, земель, капель, грабель, гусель, диалектич. журавель, корабель, мысель, ясель (род. мн.), м.-р. уголь, земель, корабель, журавель и др. В литер. в.-р. существуют формы с конечным **л** мягким непосредственно после согласной, причём **л** в индивидуальном произношении может становиться слоговым: журавль, корабль, рубль, мысль.

Конечное **р** после согласной становилось слоговым и далее изменялось **р** твёрдое в **ор**., а **р** мягкое в **ер**[i], а после задненёбных в **ор**[i]: в.-р. хитёр, сестёр, ветер, угорь, диалект.

игор, икор (род. мн.), мокор, хоробер, добер, мудёр, бобёр, вихорь и пр., м.-р. сестер, вiтор и вiтер, вихор и пр. В литерат. в.-р. существуют формы с конечным **р** после согласной; в индивидуальном произношении такое **р** может становиться слоговым: храбр, добр, мудр, добр, вихрь и пр. Отпадение конечного **р** в в.-р.: доп (=добр), Пёт (=Пётр) и т. п.—черта диалектическая.

Можно думать, что произношения с конечными **л,р** непосредственно после согласных — вторичные и возникли сравнительно недавно, путём аналогии или под книжным влиянием, скорее всего взамен форм с отпавшими конечными плавными.

Может быть, так же следует объяснять и появление гласных перед конечными носовыми в таких словах, как огонь, восемь, песен, басен (род. мн.), тесен (муж. р. прилаг.); ср. др.-р. огнь, осмь, пѣснь, баснь, тѣснъ. Но в им. ед. имён на—знь конечное **н** мягкое не перешло в **ен'**: жизнь, казнь, болезнь; в в.-р. говорах это **н** часто отпадает: жись, болесь, в литературном же произношении сохраняется и может становиться слоговым.

Примечание. Мягкость согласных (кроме задненёбных) перед конечным **ор** из **р** слогового после согласных, повидимому, указывает на то, что первоначальное такое **р** слоговое изменялось в сочетание с каким-то палатальным гласным звуком (приблизительно **е** или **ö**) перед **р**, перед которым согласные, кроме задненёбных, смягчались, и уже потом этот гласный звук изменялся в **о**. Что касается мягкости согласных перед конечным **ол** из **л** твёрдого слогового, то в виду др.-р. потополъ, диалект. узол и т. п., можно думать, что из конечного **л** твёрдого после согласных фонетически получалось только **ол** без смягчения предшествующего согласного звука, а такие формы, как вёсел, тёпел вызваны аналогией с такими словами, как мётел, светел, козёл, котёл и др.

§ **194**. Отвердение конечных губных. Конечные губные отвердели повсеместно в тех положениях, где мягкость их не поддерживалась аналогией со стороны других форм. Поэтому согласная **м** в окончании 1 л. ед. ч. нетем тических глаголов и в твор. и местн. ед. муж. и ср. р. имён

и местоимений везде звучит твёрдо: ем, дам, столом, возом, конём, зятем, им, всем, о нём, злым, в зелёном саду и т. п., а губные в окончании имен. ед. имён существительных не везде: голубь, сыпь, темь (темнота), семь и голуб, сып, тем, сем; конечные губные в имен. пад. ед. мягки в в.-р. литературном произношении и многих с.-в.-р. говорах и твёрды в части с.-в.-р. говоров, в ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. Но отвердение конечных губных—явление сравнительно позднее и в некоторых говорах, как, наприм., в новгородском и московском не раньше XIV в. Письменные памятники указывают на то, что отвердение конечного **м** в 1 л. ед. ч. нетематических глаголов и в окончаниях твор. и местн. ед. наступало не одновременно при всяком положении, а после гласных палатальных раньше, чем после непалатальных.

§ **195**. Сокращение конечных долгих согласных. Конечные согласные долгие должны были сократиться; такими оказывались лишь диалектически согласные **ш** и **ж** долгие из **шч** и **ждж**. Таким образом получились произношения дош, товариш и т. п. с кратким твёрдым **ш** в некоторых в.-р. говорах, в которых не в конце слова сохранились **ш**, **ж** долгие твёрдые или мягкие. Возможно, что диалектически и **ждж**, **шч** в тех говорах, где эти сочетания вообще оставались без изменения, в конце слова изменялись в **ж**, **ш**, которые отвердевали, как и **ж**, **ш** старые, но позднее такие конечные **ж**, **ш** твёрдые могли заменяться звуками **ж**, **ш** мягкими или сочетаниями **ждж**, **шч** нефонетически по аналогии с другими формами.

§ **196**. Ассимиляция согласных. В положении перед согласной согласные ассимилировались следующему согласному звуку или упрощались. Ассимиляция выражалась в следующих явлениях:

1. В переходе глухих в звонкие перед звонкими шумными согласными. По памятникам этот переход можно проследить для Северной Руси лишь с XIII в., („гдѣ“ Рост. Ж. Нифонта 1219 г., „здравъ“ Новг. Пролог 1262 г. и др.), а для Ю. Руси не раньше начала XIV в. В нынешн. в.-р. здоров, свадьба, здесь, молотьба, сделать (произносятся с d’, ź), где, м.-р. здоров, молотьба (произн. с д мягким), где, джбан, ср. др.-р. съдоровъ, сватьба, сьдесь, къде, чьбанъ и пр.

2. В отвердении некоторых мягких согласных перед твёрдыми. В памятниках это явление выразилось в смешении букв „ъ“ и „ь“;[1]) по ним можно видеть между прочим, что в ю.-р. наречии уже в XII в. могли отвердевать согласные губные и **д, т** мягкие перед твердыми зубными; в других случаях мягкие согласные перед твёрдыми сограняли́сь гораздо дольше, и некоторые мягкие согласные в известных положениях перед твёрдыми остаются мягкими во всех русских языках или в некоторых говорах до сих пор. Примеры на отвердевшие согласные: красный, любезный, полезный, вредный, родной, ровный, плотный, учебный, царевна, родство, здание и т. п., в.-р. литер. верба, верх, первый, дерзкий, деревенский, земский, женский, царский и пр. Примеры сохранения мягкости: вольный, польза, вольготный, посольство, пальба, редька, резьба, восьмой и пр. диалектич. царьской, женьской, деревеньской, верьба, перьвый и др.

3. В смягчении некоторых твёрдых согласных перед мягкими. В памятниках и это явление выразилось в смешении букв „ъ“ и „ь“, причём чаще мягкость согласных обозначается буквою „ь“: вьзяша, вьзяти Гал. Ев. 1144 г., вьзя Добр. Ев. и т. п. Позднее „ь“ в таком положении обычно не пишется. Примеры на смягчённые согласные нового происхождения: **с**делать, **с**менить, **с**ъездить, **с**видетель, **в**ъехать и т. п., диалект. де**фь**ки, тря**пь**ки, пропьки и пр. Примеры твёрдых согласных, не смягчившихся перед следующими мягкими: **в**низ, **в**любиться, в лодке, подкинуть, **в** кибитке, также дефки, тряпки, пропки с **п** твердым.

4. В переходе свистящих перед шипящими в шипящие: в.-р. счастье (произносится „щастье“; так и писалось еще в начале XIX в.), м.-р. щастя и т. п.

§ **197**. Упрощение согласных. К о.-р. явлениям упрощения согласных в сочетаниях относятся:

1. Переход аффрикаты **ч** в фрикативную **ш** перед **н** и

---

[1]) Но отсутствие **ь** в старинных памятниках в роде написаний толко, полза и пр. не говорит само по себе об отсутствии смягчения согласной. Кроме того, надо иметь в виду, что в некоторых церковных памятниках с XII—XVI в.в. буквы „ъ“ и „ь“ вообще смешиваются под влиянием ю.-сл. оригиналов (Древнейший памятник с таким смешением „ъ“ и „ь“ — слова Кирилла Иерусал. XI — XII в.).

перед **т**: што (м. пр. уже в Добр. Ев.), в.-р. конешно, скушно, сердешный, молошный, прачешная, пешной и др., м.-р. смашний, сердешний и т. п. Позднее **ч** перед **н** и перед **т** могло вновь возникать по аналогии с другими формами или в новообразованиях, напр., начну по аналогии с начать, дачный — новообразование от дача, почта — новое заимствование.

2. Сокращение долгих согласных перед согласными и после согласных; так, из **чс** получалось в начале слова **ч**, не в начале слова **ц**, из **шс** в начале слова **ш**, не в начале **с** недолгое, из **ш** долгого и из **шч** перед согласной и после согласной **ш** недолгое: чти (=чьсти, нынешн. нефонет.織чести, косв. пад.; в XIII—XIV в.в. писали также и чьти) Новг. Кормч. 1282 г., Лавр. Летоп., Домострой и др., шти (=шести, где **е** выпало нефонетически) Ряз. Кормч. 1284 и др. и нынешн. диалектич. в.-р.; в.-р. купецкой, молодецкий, козацкий, муськой, волский, руский, тошно, тошнит, ямшик, м.-р. ткацтво, козацкий, руський, др.-р. ризкии (чит. риский) Смол. грам. 1229 и мн. др. (из купьчьскый, молодьчьскый, козачьскый, мужьскый, волжьскый, русьскый, тощьно, тощьнить, ямъщик, ткачьство, рижьскый).

§ **198**. Переход задненёбных взрывных в фрикативные. Кроме того, взрывные задненёбные перед **д**, **т** переходили во фрикативные, ср. в.-р. хто, нохти (из къто, нокъти), γде, коγда (из къде, когъда), м.-р. хто, нiхтi. Переход задненёбных взрывных в фрикативные перед задненёбными взрывными—лишь диалектический великорусский, ср. московское мяхкой с с.-в.-р. мяккой, м.-р. мнякий.

Явления, не стоящие в связи с утратой ъ, ь слабых.

§ **199**. Переход ӗ в **о** после шипящих. Переход ӗ в **о** после шипящих и, может быть, после **j**—общерусский. Ср. в.-р. жоны, шорох, учоный, жжёный, щотка, жолтый, шол, шолк, чорный, щолкать, с.-в.-р. гожо, щока и пр., м.-р. жона, чоловiк, чобiт, жовтий, iшов, шовковий, чорний и пр.; после **j** в м.-р. jого, jому, копijок и т. п., где **о** могло явиться и нефонетически, но моє, твоє и т. п. В памятниках XII в. написания с **о** вместо **е** после шипящих встречаются

по бóльшей части в виде единичных примеров: тожо, пославшомоу Гал. Ев. 1144 г., блажонъ, дьржащомь, раздѣливъшомъ ся и др. Слово Ипполита XII в. и т. п. Всё же можно думать, что эти написания являются отражением произношения, и что полному отожествлению **о** после шипящих с **о**, являвшимся в других положениях, на письме мешала мягкость шипящих, так как во всех других случаях согласные перед **о** были твёрды. Переход ӧ в **о** после шипящих в м.-р. при отсутствии такого же перехода **е** или ӧ в **о** после других согласных показывает, что ӧ из **е,ь** после шипящих в XII в. звучало ближе к **о**, чем ӧ после других согласных, а это могло быть лишь в том случае, если **е** изменялось в ӧ после шипящих, как после старых смягчённых, раньше, чем о.-сл. немягкие согласные перед **е** подверглись полному смягчению.

§ 200. Переход сочетаний **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи**. Этот переход произошел во всех русских языках, но не одновременно. Для ю.-р. наречия он засвидетельствован памятниками с XII в. Писец Галицкого Ев. 1144 г. знает **ки** вместо **кы** только в положении после мягких неслоговых звуков, а потому пишет „ки“ только в разных падежных формах слов „небесьскии“ и „чловѣчьскии“, а в остальных случаях последовательно выдерживает написания „кы“, „гы“, „хы“. Но уже в Добр. Ев. „ки“, „ги“ вместо „кы“, „гы“ в славянских словах (в заимствованных с греч. словах „ки“ писалось и раньше) встречается при всяком положении в слове: великии, секира, гибѣль и пр. Переход **кы** в **ки** в ю.-р. раньше ю.-м.-р. изменения всяких **и** и **ы** в **ы**ⁱ (м.-р. буква „и“). Поэтому теперь **ki, hи, хи** с мягкими **ḱ, h, х** и со звуком **и** (=м.-р. і) сохранились только в с.-м.-р. и некоторых карпатских говорах и перешли в **kы**ⁱ, **hы**ⁱ, **хы**ⁱ с полумягкими согласными в ю.-м.-р. В остальных русских наречиях переход **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи** произошел позже. В смоленских грамотах написания „ки“, „ги“ вместо „кы“, „гы“ встречаются уже в 1-й половине XIII в. (древнейшие примеры — в грамоте 1229 г.), что свидетельствует о том, что к этому времени в смоленском говоре рассматриваемый переход уже произошел, но в других западных памятниках иногда довольно упорно держится „ы“ после „к“, „г“, „х“, что,

может быть, объясняется не только орфографической традицией. В в.-р. **кы,гы,хы** перешли в **ки,ги,хи** не раньше XIV в., так как вполне достоверных примеров таких написаний с „ки", „ги", „хи", которые не объяснялись бы новообразованием или заимствованием из ю.-р. оригиналов, мы не знаем. В нынешних в.-р. и б.-р. языках существуют и теперь сочетания **кы,гы,хы**, но они все возникли позднее а) благодаря переходу начального **и** в **ы** после конечных твёрдых согласных предыдущего слова или предлога: к ызбе, волк ы кот, дух ызганья и пр., б) в словах, образовавшихся из междометий: кыш, кыска и т. п. В в.-р. глаголах на кивать, гивать, хивать обыкновенно твёрдые задненёбные, но после них не **ы**, а те же звуки, какие получились в в.-р. из **о** после ударения, по аналогии с глаголами на овать. Следует добавить, что в р. яз. мягкие задненёбные появились еще раньше, чем сочетания **кы,гы,хы** перешли в **ки,ги,хи**. Именно, средненёбные явились нефонетически на месте мягких свистящих в формах склонения и спряжения основ на задненёбные по аналогии с другими формами. Древнейший пример такой мягкой средненёбной в сочетании „скѣ"—в Изб. 1073 г. золобѣ женьскѣи, не в сочетании „скѣ" или „ски"—только в с.-р. памятниках; древнейший пример—в севернорусской Минее 1095 г. Дъмъкѣ дат. ед.

§ 201. Переход **е** в **ä**. В конце слова **е** после **j** и, быть может, после других мягких согласных в о.-р., повидимому, изменяется в направлении к **а**, как можно заключить из того, что из конечного **е** получилось **а** в м.-р. говорах при положении его после **j**, как без ударения, так и под ударением: життя, весїлля, камїння, а в в.-р. говорах и в б.-р.—только без ударения, как после **j**, так и после других мягких согласных: колья, каменья, знаетя, крестьяня, и пр. Такое же **ä**, быть может, получалось в о.-р. из **е** после шипящих и **j**, если в следующем слоге были гласные **i** или **ѣ**; это **е** позднее в в.-р. и м.-р. говорах могло переходить в **а**, ср. с.-в.-р. диалектич. (поморское) пшаница, жаних, жалеть, ядиный и т. п., м.-р. диалектич. залізо (железо), щапити, печариця, ялина и пр. Впрочем, появление **а** после шипящих в с.-в.-р. и м.-р. говорах может быть объяснено и без предположения о.-р. **ä**.

Ассимиляция гласных.

§ **202.** **ѣ** непосредственно перед **а** в имперфекте еще в доисторическую эпоху переходило в **а**, ср. уже в Остр. Ев.: вѣдяаше, идяаше, хотяахоу, Арх. Ев. не хотяаше, скърбяаше, сѣдяахъ, исходяаше (все примеры из 2 почерка); затем происходило стяжение, не позже XI в., ср. Изб. 1076 г. бяше и др., 2-й почерк Арх. Ев.: идяхоу, хотяхоу, видяше, бяхоу, вѣдяше, прѣтяше, имяше, идяста и др.

§ 203. Кроме того, в каких то случаях в предударных слогах гласные могли уподобляться гласным следующего слога. Такой ассимиляцией можно объяснить а) **и** вместо **ѣ** в словах дитина (откуда, может быть, **и** перенесено и в слово „дитя"), мизинец, снигирь, сидит (вм. сѣдит, ср. др.-р. инфин. сѣдѣти); б) **а** вместо **о** в м.-р. и с.-в.-р. багат, гаряч, гаразд, карабль, манах и пр.; в) **е** вместо **о** в ребёнок (первонач. уменьш. от „робъ"), теперь (диалектически в обоих словах сохраняется **о**: робёнок, топерь); г) **е** из **ь** вместо **ъ** в медлить (из мьдьлити, а последнее из мъдьлити, ср. др.-р. мотчати из мъдъчати=медлить); д) **е** вместо **ь** в в.-р. серебро (из сьребро или съребро; в м.-р. срібло); е) **о** вместо **ѣ** в с.-в.-р. цоловать, м.-р. цюлувати из цьоловати. Эта ассимиляция могла быть очень старой, ср. мьдьлити Юрьевск. Ев. XII в., багатъ в памятниках XII в., если только это не описки.

Отпадение конечных неударяемых гласных.

§ 204. Конечное **и** неударяемое отпало, между прочим, а) в окончании 2-го л. ед. наст. вр.: идёшь, видишь и пр., б) в окончании 2 л. ед. повел. стань, брось, ляг, в) в окончании инфинитива: в.-р. ходить, писать (при диалект. ходити, писати и пр.), б.-р. хадзиць, писаць (рядом с хадзици, писаци), м.-р. диалект. ходить, писать (при ходити, писати), г) в некоторых наречиях: м.-р. домів и в.-р. домой (из домови), коль, иль, диалект. позадь и др. (при коли, или, позади и пр.), д) в в.-р. мать, дочь при диалектич. мати, дочи (в м.-р. и б.-р. конечное **и** в этих словах сохранилось). Но **и** сохранилось в некоторых других наречиях и предлогах: сзади, спереди, ради и пр., и в окончаниях падежных форм: матери

кости, воли, сани и пр. Можно думать, это конечное **и** сохранилось только там, где его отпадению мешала аналогия со стороны других форм, но возможно также, что в формах инфинитива и 2-го л. ед. наст. врем. русским языком уже из о.-сл. были получены и окончания **ть,шь**. В таком случае можно предполагать, что повел. наклонение и наречия представляли особые фонетические условия, способствовавшие отпадению конечного **и**, ср. отпадение конечного **е** во 2 множ. повелит. при сохранении **е** во 2 мн. наст. вр. в м.-р. Конечные **е,о,ы** отпадали только в наречиях и частичных словах, причём сохранились те же слова и с конечными гласными: в.-р. здесь, авось, прочь, тут, там, чтоб, еслиб, зналаб и т. п., м.-р. опріч, там, тут, туд, коб и пр., но и в.-р. здеся, тама, туто, чтобы и пр., м.-р. опроче, тамо, туди, би и пр. Конечное **а** отпадает только в возвратной частице ся: в.-р. боюсь, боялось, боялись, м.-р. боюсь, боятись и пр. Отпадение гласной здесь, несомненно, стоит в связи с превращением формы возвратного местоимения в частичное слово. Конечный гласный звук не отпадал, если в предыдущем слоге раньше было **ъ** или **ь** слабое или если далее следовало частичное слово с отпадавшим гласным звуком: боялся, боишься, был бы, выжми, выспись, тутось, тамотка и пр. В памятниках отпадение конечного **и** засвидетельствовано с XIII в. (если не считать форм инфинитива на -ть и 2 ед. на -шь): оукрадь, оставьте, обидьте и пр. Гал. Ев. 1266—1301 г., домовь грам. 1189 г. в списке 1263 г. и др.

IV Диалектические изменения звуков, общие разным русским языкам.

§ 205. Еще до образования языков в.-р., б.-р. и м.-р. русский язык дробился на несколько наречий, значительно отличавшихся друг от друга. Древнейшее распределение этих наречий, какое мы можем восстановить на основании данных современных говоров и старинных памятников, отличалось от той группировки, какую говоры русского языка приняли к моменту образования в.-р., б-р. и м.-р. языков. Именно, для древнейшей эпохи мы можем установить существование наречий: 1. севернорусского, бóльшая часть гово-

ров которого впоследствии образовала северновеликорусское наречие, а другая часть — югозападная — вошла в состав белорусского языка, 2. южнорусского, к которому восходят нынешний малорусский язык и южные говоры белорусского языка, и 3. восточнорусского, лёгшего в основу южновеликорусского наречия. Не совсем ясны первоначальные элементы нынешнего белорусского языка: образовался ли он только из части севернорусских и южнорусских говоров, подвергшихся сильному влиянию восточнорусского наречия, часть говоров которого тоже могла войти в состав б.-р. языка, или же существовало особое западнорусское наречие, близкое к восточнорусскому, которое и послужило зерном для белорусского языка, вобравшего в себя с течением времени часть говоров севернорусского и южнорусского наречий. Названные наречия стояли в разной степени близости друг к другу; повидимому, первоначально восточнорусское наречие было теснее связано с южнорусским, чем с севернорусским, ср. общий им переход **г** в фрикативную согласную и др.; но потом это соотношение изменилось.

А. Более общие явления.

§ 206. Судьба о.-сл. **въ**, **вь** (wъ, wь) не после согласных. Из о.-сл. **въ** **вь** или wъ, wь в русском языке в одних говорах получилось **у** или **ў**, в других после выпадения **ъ**,**ь** слабых—**в** твердое или мягкое, которое потом в положении в конце слова и перед глухими согласными могло переходить в **ф**. В тех говорах, где получалось **у** или **ў**, эти гласные становились неслоговыми после гласных, а в начале слова сохранились, как гласные слоговые полного образования в в.-р.—у поле, удова, упук, уздумал и пр.— и подверглись редукции с переходом в неслоговые после слова, оканчивающегося на гласную, в м.-р. и б.-р. В настоящее время на месте старых **въ**, **вь** является **у** (или **ў**) слоговое и неслоговое в м.-р., б.-р., югозападной половине ю.-в.-р. говоров, в части восточной группы с.-в.-р. говоров и в некоторых ср.-в.-р. говорах, а **в** или **ф**—в большей части с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров и в восточных ю.-в.-р. говорах (см. обзор говоров, §§ 89 5,91.3,92.6) Но можно заметить, что

в некоторых говорах произношение **в,ф** в таком положении сравнительно позднее и заменило собой более старое произношение с **у**, как напр., в говорах Псковской г., где **в,ф** являются, между прочим, и на месте старого **у** в начале слова: в меня, ф тебя, вдарить, вмер; может быть, в Холмогорском у. Архангельской губ., где в XV в., как видно из Двинских грамот, произносилось в этих случаях **у**, в северных уездах Калужской и Тульской г. г. а также в нынешних галицких м.-р. говорах, в которых **у** редуцированное не после гласной тоже может переходить в **в** и **ф**: взяў, фтїк, фсього и т. п.

Ту же судьбу, что и о.-сл. **въ**, имело в русском языке в положении после гласных и старое **у**: такое **у** в слове завтра (=ст.-сл. заоутра), которое произносится в одних говорах, как заутра с **у** неслоговым (там же, где говорят траука, прауда, кроу), в других, как зафтра (там же: трафка, правда, кроф или крофь). Но старое **у** в начале слов сохранилось, как **у**, и в тех говорах, в которых о.-сл. **въ**, **вь** (**wъ**, **wь**) изменилось в **в,ф**: в доме, но у дома, фстал, но устал.

Произношение **у** вместо **въ**,**вь** должно было вызвать в памятниках смешение буквы „в" с „оу" или „у" или написание „оу" вместо „в" перед согласными. До конца XII в. подобных случаев в памятниках, если не считать единичных праоуда Изб. 1073 г., юже оуписалъ юсмь въписахъ Слова Григория Богосл. XI в., мы почти не находим, но с этого времени они довольно часты в памятниках южнорусских, смоленских, западнорусских, псковских, двинских и некоторых других. Из ю.-р. памятников в Добр. Ев. только „доулѣють", но в Гал. Ев. 1266—1301 г.: оудова, оузяти, от оустокъ, Типогр. Ев. XIII в. № 6: навъчиша, въгасити, оупрашахуть, Ев. 1283 г.: оу праздьникъ, оузложи, оу свѣдитѣльство, въши (=уши), въжасъ и т. п.; в Смоленской грам. 1229 г. по списку А: уздоумалъ, оу ризѣ, оустоко (=восток), оузяти и др.; в зап.-р. грам. 1349 г.: оу рускои земли, оу холмѣ, оу виноу, оузяти не оусхочеть; в псковской Типогр. Псалтыри № 47, XIV в.: оу моукы вин. мн., оутораго и др. Из новгородских памятников в некоторых тоже буквы „оу" и „в" смешиваются, напр., в 1-ой Новгородской летописи по списку Патриаршей Библиотеки: оусрѣте, въ оуторникъ

и др., в Кормчей 1282 г.: уторникъ, оу Вѣкшензѣ и др., но в новгородских грамотах это смешение не наблюдается, что́ заставляет думать, что в самом новгородском говоре о.-сл. **въ**, **вь** не перешли в **у**. Нет смешения „в“ и „оу“ и в памятниках суздальских и московских, поскольку они не списаны с южнорусских и западнорусских оригиналов.

§ 207. Переход **г** в звонкую фрикативную заднenёбную согласную. Этот переход произошол в о.-р. эпоху в ю.-р. и восточнорусском наречиях, предках нынешних м.-р., б.-р. и ю.-в.-р.; произношение γ на севернобелорусские говоры могло распространиться позднее, чем оно явилось в остальных говорах. Таким образом в этих наречиях новое γ совпало со старым γ в род. пад. ед. ч. муж. р. местоимений и прилагательных. Позднее γ разного происхождения сохранилось в ю.-в.-р. и перешло в придыхание в м.-р. и б.-р. Время перехода г в γ точно установить нельзя, так как на письме г и γ (а затем h) долго обозначались одной буквой „г“; во всяком случае оно гораздо раньше, чем в с.-в.-р. На месте старого γ между двумя **о** диалектически появилось **в**, ср. с.-в.-р. пово́ст уже в Лавр. Летоп.; это слово, повидимому, заимствовано с.-р. наречием из ю.-р. уже с фрикативным звуком, который затем имел здесь ту же судьбу, что и старое своё γ. К ю.-р. произношению γ восходит обычное русское произношение церковнославянского „г“, как γ, сохраняющееся, между прочим, в словах церковнославянского происхождения. Быть может, на южнорусское произношение γ уже в X в. указывает передача названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного „Οστροβουνιπραχ“, „Βουλνιπραχ“, если эти названия сообщил Константину южнорусс, старавшийся говорить на литературном болгарском языке. В латинских грамотах XIV в., писанных в Галичине, „г“ в малорусских словах обычно передаётся через „h“. В настоящее время в м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. кроме h и γ существует также и г взрывное. Это г в ю.-в.-р. является исключительно из старого **к** перед γ: г γороду, г γарѐ и т. п., а в м.-р. и б.-р. также и перед другими звонкими согласными: м.-р. ягжеж, дагде и т. п., а также в заимствованных (из польского и мадьярского) словах: гречний (милый), грунт, газда (хозяин) и пр. Такое **г** уже в XIV в. западнорусские

и южнорусские писцы отличали от своего „г", произносившегося ими, как h, и обозначали буквами „кг": Скирикгайло, кгды.

§ 208. Переход звонких согласных в глухие. Переход звонких согласных в глухие перед глухими согласными, а также в конце слова не перед звонкими шумными произошел почти во всех в.-р. и б.-р. говорах, а также в западноукраинских и карпатских говорах м.-р. языка, но не одновременно: в в.-р. этот переход засвидетельствован памятниками, пишущими в таких случаях глухие согласные вместо звонких, с XIII в.; в зап.-р. памятниках написание глухих вместо звонких встречается только в середине слов перед глухими не раньше конца XIV в.; очевидно, в конце слова звонкие согласные перешли в глухие значительно позднее; в м.-р. говорах этот переход, повидимому, ещё позднее.

Судьба шипящих.

§ 209. Шипящие **ж** и **ш** отвердели в в.-р., б.-р. и, частью, ю.-м.-р. и сохранили мягкость вообще в некоторых с.-м.-р., карпатских и галицких говорах; кроме того, мягкие шипящие сохранились в говорах части Жиздринского и Калужского уездов Калужской губ., а в некоторых переходных говорах Псковской губ. изменились в шепелеватые звуки $з^{ж}$, $с^{ш}$ мягкие. В письменных памятниках отвердение шипящих отразилось в виде написаний „ъ" и „ы" после шипящих рядом с традиционными „ь" и „и"; древнейшие примеры таких написаний в в.-р. памятниках XIV в., а в западнорусских и южнорусских—XV в.[1]), но возможно, что отсутствие более ранних примеров объясняется орфографической традицией, так как правило об употреблении после шипящих букв „и" и „ь" не представляет затруднений. Во всяком случае, отвердение шипящих в русских языках происходило неодновременно: в в.-р. оно наступало, повидимому, до прекращения действия закона о переходе **е** перед твёрдыми согласными в ӧ и затем в **о**; ср. в.-р. ёж, молодёжь, лёжа,

---

[1]) Слышышь в грамоте рижан в Витебск около 1300 г. может быть опиской.

дёшево, надёжа, лепёшка, идёшь и пр.; кроме того, из сопоставления этих слов с такими, как отец, купец, тешить и пр., можно заключить, что оно раньше отвердения **ц** и перехода **ѣ** в **е**. Впрочем, возможно, что произношение **о** из **е** перед шипящими в ю.-в.-р. заимствовано из с.-в.-р., ср. ю.-в.-р. диалектич. де́шево, голове́шка, иде́шь. В б.-р. отвердение **ж** и **ш** происходило, повидимому, одновременно с отвердением остальных шипящих и притом после прекращения действия закона о переходе **е** перед твёрдыми согласными в ŏ, **о**; поэтому в б.-р. **е** перед шипящими сохраняется, как **е**: ляпешка, дзешава, адзежа, маладзе́ш, нясеш и пр. В м.-р., повидимому, отвердение шипящих происходило не во всех положениях одновременно: раньше всего они, должно быть, отвердевали, как и остальные согласные, перед **е** и **и**; в ю.-м.-р. и теперь шипящие обыкновенно мягки перед **і** (из **ѣ** и дифтонгов) и иногда в окончании 3 л. мн. глаголов 2 спр.: біжять, сушять и пр., быть может, по аналогии с другими глаголами.

§ **210.** Сочетания **шч** (щ) и **ждж** уже в древнейшую эпоху претерпевали различные изменения. В южно-русском и части других русских говоров они сохранялись без изменения ещё в историческую эпоху. В ю.-р. письменных памятниках рядом с традиционной передачей этих сочетаний буквами „щ“ и „жд“ довольно рано появляются попытки передать их согласно русскому произношению. Для **шч** кроме „щ“ уже в XI в. встречается написание „шч“, при чём этими буквами передаётся и то **шч**, которое произносилось русскими в церковнославянских словах вместо старославянского **шт**: имоушче, отвѣшча, в шчоуждахъ и пр. Слова Григория Богосл. XI в.; о тьшчи петровѣ Тип. Ев. XII в. № 1, позднее: ловишча, у ловишчехъ грам. Витовта 1392 г. и др. Но вообще обозначение **шч** через „шч“ и в ю.-р. письме не привилось и попадается редко. Для **ждж** в XII в. создаётся обозначение „жч“; в Галицком Ев. 1144 г. это единственный способ передачи этого сочетания: дъжчить, дъжчь, ижченоуть, рожчьѥ, въжчелѣшѧ; сочетание „жд“ в этом значении там не встречается. То же правописание мы находим и в некоторых других ю.-р. памятниках XII в. (наприм., в Христиноп. апостоле) и позднее.

В северно-русских говорах о.-сл. **ждж** очень рано изме-

нялось в звуковое сочетание, обозначавшееся в с.-р. памятниках уже в XI в. буквами „жг“: **дъжгь, одъжги, пригвожгена, ражгизаѥмы** и др. Минея 1095 г.; в той же Минее „жг“ встречается и для передачи того церковнославянского „жд“, которому в русском языке соответствовало ж: **прѣжге, рожгеноумоу, побѣжгенъ** и др.; очевидно, ц.-сл. „жд“писец в таких случаях отожествлял с тем звуковым сочетанием, какое он произносил в „дъжгь“ и т. п. Можно думать, что буквам „жг“ в языке с.-р. писцов соответствовало произношение **жј**. То же правописание обычно и в других новгородских, псковских и полоцких памятниках XI—XV в.в. Что касается сочетания **шч**, то оно одновременно с изменением **ждж** в **жј** должно было измениться в **шх** с очень мягким х. Это сочетание писцы обозначали буквою „щ“ и, может быть, иногда буквою „ш“, ср. Типогр. Минею № 221, XI—XII в., где рядом с „дъжгь“ и т. п. встречаются написания: на соудиши, съмоушаѥть, просвѣшаѥть сѧ и т. п., Новгор. Ев. XIV в.: терзаюшю, сходяшю, идушю; такое правописание могло вызвать смешение букв „ш“ и „щ“, ср. в том же Новгор. Ев.: взяща, послоущати.

Наконец, в восточно-русских и значительной части северно-русских говоров о.-сл. **ждж, шч** перешли в **ж, ш** долгие; ввиду того, что произношение **жј**, **шх**ⁱ из о.-сл. **ждж, шч** в настоящее время неизвестно, а правописание „жг“ после XV в. выходит из употребления, можно думать, что сочетания **жј,шх**ⁱ с течением времени тоже изменились в **ж,ш** долгие и, может быть, в некоторых говорах в **жд**ⁱ **,шт**ⁱ (ср. такое произношение в некоторых говорах Олонецкой и Вологодской губ.) [1]. Изменение **жј,шх**ⁱ в **ж,ш** долгие, первоначально мягкие и отвердевшие только впоследствии ср. с м.-р. и б.-р. изменением сочетаний согласных с ј в долгие мягкие согласные. Переход **ждж,шч** и **жј, шх**ⁱ в **ж,ш** долгие в памятниках достоверными примерами не засвидетельствован, а написания „жд“ и „щ“ могут читаться различно; быть может, на произношение с **ж,ш** долгими указывают памят-

[1]) Впрочем, более вероятным мне кажется предположение, что Олонецкие и Вологодские говоры с произношением **жд,шт** с **д,т** мягкими из о-сл. **ждж, шч** восходят к таким с.-р. говорам, в которых старые **ждж, шч** не изменялись в **жј, шх**ⁱ , и что **жд**ⁱ **,шт**ⁱ в этих говорах получились непосредственно из **ждж, шч**.

ники, в которых „жд“ или „жг“ и „щ“ смешиваются с „ж“ и „ш“. Долгие **ж и ш**, а также и сочетания **ждж, шч**, оказавшиеся после утраты **ъ, ь** слабых в положении между согласными, после согласных и в конце слова, в значительной части говоров переходили в **ж,ш** недолгие, имевшие в этих говорах ту же судьбу, чтó и **ж,ш** краткие старые. Ср. такое произношение, как: тошно, ямшик, дош, товариш с **ш** твёрдым не только в тех в.-р. говорах, где **ж, ш** долгие отвердели, но и в некоторых из тех, в которых сохранились мягкие **ж,ш** долгие и **ждж,шч**. Долгие **ж, ш** в в.-р. отвердевали, быть может, одновременно с отвердением **ж, ш** недолгих. На время этого отвердения, быть может, указывает литер. тёща (заимств. из говора, где говорят тёшша с **ш** долгим твёрдым), с.-в.-р. лёш, лёшша (литер. лещ) и т. п.

Шипящие **ждж, шч** отвердели в б.-р. и м.-р. (написания с „жчы“, „щы“ в зап.-р. памятниках—с XVI в.), а в в.-р. в тех говорах, где они сохранились без перехода в **ж, ш** долгие и пр., остались мягкими. Позднее эти **ждж, шч** мягкие в части с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров сохранились без изменения, а в части, напр., в московском, изменились в **ж, ш** долгие мягкие. Этот последний переход совсем недавний и не стоит в связи с более старым переходом **ждж, шч** в **ж, ш** долгие, происходившим в в.-р. говорах еще до отвердения **ж,ш**. Между прочим, Тредиаковский и Ломоносов указывают на произношение „щ“ как **шч** в московском образованном обществе в 50-х годах XVIII в.

§ **211.** Звук **ч** отвердел, как и остальные шипящие, в б.-р. и значительной части м.-р. говоров (именно, в тех говорах, в которых отвердели и прочие шипящие). В письменных памятниках на отвердение **ч** указывают написания „чы“, „чъ“, появляющиеся в зап.-р. грамотах с XV в. В ю.-в-р. и в тех с.-в.-р. говорах, в которых **ч** не перешло в **ц**, оно осталось мягким. То **ч** твёрдое, которое теперь существует в некоторых с.-в.-р. и ср.-в.-р. говорах, заменило собою более старое **ц**, получавшееся из **ч**, под влиянием говоров, различающих **ц** и **ч**.

§ **212.** Отвердение **ц**. Звук **ц** отвердел в ю.-в.-р., б.-р. и части с.-в.-р. говоров, при чём в с.-в.-р. отвердевало и то **ц**, которое получилось из **ч**. Но в значительной части с.-в.-р.

говоров **ц** осталось мягким и до сих пор. Отвердение **ц** везде происходило после прекращения действия закона о переходе **е** в **ö** и затем в **о** перед твёрдыми согласными: в.-р. отец, купец, молодец, б.-р. ацец и пр., и, следовательно, в в.-р. после отвердения шипящих. В памятниках написания „цы", „цъ", указывающие на отвердение **ц**, появляются очень поздно, не раньше XVI в. В б.-р. отвердело только **ц** старое, из о.-сл. **ц** (и, диалектически, из о.-сл. **ч**), новое же **ц** мягкое из **т** мягкого (см. ниже § 215, дзеканье) осталось мягким. Вряд ли это следует объяснять тем, что дзеканье позднее отвердения **ц**. Скорее всего, **ц** из **т** мягкого с самого начала звучало иначе, чем **ц** старое, напр., с более слабым свистящим элементом или несколько шепеляво. Ср. Супрасльский летописный сборник 1520 г., где на месте „ть" иногда пишется „чь": хотячь, примечь и т. п. и свидетельство Крижанича (XVII в.), что белоруссы произносят ходзичь или ходзиць.

§ **213**. Изменения **л** твёрдого. Звук **л** твёрдое в конце слога перешел в **у** неслоговое в м.-р., б.-р. и части с.-в.-р. говоров. С.-в.-р. диалектический переход **л** твёрдого в **у** неслоговое не стоит в связи с таким же малор.-белор. переходом. В м.-р. и б.-р. **у** неслоговое из **л** твёрдого в бóльшей части говоров является только в окончании ед. ч. прош. врем. даў, пиў, ўзяў и пр. и в сочетани **оу** с **у** неслоговым из **ол** в середине слова: воўк, доўго; в остальных случаях нефонетически восстановлено **л**: стіл и стол по аналогии со стола, голка, горілка (б.-р. гарэлка) по аналогии с голочка, горілойка и пр., хотя в некоторых говорах и в этих случаях является **у** неслоговое и **w** (ср. карпатское горівка, стів и пр.). В зап.-р. и ю.-р. памятниках этот переход засвидетельствован с XV в. написанием „в" вместо „л": не вдовзѣ зап.-р. Минея 1489 г., шов и т. п.

§ **214.** Выпадение **й** (неслогового **и**) между гласными. **й** между гласными в том или другом положении выпадало во многих русских говорах, но условия этого выпадения в разных говорах различны и не во всех случаях могут быть точно определены. В большинстве случаев выпадение **й** вызвало стяжение гласных или переход второй из них в неслоговую (такому переходу, напр., подвергаются

и и **у**, реже **е**). Почти о.-р. является выпадение **й** в род. и дат. ед. муж. р. притяжательных местоимений, вызвавшее затем стяжение **оŏ** или **оо** в в.-р., м.-р. и, частью, в б.-р.: с.-в.-р. мово, твово, свово, мому и пр., ю.-в.-р. и б.-р. маго, тваго, маму и пр., м.-р. мого, твого, мому и пр.; при отсутствии стяжения после выпадения **й** в б.-р. получилось майго, твайго, майму, твайму и пр. (**й** здесь из **ŏ** неслогового?). В с.-в.-р., б.-р. и м.-р. произошло (не везде) выпадение **й** и затем стяжение в окончаниях имен. и вин. ед. ч. ж. р., имен. ед. ср. р. и имен.-вин. мн. ч. прилагательных: добра, стара, молода, вин. добру, стару, молоду, ср. р. с.-в.-р. добро, старо, молодо, м.-р. добре, старе, молоде, мн. с.-в.-р. добры, стары, молоды, м.-р. добрі, старі, молоді и добри, стари, молоди; эти стяжённые формы отличаются от бесчленных предикативных форм употреблением их в аттрибутивном значении, а в некоторых случаях и ударением; кроме того, м.-р. окончание **е** в им.-вин. ср. р. могло получиться только в результате стяжения. Рядом со стяжёнными формами диалектически и в с.-в.-р. и в б.-р. и в м.-р. существуют и нестяжённые формы: добраа, добруу, доброэ; из доброе и т. п. в некоторых карпатских м.-р. говорах получилась форма им.-вин. ед. ср. р. доброй и т. п. Сохранились также и формы без выпадения **й**: добрая, добрую, доброе (м.-р. доброє), частью в тех же говорах. В ю.-в.-р. **й** в этих формах не выпадало. Не так распространено выпадение **й** в глагольных формах и в других случаях после ударения. В с.-в.-р. выпадение **й** в таком положении обычно, при чем в некоторых говорах **й** выпадает только после неударяемой гласной: де́лаэт, сбе́гуйт, де́лаш, сбе́гут в других также и после ударяемой: зна́эш, уме́эт (или умиэт), сильне́а, копеэк и знаш, умеш, копек, хозява, Матвеф, скоря. Выпадение **й** обыкновенно вызывает стяжение, хотя продолжают существовать формы и без стяжения, при чем **е** после гласной может переходить в **ӓ** и в **а**. В тех же говорах **й** в рассматриваемом положении может и не выпадать; таким образом иногда одно и то же лицо говорит: гулят, гуляэт и гуляёт. Насколько мне приходилось замечать, в говорах Владимирской губ. формы, подобные „гуляёт“ являются главным образом в конце фразы или при фразном ударении на данном

слове. Выпадение **й** в подобных случаях обычно и в м.-р.: 3 ед. нема́, пита́, співа, завива и т. п., 2 ед. знаш, черпаш и т. п., рядом с немас, питас, співас и пр.; в некоторых галицких и карпатских говорах после стяжения **ае** и **ие** получилось **е**: знеш, меш, бесїде́, дяке́ (= знаєш, маєш, бесїду́є, дяку́є). Реже встречается выпадение **й** перед **у**, известное преимущественно западным галицким и карпатским говорам, но встречающееся и в вост.-укр., с.-м.-р. и ю.-б.-р. говорах: 1 ед.: знау, співау, 3 мн. питауть, дауть, купууть, при чем перед **у** может развиваться **ў** неслоговое даўуть, и пр. Получившийся вследствие выпадения **й** в положении после слоговой гласной звук **у** в открытом слоге может становиться неслоговым: маў 1 ед. (=маю), я ся боў (1 ед.= боюсь), го́лоў вин. ед.; обычен этот переход в зап.-м.-р. говорах в форме твор. ед. ж. р.: ногоў, душоў, динеў, доброў и пр.

§ **215.** Дзеканье. Дзеканье, т.-е. произношение мягких свистящих аффрикат **дз** и **ц** вместо мягких взрывных **д** и **т** теперь является в б.-р. и некоторых с.-в.-р. и ср.-в.-р. говорах. Когда оно возникло —неизвестно, потому что в письменных памятниках дзеканье обыкновенно не отражается, и только в очень немногих, начиная с XVI в., встречается изредка написание „ц“ или „ч“ вместо „т“ перед „е“, „и“ „ь“, „ѣ“ (см. § 212) и ещё реже—„дз“ вместо „д“. Трудно также решить, есть ли какая-нибудь историческая связь между дзеканьем в б.-р. и в с.-в.-р. говорах. Ввиду однородности б.-р. и с.-в.-р. дзеканья с польским дзеканьем, существует предположение, что оно вызвано польским влиянием, что в составе нынешнего б.-р. племени есть потомки какого-то обрусевшего польского племени, и что северно-русской народности тоже некогда приходилось входить в соприкосновение с поляками. О характере дзеканья в XVII в. и раньше см. § 212.

§ **216.** Переход **йѣ** в **йе.** Конечное **ѣ** после **й** очень рано в значительной части говоров о.-р. языка изменялось в **е.** На такое изменение, быть может, указывает окончание „ѥ“ вместо „ѣ“ в памятниках, не смешивающих „е“ и „ѣ“ в русских словах: швльшеѥ ся род. ед. ж. 2 поч. Арх. Ев., ѥдиноѥ род. ед., одиноѥ род. ед., различныѥ вин. мн. Чуд. Пс.XI в., в

алѣлоугию мѣсто Типогр. Уст. № 142, XI—XII в., **еуфимию** Мин. 1095 г., **софью**, **ананью**, **мрью магдалынѣ** Добр. Ев. 1164 г., **от братию** Мстисл. Ев. и др. Конечное **е** такого происхождения, как и **е** другого происхождения, могло переходить позднее в **о**: в.-р. её, самоё, тоё, всеё, с.-в.-р. вологодск. бедныё, горькиё. Но диалектически, по крайней мере, в ю.-р. говорах **ѣ** после **і** не переходило в **е**, ср. нынешн. ю.-м.-р. доброї, синеї.

Косвенные указания на то, что **ѣ** изменялось в **е** после **й**, дают те ю.-р. памятники XII и XIII в.в., в которых на месте старого **е** в новых закрытых слогах перед мягкими неслоговыми звуками пишется „ѣ" только в том случае, если перед этим **е** согласный звук, а не **й**, а на месте старого **йе** в том же положении пишется „ю" (Добр. Ев., Типогр. Ев. № 7, Гал. Ев. 1266—1301 г. и др.). Очевидно, в этом положении **е** не изменялось в **ѣ**, а это может объясняться тем, что само **ѣ** после **й** (а в таком положении оно являлось только в конце слова из о.-сл. **ѣ** носового) изменилось в **е**. В других ю.-р. памятниках XIII в. и позднее пишется „ѣ" и на месте старого **йе** в новых закрытых слогах перед мягкими: моѣмь, своѣи, строѣнью, бьѣнью и др. Поликарп. Ев.

Такому же изменению подвергалось диалектически **ѣ** и в начале слова. На это указывают многие памятники, начиная с конца XI или с начала XII в., не смешивающие „е" или „ю" с „ѣ" в русских словах, но употребляющие, тем не менее, „ю" (позднее „е") вместо „ѣ" в начале слова: **юсти**, **юдять** 1 поч. Арх. Ев., **юдять**, **юсти** и др. Типогр. Уст. № 142, XI—XII в., **юхати**, **юсти** и пр.—новгор. грамоты и летописи, не смешивающие „е" и „ѣ" в русских словах в других случаях, Лавр. летоп. и др. Однако в современных говорах указаний на это изменение не имеется, потому что **е** после **й** из **ѣ** в начале слова не подвергалось изменению в **о**.

Б. Великорусско-белорусские явления.

Переход ö в о.

§ **217**. Звук ö, получавшийся из **е** и **ь** перед твёрдыми согласными, перешел в **о** во всём в.-р. и б.-р. не только после шипящих, но и после остальных мягких неслоговых звуков. Этот переход, вероятно, происходил и в в.-р. и в б.-р.

приблизительно одновременно и если он датируется для б.-р. эпохой до отвердения шипящих, а в в.-р. (только с.-в.-р.?)—после отвердения шипящих, то последнее может относиться только к прекращению действия закона об этом переходе, а не к первой стадии; кроме того, в б.-р. шипящие могли отвердевать позже. Письменными памятниками переход **е** в ŏ и далее в **о** не после шипящих почти не мог быть отмечен, так как буква **о** обозначала не только звук **о**, но и твёрдость предшествующего согласного звука, и только случайно проскальзывают ошибки, свидетельствующие о таком переходе, напр.: дновъ Новг. Кормч. 1282 г., яромъ Новг. Пролог. 1356 г., приносъше Ипат. летоп., слозы зап.-р. сборн. XV в. и т. п. В некоторых псковских памятниках XV в. нередко „о“ после „р“: к берогу, в деровахъ, серобра и т. п.; вероятно, писцы произносили **р** твёрдо.

§ **218**. В **о** переходило не только то ŏ, которое получилось из о.-сл. **е,ь** перед старыми твёрдыми согласными, но и то ŏ, которое получилось из тех же гласных перед некогда мягкими согласными, отвердевшими до этого перехода. Такими являлись согласные губные и зубные, после которых некогда следовало **ь** слабое, оказавшиеся после выпадения **ь** слабого в положении перед известными твёрдыми согласными, а также шипящие независимо от положения. Но отвердевали ко времени этого перехода губные и зубные не все и не перед всеми твёрдыми согласными; также и шипящие к этому времени отвердевали не все. Кроме того, не во всех говорах отвердевали одновременно одни и те же согласные. Общим всем в.-р. и б.-р. говорам является отвердение всех согласных перед **л** твёрдым: мётлы, сёдла и пр. и, повидимому, отвердение губных перед твёрдыми зубными: в.-р. тёмный, б.-р. цёмный и пр.; **е** в учебный, лечебный, царевна и пр., вероятно, книжное. Из зубных, повидимому, раньше, как в в.-р., так и в б.-р. отвердевали взрывные зубные перед твёрдыми зубными; звук **е**, бывший перед такими зубными, изменялся в **о** и в в.-р. и в б.-р.: чётный и пр.; что касается свистящих, оказывавшихся в положении перед твёрдыми зубными, то они в настоящее время твёрды и в в.-р. и в б.-р., но гласная **е** или **ь** перед ними в одних словах почти всюду перешла в **о**: в.-р. крёстный, б.-р. хросный, в других

сохраняется, как **е**: полезный; при литер. слёзно известно диалектич. слезно. Таким образом мы видим, что переход **е в о** происходил во всём в.-р. и б.-р. после утраты гласных **ъ, ь** слабых, но закончился не везде одновременно. Что касается перехода **е в о** перед отвердевшими шипящими, то этот переход не является общим в.-р. и б.-р. языкам, а представляет диалектическое явление в.-р. языка и потому будет рассмотрен при обзоре в.-р. явлений.

§ **219**. Переход **и** в **ы** после твёрдых согласных. Так как все согласные перед **и** смягчились еще в о.-р. эпоху, то перед **и** впоследствии могли быть твёрды или согласные, отвердевавшие при всяком положении, т.-е. шипящие, **ц** или **р**, или же конечные согласные предыдущего слова. Оказываясь в таком положении после отвердевших согласных или в начале слова после конечных твёрдых согласных предыдущего слова, **и** переходило в **ы** во всём в.-р. и б.-р. В старинных памятниках этот переход отражается в виде редких написаний „ы“ вместо „и“, редких,— потому что правило о правописании „и“ после шипящих и „ц“ и в начале слова не представлялось трудным. Примеры: в ыноую землю Смол. грам. около 1230 г., слышышь[1]), в ыстобкоу грам. рижан в Витебск около 1300 г., жывите, жырошкинъ, жывота, держытъ Дух. Димитрия Донского до 1389 г., жылами, жыва, в ынъ законъ, в ылмерь и др. Лавр. летоп., взыскалъ Двинск. грам. XV в., с ыною братьею зап.-р. грам. 1386 г. и др.

В. Явления севернорусские.

§ **220**. Севернорусскими явлениями я называю те явления, которые возникли до образования в.-р. языка в севернорусских говорах, предках нынешних с.-в.-р. и северной части б.-р. говоров. Более поздние явления, распространившиеся только на с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоры, рассматриваются в отделе изменений с.-в.-р.

Совпадение **ц и ч** в одном звуке.

§ **221**. Совпадение **ц и ч** в одном звуке произошло в с.-р. наречии уже в древнейшую эпоху. Как произносился тот звук, в котором совпали о.-сл. **ц и ч**, первоначально, мы не

---

[1]) Если это не описка. Ср. § 209.

знаем. Скорее всего, это был или звук средний между **ц** и **ч** мягкими (ср. говоры, где и теперь произносится такой же звук, или же на месте о.-сл. **ц** и **ч** получился звук **ч**), или звук **ц** мягкое, так как в большинстве говоров на месте старых **ц** и **ч** является именно звук **ц** (твёрдый или мягкий); возможно, что в произношении этого звука были различия по говорам. С.-р. говоры, как было сказано, потом частью образовали с.-в.-р. наречие, частью вошли в состав б.-р. языка, где под влиянием других б.-р., нецокавших говоров по большей части утратили цоканье[1]), т.-е. стали различать этимологически звуки **ц** и **ч**.

§ **222**. В памятниках совпадение **ц** и **ч** в одном звуке отразилось на смешении букв „ц“ и „ч“, которое является во всех с.-р. и с.-з. русских памятниках, т.-е. в новгородских, псковских, двинских, смоленских, полоцких, витебских и т. п., начиная с древнейших—с.-р. Миней 1095 и след. годов. Впрочем, надо оговорить, что смоленские, полоцкие и витебские памятники сохранились только с XIII в., а несомненно псковские—с XIV в. Кроме того, в смоленских, полоцких и витебских памятниках цоканье в XIV в. исчезает, очевидно, потому что было утрачено и в живом языке писцов. Примеры: троича, десничею, вѣньчи, коньчь, роучѣ, облачѣхъ, мълъцаниѥ. бъцелѣ, роуцька, въ црѣвѣ и мн. др. Минея 1095 г., оубиича, нѣчии, рѣци (речи), цасть и др. Ефр. Кормчая XII в., заволоцьѥ, коупцины, очя (=отца) Новг. грам. 1264 г., церниговьци, ництоже, стояце и др. 1 Новгор. летоп., робичица, около Торопча, сѣцяхоуся Лавр. летоп. (в Лавр. летоп. случаев смешения „ц“ и „ч“ вообще очень мало), гочкыи, коупчемъ, немчицю и др. Смол. грам. 1229 г. в сп. А, соуличами, немьчиць, коуноемьчи и др. Смол. грам. около 1240 г., съконцаша ся, нацалника, темницьнымъ, старчи, рьчи повел. Пск. Апост. 1307 г., концаны, исправливаюце запись Пск. Пролога 1383 г., полочькая, немечькомоу Полоцкая грам. 1265 г. и т. д. В некоторых Смоленских грамотах уже в XIII в. буквы „ц“ и „ч“ не смешиваются, напр., в списках Д и Е грам. 1229 г., в гра-

---

[1]) Под „цоканьем“ здесь условно понимается не только собственно цоканье, т.-е. произношение **ц** вместо **ч**, но и вообще всякое совпадение старых **ц** и **ч** в одном звуке или их смешение.

мотах 1284 г.; это указывает на то, что их писцы, очевидно, различали **ц** и **ч** в своём произношении.

§ **223**. Переход **жджс, шч** в **жj, шх**[1]. Об этом переходе см. выше, § 209.

§ **224**. Переход **дн** в **н** долгое. Этот переход в с.-р. диалектический, известный не всем с.-р. говорам. В настоящее время **н** долгое вместо **дн** является в значительной части с.-в.-р. говоров (во всех западных — поморских, олонецких и зап.-новгородских и в части говоров восточной группы) и во многих северо-восточных б.-р. говорах, где эту черту нельзя объяснять с.-в.-р. влиянием, а потому можно считать её диалектической чертой, возникшей в с.-р. наречии до образования б.-р. и в.-р. языков.

Г. Южновеликорусско-белорусские явления.

Аканье.

§ **225**. Аканье в широком смысле, т.-е. не только совпадение безударных **а** и **о** разного происхождения не после мягких в одном звуке, но и совпадение безударных **е, ѣ, о, а** разного происхождения после мягких в памятниках отражается в виде более или менее частого смешения букв „а" и „о" и букв „е", „ѣ", „я" или „и". Дошедшие до нас памятники с такими чертами правописания не старше середины XIV в.[1]) и притом древнейшие из них отражают не ю.-в.-р. или б.-р., а московский говор. Между тем, сравнительное изучение акающих говоров показывает, что 1) аканье в тех говорах, к которым восходят по происхождению ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. говоры, возникло до образования в.-р. и м.-р. языков и до малорусско-белорусской эпохи, т.-е. раньше XIV в., и 2) аканье в московском говоре возникло позднее и по своему характеру отличается и от ю.-в.-р. и от б.-р аканья. Поэтому при решении вопроса о происхождении аканья в ю.-в.-р. и б.-р. мы должны основываться главным образом на сравнительном изучении нынешних живых ю.-в.-р. и б.-р. говоров. Это изучение позволяет представлять возникновение аканья в таком виде.

---

[1]) Впрочем, случаи написания „а" вместо „о" есть уже и в Сийском Ев. 1339 г., написанном в Москве, но их очень мало и они допускают и другое объяснение.

§ **226**. Гласные **а**,**о**,**е** разного происхождения (**а** из о.-сл. а и **е** носового, **о** из старых о,ъ,ь,е и **е** из старых е и ь) и **ѣ** без ударения подверглись редукции и перешли в редуцированные гласные звуки, различавшиеся, повидимому, в зависимости от твёрдости и мягкости предшествующего согласного звука. Гласные верхнего подъема—**у**,**ы**,**и**—редукции не подвергались. Таким образом вместо старых о.-р. давить, ходить, бери, держи (из дьржи), бѣлить, пяти, сады, носы, весны, слѣды, святые, в саду, в роду, несу, сверкнул, бѣду, пряду, залуог (об **уо** см. ниже), робуота, селуо, слезуой (из сльзуой), слѣдуов, под пятуой, за дѣло на горѣ, веснѣ, в гнѣздѣ, глядѣл; давай, вода, сестра, зерна, (из зьрна), стѣна, грязна, удалять, засорять, земля, сѣмья, глядять 3 мн., садок (из садъкъ), годок, пером (из перъмь), ленок, пѣсок, пяток, далёко, солёный, берёза, дѣлеж, прядём 1 мн., зайдеть 3 ед., зоветь 3 ед., веселье, цвететь 3 ед. (из цвьтеть), козёл, удалец, конец, деревенька; продал, выход, загубил, вырѣзал, вымела и пр. стали произносить[1]): **дъвить**, **хъдить**, **бьри**, **дьржи**, **бьлить**, **пьти**, **съды**, **нъсы**, **вьсны**, **сльды**, **свьтые**, в **съду**, в **ръду**, **ньсу**, **свьркнул**, **бьду**, **прьду**, **зълуог**, **ръбуота**, **сьлуо**, **сльзуой**, **сльдуов**, под **пьтуой**, **зъ дѣлъ**, **нъ гърѣ**, **вьснѣ**, в **гньздѣ**, **гльдѣл**; **дъвай**, **въда**, **сьстра**, **зьрна**, **стьна**, **грьзна**, **удълять**, **зъсърять**, **зьмля**, **сьмья**, **гльдять**, **съдок**, **гъдок**, **пьром**, **льнок**, **пьсок**, **пьток**, **дълёкъ**, **сълёный**, **бьрёза**, **дьлеж**, **прьдём**, **зъйдеть**, **зъветь**, **вьселье**, **цвьтеть**, **къзёл**, **удълец**, **кънец**, **дьрьвенькъ**: **продъл**, **выхъд**, **зъгубил**, **вырьзъл**, **вымьлъ** и пр., но душа, судить, писать, рыбак, воду, сёстры, люди и т. п.

Затем получившиеся в безударных слогах редуцированные гласные звуки в первом предударном слоге изменялись в **а**, если под ударением были гласные верхнего подъёма (**у**,**ы**,**и**), а также гласные **ѣ** и **о** старое (не из **ъ**) под восходящим ударением; повидимому, эти последние тогда звучали, как гласные смешанной артикуляции, начинавшейся с верхнего подъёма, или, как дифтонги с гласной верхнего подъема в первой части; гласный звук или дифтонг,

---

[1]) Жирным **ъ** обозначаю редуцированный гласный звук после твердых, жирным **ь**—после мягких.

получившийся в этом положении из старого **о**, обозначим „уо“. Ударение не в 1-м слоге слова в ту эпоху, когда различались восходящее и нисходящее ударения, в русском языке было обязательно восходящим; в 1-м же слоге могло быть как восходящее, так и нисходящее ударение. Старое **о**, находившееся в 1-м слоге под нисходящим ударением, продолжало оставаться открытым, не переходя в **уо**; поэтому перед слогом с таким **о** (что́ могло быть только в предлогах и отрицании), а также перед ударяемым слогом с гласными **а,о** из ъ,е,ь и **е** из е или ь редуцированные гласные оставались без изменения. Таким образом возникли произношения: давить, хадить, бяри, дяржи, бялить, пяти, сады, насы, вясны, сляды, святые, в саду, в раду, нясу, свяркнул, бяду, пряду, залуог, рабуота, сялуо, слязуой, сля́дуов, пъд пятуой, за дѣлъ, нъ гарѣ, вяснѣ, в гняздѣ, глядѣл; но: дъвай, въда, сьстра, зьрна, стьна, грьзна, удълять, зъсърять, зьмля, сьмья, гльцять, съдок, гъдок, пьром, льнок, пьсок, пьток, дълёкъ, сълёный, бьрёза, дьлеж, прьдём, зъйдеть, зъветь, вьсельјь, цвьтеть, къзёл, удълец, кънец, дьрьвенькъ, продъл, выхъд, зъгубил, вырьзъл, вымьлъ; также: нь скоръ, бьз году (и: бе́з гъду), чьрьз морь, нь в пору.

Так как редуцированные гласные 1-го предударного слога оставались без изменения, не переходя в **а**, не только перед слогом со старыми гласными нижнего и среднего подъёма, но и перед слогом с теми **ы, и** редуцированными, которые позднее в в.-р. перешли в **о,е**, а в б.-р. по бо́льшей части сохранились как **ы, и** (ср. в говорах с яканьем Обоянского типа: нимой, слипой, сидой и пр. им. ед.), то можно думать, что редукция безударных гласных и переход редуцированных гласных в **а** не стоят в органической зависимости от подъёма, а повидимому вызваны количественными отношениями: редукция неударяемых гласных могла вызываться их сокращением, при чём исконно долгие **у, ы, и**, сокращаясь, не редуцировались, безударное **ѣ**, может быть, еще раньше изменялось в **е** и подвергалось редукции, как и старое **е**; безударное **а** было уже кратким до того времени, как наступало сокращение безударных гласных, и потому тоже подвергалось редукции. Из ударяемых гласных гласные **о** под нисходящим ударением (в первом слоге

слова), **о** из старого **ъ** и **е** разного происхождения первоначально были кратки, а гласные верхнего подъёма **у, ы, и**, кроме **ы,и** редуцированных, первоначально были долги. Судя по тому, что редуцированная гласная первого предударного слога изменялась в **а** не только перед слогом с **у, ы, и** нередуцированными, но и перед слогом с **ѣ** и **о** старым под восходящим ударением и оставалась редуцированной не только перед слогом с **о** под нисходящим ударением, с **о** из **ъ** и с **е** разного происхождения, но и перед слогом с **а**, можно думать, что в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению аканья, гласные **ѣ** и **уо** были долгими (или произносились, как дифтонги), а гласная **а** краткой, т.-е., что ударяемое **а** еще раньше по каким-то неизвестным нам причинам сократилось. После редукции безударных гласных происходило сокращение долгих ударяемых гласных, при чем такому сокращению могли подвергаться и дифтонги (если **ѣ** и **уо** были дифтонгами); краткие ударяемые гласные дальнейшему сокращению не подвергались. Сокращение долгих ударяемых гласных вызвало заместительное удлинение предударных редуцированных гласных, которые при этом переходили в **а**. Таким образом **а** в 1-м предударном слоге могло явиться только перед слогом с такими гласными, которые раньше были долгими, перед слогом же с гласными, которые раньше были краткими и потому сокращению не подвергались, являлись редуцированные гласные. Последние в положении после плавных могли становиться неслоговыми, при чем плавные становились слоговыми; затем такие неслоговые редуцированные гласные после плавных могли выпадать, а слоговые плавные теряли своё слоговое свойство; если перед такой плавной была редуцированная гласная, то она переходила в **а**; таким образом вместо **гълъва, пъръсёнок** получалось: **галва, парсёнок** и т. п.

§ **227**. Аканье первоначально возникло в тех говорах, к которым восходят нынешние ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. говоры. С течением времени оно подвергалось различным изменениям. Прежде всего, изменения были вызваны переходом **уо** и **ѣ** в гласные **о** и **е**; таким образом в говорах, где произошел такой переход, гласные **уо** и **ѣ** совпали с гласными

о и **е**. Это совпадение произошло во всех сев.-вост. б.-р. говорах после отделения их от ю.-в.-р., а позднее также и в значительной части ю.-в.-р. говоров, но в другой части ю.-в.-р. говоров различие между **уо** и **ѣ**, с одной стороны, и **о** и **е**—с другой, продолжало сохраняться и частью уцелело до последнего времени. В сев.-вост. б.-р. говорах, вследствие совпадения **уо** и **ѣ** ударяемых с **о** и **е**, редуцированные гласные, бывшие в 1-м предударном слоге перед слогом с гласными **о** и **е**, были заменены гласною **а**. Таким образом звук **а** в 1-м предударном слоге в сев.-вост. б.-р. говорах явился не только перед слогом со старыми **у, ы, и, уо, ѣ**, но и перед слогом с **о,е** другого происхождения и перед слогом с **ы,и** редуцированными, ср. в нынешних сев.-вост. б.-р. говорах не только: вады, ваде, вадой, дарить, сажу, нясу, сяло, вяди, но и: даеш, нясеш, сялом, пясок, сляпый и пр. В ю.-в.-р. говорах диалектическая утрата различия между **уо, ѣ**, с одной стороны, и **о,е**—с другой, привела к образованию Донского и Суджанского типов диссимилятивного яканья, между тем как в говорах, сохранивших это различие, развилось яканье Задонского и Обоянского типов.

§ **228.** Дальнейшие изменения в характере аканья связаны с изменением редуцированных гласных в гласные полного образования в 1-м предударном слоге. В остальных слогах редуцированные гласные остались, в 1-м же предударном слоге по бо́льшей части перешли в гласные полного образования. Редуцированная гласная после твёрдых перешла в **а** в бо́льшей части ю.-в.-р. говоров и, кажется, в ю.-з. части сев.-вост. б.-р. говоров, и в **ы**—в значительной части сев.-вост. б.-р. говоров: вада, давай, сама и пр. в одних говорах, выда, дывай, сыма—в других. В части ю.-в.-р. говоров в этом случае являются гласные, несколько отличные и от **а** и от **ы** и близкие по качеству к тем редуцированным гласным звукам, которые произносятся не в 1-м слоге слова, но отличающиеся от них полнотой образования. Таким образом получилось диссимилятивное аканье в тех говорах, в которых редуцированная гласная изменилась в тот или другой гласный звук, отличный от **а**, и недиссимилятивное там, где редуцированная гласная перешла в **а**, совпавшее с тем **а**, которое получалось раньше в 1-м предударном

слоге перед слогом с бывшими долгими гласными. В говорах с диссимилятивным аканьем возникло два типа диссимилятивного аканья: аканье б.-р. типа с предударным **ы** из более старой редуцированной гласной только перед слогом с ударяемым **а** и с предударным **а** перед слогом с другими ударяемыми гласными и диссимилятивное аканье ю.-в.-р. типа с гласной, отличной от **а**, перед слогом с ударяемыми **а**,**о** (из **ъ**, из старого **о** в первом слоге под нисходящим ударением, из **е** и **ь** и из **ы** редуцированного) **е** (из старых **е**,**ь**). Редуцированная гласная после мягких в 1-м предударном слоге в б.-р. и значительной части ю.-в.-р. говоров изменилась в **и**, а в восточной части ю.-в.-р. говоров она перешла в **е** или **а** или, ассимилируясь гласной ударяемого слога, переходила в **а** только перед слогом с **а** и в **е** перед слогом с гласными среднего подъёма. В тех говорах, в которых редуцированная гласная в 1-м предударном слоге перешла в **и** или **е**, получилось диссимилятивное яканье, в первом случае белорусского, Обоянского (там, где сохранилось различие между **уо** и **ѣ**, с одной стороны, и **о** и **е**, с другой), Донского и Суджанского типов (последние два типа там, где **уо**, **ѣ** совпали по качеству звука с **о**, **е**), во втором— Задонского типа. В тех говорах, где редуцированная гласная после мягких перешла в **а**, совпавшее с тем **а**, которое получалось раньше в 1-м предударном слоге перед слогом с бывшими долгими гласными, возникло сильное яканье. Наконец, изменение редуцированной гласной в **а** перед слогом с **а** и в **е** перед слогом с гласными среднего подъёма привело к тому, что **а** в таких говорах в 1-м предударном слоге после мягкой явилось и перед слогом с **а** и перед слогом с гласными верхнего подъёма, где оно получилось ещё раньше, а **е** —перед слогом с гласными среднего подъёма, т.-е. возникло ассимилятивно-диссимилятивное яканье (см. выше, § 83. 2 в). Редуцированная гласная в начале слова в 1-м предударном слоге в бо́льшей части сев.-вост. б.-р. говоров изменялась в **и**: идна, иддать, ибманщик и пр., но в ю.-в.-р. говорах подобному изменению подвергалась редуцированная гласная в начале слова только в слабоударяемых словах или не в 1-м предударном слоге: ипять, ибмануть, а в остальных случаях переходила в **а**: адна, аддать, абманщик.

Таким образом те изменения в аканье, которыми вызваны различия между акающими говорами, — изменения, связанные с переходом **уо, ѣ** в **о, е**, и переход редуцированных гласных 1-го предударного слога в гласные полного образования возникли после прекращения связи между ю.-в.-р. и б.-р. говорами и, повидимому, после образования б.-р. языка.

Примечание. В тех ю.-в.-р. говорах, в которых редуцированная гласная после мягких переходила в **е** или **а**, в слабоударяемых словах, какими были между прочим частицы и местоимения, такая редуцированная гласная изменялась не в **е** и **а**, а в **и**: мине, тибе, типерь и пр.

§ **229.** Судьба ѣ. Неударяемое **ѣ** в ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. говорах совпало с неударяемым **е** ещё раньше образования аканья и потому позднее имело ту же судьбу, что̀ и неударяемое **е** старое. Под ударением **ѣ** в сев.-вост. б.-р. и в значительной части ю.-в.-р. говоров перешло в **е**, открытое не перед мягкими неслоговыми звуками и закрытое перед мягкими неслоговыми звуками, но в части ю.-в.-р. говоров **ѣ** такому переходу не подвергалось и кое-где сохранилось до сих пор как гласный звук или дифтонг, отличный от **е**, восходящего к старым **е, ь**. Переход **ѣ** в **е** в ю.-в.-р. говорах позднее времени отвердения шипящих. Вследствие совпадения **е** и **ѣ** в одном звуке зап.-р. и ю.-в.-р. памятники постоянно смешивают буквы „е“ и „ѣ“. Древнейшие достоверные примеры такого смешения „е“ и „ѣ“ в русских словах — с XIII в.

Д. Явления южнорусские.

§ **230**. Переход **о, е** старых в новых закрытых слогах в дифтонги. Утрата **ъ, ь** слабых вызывала в ю.-р. заместительное удлинение гласных предшествующего слога, становившегося вследствие этой утраты закрытым. Долгие гласные нового происхождения — а такими были гласные **о, ŏ, е** из старых (о.-сл.) **о, е** — переходили в дифтонги, которые первоначально звучали, повидимому, как **уо, ӱö, ие**. Этому изменению не подвергались **о, ŏ, е** после плавных в полногласных сочетаниях и те **о, ŏ, е**, которые получались из **ъ, ь** сильных, очевидно, потому, что эти звуки до удли-

нения гласных в новых закрытых слогах были короче других кратких гласных и при удлинении их становились гласными нормальной краткости. В памятниках переход **о** и ӧ в дифтонги не мог быть отмечен за неимением букв для этих звуков, и потому писцы продолжали обозначать их буквами „о“ и „е“. Но дифтонг **ие**, получавшийся в новых закрытых слогах из **е** перед мягкими неслоговыми звуками, совпал со старым **ие**, обозначавшимся буквою „ѣ“, а потому ю.-р. писцы стали его обозначать тоже буквою „ѣ“, отличая от звуков **е**, ӧ, ӥӧ, обозначавшихся ими буквою „е“. Такое употребление буквы „ѣ“ в ю.-р. памятниках—со 2-й половины XII в.; древнейшие примеры — в Добрил. Ев. 1164 г.: камѣнь, учитѣль, пѣщь, можѣть [1]), зѣлье, во всѣи и др. Потомками ю.-р. говоров XII в. являются теперь м.-р. язык и ю.-з. говоры б.-р. языка. В м.-р. дифтонги сохранились в с.-м.-р. говорах и изменились в **и, у** и другие гласные, отличные от **е,о**, в остальных говорах (ср. примеры в §§ 98_1 и 99), тогда как **е,о** из старых **ь,ъ** и после плавных в полногласных сочетаниях, а также старые **е, о** не в новых закрытых слогах сохранились, как **е,о** (см. § 98_1). В ю.-з. б.-р. говорах дифтонги сохранились только под ударением, причем нередко нефонетически переносятся и в такие положения, где никогда дифтонгов не было.

V. История звуков великорусского языка.

А. Явления великорусские.

§ **231**. Изменение **о** под восходящим ударением. Ударяемое **о**, на котором в о.-сл. было т. наз. „восходящее“ ударение, очень рано, еще до перехода старых **ъ,ь** сильных в гласные полного образования, но после подобного изменения гласных после плавных в полногласных сочетаниях, следовательно, до образования в.-р. языка, в севернорусских и восточнорусских говорах удлинялось и

---

[1]) В некоторых ю.-р. памятниках XIII в. и позднее, имеющих „ѣ“ вместо „е“ перед мягкими в новых закрытых слогах, как, напр., в Типогр. Ев. № 5, в форме 3 ед. глаголов 1 спряж., постоянно — „еть“. Возможно, что в говоре писцов таких памятников эта форма оканчивалась только на -**е** (без **ть**) или что здесь **е** вторичное, под влиянием форм на -**е**, -**емо** -**ете**.

становилось более закрытым. В начале слова перед таким **уо** (см. § 157а) развивалось **у** неслоговое, переходившее затем в **в**, ср. обще-в.-р. восемь, вострый (литер. острый заимствов. из церк.-слав.), вотчим, вотчина, но литер., с.-в.-р. и диалект. ю.-в.-р. оба, обод, оброть, обруч, овод (точнее: „овад“), окунь, отруби, где **о** было под т. наз. „нисходящим“ ударением, ср. словинск. **o**sem, **o**ster с восходящим ударением на **о**, но ob**a**, ob**o**d, obr**t**, ok**o**n „окунь“, otr**o**bi [1]), с нисходящим ударением на 2-м слоге (ударяемые гласные напечатаны жирным шрифтом), а также в.-р. овёс, огонь, осёл, отец, где ударение в это время было на втором слоге. После согласных **уо** в в.-р. лишь диалектически сохранялось как звук, отличный от **о** открытого, не подвергавшегося удлинению и являвшегося или из старых **ъ,ь** сильных или из старого **о** в начальном слоге слова под так наз. „нисходящим“ ударением; в части говоров **уо** перешло в дифтонг **уо**; в большинстве в.-р. говоров с течением времени различие между **уо** и **о** было утрачено. В ю.-в.-р. говорах с яканьем Донского и Суджанского типов утрата различия между **уо** и **о** произошла до образования этих типов аканья.

В памятниках различие между **уо** и **о** обыкновенно не отмечается; только в двух рукописях XVI в. Л. Л. Васильеву удалось заметить орфографический приём, с помощью которого писцы обозначали это различие под ударением: именно, в этих рукописях—Псалтири Петрогр. Публ. Б-ки F. I. 7. и Сборнике Софийской б-ки в Петрогр. Дух. Акад. 1460 —различие между **о** и **уо** обозначается различными значками над буквою „о“: ударение на **уо** обозначается т. наз. „каморой“, а ударение на **о** — акутом или грависом. Камора ставится, между прочим, не только над „о“, соответствующим старому **уо**, но и в том случае, если **уо** заменило собою нефонетически старое **е** после шипящих в падежных формах: болшому Сборн. (**о** с каморой), ср. бальшуому в говоре Задонского у. Воронежской губ. по аналогии с основами на твёрдые. Над **о**, соответствующим старому **ъ** или **о** под нисходящим ударением, камора не ставится: Сборн.: изъ

[1]) О переносе о.-сл. „нисходящего“ ударения с 1-го слога слова на следующий в словинском см. § 157 а.

ока, **овцы**, **обще**, **добромъ** тв. ед., Псалт.: до **облакъ**, **острови**, **бо́гоу**, **животомъ** тв. ед. (во всех примерах **о** с акутом) и др., ср. там же: **воспоите** (**о** с каморой), где старое **уо**.

Можно думать, что это явление или, по крайней мере, удлинение **о** под т. наз. „восходящим“ ударением (но без перехода **о** в дифтонг?) было известно и тем говорам русского языка, к которым восходят сев.-вост. говоры б.-р. языка, потому что иначе трудно было бы объяснить предударное **а** перед слогом с ударяемым **о** в белорусских говорах с диссимилятивным аканьем.

§ **232.** Переход **ый, ий** в **ой, ей**. Сочетания **ый**, **ий** с **ы, и** редуцированными сильными во всём в.-р. перешли в **ой, ей**: злой, сам-третей, зарой, напейся, мою, гостей, костей и т. п., с.-в.-р. доброй, прежней им. ед. муж. р.; вымой, Василей и пр., ю.-в.-р. беднай, добрай им. ед. муж. р.; в умою, покрою, зарою, повоет и т. п. **о** по аналогии с умой, покрой, зарой, мою, вою и пр.; наоборот, диалектич. с.-в.-р. мъю могло явиться по аналогии с умъю, вымъю, формами, сохранившимися в тех же говорах. Этот переход раньше перехода **гы, кы, хы** в **ги, ки, хи** в в.-р., ср. в.-р. другой, такой, глухой, всякой им. ед. (если бы **гы, кы, хы** перешли в **ги,ки,хи** раньше, то мы имели бы—другей, такей, глухей); обычное правописание: упругий, вся́кий и т. п. несогласно с в.-р. живым произношением [1]) и восходит к церковному чтению подобных слов. В памятниках написания „-ой“, „-ей“, свидетельствующие о переходе **ый**, **ий** в **ой**, **ей**, появляются впервые во второй половине XIII в., но более или менее частыми становятся только в конце XIV в.

В некоторых в.-р. говорах, быть может, **ый** переходило в **ей**; такого происхождения в таком случае такие факты, как имен. ед. гнедэй, слепэй, воронэй, молодэй, скупэй, другэй и др. в говорах Олонецкой губ.; появившись сначала в этих формах, **е** далее нефонетически заменило собою звук **ы** и в других формах склонения прилагательных: сырэи, сухэи, роднэи им. мн. — южн. уезды Нижегородской губ. и Симбирская губ., маладэя, стальнэя — Орловская

---

[1]) Распространенное у образованных людей, особенно вне Москвы, произношение „всякий“ и т. п.—книжное.

губ. В памятниках окончание „-ей“ в подобных случаях встречается изредка уже в XIV и XV вв.: свыискеи (шведский) 1 Новгор. летоп., въ новеи городокъ, рѣчнеи, краснеи, стареи—Псковские летописи XV в., сочкеи, купечкеи—Двинские грам. XV в.

§ **233.** Переход **ръ, рь, лъ, ль** между согласными в **ро, рё, ре, ло, лё, ле**. Переход этот только в.-р. В с.-р. письменных памятниках он засвидетельствован написаниями с **о, е** после плавных с XIII в.: въ дровѣхъ Р. Пр. 1282 г., крови новгор. грам. 1199 г. в списке 1263 г. и др., кровїи, яблоко и др. Октоих и Торжественник конца XV в., писанный в ю.-в.-р. области. М. Гл. Арх. 626.

§ **234.** **é** перед твёрдыми из старого **е**. При каких-то неясных условиях старое **е** перед твёрдыми согласными под ударением в некоторых с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорах не перешло в **о**, или же произошёл вторичный переход **о** после мягких в **е**. Такое **е**, напр., является в некоторых говорах Вятской губ.: берéза, зелéной, лед и др., Рязанской губ.: зелéный, перелет птиц, сéла (им. мн.), сел (род. мн.), асéл (осёл), четырéх и т. п. (Ряз. у.).

Примечание. Акад. Шахматов предполагает, что **е** перед слогом с **ъ, ь** слабыми еще в о.-р. языке было закрытым и потому даже перед твёрдыми не переходило в ŏ, откуда затем **о**; звук же **о** в этом положении в в.-р. и б.-р. и дифтонг **уо** в с.-м.-р. явились нефонетически, по аналогии с теми случаями, где было **о** в открытом слоге. Но против этого, мне кажется, говорят следующие факты: 1. **е** закрытое в новых закрытых слогах в ю.-р. должно было перейти в **ѣ**; между тем в ю.-р. памятниках XII — XIII в. никогда не пишется „ѣ“ на месте „е“ в новых закрытых слогах перед твёрдыми; 2. в в.-р. **е** перед твёрдыми в закрытых слогах нисколько не чаще, чем в открытых и может быть также на месте старого ь.

§ **235.** Изменения **е** перед шипящими. В значительной части в.-р. говоров **е** перед отвердевшими шипящими **ж** и **ш**, а частью и перед **ш** долгим, где такое **ш** долгое рано отвердевало, переходило в **о**: лёжа, ёж, падёж, одёжа, дёшево, лепёшка, стёшка, тёшша, ср. литерат. тёща, заимствованное из говора, где это слово произносится с **ш** долгим

твёрдым. Но в некоторых с.-в.-р. говорах **е** перед отвердевшими шипящими, как и перед некоторыми другими отвердевшими согласными, переходило не в **о**, а в **а**: головяшка, покормяжной, колясной и пр., а в других с.-в.-р. и ю.-в.-р. сохранилось как **е**: головешка, одежа, дешево, лепешка, надежда, промеж, переж, смежный, чешет (диалект. чошет), брешет и пр. Впоследствии слова из одних говоров заимствовались другими говорами, и теперь трудно установить, какие именно говоры восходят к говорам, сохранившим **е** перед шипящими, и какие—к говорам, допускавшим переход **е** в **о** или в **а**. Нынешний литературный язык представляет в этом отношении большую пестроту. Не считая таких слов, как мятеж, падеж, заимствованных из церк.-слав. языка, мы находим в нём несколько слов с **е**, восходящих к говорам, не изменявшим **е** в **о** перед шипящими: чешет, брешет, головешка, смежный, промеж; рядом с ними чаще **о**: грабёж, молодёжь, холостёжь, стёжка, лепёшка, серёжка и мн. др.; к говорам, изменявшим **е** в **а** перед отвердевшими согласными, восходит, кажется, слово „коляска". Перед **щ** мы имеем с одной стороны правильно лещ, клещ (вещь — слово, заимствованное из церк.-слав. языка), с другой — очевидно заимствованное из какого-то говора „тёща". Быть может, первоначально **е** перед шипящими переходило в **о** только в с.-в.-р. говорах, а произношение **о** вместо **е** перед шипящими в ю.-в.-р. заимствовано из с.-в.-р. говоров.

§ **236.** Переход **ри** в **ры** после согласных. Этот переход в в.-р. диалектический, но очень распространенный. Во многих говорах сочетания **гри, кри**, а в некоторых также **стри** вследствие ассимиляции **р** предшествующему твердому согласному звуку изменились в **гры, кры, стры**: грыбы, крыло, крынка, скрыпка, стрычь; в других говорах сочетание **ри** в этом положении сохраняется: грибы, кринка, скрипка стричь. В памятниках написания „ры" вместо „ри" в подобных случаях попадаются уже в XV в.

§ **237.** Переход звонких согласных в глухие. Переход звонких согласных в глухие в конце слова и перед глухими происходил в в.-р. независимо от подобного же перехода в б.-р. и западных говорах м.-р. языков и притом раньше, чем в этих языках. В конце слова звонкие шумные

согласные перешли в глухие независимо от характера следующих звуков, т.-е. не только перед глухими и в абсолютном конце речи (перед паузой), но и перед словами, начинающимися с гласных или сонорных звуков, и только перед звонкими шумными согласные шумные могут быть только звонкими (за исключением положения перед **в**: свой, твой и пр.).

§ **238.** Отвердение согласных перед **е.** В немногих в.-р. говорах, как с.-в.-р.—в Вятской, Владимирской и Нижегородской губ.,—так и в ю.-в.-р.—в Рязанской губ.—согласные перед **е** отвердели: дэрэвенька, молодэц, отэц, сэрце, пэч и пр. Огромное большинство говоров этого явления не знает.

§ **239.** Переход **ц** в **с**. В некоторых восточных с.-в.-р. и в некоторых ю.-в.-р. говорах **ц** перешло в **с**: куриса, яйсо, молодес, сэрква, сариса и т. п. Повидимому, это изменение произошло в тех и других говорах независимо. С этим диалектическим мало распространенным явлением не следует смешивать почти о.-в.-р. изменение **ц** в **с** после **с**: ис сэркви, с сарём и пр.

Б. Явления северно-великорусские.

§ **240.** Здесь мы рассмотрим только те явления, которые известны только с.-в.-р. наречию или части его говоров и неизвестны ни северно-белорусским, ни ю.-в.-р. говорам, а также некоторые явления, которые хотя и известны ю.-в.-р. говорам, но возникли несомненно первоначально в с.-в.-р. и заимствованы отсюда частью ю.-в.-р. говоров в сравнительно позднее время. По времени возникновения некоторые с.-в.-р. явления—раньше образования в.-р. языка и возникли еще в севернорусскую эпоху, но рассматриваются здесь, потому что неизвестны за пределами с.-в.-р. наречия.

Судьба ѣ.

§ **241.** Звук **ѣ** без ударения перешёл в одних говорах в **е** во всяком положении кроме конца слова, в других — только перед твёрдыми согласными и после ударения, а перед мягкими до ударения перешёл в **и**. Конечное **ѣ** без

ударения вообще перешло в **и**, а под ударением в одних говорах сохранялось, а в других тоже перешло в **и**. Безударное **е** из **ѣ** в одних говорах не подвергалось дальнейшим изменениям, в других в положении перед твёрдой согласной переходило в **о**. Эти изменения происходили, повидимому, раньше, чем изменения **ѣ** под ударением; в последнем положении **ѣ** долгое время сохранялось во всем с.-в.-р., как **ие**, а потом уже изменялось в одних говорах в **е** закрытое во всяком положении, в других—в **е** (закрытое или открытое) перед твёрдой согласной и **и** перед мягкой, в третьих—в **е** открытое перед твёрдыми и **е** закрытое перед мягкими и, наконец, в зап.-новгор. и некоторых других, в **и** во всяком положении. Гласная **о** из **ѣ** под ударением, встречающаяся в некоторых словах в некоторых с.-в.-р. говорах (ср. литерат. гнёзда, звёзды, приобрёл, вёдра), вероятно, перенесена из положений без ударения. Особо стоит конечное **ѣ** после **й**, которое, повидимому, очень рано, еще во.-р. эпоху (см. § 216), переходило в **е** и без ударения и под ударением и затем диалектически, как всякое конечное **е**, могло переходить в **о**: её, тоё, самоё, вологод. бéдныё, горькиё и пр. В диалектич. имен. множ. моé и т. п.—окончание **е** по аналогии с все. Что касается **ѣ** в начале слова, то, повидимому, оно лишь в части с.-в.-р. говоров произносилось как **йе**. На такое произношение указывает большинство новгородских нецерковных памятников (грамот, летописей и т. п.) XIII—XVI в., московские грамоты XIV в., Лаврентьевский список летописи и др., в которых „ѣ“ в русских словах не смешивается ни с „е“, ни с „и“ (в церк.-слав. словах такое смешение встречается), но в начале слова и после гласной вместо „ѣ“ часто пишется „ѥ“: **ѥхати**, **ѥздити**, **ѥѥ** (род. ед. ж. р.), понизовьскиѥ род. ед. ж. р. (Ср. выше § 216). Нынешние с.-в.-р. говоры не дают ясных указаний на то, что „ѣ“ в начале слова некогда произносилось иначе, чем в других положениях.

§ **242.** С.-р. памятники по употреблению буквы „ѣ“ можно разделить на несколько категорий: 1) значительная часть памятников следует правописанию, о котором только что сказано; 2) в других памятниках — московских грамотах и других московских и северных памятниках XV—XVII в. — „ѣ“ пишется правильно под ударением и заменяется более

или менее часто (иногда даже последовательно) буквой „е" без ударения; 3) в третьей категории памятников „ѣ" смешивается с „е" при всяком положении в слове; такое правописание—в старейших частях 1 Новгор. летоп. по списку Патриаршей б-ки, в некоторых новгородских грамотах XIII—XV в., в некоторых Двинских грамотах XV в. и др.; поскольку в этих памятниках не отразилась церковная манера чтения, можно думать о переходе в говоре писцов **ѣ** в **е**, 4) „ѣ" заменяется буквою „и" или смешивается с „и" а) только перед мягкими согласными, причем в остальных случаях „ѣ" пишется правильно или смешивается с „е" (такое правописание в Евангелии XVI в., писанном в Вологде и др.); б) при всяком положении в слове: в некоторых Двинских грамотах XV в., в некоторых новгородских памятниках, начиная с XIV в. и некоторых псковских XV—XVI в.; в этих памятниках рядом с „и" вместо „ѣ" пишется иногда (редко) также „е" вместо „ѣ". Очевидно, в говоре писцов звук **ѣ** в одних положениях перешёл в **и**, в других или сохранялся, как звук, отличный от **е** и от **и**, или перешёл в **е**, т.-е. произношение **ѣ** было приблизительно или таким же, как в говорах Вологодской группы, или таким, как в зап.-новгор. говорах. Правильное различение „ѣ", „и" и „е" в большинстве новгородских памятников XIV—XV в. позволяет думать, что в Новгороде **ѣ** в это время отличалось от **и** и **е**; что памятники со смешением „ѣ" и „и" не чисто новгородские, и что переход **ѣ** в **и** в зап.-новгор. говорах не раньше конца XV в. Потомками старого новгородского говора могут быть нынешние говоры поморов, потомков новгородских выходцев. С другой стороны, „и" вместо „ѣ" и „оу" вместо „в" в Двинских грамотах сближает говор двинян XV в. с нынешними восточными говорами и отличает их от нынешних говоров той же области (Холмогорский и Архангельский уезды [1]).

---

[1]) Материал по употреблению буквы „ѣ" в севернорусских памятниках XIII—XVI в. собран, хотя далеко не весь, в исследовании В. В. Виноградова (см. Приложение III). К сожалению, классификация этого материала и его освещение в назв. книге не всегда удачны.

Диалектический переход **а** после мягких в **е**.

§ **243.** **а**, как неударяемое, так и ударяемое, в положении между мягкими в значительной части с.-в.-р. говоров изменялось в **е**; таким образом возникли произношения: грезь, петь, ейца, в шлепи (в шляпе) и пр. Древнейшие указания на такой переход — написания „е“ вместо „я“ или „а“ — в памятниках XVI в. Впрочем, в псковских памятниках уже в XIV в. встречаются изредка случаи написания „е“ вместо „я“ или „а“ не в конце слова (в конце слова „е“ и „я“ в псковских памятниках постоянно смешиваются): приселет ся 3 мн., обнищеша, печели Типогр. Псалтырь XIV в., № 29 (47) и др.

§ **244.** Независимо от этого перехода в части с.-в.-р. говоров неударяемое **а** после мягких изменялось в **е** независимо от твердости или мягкости следующего неслогового звука: в грези, грезна, петак, преду, поес, но: пятый, грязный, пряжа (перед мягкими неслоговыми звуками в одних говорах **а**: грязь, пять, в других—**е**: грезь, петь и пр.).

§ **245.** В возвратной частице -ся конечное **а** в тех случаях, когда оно не отпадало, в одних говорах сохранилось, как **а**, в других изменилось **в е** или **о**: боялсе, боялсё или, с отвердением **с**: боялсэ, боялсо, наст. вр. боитце, боитцо и т. д. Так как конечное **а** после мягких не изменилось в **е** или **о** ни в формах имен. ед. **ж. р.** и род. ед. муж. р: воля, гостя, ни в деепричастиях: лёжа, ходя, стоя, ни в 3 л. множ. ч. глаголов 2 спр., там, где эти формы произносят без конечного -т: ходя, нося, то надо думать, что вообще фонетически конечное **а** после мягких **в е** и **о** не переходило, и изменение **а** здесь вызвано особыми фонетическими условиями, в которых оказалось „ся“, как частичное слово. Конечное **а** в этом слове редуцировалось подобно тому, как и конечное **е, и, ы,** в других частицах и местоименных наречиях, а затем редуцированная гласная, получившаяся из **а**, изменялась, смотря по говорам, в **е, о** или вновь в **а** после двух согласных или долгой аффрикаты, если последние получались вследствие утраты **ъ** или **ь** слабых перед **ся**, а в остальных случаях отпадала.

Переход **е** в **а**.

§ **246.** В конце слова неударяемое **е** во многих с.-в.-р. говорах перешло в **а**. Такое **а** является после **й** в окончании сравн. ст. скорея (скоряя, скория) и т. п. и в им. ед. имён собирательных, получивших вследствие этого перехода значение им. мн.: колья, гвоздья, каменья и пр.; окончание **jo** или **йо** в им. ед. ср. р. прилагательных: доброё и т. п. в тех же говорах (но не в тех говорах, где говорят гвоздьё) явилось нефонетически по аналогии с моё, чьё и т. п. Конечное **а** после мягких согласных (не о.-сл. мягких) является между прочим в некоторых олонецких, западно-новгор. и др. говорах: крестьяня, татаровя, гледитя, пойдетя, будя, естя (3 ед.) и т. д.

Указания на переход конечного **е** в **а** в памятниках появляются с XIV в. В Лавр. летоп. „я“ вместо „е“ еще очень редко: трупы, древяня. В псковских памятниках XIV—XV в. часто пишется „ꙗ“ вместо конечного „ѥ“ и наоборот, что́, впрочем, могло быть и б.-р. чертой. В других с.-в.-р. памятниках XV и XVI в. „я“ вместо „е“ попадается преимущественно в им. мн. на -аня, -овя и т. п. и в именах собирательных.

§ **247.** В известных случаях переход конечного **е** в **а**, повидимому, является общим всем с.-в.-р. говорам, а именно в формах 1 и 2 множ. вспомогательного глагола есмя, естя, впоследствии утраченных, и род.-вин. личных местоимений меня, тебя, себя. Так как и те и другие формы всегда имели ударение на конце, то можно думать, что **е** изменялось в **а** в слабоударяемом положении. В памятниках эти формы встречаются уже во 2-й половине XIV в.: есмя—новг. грам. 1375 г., моск. Ев. 1393 г. и др., меня пск. Пролог 1383 г., тобя Духовн. 1388 г. и др.; в московских и др. северных памятниках XV—XVI в. они обычны.

§ **248.** После шипящих перед мягкими в предударном слоге переход **е** в **а** — диалектический, известный не всем с.-в.-р. говорам; он был вызван, вероятно, отвердением шипящих. Такое **а** в жаних, жалезо, пшаница, пчалиной и т. п. в говорах Архангельской, Олонецкой, Новгородской и части Вологодской губ.

§ **249.** Перед шипящими и другими отвердевшими согласными переход **е** в **а**, кажется, происходил только в некоторых говорах до перехода **е** в том же положении в **о**, но потом произношения вроде головяшка, колясной, словясно, лягче и т. п. были по бо́льшей части вытеснены произношениями с **о** под влиянием других говоров и остались лишь в единичных словах.

Переход **е** в **о**.

§ **250.** Переход **е** в **о** перед отвердевшими согласными в с.-в.-р. происходил в некоторых положениях, в которых б.-р. и ю.-в.-р. говоры такого перехода не знают, вследствие позднего диалектического отвердения некоторых согласных; таково **о** перед отвердевшим **р** в мёрзнуть, дёржыт, дёрской (дерзкий) и т. п., в окончании 3 ед. глаголов 1 спр.: идёт и т. п.

§ **251.** Такой же переход происходил исключительно в говорах восточной (Вологодской) группы после шипящих перед мягкими согласными: жоних, жолезо, жонитьба, жолеть, жокчи (жечь), крошонина, шозьдесят. Как мы видели выше (§ 248), говоры Поморской и Олонецкой группы в том же положении имеют **а**.

§ **252.** В конце слова **е**, как старое, так и из **ѣ** после **й**, переходило в **о** в говорах восточной группы и в некоторых других, как под ударением, так и без ударения: спитё, ходитё, игра̀итё, ко́льё, скоряё, бе́дныё, горькиё, её, самоё, моеё и т. п. О диалектическом сохранении **е** в тех же положениях см. § 258, о переходе **е** в **а** см. § 246. Переход конечного **е** в **о** произошёл после того, как формы мене, тебе, себе перешли в меня, тебя, себя (см. § 247).

§ **253.** В некоторых говорах **е** может переходить в **о** в предударных слогах, ассимилируясь гласной **о** следующего слога: бёрёза (Клинск. у., Моск. губ.), дёшовой, сёрёда и пр.

§ **254.** Переход **а** в **о**. Кое-где **а** переходит в **о** в предударных слогах по ассимиляции с **о** следующего слога: сопоги, новоз, зобота, зобор, долёко, довнёхонько, пётно и пр.

Переход **о** в **у**.

§ **255.** В говорах, различающих ударяемые **уо** и **о** (см. выше §§ 157а, 231), вместо **уо** иногда произносится **у**: нужик

Вятск. (Васнецов), γоспудь, роздулья, ib. (Зеленин), воруниньськя (воронинская) Егор Ряз. (Дурново) и т. п., хотя обычно в этих говорах **уо** произносится, как звук смешанной артикуляции, начинающейся с **у** и переходящей в **о**, или, как дифтонг **уо**, или, может быть, иногда, как **о** с сильным округлением.

§ **256.** Неударяемое **о** перешло в **у**:

а) в значительной части с.-в.-р. говоров в начале слова за слог до ударения: укунусь, угород, угурец, утопри, убманули, удеяло и др., реже—непосредственно перед ударением: упять, укошко; это **у** сохраняется в некоторых переходных акающих говорах;

б) во многих говорах, преимущественно олонецких и восточных после губной или задненёбной перед ударением: булото, булѣзнь, пудём, пуѣду, мутылёк, буран (баран), замурать, скуряе, кумар, кувыль и пр., реже — не после губных и задненёбных, но перед губной: думовой и т. п.;

в) в немногих с.-в.-р. и переходных говорах в окончании твор. ед. ж. р. на **-ую, -уй**: палкуй, этуй, пряжую; такое же **-ую** может явиться и вместо **-ою** и **-аю** в глаголах: вымую, делую.

§ **257. е** перед твердыми из старых **е, ь.** Без ударения звук **е** перед твердыми встречается нередко не только в говорах переходных или с намечающейся переходностью, но и в говорах, где нельзя предполагать влияния акающих говоров, именно—в поморской и западно-новгородской, реже—в восточной группе; примеры: весна, село, беру, несла и т. п. Повидимому, в этих говорах при каких-то условиях предударное **о** после мягких подвергалось вторичному переходу в **е**; при каких именно, неясно, потому что в тех же говорах известно и предударное **о** после мягких: горёвать и пр. Впрочем, в говорах восточной группы в таких случаях, как беру, несу и т. п. **е** могло явиться и нефонетически по аналогии с **е** в остальных личных формах.

§ **258. е** в конце слова. **е** в конце слова под ударением и без ударения правильно сохранилось в тех говорах, где оно не переходило в **о** и **а** (см. выше §§ 246, 247, 252; в **а** переходило только **е** неударяемое), т.-е. в поморских, запад-

но-новг. и некот. других: спитé, пьетé, хорошé, еé, тоé, знáете, скоряе и пр.

Появление шепелеватых звуков.

§ **259.** В некоторых западных северно-русских говорах звуки **ж, ш, з, с** мягкие переходили в мягкие шепелеватые (средние между шипящими и свистящими) звуки; это происходило, очевидно, раньше общевеликорусского отвердения шипящих **ж, ш.** Этот переход засвидетельствован псковскими памятниками с начала XIV в., смешивающими буквы „ш“ и „ж“ с буквами „с“ и „з“: сапожи, пшеницю, обѣдавею и т. п. Впоследствии псковские говоры под влиянием других говоров частью утратили такое произношение, но частью сохранили и до сих пор.

§ **260.** От этого совпадения **ж** и **ш** с **з** и **с** мягкими в псковских говорах следует отличать появление **с** вместо **ш** других говоров перед суффиксом **-н-** во многих, в том числе и восточных с.-в.-р. говорах. Это **с** исключительно на месте старого **ч**: молосной, пшенисной, девисьник, яисьница, сердесьнёй (молочный, пшеничный, девичник, яичница, сердечный) и т. п. и восходит непосредственно к **ц**, получившемуся вследствие с.-р. перехода **ч** в **ц**. Отсюда можно сделать вывод, что с.-р. переход **ч** в **ц** раньше о.-р. перехода **ч** перед **н** в **ш**, и что **ц** перед **н** в с.-р. переходило в **с** мягкое, вероятно, в ту эпоху, когда в других говорах **ч** в том же положении переходило в **ш.**

§ **261.** В некоторых других с.-в.-р. говорах (не псковских) мягкие **з, ц, с**, а в некоторых дзекающих говорах также и **дз** и **ц** из мягких **д, т** получили шепелеватый оттенок, но не совпали со старыми **ж, ш**, так как последние к этому времени уже, очевидно, успели отвердеть; вместе с тем и старые сочетания **ждж, шч**, если не изменились раньше в **ж, ш** долгие твёрдые, стали звучать, как шепелеватые звуки. Таковы некоторые говоры Вятской, Владимирской, Московской, Рязанской, Нижегородской и Казанской губ.

Появление звука **ф**.

§ **262.** В о.-р. звука **ф** не было. В заимствованных некнижным путем словах звук **ф** чужих языков заменялся звуком п:

парус = φᾶρος и др. В с.-в.-р. **ф** в заимствованных словах удерживается: Филип, Фома, Тимофей, Офонасей и пр.; рядом с ними сохраняются и имена с **п**, соответствующим иноязычному **ф**: Осип, Степан и др.

Примечание. В ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. **ф** в заимствованных словах и теперь обыкновенно заменяется сочетанием **хв** или звуками **х** и **п**: Хвилип, Хвёдор (м.-р. Хведір), Хома, Осип, Остап, Опанас, м.-р. Ничипір (Никифор) и пр.

§ **263.** Кроме того, в с.-в.-р. развилось новое **ф** из **в** в конце слова и перед глухими, как и в восточных ю.-в.-р. говорах. Это **ф** в тех говорах, где **въ**, **вь** не перешли в **у**, вероятно, являлось в в.-р. одновременно с переходом остальных согласных в тех же положениях в глухие. В памятниках написания „**ф**“ или „**ѳ**“ в подобных случаях встречаются, кажется, только с XVI в. (фпрок грам. 1501 г.).

§ **264.** В некоторых говорах, принадлежащих к олонецкой, восточной и поволжской группам, **ф** получилось также из сочетания **хв** перед гласными: фост, фастать, форост, уфатить (повидимому, из одного из таких говоров заимствовано в литературном языке слово „филин“); в некоторых восточных и поволжских говорах **ф** является на месте **х** в конце слова: теф, моиф, добрыф, на рукаф, значительно реже—из **х** перед согласными: фто, лёфкой. Памятники не дают ясных указаний на время появления **ф** из **хв** или **х**, потому что употребление буквы „ф“ и смешение „ф“ с „хв“ или „х“ в старинных памятниках не свидетельствует о существовании звука „ф“ в языке писцов: этой буквой они обозначали те звуки, какие произносили в заимствованных именах, писавшихся с буквою „ф“, а эти имена они могли произносить с **хв**, как и теперь произносят южные великорусы, белорусы и малорусы.

§ **265.** Судьба старого γ. Этот звук в с.-в.-р. первоначально являлся в окончании род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных (его, кого, моего, злого, доброго и пр.), в словах: корогод, богатый, богатырь, погост, в некоторых словах, взятых из ц.-сл. яз. и, может быть, некоторых других. Вероятно, бóльшая часть этих слов или их произношение заимствованы с русского юга (слово „богатырь“ турецкое и звучит в турецких языках тоже с γ, но

на Север, вероятно, проникло не непосредственно от какого-нибудь турецкого племени, а через южнорусское посредство). Кроме того, γ получилось из **k** и **г** взрывного перед звонкими согласными: γде, коγда, всеγда и пр. Позднее γ в некоторых олонецких и поморских говорах вообще переходило в **г**: кого, злого, где, когды с **г** взрывным, в остальных же олонецких и поморских говорах сохранилось, как γ: коγо, бедноγо, боγатой, коγды и пр. В восточных, владимирских и поволжских говорах γ сохранилось перед гласными кроме **о** и выпало перед **о**, а затем на месте его между двумя **о**, реже в начале слова по большей части развивалось **в**: боγатой, боγатырь, коо, бедноо, и ково, бедново, коровод, повост. Звук γ перед **д** твердым в некоторых восточных говорах перешел в **в** или **у** неслоговое: ковды, всевды или коуды, всеуды. В памятниках **в** в слове „повост" встречается уже в Лавр. летоп.: повосты (конец XIV в.); слова „осподарь" и „оспожинъ" без начального „г" попадаются в памятниках XV в., а „воспожин"—только в XVI в. Примеры с **в** в окончании род. ед. муж. и средн. р. прилаг. и местоимений из памятников до XV в. неизвестны; в XV в. они почти не встречаются (4 примера из памятников 1-й половины XV в. приведены у Соболевского, Лекции[4], 126); так, в новгородских, двинских и московских грамотах XIV—XV в. в. употребительны исключительно формы на „го"; но с XVI в. в московских и сев.-в.-р. памятниках они нередки: Звенигор. грам. 1404 г. (в копии XVI в.): въ правово, Сборн. XVI в., содержащий копии с московских княжеских и митрополичьих грамот XV в.: своево христианства, лиха никакова (грам. митр. Ионы) и др., Домострой О-ва: ис чево 87, глупово слугу 98, меду простово 154 и др.; Конш. Домострой: всево 23, тово 33 об., портново мастера 50 об. и др.

§ **266.** Отвердение **т** в окончании 3 л. глаголов. Это явление можно считать фонетическим, если предположить, что в о.-р. эпоху **т** перед **ь** слабым смягчалось слабее, чем, напр., перед **и** в инфинитиве, или, что в эпоху отвердения **т** в 3-м л. инфинитив в с.-в.-р. чаще оканчивался на **ти**. В таком случае **-ть** в окончании им. ед. существительных (путь, зять, кость и пр.) объяснялось бы влиянием косвенных падежей, а **-ть** в инфинитиве могло бы

объясняться или влиянием форм на **-ти** или более поздним отпадением **и**. В памятниках написания „-тъ“, указывающие на отвердение, встречаются уже со второй половины XIII в.: оучинитъ, придетъ, оубьютъ—Новгор. грам. 1257 — 1263 г., дѣлитъ—Р. Пр. 1282 г. и т. д. Немногие случаи написания „-тъ“ в 3-м л. в некоторых памятниках XI и XII в. и позднее восходят к старославянским оригиналам и на отвердение окончания **-ть** в говоре писцов не указывают. Повидимому, окончание **-т** с **т** твёрдым в 3-м л. глаголов появилось не во всех с.-в.-р. говорах одновременно: в новгородских договорных грамотах и бо̀льшей части двинских еще в XV в. постоянно „-ть“; теперь **ть** сохраняется только в 3 множ. глаголов 1 спр. в некоторых говорах Олонецкой губ.: идуть, жнуть, гребуть, играють, поють, но: идёт, ходит, стучат, гремят. Окончание **-ть** в некоторых ср.-в.-р. го̀ворах, может быть, ю.-в.-р. происхождения.

Примечание. Сохранение **-ть** в говорах Заонежья в 3 мн. на **уть** при **т** твёрдом в 3 ед. и 3 мн. на **ат** трудно объяснить фонетическими условиями. Поэтому акад. А. А. Шахматов предполагает, что вытеснению **ть** через **т** содействовала связь с формой указат. местоимения „тъ“. Но и это предположение не объясняет сохранения **-ть** только в окончании **-уть** при **т** в окончании **-ат.** С этой особенностью заонежских говоров интересно сопоставить тот факт, что с.-в.-р. говоры, знающие формы 3 л. без окончания **-т**, во множ. ч. образуют такие формы только от глаголов 2 спр.: стуча́, сидя̀, но́ся, а от глаголов 1 спр. имеют формы только с **-т**, идут, несут, знают и пр.

§ **267.** Отвердение **л** мягкого. Этот звук отвердел в некоторых, преимущественно восточных говорах перед твёрдой зубной: болшой, болной, силной, колоколна и пр. Отвердение **л** мягкого произошло после перехода старого **л** твёрдого в **у** неслоговое в тех же говорах (ср. там же воук, доуго, паука, меуко, поугора[1]), и потому новое л твердое уже не переходило в **у** неслоговое.

§ **268.** Отвердение **с** мягкого. Звук **с** мягкое отвердел во многих, преимущественно в восточных, влади-

[1]) Жирным шрифтом обозначено **у** неслоговое.

мирских и поволжских говорах, в возвратной частице **-ся**: фонетически, повидимому, оно отвердевало только в формах 3-го л. на **-тся=ця** вследствие отвердения **ц** и в формах прошедшего времени на **-лся** вследствие ассимиляции **с** предыдущему **л**: отсюда твёрдое **с** могло распространиться на остальные формы нефонетически. На такое предположение наводят те с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоры, в которых возвратная частица **-ся** звучит с **с** твёрдым именно в окончании **-тся=-ца** и в м. р. прош. вр. глаголов **-лса, -лсы.** Гласная **а** в возвратной частице, как было указано выше, отпадала при положении частицы **-ся** после гласных и изменялась в **о, е, и (ы)** там, где не отпадала; таким образом возникли произношения: боюс, боимса, боимсэ, боимсо, боялсэ, боялсы и т. п.

§ **269**. Переход **ри** в **ры**. Сочетание **ры** вместо **ри** после твёрдых согласных известно, как мы видели, многим как с.-в.-р., так и ю.-в.-р. говорам. Но в некоторых поморских говорах **ри** изменяется в **ры** не только после согласных, но при каких-то условиях и после гласных: говорыт, курыл, старык и пр.

Смягчение согласных.

§ **270**. Смягчение задненёбных после мягких неслоговых звуков. В части говоров восточной группы и в части владимирских и поволжских говоров задненёбные **г, к, х** после мягких неслоговых звуков смягчились, т.-е. перешли в мягкие средненёбные: Ванькя, деревеньскёй, дочкя, маменькя, чейкю, Ольгя, серьгю, ольхя, на верхю и т. п. Вполне достоверных указаний на это явление в памятниках не найдено. Существует гипотеза, что это смягчение в с.-в.-р. заимствовано из ю.-в.-р. наречия.

§ **271.** Смягчение зубных после мягких согласных. Зубные **д, т, н** после **л** мягкого смягчились в некоторых говорах Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Костромской и др. губ.: льдю, подо льдём, льню, больняя, сильнёй и пр.

§ **272.** Переход **к, г** мягких в **т, д** мягкие. Этот переход в настоящее время распространен главным образом в говорах Владимирской группы, а также в средне-великорусских, реже—в говорах восточной группы; в этих говорах

в **т, д** мягкие переходят всякие **к, г** мягкие, как старые, так и получившиеся из **к, г** немягких после мягких: рути, ноди, тислый, дибель, на рете, помодите, Ваньтя, огоньтю, кочердя и т. п.

§ **273.** Ассимиляция соседних согласных. Кроме перехода **дн** в **н** долгое, который можно считать еще севернорусским, так как он известен не только с.-в.-р., но и северным б.-р. говорам (см. выше § 224), хотя и засвидетельствован памятниками только с XV в., в с.-в.-р. говорах встречаются еще следующие случаи регрессивной ассимиляции (кроме ассимиляции по степени звонкости и мягкости): 1—переход **бм** в **м** долгое: омман, омменять и пр.; 2—переход **вн** в **мн:** кромной (кровный), дамно (давно) и т. п.; 3 переход **бв** в **в** долгое: оввернуть, овворачивать и пр.

§ **274.** Диссимиляция соседних согласных. Рядом с диалектической ассимиляцией соседних согласных в других с.-в.-р. говорах наблюдается их диссимиляция. К таким случаям относятся: 1—переход **бм** в **гм** или **дм:** огмануть и одмануть и т. п.; 2—переход **дл** в **гл**—гля (предлог). Ср. также § 161 ₁. Впрочем, в других словах **д** перед **л** обычно сохраняется: длинный; 3—переход **н** долгого в **дн**: Адна (Анна) и пр.; 4—переход **мн** в **вн**: повни, вного, ґувно, надо вной (т.-е. помни, много, гумно, надо мной) и др. По бо̀льшей части названные явления широким распространением не пользуются.

Выпадение согласных.

§ **275.** Выпадение **в** (**у** неслогового) перед **л** мягким. Звук **в** или **у** неслоговое перед **л** мягким выпадал в части с.-в.-р. говоров не позже XIII в.; на это выпадение указывают новгородские памятники с XIII в. и псковские с XIV в.: присталивати—Новг. грам. 1270 г., на Ярослали дворѣ, ис Переяслаля и др.—1 Новгор. летоп., посталяша, запсколяне и др.—1 Пск. летоп. Та же черта в смоленской летоп. Авраамки XV в.: Ярославь дворъ, ратьслаля, до Яколѣ оулицѣ и др., повидимому, перенесена из новгородских оригиналов, потому что другие смоленские памятники ее не знают. Позднее эта черта в большинстве с.-в.-р. говоров была утрачена, и только кое-где на Западе Новгородской и

в Псковской губ. сохранились единичные слова с пропуском **в** перед **л** мягким: осталять, кроля.

§ **276.** Выпадение **в** (**у** неслогового) между гласными **в** твёрдое или **у** неслоговое между гласными выпало перед **у** неударяемым, а в некоторых говорах и перед **у** ударяемым. Повидимому, этот переход, если не диалектический переход о.-р. эпохи, то о.-в.-р., хотя диалектически **в** перед **у** сохраняется и в с.-в.-р. и в ю.-в.-р.; в нынешних с.-в.-р. говорах часты произношения: деушка, короушка, короу, за прау руку и пр., реже: вдоу́, жиу́т и пр. В некоторых говорах **в** иногда выпадает и перед другими гласными: короа, по лаочки. В памятниках пропуск „в" перед „у" („оу") встречается уже в XIV в., напр., в Лавр. летоп., где такие написания, как жиоуть, зооуть, нооугороду, протиоу и т. п., довольно часты.

§ **277.** Выпадение **д** мягкого между гласными. **д** мягкое во многих говорах (Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Архангельской и др. губ.) выпало перед **и**; в этих же говорах **д** мягкое перед **е**, **о** может переходить в **j**: пои, гляи, погоите, лошаи, буит (будет), роимой, пойём, гляjел и т. п.

Белорусское влияние на с.-в.-р. говоры.

§ **278.** С.-в.-р. наречие, слившись с ю.-в.-р. в один язык, подверглось влиянию со стороны ю.-в.-р.; это влияние выразилось в различных говорах в разной степени. Но еще раньше часть западных говоров с.-в.-р. наречия, именно, говоры псковские подверглись влиянию б.-р. языка. Черты, вызванные в этих говорах б.-р. влиянием, перечислены в § 93. Вероятно, б.-р. влиянием был вызван и переход начального **у** в редуцированное **у** и в **у** неслоговое, откуда потом во многих псковских говорах **в**: вбил, вдарил (=убил, ударил) и пр. По памятникам б.-р. влияние на псковские говоры можно проследить с XIV в.: уже в этом веке появляется в псковском говоре аканье (в памятниках—смешение „а" и „о", „е" и „я" безударных); кроме того, написание „ро" вместо „ре", сравнительно частое в псковских памятниках XIV и XV в.в., повидимому, указывает на другую черту, теперь отсутствующую в псковских говорах, — отвердение **р**. Воз-

можно, что здесь отразилась лишь западно-русская манера письма, подражание б.-р. писцам, а не черта живого говора писцов.

Южно-великорусское влияние на с.-в.-р. говоры.

§ **279.** Редукция неударяемых гласных. Во многих говорах, напр., в Тверской, Московской, Владимирской и поволжских губерниях (не везде) гласные нижнего и среднего подъёма **(а, о, е)**, а в некоторых случаях и гласные верхнего подъёма (по крайней мере **ы, и**) перешли в гласные неполного образования, при чем **о**, если не перешло раньше этого в **у**, во многих случаях утратило округлённый характер и совпало с **а** в том или другом звуке неполного образования; тот же звук получился и из **ы**, в том случае, если он подвергался редукции: стършына, лъшедей, выгнъли, устро́ивъть, этъму, жолудък, въгонять, въдавать и пр. (буквою „ъ“ обозначаю редуцированный звук); гласные звуки **е**, **а** и в некоторых случаях **о** после мягких совпали в одном редуцированном звуке, близком к **и**; тот же звук получился и из **и**, если он подвергался редукции: чьловек, дьсети, пьтухи, ировой, приньли, сьмена, ветьр, пьсаря и т. п. (жирным „ь“ обозначаю редуцированный звук). Конечное **о** частью перешло в **а**: многа, добръва и пр.

§ **280.** Аканье. Усвоение аканья с.-в.-р. говорами началось с самого начала в.-р. эпохи: уже от XIV в. дошли памятники, писанные в Москве и в других местах, со следами аканья, которые другими особенностями своего правописания указывают на с.-р. говор писцов. С того времени распространение аканья среди с.-в.-р. говоров продолжается непрерывно до настоящего времени, благодаря чему между ю.-в.-р. и чистыми, неакающими с.-в.-р. говорами образовалась широкая полоса переходных акающих говоров с с.-в.-р. основой. Хотя появление аканья в этих говорах относится к самым различным эпохам, от XIV до XX в., тем не менее в характере аканья этих „средне-великорусских“ говоров можно усмотреть некоторые общие черты: так, аканье во всех этих говорах недиссимилятивное, звук **а** является почти исключительно в 1-м предударном слоге; гласные звуки не 1-го предударного слога по большей части редуцированы.

Различия в характере аканья ср.-в.-р. говоров зависят, с одной стороны, от того, что аканье усваивалось разными с.-в.-р. говорами не одновременно, и в разные эпохи возникало при различных условиях, с другой стороны, от различного характера с.-в.-р. основы этих говоров и от различного характера аканья в самих ю.-в.-р. говорах, под влиянием которых развивалось аканье в переходных с.-в.-р. говорах.

Ср.-в.-р. аканье вызывалось и вызывается не органическими изменениями в образовании звуков, а подражанием ю.-в.-р. акающему произношению, при чем характер этого подражания зависит от характера звукового строя того с.-в.-р. говора, который усваивает такое подражательное аканье.

Самым старым типом ср.-в.-р. аканья, кажется, следует считать аканье с умеренным яканьем (см. §§ 91, 92). В говорах с таким аканьем гласные безударных слогов, кроме **у**, **й** и, частью, **ы**, и не в 1-м предударном слоге, заменились гласными редуцированными (ср. примеры в § 279), а в 1-м предударном слоге **а** оставалось без изменения, гласная **о** заменялась звуком **а**, а гласная **е** закрытое или сохранялось или заменялось звуком **и**. Первоначально умеренное яканье явилось, повидимому, в говорах, в которых **а** между мягкими перешло ранее в **е** (грязна, пятак, но в грези, пети). Гласная **ѣ** в 1-м предударном слоге в этих говорах перед твёрдыми, повидимому, произносилось, как **о** (гнёздо, сёдой, рёка и т. п.) или, как **е** открытое, которое заменялось через **а**. Таким образом, вместо старых вода, воды, давай, садить, сёло, вёсна, рёка или река (с **е** открытым), грязна, пятак, ве^{i}ди, ве^{i}лят, ме^{i}нять, бе^{i}ги, в гре^{i}зи, пе^{i}ти получились вада, вады, давай, садить, сяло, вясна, ряка, грязна, пятак, ве^{i}ди, ве^{i}лят, ме^{i}нять, бе^{i}ги, в гре^{i}зи или види, вилят, минять, биги, в гризи. Под влиянием этих говоров позднее аканье с умеренным яканьем могло являться и в тех говорах, в которых до появления аканья **а** между мягкими не переходило в **е**: в грязи, пяти, прядёт изменялись в гре^{i}зи, пе^{i}ти, пре^{i}дёт, чему способствовало то обстоятельство, что в других словах после мягких перед мягкими в 1-м предударном слоге звука **а** не было. Вследствие простоты самого принципа умеренного яканья, аканье с яканьем этого типа с течением времени получило большое распространение, вытесняя оканье из ряда с.-в.-р. говоров.

Повидимому, старым типом ср.-в.-р. аканья является также московское аканье с иканьем: гласные безударных слогов, кроме 1-го предударного, как и в других ср.-в.-р. говорах, заменились редуцированными гласными, а в 1-м предударном слоге гласные **о** и **а** после твёрдых совпали в одном звуке **а**, а гласные **а, о, е** после мягких—в одном звуке **е** закрытом **или и.** Можно думать, что иканье первоначально возникло в тех с.-в.-р. говорах, в которых безударное **а** после мягких перешло в **е** не только перед мягкими, но и перед твёрдыми (т.-е. произносилось не только—в грези, пети, но и грезна, петак), безударное **ѣ** произносилось во всех положениях как **е** закрытое (или, в некоторых положениях, как **и**), а на месте старых (**о.-сл.**) **е, ь** перед твёрдыми часто являлся звук **е.** Такие говоры существуют и в настоящее время, между прочим и там, где произношение **е** на месте старых **е, ь** перед твёрдыми нельзя объяснить влиянием переходных говоров. Московское аканье с иканьем было усвоено господствующими классами московского общества и потому получило широкое распространение среди чиновничества, торговых классов, мещан и др., между тем как среди крестьянского населения оно распространено гораздо меньше.

Позднее—другие типы ср.-в.-р. аканья: аканье с еканьем и с ассимилятивным яканьем.

§ **280**а. Появление безударного **а** вм. **и** в конце слова. Такое **а** отмечено в Касим. у. Ряз. губ. в окончаниях множ. ч. прош. врем.: даля, выпиля и пр., в им. мн.: дѣхькя, самя, и тв. мн.: рибятымя. Но ввиду того, что конечное **и** в падежных окончаниях ед. ч. в том же говоре не заменяется через **а,** а в им. мн. заменяется только в немногих словах, можно думать, что **а** здесь получилось не из **и.** Вероятно, в том с.-в.-р. говоре, к которому восходит данный говор, мн. ч. прош. вр. и им. мн. могли оканчиваться на **ѣ** (где **ѣ** нефонетически по аналогии с основами на мягкие), а тв. мн.—на **мя.**

§ **281.** Неполное аканье. В усвоении аканья с.-в.-р. говорами можно наблюдать известную постепенность. В настоящее время существуют говоры, в которых предударные **о** и **а** после твёрдых или предударные старые **е, ѣ, а** после мягких совпали не во всех случаях (см. §§ 92 и 92а), и

можно думать, что подобные стадии проходили и некоторые из тех ср.-в.-р. говоров, в которых теперь аканье усвоено вполне.

§ **282.** Утрата цоканья. Возможно, что среди с.-в.-р. говоров есть и такие, которые никогда не цокали. Тем не менее, утрата цоканья во многих с.-в.-р. говорах, в которых цоканье раньше несомненно было, идёт не от этих нецокавших говоров, а от ю.-в.-р. наречия. Собственно говоря, утрата цоканья не фонетический процесс, так как заключается в усвоении ряда слов в нецокающем произношении, а не в изменении звуков самих по себе или в известном фонетическом положении. Поэтому при возникновении в каком-нибудь говоре тенденции к устранению цоканья может возникнуть смешение звуков **ц** и **ч**: появляются оба звука, но произносится **ч** на месте этимологического **ц** и наоборот: чарь, черковь, курича, молодечь, цай, цорный, цасто, пец и т. п.; постепенно такое смешение заменяется этимологически правильным различением звуков **ц** и **ч**, но некоторые слова с цокающим произношением могут остаться; таковы, напр., в западных говорах деепричастия на **-цы:** пришотцы, ушотцы (этимологически здесь должно быть **чи** из **дши**: пришедши и пр.); такого же происхождения, быть может, московское „цапля", ср. ю.-в.-р. „чапля".

§ **283.** Появление **ч** твёрдого. Хотя в ю.-в.-р. **ч** мягко, тем не менее, появление **ч** твёрдого в ю.-в.-р. говорах может быть объяснено именно ю.-в.-р. влиянием. **ч** твёрдое является в с.-в.-р. ранее цокавших говорах вследствие того, что в этих говорах нет ни мягких шипящих, ни мягких аффрикат, а потому **ч** другого говора усваивается в виде **ч** твёрдого. Такое **ч** твёрдое известно теперь говорам западной группы, нецокающим и цокающим говорам Вятской, Костромской, поволжских и др. губ. В ср.-в.-р. говорах **ч** твёрдое редко.

В. Явления южно-великорусские.

§ **284.** Изменения в характере аканья. К ю.-в.-р. изменениям в характере аканья относится образование недиссимилятивного аканья и ю.-в.-р. типов диссимилятивного (Задонского, Обоянского, Суджанского и Донского), сильного

и ассимилятивно-диссимилятивного яканья (см. выше §§ 91, 227, 228).

Позднее в части ю.-в.-р. говоров возникло умеренное яканье (при недиссимилятивном аканье). Можно думать, что умеренное аканье в ю.-в.-р. говорах вызвано позднейшим влиянием ср.-в.-р. говоров, так как оно распространено главным образом в таких говорах, в которых мы находим и другие черты, объяснимые ср.-в.-р. влиянием.

Вследствие неполного усвоения умеренного яканья возникли переходные типы яканья от чисто диссимилятивного к умеренному (см. § 91).

§ **285.** Появление окончания **-у́я** и **-аю** в вин. ед. ж. р. прилагат. Окончание **-ую** в вин. ед. ж. р. прилагат. изменилось в ю.-в.-р. в **-у́я** под ударением и **-аю** без ударения, вероятно, в силу диссимиляции гласных: зилянуя, такуя, добраю (**а** в окончании **-аю** редуцировано). В 1 ед. глаголов— талкую, гарюю и пр.—окончание **-ую** сохранилось без изменения, быть может, по каким-нибудь нефонетическим причинам (напр., по аналогии с окончаниями -аю, -ею и -у, усиленной существованием окончания -уя в 3 ед.: он талкуя, гарюя).

§ **286.** Изменения безударных **ы, и**. Неударяемые **ы, и** во многих говорах не в 1-м предударном слоге подверглись редукции и в настоящее время сохраняются, как редуцированные гласные звуки среднего и переднесреднего подъёма, а при известной интонации переходят в **а**: им. мн.—добраи, белаи (=добрые, белые), вабирать (=выбирать), пробал, вымал, вырал, выпял, барян (пробыл, вырыл, вымыл, выпил, барин). Но конечные **ы, и** переходят в **а** (при известной интонации) только в частичных словах, в которых они подверглись редукции еще в о.-р. эпоху: штоба, как ба, што ля и т. п. Ср. в с.-в.-р. говорах не только **ли**, но и **ле**. Окончание **а** в 3 ед. глаголов 2 спр. без ударения: ходя, возя—могло возникнуть и по аналогии с 3 ед. глаголов 1 спр.: пиша, зная.

В некоторых положениях (после слога с **у** и между округлёнными согласными) **ы** в некоторых говорах изменилось в **у**: мужуки, пузурёк, умуваться.

§ **287.** Изменения неударяемых **а, о** не в 1-м предударном слоге. Редуцированный гласный звук.

получившийся в ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. из старых **а, о** не в 1-м предударном слоге, вообще в ю.-в.-р. сохранился, как редуцированный гласный звук, изменяющийся при известной интонации в **а**: выдал, сена, места и пр., но в положении после твёрдых губных и задненёбных или перед твёрдыми губными и задненёбными диалектически изменился в **у**: кумара, сумавар, тупара, супаги и пр.

§ 288. Появление **в** (w) перед **о** и **у**. В западных и южных говорах ю.-в.-р. наречия перед начальными **у** и **о** (т.-е. тем **о**, которое восходит к о.-р. **о** под „нисходящим" ударением, так как перед начальным **о** с „восходящим" ударением ещё раньше развивалось **у** неслоговое, откуда во всём в.-р. **в** или w) развилось **в** (w) или **у** неслоговое: вугла́, вумерла́, во́коло, воба, возера, восень и пр.; в рязанских и северных говорах этого **в** нет.

§ 289. Изменение **к** твердого в **к** мягкое после мягких неслоговых. Переход **к** твердого в **к** мягкое после мягких неслоговых—Ванькя, ретькя, с угалькя, ручейкём, чайкю, хозяйкя и пр. — общий всему ю.-в.-р. наречию. На западе говоры с твёрдым **к** после мягких неслоговых должны рассматриваться, как б.-р.; на севере говоры с твёрдым **к** или указывают этим самым на с.-в.-р. основу или восстановили твёрдое **к** под влиянием московского говора. После **ч**, как после мягкого согласного звука, в бо́льшей части ю.-в.-р. говоров **к** твёрдое правильно изменилось в **к** мягкое: дочкя, де́вочкя, уточкя, молочкё и пр., но в некоторых западных говорах в этом положении сохраняется **к** твёрдое: дочка, хотя **ч** и звучит мягко. Относительно части таких говоров можно думать, что они по своему происхождению б.-р. и что **ч** в них раньше было твёрдо. Но признанию всех таких говоров б.-р.-ими по происхождению мешает наличие твёрдого **к** после **ч** в говорах с яканьем обоянского типа, которое не могло развиться на б.-р. почве. Что касается звуков **х**, γ после мягких, то они, кажется, остаются без изменения: Ольγа, с верьху. Произношение деньгими с мягким γ могло быть вызвано и нефонетическими причинами, ср. в тех же говорах: за уткими, где перед **k** мягким—твёрдая согласная.

Московское влияние на ю.-в.-р. говоры.

§ **290.** Вследствие того, что московский говор сделался языком наиболее культурных классов в.-р. населения и языком государственным, особенности этого говора, который и сам по происхождению является переходным говором, с.-в.-р. по своей основе, с ю.-в.-р. наслоениями, стали усваиваться и ю.-в.-р. говорами. Таким образом, в направлении влияния произошла перемена: ю.-в.-р. влияние на с.-в.-р. говоры сменилось московским влиянием и на с.-в.-р. и на ю.-в.-р. говоры. В ю.-в.-р. области московское влияние сказывается главным образом в говорах населения более культурных центров: городов, торговых местечек и пр., там, где более развиты отхожие промыслы, и, вообще, там, где население больше затронуто городской культурой. К чертам, вызванным московским влиянием, относятся следующие.

1. § **291**. Аканье с иканьем, приблизительно, таким же, как в Москве. Оно распространено главным образом среди городского населения и торговцев.

Возможно, что московским же влиянием вызвано и появление умеренного яканья. В таком случае и возникновение переходных типов яканья в конце концов восходит к московскому влиянию.

2. § **292.** Появление **в** в окончании род. ед. муж. и ср. р. прилагат. и местоимений: добрава, злова, каво, всяво и пр. Хотя формы род. ед. с **в** и очень распространены в ю.-в.-р., но сохранение γ в этой форме в наименее подверженных московскому влиянию говорах в разных частях ю.-в.-р. области позволяет думать, что **в** в этих формах явилось в ю.-в.-р. не органически, а заимствовано из московского говора. Собственно говоря, в этом случае мы имеем заимствование не фонетической черты, а грамматической формы.

3. § **293.** Тоже нефонетическим является появление **ф** во многих ю.-в.-р. говорах в собственных именах и других заимствованных словах вместо **хв:** Фёдор, Филип, Фама, фанарь и пр. Такое **ф** является главным образом в тех говорах, в которых звук **ф** уже ранее известен на месте старого **в** в конце слова и перед глухими. В говорах, более изолированных от московского влияния, сохраняется **хв**.

4. § **294.** Появление **о** в род., вин. ед. ж. р. местоимений её, таё, самаё, однаё и пр., это - нефонетическое заимствование грамматической формы; в более архаичных говорах сохраняется **е**: ее́, тае́, самае́, однае́ и пр.

Быть может, нефонетически, как заимствование из московского, является в ю.-в.-р. и **о** перед шипящими: идёш, дёшево, лепёшка и т. п.

5. § **295.** Повидимому, московским влиянием в некоторых ю.-в.-р. говорах Калужской и зап. части Тульской губ. вызван переход в **в** и **ф** того **у**, которое являлось в этих говорах из о.-р. **въ**,**вь**, так как первоначально **в** и **ф** из этих сочетаний получались только в восточных ю.-в.-р. говорах, а в западных говорах, к каким принадлежат говоры Калужской и западной части Тульской губ., те же сочетания дали **у** слоговое и неслоговое. Мы можем приблизительно установить и время этого перехода. Так, в части Калужской губ. границей между говорами с **у** вместо **в** и говорами, в которых это **у** заменилось звуками **в** и **ф**, является река Угра. Очевидно, временем перехода **у** в **в** и **ф** является то время, когда Угра была границей между говорами, подвергавшимися московскому влиянию, и говорами, не подвергавшимися этому влиянию, а такой эпохой был XV в., когда Угра была границей между Московским и Литовским государствами. В других говорах подобное изменение могло быть и позднее.

VI. Малорусско-белорусские явления.

§ **296.** Помимо черт, общих м.-р. языку с ю.-б.-р. говорами, возникших в древнейшую эпоху, когда говоры, составившие позднее м.-р. язык и ю.-б.-р. наречие б.-р. языка, были объединены в одном южнорусском наречии, б.-р. и м.-р. язык представляют ряд особенностей, общих обоим языкам в их целом и указывающих на существование особой эпохи белорусско-малорусского единства, наставшей после эпохи существования южнорусского, севернорусского и восточнорусского наречий и предшествовавшей эпохе независимого существования б.-р. и м.-р. языков. Явления, возникшие в эту эпоху, следующие:

§ **297.** Судьба **ы, и** редуцированных в сильном положении. О.-р. **ы** редуцированное сильное сохранилось, как **ы** в б.-р. и тех м.-р. (карпатских и с.-м.-р.) говорах, где **ы** вообше не изменилось в **и** (м.-р. буква), в остальных м.-р. говорах изменилось в **и** (м.-р. буква), как и всякое другое **ы**: б.-р. мыю, выю, рыю, крыю, помыйки, злый, сляпый и пр., после **г, к, х—и:** другий, такий и пр., м.-р. мию, вию, рию, зли, сліпи, такий и пр.; **и** редуцированное в глаголах сохранилось в б.-р., как **и**, изменившееся после шипящих и **р** в **ы**, а в м.-р. в большей части говоров, как и всякое другое **и** изменилось в **и** (м.-р. буква): б.-р. бий, вийся, лий, напийся, брыюсь (бреюсь), пашый (шей); такое же **ы** в шыя (шея); м.-р. бий, вий, лий, пий, ший, шия и пр. Но в окончании **ий** (из более старых **ий** или **ийи** с **и** кратким или **ийь**) в имен. ед. и род. мн. существ. **и** в б.-р. **и и** (м.-р. буква) в м.-р. получились везде только без ударения: б.-р. коний, гроший, Юрый, м.-р. коний, гроший, Юрий и пр.; под ударением же **и** в б.-р. и в м.-р. обыкновенно **е**: б.-р. салавей, вирабей, змей, гасцей, людзей, свиней, гусей, каней и пр., м.-р. соловей, змей, иней, річей, ночей, дверей, дней, свиней и пр., хотя в м.-р. встречается и **-ий** или **-ій**: соловій, гусий, и пр. Повидимому, в этих случаях уже в о.-р. могло быть **-ьй** которое могло восходить еще к о.-сл. **ьи** (**ьйи** с **и** кратким или **ьйь**), ср. срб. змај, Јурај. Об **е** вместо **ы** перед **й** в сев.-вост. б.-р. говорах см. ниже § 305.

§ **298.** Изменения **ръ, рь, лъ, ль** между согласными. В этих сочетаниях в 1-м слоге слова, а иногда и в других слогах в б.-р. и м.-р. на месте гласных **ъ, ь** слабых явились гласные **ы, и**, в большинстве м.-р. говоров, впоследствии совпавшие в одном звуке **и** (м.-р. буква). Появление их можно объяснять так. В эпоху выпадения **ъ, ь** слабых эти гласные выпадали и после плавных, которые затем, оказавшись в положении между согласными, могли становиться слоговыми. После таких слоговых плавных развивался переходный гласный звук, переходивший затем в **ы** после твёрдых плавных и в **и** после мягких плавных, при чем сами плавные становились неслоговыми. Примеры: б.-р. слиза, слизы, блыха, блыхи, проглынула, клычиць, дрыжаць, крыви, крывавый, крышиць, чернобрывый, грымець, хрысцыць и др., м.-р.

слиза, слизити, блиха, глитати, дрижати, криви, кривавий, кришити, тримати, криниця, чорнобривий, гриміти, дрива и др.; не в 1-м слоге слова б.-р. яблычка, м.-р. карпат. яблыко, завтричка. Диалектически в м.-р., именно, в гуцульских и карпатских говорах после выпадения **ъ, ь** слабых после плавных и перехода плавных в слоговые переходный гласный звук развивался не после плавных, а перед плавными: кирвавий, кирниця или кырвавый, кырница, гырміти, дырва, сылза и пр. В каких-то случаях плавные после выпадения **ъ, ь** слабых не становились слоговыми, а или сохранились, как неслоговые, или выпали: м.-р. хрстити, крвави с **р** неслоговым и кстити, срібний (серебряный), ябко (яблоко), б.-р. крвавый, трваць, дрвиць, хрсциць с **р** неслоговым и ксциць, ксцины, ксту (кресту) дат. ед. и др. В ю.-р. и зап.-р. памятниках написания с „ы" после плавных в подобных случаях попадаются уже с XIII в.: ıаблыко Житие Савы Освящ. XIII в., съдрыганиıа ю.-р. Архивская Лествица XIII в., скрыжетъ ю.-р. Луцкое Ев. XIV в., дрыжаху, крывава и др. зап.-р. Четья 1489 г. и др.

§ **299.** Переход γ в **h**. Переход γ, получившегося в ю.-р. и вост.-р. из о.-р. **г**, в придыхание **h**, повидимому, общий м.-р. с б.-р., хотя, может быть, в некоторых б.-р. и м.-р. говорах сохраняется и γ. Надо заметить, что даже лучшие наблюдатели часто не отличают γ от **h**, обозначая оба звука одинаково, а потому трудно сказать, насколько распространено в б.-р. и м.-р. произношение γ при обычном **h**. О времени этого перехода ничего сказать нельзя. Буква „h" в галицких латинских грамотах могла обозначать как придыхание, так и звонкий фрикативный согласный звук γ.

§ **300.** Изменения сочетаний согласных с **j**. Сочетания согласных нёбнозубных с **j**, получившиеся вследствие выпадения **и** редуцированного слабого или **ь** между согласной и **й**, перешли в долгие нёбнозубные, при чем эти долгие согласные являются мягкими, кроме шипящих и **р** (в тех говорах, где шипящие и **р** вообще отвердели): м.-р. зілля, весілля, коріння, каміння, льляти (лить), суддя, браття, гряззю, волосся, пірря, звірря (в говорах с мягким **р**), збіжжя, подружжя, нiччю и збижжа, подружжа, нiччу и др., б.-р. соллю (сольлю), вясельля, карэньня, судьдзя, свиння, плацьця,

валосься, перра, ружжо, зацишша (затишье), ноччу и др. Впрочем, сочетание **рj** в бо́льшей части говоров, главным образом, там, где **р** отвердело, не изменялось в **р** долгое, а сохранилось без изменения: б.-р. перъя, падворъя, ма́церъю, и пр., м.-р. пірйа, звірйа и пр. Сочетания губных с **j** только в части говоров изменились в долгие губные мягкие: б.-р. рыббя, вираббём, любоввю и пр., вообще же сохранились без изменения: б.-р. вярабъём, пярапъём, здаровъя, симъя, бъюць, выпъим, пъяный и пр., м.-р. сімйа, соловйа, пйє, бйєцця и пр. Сочетание шипящей аффрикаты **ч** с **j** изменилось в аффрикату **ч** с долгим затвором: б.-р. ноччу, клочча, сучча и пр., м.-р. ніччю, обличчя, птиччя и пр.; в б.-р. перешли в свистящие аффрикаты с долгим затвором и мягкие **д**, **т** долгие из сочетаний **дj**, **тj**: судьдзя, плацьця и пр. В сочетаниях группы согласных с **j** это **j** выпало: б.-р. щасця, воуча, м.-р. щастя или щастє, вовча и пр. Позднее в части м.-р. и б.-р. говоров долгие согласные, получившиеся из сочетаний согласных с **j**, сократились: б.-р. диалектич. вяселя, судзя, плаця и пр., зап.-м.-р. весілє, свиня, житє, судя и пр. В памятниках достоверные указания на это явление в виде написания двух одинаковых согласных вместо сочетания согласной с „ь“ или „и“ не раньше XIV в.: осуженню Ев. Верковича XIV в., печаттю Киевская запись 1510 г. и др.; на то же явление может указывать и написание одной согласной с пропуском „ь“: от терьня ю.-р. Путенское Ев. XIV в., братя зап.-р. грам. 1405 г. и др.

§ 301. Отвердение **р** мягкого. Звук **р** мягкое отвердел в б.-р. и значительной части м.-р. говоров. Нынешнее **р** мягкое в вост.-б.-р. говорах, вероятно, вызвано ю.-в.-р. влиянием, так что можно думать, что раньше **р** мягкое не было известно во всей б.-р. области. На это указывают сохраняющиеся на крайнем востоке б.-р. территории, в говорах, носящих характер почти чистых ю.-в.-р. (в вост. части Калужской г.), отдельные слова с **р** твёрдым вместо мягкого: пираезд, рашато, пирапутья и т. п. Объяснять их заимствованием из б.-р. я не вижу достаточных оснований и думаю, что это—остатки старого произношения с твёрдым **р**, утраченного под ю.-в.-р. влиянием. В памятниках отвердение **р** выразилось в написаниях „ра“, „ру“, „ры“, „ръ“ и, вероятно,

„ро“ вместо „ря“, „рю“, „ри“, „рь“, „ре“; в зап.-р. памятниках такие написания появляются с конца XIV в.: сентебра грам. 1395 г., терать. грам. 1398 г., прегразным, трох, трома Сборн. XV в. Публ. Б-ки, разаньскыи, браньскы, цръ, вихромь, трызноу Летоп. Авраамки XV в. и т. п. В м.-р. теперь только твёрдое **р** является в с.-м.-р. говорах, где это можно бы объяснять и б.-р. влиянием, а также в зап.-украинских и галицких говорах; мягкое **р** сохранилось в вост.-украинских, карпатских и гуцульских говорах.

Примечание. Акад. А. А. Шахматов объясняет отвердение **р** мягкого в б.-р. тем, что в составе б.-р. народа было какое-то обрусевшее польское племя, изменившее русское **р** мягкое в **р** твёрдое вследствие отсутствия **р** мягкого в польском. М.-р. же диалектическое отвердение **р** мягкого, по его мнению, не стоит в связи с утратой **р** мягкого, в б.-р. и возникло независимо. Мне, однако, кажется, что у нас нет достаточных данных отделять м.-р. отвердение **р** от б.-р., тем более, что территории б.-р. языка и м.-р. говоров с твёрдым **р** соприкасаются.

VII. История звуков б.-р. языка.

§ **302.** Отношение б.-р. языка к другим русским языкам. Почти все особенности б.-р. языка общи б.-р. языку или с в.-р. говорами или с м.-р. и развились или раньше эпохи малорусско-белорусского единства (таковы аканье сев.-вост. б.-р. говоров и, может быть, дзеканье в них же) или в эпоху этого единства (все черты, сближающие б.-р. язык с м.-р. и рассмотренные в предыдущей главе, §§ 296—301). Даже наиболее характерные черты б.-р. языка— дзеканье и твёрдое **р** — общи б.-р. языку: первая с рядом с.-в.-р. говоров, вторая с значительной частью м.-р. говоров.

В то же время различия, существующие в настоящее время между сев.-вост. и ю.-зап. б.-р. говорами, позволяют выделить составные элементы б.-р. языка: северные говоры и до сих пор сохраняют некоторые с.-р. черты, южные представляют бо́льшее сходство с м.-р. языком, чем остальные.

По памятникам мы можем проследить, что наиболее характерная с.-р. черта — цоканье — было известно ещё в

XIII в. Смоленскому и Полоцкому (Полоцк, теперь Витебской губ.) говорам, но после в смоленских и полоцких памятниках она исчезает. Можно думать, что с.-р. говоры, войдя не позже XIII в. в состав зап.-р. наречия (откуда позднее — б.-р. язык), подверглись влиянию каких-то других говоров того же наречия и мало-по-малу утратили цоканье, сохранившееся только на Севере.

С другой стороны, ю.-р. черты ю.-б.-р. говоров позволяют делать предположение, что они — потомки ю.-р. говоров, вошедших в состав зап.-р. наречия (б.-р. языка).

В то же время мы видим, что с объединением части с.-р. и ю.-р. говоров в одном зап.-р. наречии северные говоры утрачивают в этом наречии с.-р. черты, а южные тоже претерпевают изменения, вызванные влиянием каких-то других говоров. Если принять во внимание, что вместе с утратой с.-р. черт северными говорами и аналогичными изменениями южных говоров в б.-р. появляются черты, сближающие его с ю.-в.-р. наречием: аканье, изменение **ѣ** в **е**, отвердение **ц**, то можно прийти к выводу, что зап.-р. наречие в целом или в господствующей своей части, уже отделившись от говоров, с которыми раньше стояло в ближайшем родстве, переживало эпоху единства с говорами, образовавшими позднее ю.-в.-р. наречие, или, что в состав зап.-р. наречия вошли, кроме с.-р. и ю.-р. говоров, какие-то говоры, родственные с говорами, образовавшими ю.-в.-р. наречие, которые заняли в зап.-р. наречии господствующее положение.

Благодаря тому, что белоруссы и малоруссы долгое время входили в состав одного литовско-русского государства, в языке того и другого народа развились некоторые общие черты, названные выше.

Вместе с тем, на б.-р. почве возникли некоторые другие явления, свойственные одному б.-р. языку. Таких явлений немного; часть их, может быть, относится еще к диалектическим явлениям эпохи белорусско-малорусского единства, если не раньше, часть несомненно возникла после распадения литовско-русского государства. К первым, повидимому, относятся изменения в характере аканья сев.-вост. б.-р. говоров (см. § 303) и, может быть, некоторые другие явления, ко вторым—усвоение аканья ю.-зап. б.-р. говорами (см. § 304)

и другие черты, сближающие ю.-зап. б.-р. говоры с сев.-вост. и отличающие их от с.-м.-р., а также некоторые черты, вызванные в.-р. влиянием.

Белорусское аканье.

§ **303.** Изменения в характере аканья, явившиеся в сев.-вост. б.-р. говорах. Первоначальное аканье, возникшее в тех говорах, из которых потом образовалось ю.-в.-р. и сев.-вост. б.-р. наречия, затем в сев.-вост. б.-р. говорах после их отделения от ю.-в.-р. изменилось в диссимилятивное аканье с яканьем б.-р. типа (см. §§ 92 $_{1,2}$, 226 — 228). Ещё позднее, под влиянием ю.-в.-р. говоров с другими типами диссимилятивного аканья и яканья, в некоторых сев. и вост. б.-р. говорах возник новый тип диссимилятивного яканья, почти тожественный с суджанским типом яканья ю.-в.-р. говоров: в первом предударном слоге после мягких явилось **и** перед слогом **с а и а** перед слогом с гласными верхнего подъёма, а перед слогом с гласными **о, є** разного происхождения (в том числе и **е** из **ѣ**) явилось **а** перед твёрдыми и **и** перед мягкими неслоговыми звуками. Такой тип яканья существует между прочим в Витебской г. и Мосальском у. Калужской губ.

§ **304.** Возникновение аканья в ю.-зап. б.-р. говорах. Сближение сев.-вост. б.-р. говоров с той частью ю.-р. говоров, которые позднее образовали ю.-зап. наречие б.-р. языка, то сближение, результатом которого было образование б.-р. языка, вызвало распространение аканья и на ю.-зап. б.-р. говоры. Так как аканье возникло в этих последних не органически, а явилось в силу подражания аканью сев.-вост. б.-р. говоров, то и самый характер аканья здесь несколько иной: **а** является на месте всяких неударяемых **а, о, е, ѣ** не только в 1-м предударном слоге, но и в других предударных слогах; после ударения или тоже является **а**, или сохраняются старые неударяемые **о, е**. Усвоение аканья именно в таком виде объясняется 1) тем, что в сев.-вост. б.-р. гласным **о, е** ю.-р. говоров в большинстве случаев в **1-м** предударном слоге соответствовал именно звук **а**; звуки **ы** и **и** являлись гораздо реже; 2) тем, что в ю.-р. говорах заметной разницы в произношении гласных звуков различных

неударяемых слогов нет, а потому замена звуков **о, е** звуком **а** в 1-м предударном слоге вызывала такую же замену и в других предударных слогах. В ту эпоху, когда аканье проникало в ю.-б.-р. говоры, в ю.-р. уже произошло изменение гласных **о, е** в новых закрытых слогах в дифтонги **уо, ие.** В северных говорах ю.-р. наречия, вошедших затем в состав б.-р. языка, в положении без ударения дифтонг **ие** разного происхождения изменялся в **е,** а дифтонг **уо** в предударных слогах в **о,** а после ударения частью в **о,** частью, повидимому, в **у.** При усвоении аканья неударяемые **е** и **о** из дифтонгов имели ту же судьбу, что и остальные **о, е,** но безударное **у** из дифтонга **уо** должно было сохраниться, как **у,** так как изменению в **а** подвергались только неударяемые **о** и **е**: у чыстум, у цёмнум, у вяликуй, грушкуй и пр., но возам тв. ед. (в тв. ед. существит. о.-р. язык имел некогда окончание -ъмь).

В зап.-р. памятниках ошибки в правописании, отражающие акающее произношение писцов, начинают попадаться с XV в. Так, в Минее Четьей 1489 г.: багатьство, подабаеть, моланья, агиптяны, вясло и др., в грамоте 1478 г.: да освецоного короля, за абою сторонѣ, стаить и др.

Остальные чисто-белорусские явления.

§ **305.** Изменение **ы,** редуцированного в **е** или **ӧ**. Это изменение явилось только в некоторых сев.-вост. б.-р. говорах: сляпэй, мэю или мӧю и пр.

§ **306.** Судьба дифтонгов из о.-р. **о, е, ѣ** в ю.-зап. б.-р. говорах. Ю.-р. говоры, образовавшие ю.-зап. наречие б.-р. языка, имели первоначально дифтонги на месте о.-р. **о, е** в новых закрытых слогах и **ѣ**, звучавшие, приблизительно, как **уо, ӱӧ** и **ие**. Эти дифтонги сохранились только в части ю.-зап. б.-р. говоров; в небольшой части тех же говоров дифтонг **уо** вместо **о** стал произноситься и на месте старого **о** и даже **ъ** и в открытых слогах, иногда только по соседству с губными и задненёбными, иногда и в других положениях. В остальных ю.-зап. б.-р. говорах дифтонги из старых **о, е, ѣ** были утрачены и заменены гласными **о, е.**

§ **307.** Общебелорусские черты: дзеканье, отвердение **р**, отвердение **ц**, отвердение шипящих и др., как общие б.-р. языку с другими русскими языками, рассмотрены раньше.

Южновеликорусское влияние на б.-р. говоры.

§ **308.** С распадением литовского государства взаимоотношение между б.-р. и другими русскими языками изменилось. Вост.-белорусские области раньше других вошли в состав в.-р. Московского государства, а потому подверглись более сильному ю.-в.-р. влиянию, чем области более западные. Влиянием этим вызваны между прочим следующие явления.

1. § **309.** Изменения в характере аканья. См. § 303.

2. § **310.** Утрата дзеканья. Дзеканье в большей части говоров Калужской губ., в вост. части Смоленской и в б.-р. части Орловской губ. или утрачено вовсе, или близко к утрате.

3. § **311.** Восстановление мягкого **р**. В говорах, подвергшихся более сильному влиянию ю.-в.-р. наречия, **р** твёрдое вместо этимологического **р** мягкого сохраняется лишь в немногих словах, а вообще **р** твёрдое и **р** мягкое различаются этимологически правильно; в говорах, где это влияние слабее, получилось смешение **р** твёрдого и **р** мягкого: прявда, гряница, крясивый, гразь, пирапёлка и т. п. Как фонетическое явление можно рассматривать только самое появление **р** мягкого; восстановление же его в тех или других словах—явление нефонетическое и представляет простое заимствование слов с произношением **р** мягкого из ю.-в.-р.

VIII. История звуков малорусского языка.

§ **312.** Судьба дифтонгов **уо, ӱӧ, ие.** Названные дифтонги, получившиеся еще в ю.-р. наречии из о.-р. **о, е** в новых закрытых слогах и **ѣ** (см. § 230), в части с.-м.-р. говоров под ударением отразились в виде гласных смешанной артикуляции типа **уо, ӱӧ, ӱе, іе** или **уы, ӱі** (**уо, ӱо** и пр.— один

звук, начинающийся с **у**, **ŭ** и пр. и постепенно переходящий в **о**, **ŏ** и пр.), а без ударения по б. ч. совпали с **о**,**е** из старых **о**,**е** в открытых слогах: война́, родни́, ночни́, мегла́, сельце́, семја́ (стар. сѣмья), ве́чор, чо̀бот, я́годка, ра́дость, по̀пел, ле́бедь, о̀сень и пр.; но в предлогах и после ударения в некоторых морфологических категориях встречается и **у**: пуд но̀ги, у чи́стум по̀лі и др.

В остальных м.-р. говорах дифтонги как без ударения, так и под ударением перешли в простые гласные, при чем заместителем старого **уо** является в ю.-м.-р., у лемков (по большей части) и в части закарпатских говоров звук **і**, а в части с.-м.-р. и карпатских говоров звуки **у**, **ŭ**, **ŏ**, **е**, **и** (м.-р. буква), **ы**; заместителями **ŭŏ** — те же звуки (но в с.-м.-р. и карпатских чаще **у**, **ŭ**) и заместителем **ие** почти везде **і** со смягчением предшествующей согласной. В с.-м.-р. и северной части украинских говоров **у**, **ŭ**, **і** и т. п. из дифтонгов являются только под ударением, а без ударения произносятся по б. ч. **о**,**е**, как и в открытых слогах. Эта черта указывает на ближайшую связь в прошлом сев.-украинских говоров с с.-м.-р.

В памятниках переход дифтонгов в простые гласные (монофтонги) засвидетельствован написаниями „у“, „ю“, „и“ вместо „о“, „е“, а переход **ие** в **і** также смешением букв „е“ и „ѣ“ с „и“. Древнейшие достоверные примеры написания „у“, „ю“ вместо „о“, „е“ в таких случаях — XIV в.: друздъ, унукумъ—галицкая грам. 1359 г., добровульно, у шюльжичювъ—грам. 1366 г., по божьюмъ—грам. 1378 г. и др.; „и“ вместо „о“, „е“ для обозначения **і** из дифтонгов **уо**, **ŭŏ** появляются значительно позже. А. Е. Крымский в грамотах XV в. нашел единственный пример такого написания: на иткилѣ (=відкіля „откуда“)—в Буковинской грам. 1436 г., но в XVI в. эти написания уже не редки: в описях некоторых замков по Днепру 1552 г.: гакивница, сторуживъ (=сторожів „сторожей“ род. мн.) и др., в Урбаре: двѣ сорокивци (сороковки), збѣжжа (=збіжжа) и др. Смешение „ѣ“ с „и“, указывающее на переход **ие** в **і**, появляется раньше: достоверные примеры такого смешения встречаются уже в памятниках XIV в., напр., в Путенском Ев.: нестроинья, крѣнъ сильныхъ (=кринъ сельныхъ) и др.; в грамотах XV в. такое

смешение уже довольно часто: в молдавской грам. 1421 г.: мисто, имиет, вири, есмо, привисили и т. п.[1])

§ **312**а. Появление **і** вместо безударного **у**. Во многих ю.-м.-р. говорах **і** без ударения иногда является не только на месте ю.-р. дифтонгов **уо, üö, ие,** но и на месте старого **у,** напр., в таких словах, как заміж, діброва, мабіть, гірок (=замуж, дуброва, мабути, огурок, т.-е. огурец), в с.-м.-р. и сев.-укр. говорах неударяемое **у** в таких случаях сохранятся. Такое **і** в ю.-м.-р. могло получиться в результате изменения **уо,** а последнее могло явиться вместо **у** нефонетически в ту эпоху, когда **уо** из старого **о** еще не подверглось дальнейшим изменениям. Возможно, что без ударения такое **уо** могло чередоваться с **у**, и по аналогии с этим чередованием в таких случаях, как **на́ дуом** и **на́ дум** появилось чередованием **за́ муож** и **за́муж**. В слове **гірок** вм. **огурок**, как заимствованном из польского яз., можно видеть также антиполонизм, замену польского звука соответствующим своим, ср. м.-р. дяку́ю из польск. dziękuję.

§ **313.** Изменение гласных **е, ӧ, и.** Гласные **е,** ӧ (из старых **е, ь**), **и** не после **j** в м.-р. стали менее передними гласными. Это изменение стояло в связи с отвердением согласных перед этими гласными и происходило ранее диалектического перехода дифтонга **ие** в **і**. При этом гласная ӧ утрачивала округлённый характер и таким образом совпала с **е**: ср. нынешн. м.-р. пес, береза, зеленый, несла, село. Что касается ӧ после шипящих, то такое ӧ еще раньше, быть может, еще в о.-р. эпоху изменилось в **о**, ср. нынешн. м.-р. чоловік, вчора, пшоно, шостий, жонатий, жолудь, шчока и пр. Но в некоторых случаях ӧ (из старых **е или ь**) изменилось в **о** с сохранением мягкости предшествующего согласного звука: льон, сльози, сьомий, тьомний; повидимому, в этих словах сохранилась мягкая согласная под влиянием форм льна, сльза, тьма, сіем, и это сохранение мягкой согласной помешало звуку ӧ́ измениться в **е** менее переднее.

---

[1]) Некоторые ученые, как, напр. А. Е. Крымский (Украинская грамматика I. 206а сл.) приводят примеры смешения „ѣ" с „и" в ю.-р. церковных памятниках XII в. Но бо́льшая часть этих примеров или описки, или представляют правильное старое правописание (т.-е. представляют „и" на месте старого, о. р. і).

§ **314.** Переход **е** (ä) **в а**. Конечное **е** (быть может, еще о.-р. ä) после j в бо̀льшей части м.-р. говоров кроме галицких и б. ч. с.-м.-р., перешло в **а**: зїлля, весїлля, життя, клочча, колосся, подвіррйа, насїння (подсолнухи) и т. п. (здесь долгие мягкие согласные — из сочетаний согласных с j: зелье и пр.); в галицких и с.-м.-р. говорах обыкновенно в этом окончании является **е**: житє, весїлє и пр.; сочетание **jе** после гласных не перешло в **jа**: моє, доброє и добреє, может быть, потому, что в то время, когда **е** после **j** изменялось в **ä**, между гласными являлось не **j**, а **й**. Древнейшие примеры написания „я“ вместо „е“ в конце слова, указывающие на переход **jе** (jä) в **jа**, относятся к XIII в.: за оумножѣнья Ев. 1283 г., Типогр. Ев. № 5, XIII в., ослоушанія наше Житие Савы XIII в. и др.

Не в конце слова **е** (вероятно, уже о.-р. ä) переходило в **а** после **j** и шипящих перед мягкими, но затем, повидимому, нефонетически это **а** заменялось звуком **е** и сохранилось лишь в отдельных словах и то не повсеместно: щапити, печариця, залїзний (железный), ялина, ялиця (ель), часник (чеснок), пшаниця и др.

§ **315.** Совпадение **ы и и**. Звуки **ы** и **и** старые совпали в одном звуке в ю.-м.-р. и части с.-м.-р. Заместителем их теперь в одних говорах является звук средний между великорусским **ы** и **и**, в других—звук **ы**; последнее произношение больше распространено на Западе. В ю.-м.-р. говорах обыкновенно звук, получившийся из о.-р. **ы и и**, является более задним (близким к в.-р. **ы**) после губных и менее задним (средним между в.-р. **ы** и **и**) после зубных. В Карпатских говорах у бойков, лемков и закарпатских русских и в части с.-м.-р. говоров различие между **ы** и **и** старыми сохранилось.

Совпадение гласных **ы** и **и** в одном звуке должно было отразиться в письменных памятниках в виде смешения букв „ы“ и „и“. Такое смешение мы изредка находим уже в некоторых церковных памятниках с XIII в.[1]), напр. в записи Галицкого Ев. 1283 г.: стидяхоу ся, сыръ (=сиръ), и в

---

1) У А. Е. Кримского в „Украинской грамматике“, стр. 209—210 есть примеры и из памятников XI и XII в.в., но это—или описки, или, чаще, плод непонимания текста автором грамматики.

Буковинских грамотах с XIV в., но в тех и других оно может объясняться и влиянием южнославянской графики; в ю.-р. же грамотах, писанных в пределах великого княжества Литовского, примеры такого смешения появляются значительно позже; во всяком случае, позднее XV в.

§ **316.** Переход **а** после мягких в **е** и в **и** после мягких; переход **je** в **jи**. Звук **а** после смягчённых согласных, в том числе после шипящих в значительной части с.-м.-р. говоров, у гуцулов и в некоторых других галицких и карпатских говорах перешел в **е** с сохранением мягкости предшествующих согласных звуков: пєть, жєль, чєс, жєбы, шчєстя, взєв, кіньце (конца), мнэсо (мясо), єгнє (=ягня „ягненок") и т. п. Это **е** у гуцулов и в некоторых галицких и с.-м.-р. говорах затем перешло в **і** или в звук средний между **ы** и **і** с сохранением мягкости предшествующих согласных; такому же изменению подверглось в этих говорах и старое **е** после **j**, реже после других согласных: голосїт (3 мн.), взїв и взьив (=взяв), пйита (=пята), кьишко (=тяжко), чьис (=час), жьиба (=жаба), кньизь, богачи (род. ед.), йивір (явор), йиден (один), йи (=є), свойи (=своя и своє), тисть (тесть), отиц (отец), смирть и пр.

§ **317.** Переход **и** (из **ы** и **і**) в **е**. Ударяемое **и** (м.-р. буква) в некоторых с.-м.-р., галицких и карпатских говорах перешло в **е**: дем, ходети, язек, жети, забев, детена, дурней сен (т.-е. дым, ходить, язык, жить, забыл, дитина, дурной сын) и т. п.

Изменения неударяемых гласных.

§ **318.** Неударяемые **е, о**, реже **а** подверглись во многих говорах изменениям, в основе которых лежит общее стремление произносить неударяемые гласные более закрыто.

Неударяемое **е**, становясь более закрытым, затем в значительной части говоров перешло в **и** или **и**ᵉ (м.-р. буквы): сило, минї, до тéби, или: сиᵉло, миᵉнї, до тéбиᵉ и пр.; также: думаїш, з Київа и пр. Такому же изменению в с.-м.-р. говорах подвергается и **е** из **ѣ** и из **а** после мягких: любить 3 мн., місіц, гниздо и пр.

§ **319.** Менее распространён переход неударяемого **о** в **у**, обычный только в зап.-украинских, галицких и с.-м.-р. гово-

рах: сулóма, куня, гулодний, бугатугу, мувудей (=молодий), дрýгуго, субі, ду ліса, добруі и др.; в остальных говорах, повидимому, **о** неударяемое произносится довольно закрыто.

§ **320.** Относительно более закрытого произношения неударяемого **а** в м.-р. сведений в научной литературе не имеется, но мне приходилось замечать более закрытый характер произношения неударяемого **а** сравнительно с ударяемым в речи жителей г. Харькова и Харьковского уезда. Частью такое неударяемое, главным образом, предударное **а** даже переходит в звук среднего подъёма, независимо от характера ударяемого гласного звука, сходный с тем звуком, какой является в говорах с диссимилятивным аканьем в слоге перед слогом с ударяемым **а**.

Отвердение согласных.

§ **321.** Отвердение согласных перед гласными из старых **е, и.** В этом положении отвердели все согласные кроме **j**, в том числе и те, которые в остальных положениях являются мягкими. Так, согласный звук **ц** в бóльшей части говоров и теперь является твёрдым только перед **е,и** (м.-р. буквы): лице, з отцем, циган и пр., но отця, криниця, цюлувати, горобець и пр.; шипящие в части с.-м.-р., галицких и карпатских говоров мягки до сих пор во всех положениях, кроме положения перед **е, и.** Это отвердение стоит в связи с изменением старых **е, и** в гласные более заднего образования (см. § 313), при чем после **j** такого изменения не происходило. В некоторых с.-м.-р. и кáрпатских говорах согласные перед **и** (м.-р.. буква), а частью и перед **е** в настоящее время мягки; повидимому, здесь следует предполагать вторичное смягчение, частью—в с.-м.-р. области—под влиянием соседних б.-р. говоров.

§ **322.** Отвердение шипящих. Шипящие отвердели вообще в ю.-м.-р. и части карпатских говоров, но и здесь нередко сохраняются мягкие шипящие в известных положениях; именно, почти везде мягки шипящие перед **і** из дифтонгов, а также долгие шипящие из сочетаний шипящих с **j**: жінка, біжіть 2 мн. повел., душі, збіжжя, клоччя, хотя встречаются говоры, в которых шипящие отвердели и в этих положениях; кроме того, в ю.-м.-р. распространены

(не везде) формы 3 мн. 2 спр. с мягкими шипящими: біжять, сушять, ускочять; в некоторых говорах сохраняют полумягкое произношение **ч** и **дж**, как сами по себе, так и в сочетаниях **шч**, **ждж**. В значительной части с.-м.-р. говоров, у гуцулов и в части карпатских говоров шипящие до сих пор мягки во всех положениях, кроме положения перед гласными из старых **е**,**и**, где шипящие мягки только в тех говорах, в которых мягки и другие согласные.

§ **323.** Отвердение **ц**. Звук **ц** в бо́льшей части м.-р. говоров отвердел только перед **е**, **и** (м.-р. буква) но у гуцулов и в некоторых буковинских говорах **ц** отвердело вообще и сохранило мягкость только перед **і** из дифтонгов и, частью, перед **и** (м.-р. буква), получившимся из **а** после мягких: отец, росица, вівцу, цулуют и т. п., но молодців, церковцьи им. ед. Наконец, в некоторых закарпатских говорах отвердело конечное **ц**, как и другие согласные, в конце слова: горнец, хлопец, заяц, місяц.

§ **324.** Отвердение **с** мягкого. В некоторых с.-м.-р. говорах отвердело **с** мягкое в возвратной частице **ся**: бояуса[1], боятис и пр. Ср. подобное же явление в некоторых б.-р. (у так наз. „сакунов") и во многих с.-в.-р. говорах (ср. выше § 268).

§ **325.** Отвердение **р** мягкого. Звук **р** мягкое отвердел в большей части с.-м.-р. и значительной части зап.-украинских и галицких говоров. Повидимому, диалектическое отвердение **р** мягкого в м.-р. стоит в связи с обще-белорусским отвердением **р** мягкого и потому рассмотрено выше, в § 301.

§ **326.** Отвердение конечного **т** мягкого. Конечное **т** мягкое в 3 ед. и мн. наст. вр. глаголов отвердело в с.-м.-р., зап.-украинских, галицких и карпатских говорах и сохранилось вообще, как **т** мягкое, в вост.-украинских: вост.-укр. хо́дить, сидять, несуть, зап.-укр. ходит, сидят, несут. Во 2 мн. повелит., где конечное **т** мягкое несколько иного происхождения, оно сохраняется, как мягкое **т**, в большей части украинских говоров, но в галицких, карпатских и части с.-м.-р. говоров тоже отвердело: несіт, ґгіт[2])

---

[1]) у жирное передает неслоговое у.

[2]) г взрывное.

(=йдіть, гуцул.), озьміт и пр. Наконец, в некоторых с.-м.-р. говорах **т** мягкое отвердело и в окончании инфинитива: ночоват, ходит и пр. Но конечное **т** мягкое в имен. ед. имён существительных во всех этих говорах мягко: зять, шість и пр., и отвердело только там, где отвердели все конечные согласные.

§ **327.** Отвердение конечных согласных. Все конечные согласные отвердели в некоторых галицких и карпатских говорах: кін, ячмін, гус, пят, нес (2 ед. повел. = неси), ход (2 ед. повел.=ходи), отец и пр.

§ **328.** Изменение сочетаний мягких губных с **а**. Эти сочетания во всем м.-р. перешли в сочетания твердых губных с **ја**: п'ять, в'яну, прив'язав, голуб'ята, ім'я, но сочетание вя в положении после согласных сохраняется: святий, рідзвяний. В некоторых закарпатских говорах, впрочем, являются и сочетания мягких губных с **а**: пятый, жереб'я, (при жереб'я); возможно, что произношение без **ј** здесь вторичное. В тех говорах, где **а** после мягких изменилось в **е** или **и**, в подобных случаях обыкновенно являются сочетания губных с **јe** или **јi**: пйєть, пйитница (пять, пятница) и т. п.

Сочетание **мја** из мя почти повсеместно изменилось вследствие ассимиляции **ј** предшествующему носовому согласному звуку в **мня**: мнясо, мнякий, соломняний, мня (=имя) и пр., а в сочетании с другими губными диалектически **ј** перешло в **л** мягкое: здоровля, жеребля, оловляний, сплять (спят) и пр.; впрочем, широким распространением пользуются лишь формы 3 мн. глаголов 2 спр. с такими сочетаниями: сплять, роблять, люблять и т. п., где **л** мягкое могло явиться вместо **ј** и нефонетически по аналогии с **л** мягким в 1 ед., а формы в роде здоровля с **л** мягким встречаются лишь в немногих, преимущественно с.-м.-р. и закарпатских говорах.

Изменение сочетаний мягких губных с **а** в сочетания губных немягких с **ја** отразилось в письменных памятниках появлением написаний вроде: обьвъязуемы ся—буковин грам. 1448 г. и т. п.

§ **329.** Изменения **л**. Из о.-р. языка в м.-р. были получены, повидимому, два вида **л**: твердое велярнозубное и мягкое, т.-е. те же два вида, какие сохранились в б.-р. и

в.-р., в тех же положениях. Но с течением времени в м.-р. развилось и l среднее (т. наз. „европейское"); повидимому, первоначально оно возникло в результате отвердения л мягкого перед е, и (м.-р. буква), а также (быть может, не везде) перед согласными. В значительной части м.-р. говоров вследствие этого получилось три вида л: л твердое: була, голос, бідолаха, лузає, л среднее: поле, летить, лист, липа, білш, тілки, сільский, л мягкое: воля, земля, люде, хліб, лід, льон, весїлля, зап. весїля и весїлє и пр. В тех говорах, где старые ы и и совпали в одном звуке, л перед заместителем старого ы произносится так же, как и перед заместителем старого и.

В части говоров затем л твердое вытеснено л средним в некоторых отдельных случаях; так, в одном из миргородских говоров, описанном Ярошенком, л среднее является теперь в окончании женского и среднего р. ед. ч. прош. врем. (по аналогии с формами множ. ч.?): bula, dala, bulo, dalo и пр.

Во многих м.-р. говорах произошли дальнейшие изменения в судьбе л. В одних утрачено вовсе л твердое велярно-зубное, заменившееся л средним; такие говоры очень распространены на Востоке (наприм., в Харьковской губ.), известны и на Западе, наприм. в западной части Закарпатской Руси, где утрата л твердого могла быть вызвана словацким влиянием. Наоборот, в зап.-украинских и галицких говорах л среднее частью вытеснено л твердым и л мягким. Для примера могу указать на один из говоров Ушицкого у. Подольской губ., описанный Гр. К. Голоскевичем, где л твердое не только в таких словах, как лапа, слухач, но и перед е, ы: лысый, лысточок, лэд; перед согласными л твердое или л мягкое, но не л среднее: далшы[е], білшы[е], сылно, кілка и тількы, більшый. Наконец, в некоторых с.-м.-р. и карпатских говорах л среднее и л мягкое сохранились, а л твердое перешло в в или у неслоговое: сево, говуб, мувудей стрылець, пваче (т.-е. село, голубь, молодой стрелец, плачет).

Об изменении л твердого не перед гласными в у неслоговое, общем м.-р. языку с б.-р., см. выше § 213.

§ **330.** П е р е х о д з в о н к и х в г л у х и е. Звонкие согласные перед глухими и в конце слов вообще сохранились,

как звонкие, в с.-м.-р., вост.-украинских и зап.-украинских (в последних не везде) говорах и перешли в глухие в галицких, карпатских и части зап.-украинских говоров. См. выше § 100.

§ **331.** Появление звука **ф**. Звук **ф** явился диалектически в некоторых галицких говорах вместо **у** неслогового или **w** перед глухими согласными: фкрàла, фтїклà, фчóра, фсьогó и т. п. Кроме того, **ф** получилось в некоторых галицких, карпатских и зап.-м.-р. говорах из сочетания **хв**, реже из **х**: фіст (хвост), фалить, фатати, футор, Федір (надо заметить, что вообще **хв** в м.-р. является как из о.-р. хв, так и из **ф** в заимствованных словах; в слове Федір и т. п. **ф** в галицких говорах в соответствии с **хв** украинских и с.-м.-р. говоров—Хведір—из того **хв**, которое само из **ф** в заимствованном слове).

§ **332**. Переход **у** неслогового или **в** и **ф** в **г** фрикативное или взрывное и **к** или **х**. Такой переход произошел в некоторых галицких и карпатских говорах, преимущественно в положении перед согласными: лемк. гдовець, г вінку, г другий бік, г нас, х поли, х сеї бабі (=у сеї баби) и др., замишан. гдовець, гдова с **г** взрывным и др.

§ **333.** Переход **т, д** мягких в мягкие **к** и **г** взрывное. Этот переход известен многим м.-р. говорам, но в украинских является редко и непоследовательно, ср. в Миргородск., Полтавской губ.: кіснотà, но дїти, хотїв и пр. Более последовательно **к, г** мягкие в некоторых с.-м.-р. говорах, наприм., в б. Холмской и Минской губ.: сигят[1]), кјемив (=тямив) и пр. Особенно распространено это явление в галицких и карпатских говорах; так, у гуцулов мягкие **т** и **д** по бóльшей части вытеснены мягкими **к** и **г** взрывным: гля, гїцо (дед), вигїв (видел), найгїт 2 мн. повел. (найдите), гєкую (дякую[1]), кєшко или кьишко (тяжко), прикьигнув (притянул), хокїв (хотел), сьвікіт 2 мн. повéл. (светите), залеків (залетел), не пушчу кі (не пущу тебя) и пр.

§ **334**. Переход **к** в **т** мягкое. Кое-где у бойков и у гуцулов **к** после мягких неслоговых изменилось в **к**

---

[1]) Во всех примерах **г** взрывное.

мягкое, ср. подобное изменение в ю.-в.-р. и части с.-в.-р. говоров, §§ 270 и 289). Это **к** мягкое затем перешло в **т** мягкое: доньтя, службоньтю и т. п.

§ **335.** Появление звуков **дж** и **дз**. Звук **дж** в м.-р. в некоторых случаях восходит если не к диалектическому **дж** о.-р. эпохи, получившемуся непосредственно из о.-сл. **дж** с долгим затвором (из более раннего о.-сл. **дј**), то к такому **дж**, которое явилось нефонетически в ю.-р. наречии до малорусско-белорусской эпохи. Это-то **дж**, какое является в 1 ед. глаголов с основой остальных форм на **д** и в причастиях страдательных прош. врем. от тех же глаголов преимущественно в с.-м.-р-, зап.-украинских и сев.-украинских говорах: виджу, ходжу саджений и т.п.; в этих формах **дж** является и в ю.-б.-р. говорах. Такого же происхождения, быть может, **дж** и в некоторых именах в середине слов в карпатских говорах: пряджа, меджа, чуджий и т. п. Несомненно новое, развившееся на м.-р. почве **дж** является в части украинских и закарпатских говорах в начале некоторых слов: джерело, джаворонок, джук и нек. др.

Аффриката **дз** является в некоторых м.-р. говорах в соответствии с **з** других говоров в некоторых отдельных словах: дзвін, дзвонити с производными, реже дзвір, дзвякати, дзвізда, дзелений, дзеркало, дзелізо (железо), дзижчати (жужжать), дзерно, дзид, (овод), дзябка. Быть может, в некоторых случаях такое **дз** не новое, а восходит непосредственно к о.-сл. **дз**. Шахматов предлагает такое происхождение для **дз** перед **в** (дзвін, дзвір, дзвізда и т. п.),— но в некоторых случаях оно несомненно новое, как, наприм., в слове дзерно, ср. лит. žirnis.

§ **336.** Переход **с** мягкого в **ш** и **з** мягкого в **ж**. В некоторых с.-м.-р. и карп. говорах звуки **с**, **з** мягкие перешли в **ш**, **ж** мягкие: шïно, шьміяти (сметь), шьнïг, шьвятый (и шьватый), желеный, вжяти и пр., повидимому, под влиянием польских и словацких говоров.

§ **337.** Переход **н**, **д** мягких в **й**. Мягкое **н** перешло в **й** в положении перед **к** в галицких, карпатских и некоторых с.-м.-р. говорах: тонѐйкий, со́нейко (солнышко), солодо́йкий (сладенький), темнѐйкий, головойка, ху́стойка (платок), спатойки (уменьш. от инфин. спати) и т. п.

Мягкое **д** в некоторых карпатских говорах перешло в **й** в том же положении, а также частью в конце слова и перед мягкими согласными: порайко (советчик, производное от основы „рад“), пой (пойди), порай (постарайся=порадь), райца (ср. др.-р. „радьца“), збуйвік, дванайцять и т. п. В с.-м.-р. говорах такой переход, кажется, известен только перед **ц**: молойця, дванайцять; возможно, что эта черта заимствована там из б.-р. говоров.

§ 338. Сокращение долгих мягких согласных. Долгие мягкие согласные, получившиеся в малорусско-белорусскую эпоху из сочетаний согласных с **j**, в галицких, карпатских и значительной части с.-м.-р. говоров при положении не в начале слов сократились: житя, каміня, ключя, весїля или житє, камінє, ключє, весїлє и т. п. В начале слов долгие согласные такого происхождения по бо́льшей части сохранились: льляти, зьзісти, вода льлєцця; под влиянием этих случаев долгие согласные сохранились и в сложных с приставками: заллє, иззїв, ділляти (зальёт, съел, доливать), но иногда сокращаются и начальные согласные: сьсяти и сяти, сяє (сиять, сияет).

§ 339. Выпадение **h**. В слове четвер и в словах спасибі или спасибо, помагай бі или помай бі, сложных с „бог“, **h** отпало почти повсеместно. Вообще же **h** выпало в конце слова и между гласными, реже в других положениях, только в части с.-м.-р., галицких, буковинских и карпатских говоров: на нічлї, порі, ў дороу, до друо тоо чобота, орох (на ночлег, порог, в дорогу, до другого того чобота, горох) и т. п. Два неударяемых **о**, между которыми выпало **h**, могут в этих говорах стягиваться в одно: до друо сила (до другого села) и т. п.; между двумя **о** иногда в тех же говорах развивается **у** неслоговое: до своуо краю, тоуо мудроуо[1]) (ср. § 265 о происхождении окончания—**ово** в род. ед. прилаг. в с.-в.-р.). Такое же **у** неслоговое развивается и перед **у**: дороуу.).

---

[1]) Жирное **у** передает здесь ў неслоговое.

Белорусское и южновеликорусское влияние в м.-р. говорах.

§ **340.** Переходные к б.-р. говоры на с.-м.-р. основе. Бо́льшая часть с.-м.-р. говоров подверглась влиянию со стороны б.-р. говоров. Там, где это влияние было сильнее, оно вызвало образование переходных говоров. Последнее облегчалось тем, что ю.-б.-р. говоры издавна представляли много общих черт с м.-р., особенно с с.-м.-р. Главные фонетические черты, развившиеся в тех или других с.-м.-р. говорах под влиянием ю.-б.-р.,—аканье, дзеканье и появление мягких согласных перед **е**, **и** из старых **е**, **и**.

Аканье в с.-м.-р. переходных говорах не является полным: рядом с **а** и другими неокругленными звуками, заменившими старое **о** в безударных слогах в одних случаях, это **о** продолжает сохраняться или перешло в **у** в других случаях; Определить точно характер аканья в переходных с.-м.-р. говорах пока не представляется возможным.

Дзеканье и мягкие согласные перед **е**, **и** распространяются в с.-м.-р., повидимому, независимо от аканья. Есть переходные говоры с аканьем, но с сохранением твердых согласных перед **е**, **и** (м.-р. буква); наоборот, есть говоры, в которых аканья не замечается, но согласные перед **е**, **и** из старых **е**, **и** мягки и даже есть дзеканье[1]).

§ **341.** Переходные к ю.-в.-р. говоры на ю.-м.-р. основе. Ю.-в.-р. влиянию подвергались некоторые ю.-м.-р. (украинские) говоры на границе с ю.-в.-р. областью, а также в больших городах с их окрестностями. Вследствие бо́льших различий между ю.-в.-р. и ю.-м.-р., чем между ю.-б.-р. и с.-м.-р., влияние ю.-в.-р. наречия на ю.-м.-р. говоры значительно слабее, и на границе между ю.-в.-р. и м.-р. нет той широкой полосы переходных говоров, какую мы находим на границе с.-м.-р. с б.-р. Зачастую ю.-в.-р. влияние не приводит к образованию переходных говоров, и говоры на границе м.-р. с ю.-в.-р. часто носят все признаки смешанных говоров: произношение при одинаковых фоне-

---

[1]) Выше, в обзоре говоров условно с.-м.-р. говоры без аканья, но с мягкими согласными перед **е**, **и** и дзеканьем отнесены к чистым с.-м.-р., а к переходным—только говоры с аканьем.

гических условиях в одном случае по законам м.-р. фонетики, в других—по-великорусски, употребление одного и того же слова, то в его м.-р. форме, то в в.-р. и т. п. Но рядом с этим, несомненно, существуют и переходные говоры. Отличительные черты этих переходных говоров: а) с одной стороны, сохранение м.-р. интонации, м.-р. гортанного **һ**, хотя встречается **и** произношение с **г** фрикативным, **у** неслоговое в соответствии с в.-р. **у** и **в**, **ч** твердого, м.-р. произношения сложных шипящих и некот. других м.-р. черт; напр., часто сохраняется закрытое произношение **о**, не свойственное в.-р. говорам, немягкие губные перед **е**, **и**, реже среднее („европейское") **л** и пр.; б) с другой стороны, появление аканья, мягких согласных перед **е**, **и** и т. д. При этом аканье такими говорами усваивается в виде несколько отличном от ю.-в.-р. и московского аканья: так, вместо **а** в предударном слоге (из старых **а**, **о**) иногда является звук, сходный с тем, какой произносится в говорах с диссимилятивным аканьем в слоге перед слогом с **а**, но здесь появление этого звука не ограничено положением перед слогом с **а** и гласными среднего подъёма: һълъвȁ пъһóда, спръсить и пр.; кроме того, аканье таких переходных говоров может быть неполным: наприм., неударяемое **о** совпадает в одном звуке со звуком **а** в предударных слогах и сохраняется после ударения. Так как эти переходные говоры изучены недостаточно, то указать точно их распространение и дать более полную их характеристику теперь не представляется возможным.

Польское и словацкое влияние на м.-р. говоры.

§ **342.** Польское влияние. Польское влияние отражается на всём м.-р. языке вследствие того, что м.-р. народ в течение долгого времени находился в политической зависимости от Польши, а с утратой этой зависимости сохранилась в значительной части м.-р. области зависимость культурная и экономическая. С переходом значительной части м.-р. народа вновь в состав Польского государства, несомненно, польское влияние в областях, отошедших к Польше, еще больше усилилось и может частью привести к вытеснению м.-р. языка в некоторых местах. Это влияние выразилось, главным образом, в словарных, частью в

морфологических заимствованиях; польское влияние на фонетический строй м.-р. языка слабее вследствие того, что родство между польским и м.-р. языками еще дальше, чем между м.-р. и в.-р. Но так как малорусам в Польше приходится кроме своего родного языка знать и польский язык, то такое двоязычие неизбежно приводит и к фонетическим изменениям в м.-р. речи. К числу таких изменений следует относить диалектический переход **с**, **з** мягких **ш**, **ж** в мягкие (§ 336), а также фиксацию ударения на предпоследнем слоге в говоре галицких лемков и закарпатских лемаков (см. § 105). Можно объяснять польским влиянием также и сокращение долгих мягких согласных (весї̈ля или весї̈ле, ср. польск. wiesiele) и переход **у** неслогового в **в** и **ф**, но оба эти влияния могли возникнуть и независимо от польского влияния. Более старое польское влияние еще малорусско-белорусской эпохи некоторые ученые усматривают в отвердении **р** мягкого.

§ **343.** Словацкое влияние. Словацкое влияние сказывается только в закарпатских говорах. И здесь оно выражается, главным образом, в словарных и отчасти морфологических заимствованиях, но отражается и на фонетическом строе: в появлении **ш**, **ж** мягких вместо **с**, **з** мягких (в части говоров та же черта вызвана польским влиянием), быть может, также в утрате **л** твердого и замене его **л** средним и др.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ.

1. История форм склонения и спряжения.

А. ИСТОРИЯ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

1. *Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского.*

§ 344. Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского, восстанавливаются на основании сопоставления русского языка со всеми другими славянскими языками. Но так как эти формы во всех славянских языках претерпели большие изменения, частью одинаковые, то большое значение для восстановления форм общеславянского языка получают показания древнейших письменных памятников славянских языков, в особенности языка старославянского, сохранившего в своих памятниках общеславянские формы в наибольшей цельности.

§ 345. Слова, имевшие формы склонения, в о.-сл., как и в о.-и.-е., принадлежали к двум классам: 1) слов, имевших только формы склонения, и 2) слов, имевших формы согласования. Но слова с формами согласования, т.-е. прилагательные в широком смысле, отличаясь от существительных по синтаксическому употреблению и по присутствию форм согласования в роде, не отличались от них по самому образованию форм склонения, а именно, прилагательные в муж. роде образовывали падежные формы так же, как известные категории существительных муж. р., прилагательные в женском р.—так же, как известные категории существительных женского р. и т. д. Так, напр., прилагательное **добръ** в м., ж. и ср. родах склонялось так же, как существительные

м., ж. и ср. рода **возъ, жена, лѣто** и т. п. В то же время по различию в образовании форм склонения среди всех склоняемых слов различались 3 класса: 1) склонение именное, 2) склонение местоимений личных и 3) склонение местоимённое; к первому принадлежали существительные имена (не местоимения), а также прилагательные и причастия в так наз. бесчленных формах, ко второму — местоимения личные и местоимение возвратное, к третьему—местоимения неличные, а также прилагательные и причастия сложные или членные; формы сложных или членных прилагательных и причастий образовывались путем сложения их в их именных формах с формами указательного местоимения **иь, ja, je** (род. **jего** с **г** фрикативным и т. д.); поэтому такое склонение прилагательных и причастий в отличие от собственно местоимённого склонения называется сложным; возможно, впрочем, что в некоторых говорах о.-сл. языка членные прилагательные и причастия образовывали некоторые формы и по собственно местоимённому склонению, т.-е. через присоединение падежных окончаний местоимённого склонения непосредственно к основе.

§ **346.** В формах склонения в о.-сл. различались падежи: прямой — именительный — и косвенные: винительный, родительный, дательный, творительный и местный; последний, в отличие от русского и других новых славянских языков, сохранивших этот падеж, мог употребляться и без предлога для обозначения места и времени. Кроме того существительные и прилагательные имели формы трёх чисел: единственного, двойственного и множественного, различавшиеся между собой тем, что падежные формы в каждом числе имели различные суффиксы (окончания). К формам единственного числа принадлежала также звательная форма, неточно называемая „звательным падежом", так как слова в звательной форме не являлись частями словосочетаний, а представляли слова-воззвания, стоящие вне предложения.

§ **347.** В именном склонении различались: 1) склонение имён муж. рода, имевших в именит. ед. окончания **-ъ** или **-ь**, и имён среднего рода на **-о, -е,** с родит. ед. на **-а**: годъ, кон[1]ь, лѣто, пол[1]е; 2) склонение имён муж. р., имевших в имен. ед. окончание **-ъ,** а в род. **-у**: сынъ, волъ, медъ; 3) скло-

нение имён ж. р., имевших в имен. ед. окончание **-а** или **-и,** а в род. **ы** от основ на твёрдые звуки и **ѣ** носовое (см. § 134) от основ на мягкие звуки: жена, земля, богынʲи; к этому склонению принадлежали и некоторые имена лиц муж. рода: воjевода, соⁿдии (судья); 4) склонение имён муж. и жен. р., имевших в имен. ед. окончание **-ь**, а в род. **-и**: гость, звѣрь, жизнь, рѣчь; 5) склонение имён, имевших в родит. ед. окончание **-е**: камы, дьнь, мати, свекры, имеⁿ, телеⁿ, слово, род. камене, дьне, матере, свекръве, имене, телеⁿте, словесе.

Падежные формы именных склонений различались между собою по окончаниям и, частью, по месту ударения; кроме того, у некоторых имён являлись различия и в самих основах форм склонения; эти последние различия сводились к различию между основой имен. ед. и остальных падежей у некоторых имён, принадлежавших к 5-ой группе, и к изменению конечных задненёбных **(г, к, х)** основы перед палатальными гласными **е,и,ь,ѣ** и **е** носовым.

Падежные окончания именных склонений в о.-сл.

§ **348.** Имена на **-ъ, -ь, -о, -е** с р. ед. на **-а** можно делить на имена с основами: а) на твёрдые и б) на мягкие неслоговые звуки. Падежные окончания у тех и других были следующие: а) Ед.: им. **-ъ, -о;** в.=им. или р.; р. **-а,** д. **-у,** тв. **-омь** или **-ъмь;** м. **-ѣ;** зв. **-е.** Дв.: им.-в. муж. р. **-а,** ср. р. **-ѣ;** р.-м. **-у,** д.-тв. **-ома.** Мн.: им. муж. р. **-и;** им.-в. ср. р. **-а;** в. муж. р. **-ы;** р. **-ъ;** д. **-омъ;** тв. **-ы;** м. **-ѣхъ.** б) Ед.: им. **-ь, -е;** в.=им. или р.; р. **-а,** д. **-у,** тв. **-емь** и **-ьмь;** м. **-и;** зв. **-у** и **-е** (**-е** только от имён на **-ць, -дзь:** отьче, кънеⁿже). Дв.: им.-в. муж. р. **-а,** ср. р. **-и,** р.-м. **-у,** д.-тв. **-ема.** Мн.: им. муж. р. **-и,** им.-в. ср. р. **-а,** в. муж. р. **-ѣ** носовое (см. § 134); р. **-ь;** д. **-емъ;** тв. **-и,** м. **-ихъ.**

§ **349.** Как мы знаем (см. §§ 140—149) мягкими неслоговыми звуками в о.-сл. языке эпохи его распадения были лишь **й** и согласные шипящие и свистящие **дз, ц** во всех случаях и могли быть **з, с, л, н, р,** а следовательно, формы склонения, указанные в пункте б, могли иметь только имена с основами на эти звуки. Отсюда ясно, что такие имена, как голубь, лебедь, зять, в о.-сл. не принадлежали этому скло-

нению. Гласные **ь, е, и, ѣ** носовое в падежных окончаниях мягких основ явились вследствие изменения гласных после мягких неслоговых звуков.

§ **350.** Во всех нынешних славянских языках, сохранивших формы склонения, в. ед. от имён муж. р. этого склонения, обозначающих „одушевлённые предметы", совпадает с р. ед. Отсюда мы могли бы заключить, что и в о.-сл. имена одушевлённых предметов муж. р. имели ту же форму р.-в. ед. Но памятники ст.-сл. яз. и древнейшие памятники русского яз. показывают, что форма р. ед. в значении в. ед. первоначально употреблялась значительно реже; что на ряду с ней употреблялась от имён одушевлённых предметов и форма в. ед., совпадавшая с формой им. ед., и что, следовательно, в о.-сл. в эпоху его распадения от имён одушевлённых предметов могли употребляться обе формы в. ед., а окончательная утрата формы в. ед.=им. ед. от этих имён в русском яз. относится уже к исторической эпохе.

§ **351.** В тв. ед. ст.-сл. и нынешние ю.-сл. языки указывают на о.-сл. **-омь** от твердых основ, **-емь** от мягких: ст.-сл. рабомь, конемь (**н** мягкое), селомь, полемь (**л** мягкое), и т. п., сербск. градом, коњем, селом, морем. Но русскому яз. в историческую эпоху было известно в этой форме только окончание **-ъмь, -ьмь:** во всех древних русских памятниках, не смешивающих **ъ, ь** и с **о** и **е,** эти формы в одних часто, а в других даже последовательно пишутся с таким окончанием, начиная с Остр. Ев.: гнѣвъмь, числъмь, отьцьмь, ложьмь и др. Немногие примеры с **-омь, -емь** в Остр. Ев., очевидно, идут из ст.-сл. оригинала. Нынешнее великорусское окончание тв. ед. **-ом** с **о** открытым (не **уо**) в тех говорах, которые различают под ударением **уо** из старого **о** с восходящим ударением и **о** из старого **ъ** (см. § 231), указывает определённо на о.-р. **-ъмь ъ** в этом окончании; на **ъ** указывают и ю.-в.-р. говоры с яканьем Задонского и Обоянского типов, в которых перед этим окончанием на месте старых **е,ь,ѣ,а** после мягких является **и** или **е,** а не **а:** за силом или селом, писком или песком, питном или петном и т. п.; так же и м.-р. **-ом** (паном, дiдом, лiсом, мiстом) и **-ем** (конем, мiсяцем, полем) может указывать только на о.-р. **-ъмь, -ьмь,** так как из о.-р. **о, е** в закрытом слоге должно было получиться **i** (диалектич. **у**).

В польск. и чешск. та же форма теперь оканчивается на **-em:** польск. dworem, piaskiem, koniem, słowem, polem и пр., чш. chlapem, vrahem, slovem и т. п., где **е** может восходить только к старому **ъ** или **ь**. Отсюда можно заключить, что тв. ед. рассматриваемого склонения был получен русским, польским и чешским языками с окончаниями **-ъмь, -ьмь** еще из говоров о.-сл. яз., и что, следовательно, различие между ю.-сл. языками, с одной стороны, и русским, польским и чешским, с другой, по отношению к этой форме восходит к диалектическим различиям в о.-сл. языке. В самом же о.-сл. окончание **-омь, -емь** в этом склонении являлось более первоначальным, а **-ъмь** могло быть заимствовано из склонения имён на **-ъ** с род. ед. на **у.**

§ **352.** Вин. мн. от основ на мягкие неслоговые звуки в этом склонении, как и род. ед. и им.-вин. мн. от имён ж. р. на **-а** или **-и,** и соответствующие формы местоимённого склонения с основами на мягкие неслоговые звуки оканчивались, повидимому, на „ѣ носовое“. Это „ѣ носовое“ в ст.-сл. перешло в е носовое: конѩ, землѩ, мѫжѧ, ѩ, а в русском и польском совпало со звуками, получившимися из о.-сл. ѣ неносового. Для русского яз. окончание **-ѣ** в этих формах засвидетельствовано памятниками с XI в.: Остр. Ев. недѣлѣ р. ед. 12, каплѣ им. мн. 160, Арх. Ев. ключѣ в. мн. 168 об., три мсцѣ в. мн. 126 об., недѣлѣ р. ед. 86 об. и др., Мстисл. грам. 1130 г. за моѣ в. мн. Это окончание сохранилось в м.-р. им.-в. мн. коні, горобці, р. ед. землі, єї, гарної и, частью, в б.-р. им. мн. жанце, жанке, р. ед. зямле, тае, аднае, а в в.-р. сохранилось только в формах местоимённого и сложного склонения: р. ед. её, им.-в. мн. все, добрые, а в формах именного склонения частью утрачено, частью, может быть, способствовало смешению форм р. и д. ед. имён ж. р.

§ **353.** У имён с основами на задненёбные **(г, к, х)** последняя согласная основы изменялась в свистящую **(дз** или **з, ц, с)** перед **ѣ** в местн. ед. и мн. и перед **и** в им. мн. и в шипящую **(ж, ч, ш)** перед **е** в зват. форме: рак — рацѣ, раци, раче; другъ—дрѹдзѣ или друзѣ, дрѹдзи или друзи, друже.

§ **354.** Имена на **-ъ** с р. мн. на **-у.** В эпоху распадения о.-сл. языка по этому склонению изменялись лишь

очень немногие имена, да и те подверглись сильному влиянию другого склонения имён **на -ъ (с р. ед. на а)**. Поэтому уже в древнейших памятниках ст.-сл., др.-р. и других славянских языков имена, принадлежавшие в о.-сл. к этому склонению, могут образовывать те или другие формы по образцу имён с род. ед. на **-а.** Окончания падежных форм этого склонения в о.-сл. были: Ед. им.-в. **-ъ,** р. **-у,** д. **-ови,** тв. **-ъмь, -омь**, м. **-у** с ударением на окончании, чем эта форма отличалась от р. ед. с ударением на основе; зв. **у** (с ударением на основе). Дв. им.-в. **у,** р.-м. **ову,** д.-тв. **ъма, -ома.** Мн. им. **-ове,** в. **-ы,** р. **-овъ,** д. **-омъ**, тв. **-ъми,** м. **-ъхъ, -охъ.**

§ **355**. Форма в ед. **сынъ** еще в о.-сл. могла заменяться формой **сына,** по образцу склонения имён на **-ъ** с р. ед. на **-а;** та же форма стала употребляться и в р. ед. рядом со старой формой **сыну.** Уже в ст.-сл. памятниках в в. ед. употребительны обе формы: **сынъ** и **сына,** а в р. ед. **сына** даже чаще, чем **сыноу;** в др.-р. памятниках в в. ед. встречаются обе формы, а в р. ед. только **сына;** впрочем, в Духовной Климента XIII в. есть и **сыноу.** В нынешних славянских языках р. и в. ед. от слова „сынъ“ почти везде исключительно на **-а.**

§ **356**. На о.-сл. **-ъмь** в тв. ед. указывает Остр. Ев. (сынъмь, домъмь) и все др.-р. памятники; в ст.-сл. памятниках—только **-омь;** в нынешних славянских языках формы этого склонения вообще совпали с формами склонения имён с р. ед. на **-а**. Поэтому, уже в о.-сл. в эпоху его распадения можно предполагать **-ъмь** в одних говорах, предках нынешних русских и западно-славянских языков и **-омь** в других говорах, предках южнославянских языков, причём диалектическое **-омь** надо считать перешедшим из склонения имён с р. ед. на **-а.**

§ **357**. Дат. мн. этого склонения перешел из о.-сл. во все славянские языки только с окончанием **-омъ,** засвидетельствованным как ст.-сл. памятниками, так и древнейшими памятниками русского и других славянских языков. Окончание **-омъ** в этой форме заимствовано у склонения имён с р. ед. на **-а.**

§ **358.** На о.-сл. **-ѣхъ** в м. мн. указывает Остр. Ев.: домѣхъ и другие др.-р. памятники, а также нынешние м.-р. прикарпатские и закарпатские говоры, где распространены формы м. мн. на **-ох:** лісох, синох, которые могут восходить только к старым формам на **-ѣхъ,** потому что старое **о** в закрытых слогах в тех же говорах перешло в **у** и **і**, ср. д. мн. от тех же имён и в тех же говорах: лісум, синум или лісім, синім. Но в ст.-сл. памятниках рассматриваемая форма оканчивается только на **-охъ**[1]), и то же окончание представляют ст.-польские и ст.-сербские памятники, где **о** можно возводить только к о.-сл. **о.** Поэтому можно думать, что окончание м. мн. **-ѣхъ,** которое следует считать более первоначальным, сохранялось в о.-сл. в эпоху его распадения лишь диалектически, между прочим, в тех говорах, из которых образовался русский язык, а в других говорах нефонетически изменилось в **-охъ,** где **о**—по аналогии с **о** в р. и д. мн.

§ **359.** Имена на **-а, -и** с род. ед. на **ы,** „ѣ носовое". Окончания падежных форм: а) Основы на твёрдые неслоговые звуки. Ед. им. **-а,** в. „**о** носовое", р. **-ы,** д.-м. **-ѣ,** зв. ф. **-о**. Дв. им.-в. **-ѣ,** р.-м. **-ою,** д.-тв. **-ама.** Мн. им.-в. **-ы,** р. **-ъ,** д. **-амъ,** тв. **-ами,** м. **-ахъ**. б) Основы на мягкие неслоговые звуки. Ед. им. **-а, -и,** в. „**о** носовое", р. „**ѣ** носовое", д.-м. **-и,** тв. **-ейо**ⁿ (с „о носовым" в конце), зв. ф. **-е, -и.** Дв. им.-в. **и,** р.-м. **ею,** д.-тв. **-эма.** Мн. им.-в. „**ѣ** носовое", р. **-ь,** д. **-амъ,** тв. **-ами,** м. **-ахъ.** В в. ед. и им.-в. множ. от некоторых имён, имевших в остальных падежах ударение на окончании, это ударение переносилось на основу: нога, р. ед. ногы, в. ед. ного^{н}, им.-в. мн. ногы, сльза, р. ед. сльзы, в. ед. сльзо^{н}, им.-в. мн. сльзы.

Имена с основами на задненёбные в д.-м. ед. изменяли конечную задненёбную основы на свистящую: нодзѣ или нозѣ, рѣцѣ, юсѣ (им. ед. нога, рѣка, юха=уха).

§ **360.** Имена на **-ь** с род. ед. на **-и.** Основы этих имён в о.-сл. оканчивались или на шипящие согласные (получавшиеся из задненёбных перед гласными **и, ь, е**) или

---

[1]) Впрочем—только в памятниках, смешивающих **о** и **ъ**. В Супр. и Савв. форма м. мн. этого склонения вовсе не встречается.

на такие согласные, которые в о.-сл. еще не были смягчёнными. Отсюда ясно, что к этому склонению принадлежали в о.-сл. между прочим все те имена, которые теперь в р. яз. оканчиваются в им. ед. на **бь, вь, мь, дь, ть, пь,** и не могли принадлежать имена, которые теперь оканчиваются на **ц.** Имена муж. рода этого склонения в.-сл. были немногочисленны. В русском яз. они позднее совпали по образованию падежных форм с именами на **-ь,** имевшими в род. ед. окончание **-а,** или перешли в женский род. Из слов, известных русскому языку, к этому склонению первоначально принадлежали следующие имена мужеского рода: боль (=больной), гвоздь, голубь, гортань, гость, дёготь, жолудь, зверь, зять, коготь, лапоть, лебедь, лось, медведь, мозоль, огонь, путь, рябь (=рябчик), соболь, тать, тесть, червь, уголь, мн. ч. люди (о.-сл. людиjе) и, может быть, некоторые другие. Остальные имена этого склонения были женского рода. По этому же склонению изменялись числительные от пяти до девяти, являвшиеся в о.-сл. существительными ж. р., и числительное **три,** которое было прилагательным и потому имело формы только множ. числа, причём в им. пад. различались две формы: одна для муж. р.—**триjе**, другая—для ж. и ср. р. —**три.**

Падежные окончания. Ед. им.-в. **-ь**, р.-д.-м. **-и,** тв. муж. р. **-ьмь,** ж. р. **-ьйо**ⁿ (с **о** носовым). Дв. им.-в. **-и,** р.-м. **-ью,** д.-тв. **-ьма.** Мн. им. муж. р. **ьйе,** в. муж. р. и им.-в. ж. р. **-и,** р. **ьйь** или **ийь** с **и** очень кратким, д. **-ьмъ**, тв. **-ьми,** м. **-ьхъ.** Местный п. ед. мог отличаться от остальных форм на **-и** местом ударения, которое в этом падеже могло быть на конце, тогда как в других падежах ед. ч. обыкновенно падало на основу. Все формы этого склонения, полученные русским яз. из о.-сл., засвидетельствованы русскими письменными памятниками и, по бóльшей части, сохранились и до сих пор, претерпев только известные фонетическе изменения.

К этому же склонению относились в о.-сл. имена **очи** и **уши** в двойственном числе. Формы дат.-тв. этих имён перешли в ст.-сл. с окончанием **-има: очима, ушима;** те же формы встречаются и в др.-р. памятниках, а форма „очима" сохранилась в нынешних б.-р. и м.-р.; но рядом с ними др.-р. язык, повидимому, имел и формы на **-ьма:** очьма, ушьма,

откуда нын. диалектич. в.-р. **ушми**, встречающееся, впрочем, изредка и у писателей XVIII и XIX в., напр., у Лермонтова. Формы очьма, ушьма, быть может, тоже о.-сл. происхождения; указания на это дают некоторые славянские яз., как напр., словинский.

§ **361.** Имена с род. ед. на **-е.** Сюда в о.-сл. относились а) имена муж. рода с основой косвенных падежей на **н;** в им. ед. они оканчивались в о.-сл., должно быть, первоначально на **-ы,** как показывают ст.-сл. **камы, пламы** (Супр.), но, повидимому, еще в о.-сл. эпоху старая форма им. ед. могла заменяться формой в. ед. на **-ь:** камень, полмень, ремень, дьнь и пр., которой и была потом вытеснена в отдельных славянских языках; б) имена ср. р. с основой косвенных падежей на **-мен;** в им. ед. они оканчивались на **-мен** (с **е** носовым), откуда ст.-сл. **-мѧ** (**имѧ**, **сѣмѧ** и пр.), русское **-мя**, в) имена ср. р. с основой косвенных падежей на **-ент;** в имен. ед. — „**е** носовое" (это — названия детёнышей; др.-р. теля, козьля, робя, дѣтя и пр.); г) **имена** ср. р. с основой косвенных падежей на **-ес;** в имен. ед. **-о** (**слово**, р. ед. **словесе** и т. п.); д) имена ж. р. с основой косвенных падежей на **-ер**, в им. ед. **-и** (др.-р. **мати, дьчи,** р. ед. **матере, дъчере**); е) имена ж. р. с основой косвенных падежей на **-ъв;** в им. ед. **-ы** (ср. нынешнее в.-р. диалектич. **свекры**); эта форма им. ед. еще в о.-сл. могла заменяться формою в. ед. на **-вь: бръвь** и т. п. О других словах, принадлежавших некогда к этому склонению, см ниже, §§ 362, 364, 365, 366.

Имена этого склонения еще в о.-сл. подверглись влиянию со стороны других склонений; впоследствии это влияние усилилось, и характерные формы этого склонения, кроме немногих, были всеми славянскими языками утрачены. Насколько можно судить по показаниям ст.-сл. памятников и древнейших памятников других славянских языков, окончания падежных форм этого склонения в о.-сл. в эпоху его распадения были следующие: Ед. ч. им. см. выше, в. **муж.** и ж. р. **-ь,** ср. р.=им. ед., р. **-е,** д. **-и,** тв. муж. р. **-ьмь,** ж. р. **-ьйо** (с **о** носовым), м. **-е.** Дв. ч. им.-в. муж. и ж. р. **-и,** ср. р. **-ѣ;** р.-м. **-у,** д.-тв. **-ьма.** Мн. ч. им. муж. (и ж. ?) р.

-е, в. муж. и ж. р. (и им. ж. р. ?) **-и,** им.-в. ср. р. **-а,** р. **-ъ,** д. **-мъ, -емъ, -ьмъ,** тв. **-ми, -ьми, -ы,** м. **-съ, -ехъ, -ьхъ.**

§ **362.** К тому же склонению, но только во множ. числе относились—а) имена на **-инъ,** образовывавшие мн. ч. без этого суффикса (ср. нын. р. мещанин, боярин: им. мн. мещане, бояре); б) имена с им. ед. на **-арь** и **-тель** с **р, л** мягкими, образовывавшие формы мн. ч. от основ на **-ар** и **-тел** с немягкими **р, л;** в ед. ч. они уже в о.-сл. склонялись по образцу имён на **-ь** с р. ед. на **-а;** в) числительное четыре (муж. р., ж. и ср. р.—четыри), не имевшее форм ед. ч. и употреблявшееся, как прилагательное. Наконец, первоначально, по этому склонению изменялись во всех трёх числах имена ногъть (ноготь), локъть (локоть), печать, числительное десять (в о.-сл. в этом слове после **с** было **е** носовое), причастия наст. и прош. вр. действительного залога и прилагательные в сравнительной степени, но в эпоху распадения о.-сл. языка они сохраняли лишь некоторые формы по рассматриваемому склонению; так, в ст.-сл. и др.-р. памятниках мы находим формы, очевидно, восходящие к о.-сл.: р.-м. ед. печате, десяте (в (в ст.-сл после **с** во втором слове читалось **е** носовое), им. мн. печате, десяте, р. мн. ст.-сл. лакътъ, др.-р. локътъ, ногътъ, десятъ (ср. нын. пятьдесят), тв. мн. десяты, ногъты, ст.-сл. лакъты; от причастий и прилагательных в сравн. степени сохранялась по этому склонению только форма им. мн. муж. р. на **-е,** а от причастий наст. врем. также им. ед. муж. р. на **ы** или **е** носовое (первоначально, некоторые причастия наст. врем. в этой форме должны были оканчиваться на **ѣ** носовое, но следов такого окончания этих причастий в славянских языках не сохранилось). Остальные формы от слов печать, ногъть, десять, ст.-сл. лакъть, др.-р. локъть и в ст.-сл. и в др.-р. образовывались, как от имён на **-ь** с род. ед. на **-и** (**десять** в ст.-сл. и др.-р. —ж. р.); о склонении причастий см. ниже, § 367.

§ **363.** В вин. ед. в ст.-сл. и др.-р. памятниках встречается иногда окончание **-е:** камене, матере, свекръве. Повидимому, это по происхождению формы р. ед., получившие значение в. ед. Быть может, они употреблялись с таким значением еще в о.-сл.

§ **364**. Окончание **-е** в им. мн. муж. р. засвидетельствовано памятниками ст.-сл. яз. для слова **дьнь, им. мн. дьне,** для имён на **-тель, -арь, -инъ** и для причастий и сравн. степ. прилагательных; от имён **-тель,-арь, -инъ** им. мн. на **-е** сохранилось в русском яз. (с позднейшими фонетическими изменениями); для остальных имён муж. р. этого склонения им. мн. на **-е** для о.-сл. яз. не восстанавливается ни показаниями ст.-сл., ни показаниями русского языка, но и тот и другой позволяют предположить уже в о.-сл. для этого склонения им. мн. на **-ьйе** (ст.-сл. камениѥ, корениѥ) по аналогии с именами на **-ь**.

§ **365.** На о.-сл. **-ъ** в окончании р. мн. имён муж. и ж. р. рассматриваемого склонения указывают как ст.-сл. каменъ, дьнъ, матеръ, дѣлателъ, лакътъ, именъ, словесъ и пр., так и русские бояр, крестьян, др.-р. дьнъ, нын. р. диалект. дён; но, повидимому, уже в о.-сл. имена не среднего рода этого склонения кроме имен с им. ед. на -шь -тель,—инъ, могли образовывать р. мн. и на **-ьйь** по аналогии с именами на **-ь**, имена на арь и -тель—также как и другие на **ь** с р. ед. на **а**.

§ **366**. Дат., твор. и местн. мн. того же склонения, повидимому, первоначально имели в в.-сл. окончания **-мъ, -ми, -съ,** присоединённые прямо к основе, но в эпоху распадения о.-сл. яз. можно предположить сохранение форм с такими окончаниями только для имён на **-ане.** Остатками их являются встречающиеся в древне-русских памятниках окончания **-амъ, -ами,** в таких случаях, как селоунямь Сл. Кир. Иерус 244 ахъ содомлямъ, Арх. Ев. 125, 174 об., иероусалимлямъ, Типогр. Уст. 142 XI—XII в. 34 об. bis, волочам, Смол. грам. 1229 г., дворямъ, Новг. грам. 1371 г., вавилонямъ, деревлямъ, въ деревляхъ, въ поляхъ (=у полян), полочахъ и т. п. летописи (Лавр., Ипат. и др.), а также единичные примеры в ст.-сербской грамоте 1189 г.:грађамъ, дубровьчамъ и в ст.-чешск. Dolas (с l мягким = долянах) [1]) и др. В этих формах не совсем ясен по происхождению

[1]) В окончаниях **-съ** и **-хъ** в о.-сл. звуки **с** и **х** одинакового происхождения —из балт.-слав. **с**, изменявшегося в о.-сл. в **х** после некоторых гласных, после **р** и после **к** и сохранявшегося, ак **с**, после остальных согласных и после носовых гласных.

звук **а** в окончании [1]). Возможно, что он явился по аналогии с формами ед. ч. и им., в. и р. мн.

Дат. мн. на **-емъ** и м. мн. на **-ехъ** можно предполагать в о.-сл. на основании употребительности этих окончаний у некоторых имен с основой на согласную, гл. обр. от основ на **-ес-**, -ар-, -тел- и -ѣн- в некот. памятниках XI в., не смешивающих **ь** и **е**. Вообще же обычными окончаниями д. и м. множ. в этом склонении были, повидимому, в о.-сл. в эпоху его распадения **-ьмъ** и **-ьхъ**, а в тв. мн. **-ы** от имён ср. р. и имён на **-инъ, -арь, -тель, -ть** и **-ьми** от остальных. Впрочем, твор. мн. на **ы** от основ на -тел- и -ар- уже в ст.-сл. памятниках XI в. встречается очень редко при обычном - **и**. От имён ж. р. с основами на **-ъв**, повидимому, уже в о.-сл. являлись формы д., тв. и м. мн. на **-амъ, -ами, -ахъ**.

§ 367. К тому же склонению в о.-сл. некогда принадлежали и причастия действительного залога наст. вр., причастия прош. вр. действительного залога на **-ъ** или **-въ** и прилагательные в сравн. степ., но в эпоху распадения о.-сл. языка остатками этого склонения являлись лишь формы им. ед. всех родов и им. мн. муж. р. В причастиях наст. вр. различались **1**. причастия от нетематических глаголов и тематических 1-го спряжения (с тематической гласной **е**) с основой на твёрдые согласные; эти причастия оканчивались в им. ед. муж. и ср. р. на **-ы**, сохранившиеся, впрочем, только в ст.-сл. яз., а в других славянских языках, в том числе и в русском еще в доисторическую эпоху, если не в говорах о.-сл. яз., заменённое другими гласными (см. ниже); остальные формы этих причастий образовывались от основы на **oⁿtj**, откуда ст.-сл. **-ѫшт**, р. **-уч**, ср. ст.-сл. им. ед. муж. р. **сы, ѣды, иды, несы**, ж. р. **сѫшти, ѣдѫшти, идѫшти, несѫшти**, др.-р. им. ед. ж. р. **ѣдучи, идучи, рекучи, несучи**; 2. причастия от тематических глаголов 1-го спр. с основой на **j** или на смягчённые согласные; они оканчивались в им. ед. муж. и ср. р. на **е** носовое, а остальные формы образовывали от основы на **oⁿtj**, откуда ст.-сл. **ѫшт**, р. **уч**., ст.-сл.

[1]) Из **ан** перед согласными в о.-сл. должно было получиться о носовое, перешедшее в русском, сербском и чешском в **у**.

им. ед. муж. р. знаѩ, колꙗ, им. ед. ж. р. знаѩшти, колꙗшти, др.-р. им. ед. ж. р. знаючи, колючи; 3. причастия от тематических глаголов 2-го спряжения (с тематической гласной **и**); они оканчивались в им. ед. муж. и ср. р. на **е** носовое, а остальные формы образовывали от основы на **е**ⁿ **тј**, откуда в ст.-сл. **ѧшт**, в русском **а** с мягкостью предшествующего согласного звука: ст.-сл. им. ед. муж. р. хвалѧ, боѩсѧ, им. ед. ж. р. хвалѧшти, боѩшти сѧ, др.-р. им. ед. муж. р. хваля, боязя, ж. р. хвалячи боячи ся. Причастия прош. вр. действительного залога в им. ед. муж. и ср. р. имели окончание **ъ** или **ь** (после мягких согласных звуков), а остальные формы образовывали от основ на **ъш** или **ьш**: ст.-сл. и др.-р. им. ед. муж. р. несъ, знавъ, хваливъ или хваль, ж. р. несъши, знавъши, хваливъши или хвальши. Наконец, прилагательные в сравн. степ. в им. ед. муж. р. оканчивались на **јь** или **иь**, в им.-в. ср.-р. на **је** или **йе** или на **е** со смягчением предшествующего согласного звука, а остальные формы образовывали от основы на **ьш**: ст.-сл. добрѣи, добрѣѥ, добрѣиши; болии болѥ, больши. Им. ед. ж. р. причастий и прилагательных в сравн. степ. оканчивался на **и** (примеры см. выше), им. множ. муж. р.—на **е** (в ст.-сл. сѫште, ѣдѫште, идѫште, несѫште, знаѭште, хвалѧште, несъше, знавъше, хвальше, добрѣише, больше), а остальные формы образовывались по образцу склонения имён муж. р. на **-ь** с род. ед. на **-а** и имён ж. р. на **-а**.

Причастия наст. вр. от нетематических глаголов и от тематических глаголов 1-го спряжения с основами на твёрдые согласные звуки в им. ед. муж. р. в др.-р. яз. оканчивались не на **-ы**, как в ст.-сл., а на **а** без смягчения предшествующего согласного звука: дада, ѣда, ида, река, мога, неса, зова и пр. Подобные же формы имеются и в чешском яз., где они сохранились до сих пор: jda, moha, nesa и пр. В старопольском те же формы оканчивались на **о** носовое без смягчения предшествующего согласного звука: niosą, przydą, mogą и пр.; в старосербском—на **е**: несе и пр. Носовые гласные звуки являлись в этом окончании и в некоторых древнеболгарских говорах XI в., как показывают некоторые ст.-ср. памятники, передающие эти звуки частью буквою ѫ, частью буквою ѧ, частью особым знаком, отлич-

ным и от ѫ и от ѧ; в русских копиях с подобных памятников мы находим в этих случаях ж, ѧ и а. Слова Григория Богослова: сѫи, сѧи, Изб. 1073 г.: живѧи 7 с. жьрѧ 82 в, река и пр.

Можно думать, что это—новообразования, возникшие или в отдельной жизни этих языков по аналогии с причастиями от глаголов 2-го спряжения и притом в русском, чешском и польском языках после того, как согласные перед старым е носовым смягчилось, так как иначе мы ждали бы в этих языках перед а и перед о носовым мягкие согласные, или еще в говорах о.-сл. яз.; в последнем случае, здесь являлся звук, близкий к е носовому, но более задний, не вызывавший впоследствии смягчения находившихся перед ним согласных. Примеры причастий на а в памятниках—с XI в.: река, приснотекаи, Изб. 1073 г., пекася, вьсемогам Уст. XI в., паса Минея 1095 г., зова, мога Минея 1096 г., чьта, ида, ѣда Уст. XII в. возма Смол. грам. 1230 г., река и др., Р. Пр. 1282 г., дада, ѣда Ж. Феодосия и др. некоторые из этих примеров можно понимать, как русскую передачу ю.-сл. форм на носовую гласную, отличную от ѫ и ѧ, но в. б. ч. случаев это, несомненно,—русские формы.

Возможно, что и формы им. ед. муж. р. причастий наст. вр. от глаголов 1 спр. с основами на j и на мягкие согласные первоначально звучали с ѣ носовым, которое было заменено ę носовым лишь впоследствии.

Склонение местоимений личных в о.-сл.

§ **368**. Местоимения личные и возвратные в о.-сл. имели следующие формы:

Число.	Пад.	1-ое л.	2-ое л.	Возвр.
Ед.	И.	ja	ты	—
	В.	мене, мен	тебе, тен	себе, сен
	Р.	мене	тебе	себе
	Д.	мънѣ, ми	тебѣ, тобѣ, ти	себѣ, собѣ, си
	Тв.	мънойу	тобойу	собойу
	М.	мънѣ	тебѣ, тобѣ	себѣ, собѣ
Дв.	И.	вѣ	ва	—
	В.	на	ва	—
	Р.-М.	найу	вайу	—
	Д.-Тв.	нама	вама	—

Число.	Пад.	1-ое л.	2-ое л.	Возвр.
Мн.	И.	мы	вы	—
	В.	насъ, ны	васъ, вы	—
	Р.-М.	насъ	васъ	—
	Д.	намъ	вамъ	—
	Тв.	нами	вами	—

Формы **ме**^{н}, **те**^{н}, **се**^{н}, **ми, ти, си, ны, вы** употреблялись, как энклитики.

§ **369.** Им. ед. местоимения 1-го л. являлся в о.-сл. в двояком виде: 1. **ja**, 2. **jазъ.** Форма **ja** сохранилась во всех славянских языках, кроме болгарского и словинского (в ст.-сл. её тоже не было), а форма **jазъ** уцелела теперь только в болгарском (в виде азъ, ази) и словинском (jaz), но была известна также древнерусскому, старопольскому и старочешскому языкам и засвидетельствована памятниками этих языков. В ст.-сл. было только **азъ** или **ꙗзъ.** В ст.-сл. и болгарском **азъ** произошло отпадение начального **j** или **й** уже на почве этих языков.

В письменных памятниках русского языка **я** впервые встречается в XI в., именно—в Словах Кир. Иерус.: нъ ꙗ рекоу 160; из памятников нач. XII в. „я“ встречается в Мстисл. Ев. до 1117 г.: ꙗ изгоню бѣсы (в остальных ев. текстах здесь „азъ“). Мстиславовой грамоте 1130 г.: а се ꙗ всеволодъ далъ ѥсмь; в той же грамоте есть и **язъ**: а се ꙗзъ далъ роукою своѥю. Последняя форма сохранялась в русском яз. довольно долго: в грамотах московских князей и даже в их частной переписке она встречается еще в XV и XVI вв., напр., в письме вел. кн. Василия III к жене: язъ здесь, далъ богъ, живъ. Грамоты московских князей обычно начинаются: „Се язъ, князь великий“.

§ **370.** Дат. ед. местоимения 1-го лица получен русским яз. из о.-сл. в виде **мънѣ,** откуда литературное и с.-в.-р. мне, мни. М.-р. менi, б.-р. и ю.-в.-р. мине́ (=менѣ) восходит к о.-р. диалектическому менѣ, а эта форма, вероятно,— новообразование о.-р. эпохи (ср. аналогичные новообразования в сербском: мени, и в словинском: meni).

§ **371.** Формы дат.-местн. ед. местоимения 2-го л. и возвр. получены русским яз. из о.-сл. наравне с польским, кашубским и чешским с гласною **о: тобѣ, собѣ,** а в остальные славянские языки перешли формы с гласною **е: тебѣ,**

себѣ; возможно, что эти последние были тоже получены русским языком из о.-сл. В русских письменных памятниках формы **тобѣ, собѣ** довольно часты уже с XI в., как в южных, так и в северных; встречающиеся там формы **тебъ, себѣ** (в древнейший период исключительно в памятниках церковного письма) [1]) могут рассматриваться, как церковнославянские, на что указывает нередкое правописание их с **е** вместо **ѣ: тебе, себе** (напр., в Арх. Ев., где **тобѣ, собѣ** постоянно пишутся правильно: не послоужихомъ тебе 86, рекоша ко себе 86 об. и др.). В нынешнем м.-р. только **тобі, собі**, в б.-р. **табе, сабе**, где **а** из **о**; в в.-р. рядом с **тобѣ, собѣ** довольно обычны и формы **тебѣ, себѣ**; в литературном—только последние; возможно, что они—книжного происхождения.

Местоимённое склонение в о.-сл.

§ **372.** По местоимённому склонению изменялись в о.-сл.: 1. указательные местоимения: **тъ, иь, сь, онъ** и др., 2. вопросительные **къ-то, чь** или **чь-то** (**то** здесь неизменяемая частица) и сложные с ними; 3. притяжательные: **мойь, твойь, свойь, нашь, вашь, чьйь**; 4. слова: **вьсʲь** (с **с** мягким), **вьсʲакъ** (с **с** мягким), **самъ, мъногъ, тјудјь** (или „чуджь", где **ч** и **дж** с долгим затвором, ст.-сл. **штоуждь**, др.-р. **чужь**) и др., 5. числительные: **единъ** или **инъ, дъва, оба**. Местоимения „къ-то" и „чь" или „чь-то" не имели форм рода и числа; остальные местоимения имели падежные формы трёх чисел и формы трёх родов—мужского, женского и среднего. По образованию падежных форм местоимённое склонение можно подразделять на а. склонение местоимений с основой на твёрдые неслоговые звуки, б. склонение местоимений с основой на мягкие (й, ч, ш, дј), а также местоимение **сь** (где **с** не было мягким), и в. смешанное склонение, к которому принадлежало местоимение **вьсь**.

Окончания падежных форм: а) Ед. ч. муж. и ср. р.: им. муж. р. **ъ**, ср. р. **о**, в.=им. или р., р. **ого** (с **г** фрикативным), д. **ому**, тв. **ѣмь**, м. **омь**. Сюда же относились формы место-

---

[1]) Хотя бы и русского происхождения, как Ж. Феодосия и Сказание о Борисе и Глебе в Усп. Сборнике XII в.

имения **къ-то:** им. **къ-то,** в.-р. **кого,** д. **кому** и пр. Ж. р.: им. **а,** в. **о** носовое, р. **о**^{н} **йѣ**^{н} (с **о** и **ѣ** носовыми), д.-м. **ойь,** тв. **ойо**^{н} (с **о** носовым в конце). Дв. ч.: им.-в. муж. р. **а,** ж. и ср. **ѣ,** р.-м. **ойу,** д.-тв. **ѣма.** Мн. ч.: им. муж. р. **и,** им.-в. ж. р. **ы,** ср. р. **а,** в. муж. р. **ы,** р.-м. **ѣхъ,** д. **ѣмъ,** тв. **ѣми.** У местоимений с основой на **к:** къто, вьс^{i}акъ, такъ, јакъ и др. звук **к** перед **ѣ** изменялся в **ц: цѣмь, вьс^{i}ацѣмь, тацѣмь, јацѣмь.** б) Ед. ч. Муж. и ср. р. им. муж. р. **ь,** ср. р. **е,** в.=им. или р., р. **его** (с **г** фрикативным), д. **ему,** тв. **имь,** м. **емь.** Сюда же относились формы местоимения **чь** или **чьто:** им.-в. **чь** или **чьто,** д. **чему** и пр.; в р., кроме **чего,** также **чьсо** и **чесо.** Ж. р. им. **а, и** (последнее окончание только у местоимения **си**), в. **о** носовое и **ийо**^{н} (только **сийо**^{н}), р. **ейѣ**^{н} (с **ѣ** носовым), д.-м. **ейь,** тв. **ейо**^{н}**.** Дв. ч.: им.-в. муж. р. **а,** ж. и ср. р. **и,** р.-м. **ейу,** д.-тв. **има.** Мн. ч. им. муж. р. **и,** им.-в. ж. р. **ѣ** носовое, а от местоимения **сь**— **сийѣ**^{н} (с **ѣ** носовым), им.-в. ср. р. **а,** в. муж. р. **ѣ** носовое, р.-м. **ихъ,** д. **имъ,** тв. **ими.** в) Местоимение вьсь образовывало с **ѣ** все формы, имевшие в окончании этот звук у местоимений в группе а, т.-е. тв. ед. муж. и ср. р., им.-в. дв. ч. ж. и ср. р., д.-тв. дв. ч., р.-м., д. и тв. мн. ч.: вьсѣмь, вьсѣ, вьсѣхъ, вьсѣмъ и др., а остальные формы, как местоимения в группе б: вьсе, вьсего, вьсему, вьсемь, вьсейѣ^{н}, вьсейь, вьсѣ^{н} и др.

§ **373.** Вин. ед. совпадал с род. ед. у местоимения **къ-то** (только: кого, как показывают все славянские языки, в том числе и ст.-сл.), а также в тех случаях, когда местоимение согласовалось с именем муж. р., имевшим форму р. ед. в значении вин., или указывало на такое имя, от которого род. ед. мог употребляться в значении вин.

§ **374.** В род. ед. муж. и ср. р. о-сл. язык имел окончание **ого** или **его** с фрикативным (длительным) **г.** См. §§ 151 и 265.

Относительно **ѣ** носового в формах местоимённого склонения см. выше §§ 134 и 352.

§ **375.** Им.-в. местоимения **чь** без частицы **то,** предполагаемая для о-сл. яз. на основании ст.-сл. **ничьже** и т. п. и показаний сербского, польского, чешского и словинского языков, в русском яз. не сохранилось. Существование в русском яз.

в какой-либо период род. чьсо, чесо или чесого и дат. чесому не может быть доказано; правда, эти формы встречаются в древнейших памятниках (XI—XII в.в.), но исключительно церковных (Остр. Ев., Арх. Ев. и т. п.), и могут рассматриваться, как церковно-славянские. О форме им. ед. **чо** см. ниже § 408.

§ **376.** Местоимение **вьсь** в вин. ед. ж. р. могло в о.-р. звучать, как **вьхо**^{н}, откуда в историческую эпоху — **вьху;** именно, в таком виде эта форма встречается в Духовной Варлаама Хутынского до 1192 г.: в х о у ж е т о у з е м л ю х о у т и н с к о у ю. Несмотря на единичность этой формы не только в русских памятниках, но и во всех славянских языках, существование её в XI в. и, следовательно, и раньше не подлежит сомнению. Так как она не могла возникнуть в русском яз., то необходимо предположить, что она получена в таком виде из о-сл. яз. Для понимания её напомню, что местоимение вьс^{i}ь, вьс^{i}а, вьсіе и т. д. получилось в о-сл. яз. из более старой формы вьхъ, вьха, вьхо в ту эпоху жизни о.-сл. праязыка, когда старые задненёбные после палатальных гласных при каких-то условиях смягчались и переходили в свистящие; следовательно, **с** мягкое здесь такого же происхождения, как и **ц** в словах отец, лицо, девица или **з** в князь, колодязь, нельзя и пр. Менее ясно **х** во **вхе полъ** Новг. 1 летоп. Об о-сл. **з, с, ц** из **г, х, к** после палатальных гласных см. выше § 147.

§ **377.** Местоимение **къйь** или **койь** уже в о-сл. образовывало одни формы от основы **кой,** другие — по сложному склонению прилагательных (см. § 379), а именно, основа **кой** являлась в род., дат. и местн. ед. муж. и ср. р., косвенных падежах ж. р. и род.-местн. дв. ч., но диалектически, повидимому, могла быть и в других падежах; по сложному склонению от основы **к** образовывались формы им.-вин. и тв. ед. муж. и ср. р., вин. ед. ж. р. (рядом с формой от основы **кой: койо**^{н} и **ко**^{н} **йо**^{н}, откуда в русском: **кою и кую**), им.-вин. и дат.-тв. дв. и все формы мн. ч. Впрочем, трудно сказать, перешли ли формы этого местоимения по сложному склонению из о.-сл. в русский яз.: из др.-р. памятников церковного письма они мне не известны. В.-р. формы им. ед. ж. р. и мн. ч. по местоимённому склонению от основы

кой: коя (им. ед. ж. р.), кои (им. мн.), коих, коим, сохранившиеся до сих пор и засвидетельствованные памятниками XIV—XV в., напр., коя — грам. до 1417 г. собр. Муханова, кои, Двинск. грам., на коих, Новгор. грам. 1373 г. и др., можно считать как новообразованиями, так и старыми формами, восходящими к о.-сл. эпохе. Ср. подобные же формы в старосербском и даже в ст.-сл. **коихъ**, Зогр.

§ 378. Числительные дъва, оба (муж. р.; ж. и ср. р. дъвѣ, обѣ) в о.-сл. имели двоякие формы: по местоимённому склонению: р.-м. дъвойу, обойу, д.-тв. дъвѣма, обѣма, и по именному: р.-м. дъву, обу, д.-м. дъвома, обома. Первые формы перешли между прочим в ст.-сл. яз., а последние — в русский, польский и чешский, хотя всем этим языкам были известны и формы, образованные по местоимённому склонению. В др.-р. памятниках встречаются и те и другие: двою Смол. грам. 1229 г., Р. Пр. по списку Моск. Патр. б-ки 1282 г., Новг. грам. 1305 — 1308 г. и др., съ дъвѣма Дух. Варл. Хут. до 1192 г., дъвоу Усп. Сб. XII в., Патр. Кормчая и Р. Пр. 1282 г. и пр. К старой форме **дву** восходит нынешнее **двух;** форма **двома** сохранилась в м.-р. Форма **двою** сохранилась лишь как наречие, и в слове **двоюродный.**

Сложное склонение прилагательных.

§ 379. Сложное склонение прилагательных членных или определённых образовывалось в о.-сл. через присоединение падежных форм местоимения **ь** к падежным формам именного склонения прилагательных. При слиянии произошли некоторые изменения, вследствие чего падежные окончания в эпоху распадения о.-сл яз. являлись приблизительно в таком виде: Ед. ч. муж. и ср. р.: им. муж. р. **ыйь, ийь** с **ы, и** редуцированными (у прилаг. в сравнит. степени также **ѣйь,** у причастий наст. вр. **е**^{н} **йь** и, может быть, **ѣ**^{н} **йь**), ср. р. **ойе, ейе**, в. = им. или род., р. **айего** (с **г** фрикативным), д. **уйему,** тв. **ыйимь, ийимь,** м. **ѣйемь, ийемь.** Ж. р.: им. **айа, ийа** (окончание **ийа** только у причастий и прилагательных в сравнит. степ.), в. **о**^{н} **йо**^{н}, р. **ыйѣ**^{н}, **ѣ**^{п} **йѣ**^{н}, д.-м. **ѣйь, ийь,** тв. **ойо**^{н}, **ейо**^{н} и **о**^{н} **йо**^{н}**.** Дв. ч. им.-в. муж. р. **айа,** ж. и ср р. **ѣи, ии,** р.-м. **уйу,** д.-тв. **ыима, иима.** Мн. ч. им. муж. р. **ии, еи** (оконч. **еи** — у причастий и прилаг. в сравн. степ.), им.-в.

ж. р. и в. муж. р. **уйѣ**^{и}, **ѣ**^{и}**йѣ**^{и}, им.-в. ср. р. **айа,** р.-м. **ыихъ, иихъ,** д. **ыимъ, иимъ,** тв. **ыими, иими.** Возможно, что еще в говорах о.-сл. яз. произошли и дальнейшие изменения в падежных окончаниях этого склонения, именно, выпадение **й** перед **е** и стяжение **ѣе** в **ѣ, ыи** в **ы,** а **ие, ии** в **и.** На это указывает то обстоятельство, что стяжённые формы тв. и м. ед. муж. р., д.-тв. дв. и косвенные падежи мн. ч. являются во всех славянских языках и засвидетельствованы уже древнейшими памятниками ст.-сл. и русского языков. Существование рядом с ними нестяжённых форм тех же падежей не только в ст.-сл. памятниках, но и в оригинальных русских памятниках, правда, только церковного письма, как Житие Феодосия Печ., позволяет думать, что некогда (до XII в.) в русском яз., может быть, существовали и те и другие формы. Что касается нынешних сев.-в.-р. форм в роде **добрыих, высокиим,** то их трудно возводить к этим нестяжённым формам и, по всей вероятности, следует считать поздними новообразованиями под влиянием им. мн.

§ 380. Формы сложного склонения прилагательных сохранялись почти без изменений в ст.-сл.; только окончания **аего, уему, ѣемь, иемь** могли изменяться в **ааго, ууму, ѣѣмь, иимь** (в ст.-сл. памятниках употребляются как формы на **аѥго** и пр., так и формы на **ааго** и пр.). В западно-славянских языках они подверглись стяжению, ср. поль. dobrego, dobremu и пр. чеш., dobrého, dobrému с **е** долгим, как получившимся из стяжения). Что касается русского яз., то некоторые формы членных прилагательных уже в древнейших памятниках русского языка встречаются с окончаниями местоимённого склонения, присоединёнными не к падежной форме прилагательного, а прямо к основе, и в таком виде известны и нынешнему русскому языку на всём его пространстве или в большинстве говоров. В виду того, что подобные формы существуют издавна в сербском и отчасти в словинском и верхнелужицком языках, можно думать, что они возникли еще в говорах о.-сл. языка. Эти формы:

1. Род. ед. муж. и ср. р. на **ого, его;** древнейшие примеры — в Смол. грам. 1229 г.: дѣтьского, лучьшего и т. п. В более древних русских памятниках русского письма род. ед. муж. р. прилагательных вовсе не встречается, а

в церковных памятниках обычны формы на **ааго** и **аго**; эти окончания довольно строго выдерживаются и в позднейших церковных памятниках даже русского происхождения: так, напр., в Житии Феодосия Печ. по списку XII в. нет ни одного примера на **ого**; формы на **ааго**, **аго** обычны и в летописях (напр., в 1 Новгор. по списку Патр. б-ки, Лавр., Ипат. и др.) при более редких формах на **ого**, **его** и даже в Русской Правде по списку 1282 г. свободьнааго 621, желѣзнаго, ветхаго 625 об., на конечняго, до третьяго 618 и др. рядом с формами на **ого**, **его**. Но в грамотах формы на **ааго**, **аго** почти не встречаются; трудно сказать, были ли они известны и живому языку; в летописях и Р. Пр. они могли бы объясняться влиянием церковной орфографии. В нынешних русских языках только **ого**, **его** с их дальнейшими изменениями.

2. Дат. ед. муж. и ср. р. на **ому**, **ему**; эта форма с таким окончанием встречается уже в некоторых церковных памятниках XI в., напр., в Изборнике 1073 г. (вышьнемоу, пьрвомоу и др.) и 1076 г., Минеях 1096 г. и др., рядом с обычной церк.-сл. формой на **оуоумоу**, **оумоу**. В летописях и других памятниках церковного письма за немногими исключениями, которые можно считать описками,—только **ому**, **ему** (Смол. грам. 1229 г.: дѣтьскому, горячему и т. д.); в нынешних русских языках—только эта форма.

3. Местн. ед. муж. и ср. р. на **омь**, **емь**; древнейшие примеры—в той же Смол. грам. 1229 г.: на готскомъ березѣ; ср. нын. в.-р. **ом**: добром, злом, меньшом (в говорах, где старое **о** под восходящим ударением перешло в **уо**, в этих формах, как и в остальных падежах склонения прилагательных, произносится **уо**: на худуом и пр.), м.-р. украинск. **ім**: біднім, закарпатск. **ум**: біднум, где **і** и **у** из старого **о** в новом закрытом слоге (см. § 230). В др.-р. церковных памятниках исключительно **ѣюмь**, **ѣмь** по старославянски; та же форма встречается и в памятниках не церковного письма, напр., в Р. Пр. 1282 г.: въ тиуне... ратаинѣмь, о мѣсяцнѣмь рѣзѣ, а в летописях в таких оборотах, как: на дворѣ теремьстѣмь, велицѣмь князи рустѣмь (Лавр.), в Неревьскемь конци. на Новѣмь търгу (Новгор.), что, может быть, указывает на существование и этой формы в др.-р.

живом языке. В грамотах — исключительно формы на **емь, емь**.

4. Род. ед. ж. р. на **оѣ, еѣ** (где **ѣ** из **ѣ** носового); древнейшие примеры — во 2-м почерке Арх. Ев. **стоѣ мчнцѣ 169**, **явльшеѥ ся звѣзды 145**; там же встречаются формы на **оѩ** (вместо ст.-сл. форм на **ыѥ**),; ср. также в Уст. XII в.: пѧтоѩ, пѧтоѣ, девѧтое и др., в Сказании о Борисе и Глебе в списке XII в.: пагубьноѣ, ветъхоѣ, деревяноѣ. К этой форме восходят м.-р. род. ед. ж. р. на **оï, еï** (ï из старого **ѣ**): старої, передньої и диалект. передньої; в.-р. род. ед. на **ой** — новообразование. Форма на **ыѣ, иѣ** (**и** после старых мягких нефонетических вм. ѣ), с фонетическим изменением конечного ѣ в **е**, встречается, между прочим, в московских юридических памятниках XIV — XVII в. в.: Скирменовъские слободъки Духовная Димитрия Донского, переяславскіе соли грам. 1432 г., торговые цѣны Уложение 1649 г. и др., и сохранились в некоторых с.-в.-р. говорах Архангельской и Олонецкой губ.: молодые, горькие, кирписьние и т. п.

5. Дат.-местн. ед. ж. р. на **ой, ей**; примеры — в Смол. грам. 1229 г. и позднее; в нын. в.-р. **ой**: молодой и пр., м.-р. украинск. **і** или **ій**: молодій, добрі, где **і** из **о** в новом закрытом слоге, закарпатск. **у**: добруй, синюй. В церковных памятниках по-старославянски **ѣи**; то же окончание дат.-местн. ед. ж. р. прилагательных встречается и в Р. Пр. по списку 1282 г.: о задници боярьстѣи, и в Новгор. летописях: на Рогатеи улици и др.

6. Род.-местн. дв. на **ою, ею**; примеры — в памятниках XI в.: Арх. Ев. стою мчнкоу 133 об., Минея 1096 г.: **из мрачьною адовьною бокоу 139** и др.

2. Общерусские изменения форм склонения.

§ **381.** Мы рассмотрим здесь как те изменения форм склонения, которые произошли еще в о.-р. эпоху, так и те, которые возникли позднее, но тем не менее являются общерусскими, т.-е. произошли во всех русских языках.

§ **382.** Судьба форм двойственного числа. Двойств. число в формах склонения, как и в формах спряжения, утрачено всеми русскими языками; старые формы двойств. ч. вообще заменились формами множ. ч., а в тех

случаях, где сохранились, совпали по значению с формами множ. ч. или получили другое значение. Начало этой утраты относится, несомненно, к о.-р. эпохе, но завершился этот процесс позднее, уже после распадения о.-р. языка. В письменных памятниках случаи замены форм дв. ч. формами мн. н. попадаются уже в XIII в.: в Житии Нифонта 1219 г.: помози рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшема..., Смол. грам. 1229: та два была... ехали, и т. п., но еще в Лавр. летописи формы дв. ч. употребляются по бо́льшей части правильно, как и в Новгородских грамотах XIV в. и даже, частью, позднее, что, может быть, объясняется письменной традицией. Повидимому, формы дв. ч. раньше подвергались утрате не при числительных **два** и **оба**, при которых некоторые старые формы дв. ч. сохранились до сих пор; кроме того, дольше других могли держаться формы дв. ч. от названий парных предметов, которые раньше употреблялись преимущественно в дв. ч. Сохранившиеся в нынешнем русском остатки старых форм дв. ч. принадлежат именно к этим двум категориям; это 1. а) в.-р. два ра̀за, два ря̀да, два ша̀га, где сохранилось старое ударение им. дв., и формы род. ед. муж. р. при им. п. числительных два и оба, отличающиеся, во многих случаях, от старых форм им. дв. ударением: два города, два воза и пр.; последние формы явились потому, что при утрате категории дв. ч. формы им. дв. были отожествлены с род. ед.; б) м.-р. дві корові, дві книжці, дві відрі и т. п., б.-р. дзвѣ руцѣ, дзвѣ сялѣ и т. п.; 2. в.-р. рукава, берега, глаза и пр. (с ударением на конце), уши, двумя (вместо двома) и пр., м.-р. ру̀кава, ву́са, повода, очи, вуши, тв. очима, плечима, двома, б.-р. — род-м. ачу, вушу, тв. ачыма, ушыма, плячыма, дзвярыма. Все эти формы давно уже перестали сознаваться, как формы дв. ч. в.-р. формы на **а** при числит. два были приняты за род. ед., а остальные формы получили значение множ. (с м.-р. дві корові, б.-р. дзвѣ руцѣ. ср. м.-р. два воли, б.-р. два браты и т. п.), вследствие чего возникли новообразования: формы, являвшиеся сначала при числительном два, во всех русских языках стали употребляться и с числительными три и четыре: в.-р. три ряда, четыре шага и т. д., м.-р. три корові, чотири селі и т. п.; по аналогии со старыми берега,

глаза явились в в.-р. им. мн. на а: города и пр.; при тв. в.-р. двумя, м.-р. двома, б.-р. двама явились тв. в.-р. тремя, четырьмя, м.-р. трома, чотирма, пятьма и пр., б.-р. трыма, четырма; наконец, в некоторых в.-р. говорах получили распространение тв. мн. прилагательных на **-ма**: добрыма, большима.

§ **383.** Судьба именного склонения прилагательных и причастий. Прилагательные, кроме притяжательных, и причастия в русском яз. по бо́льшей части утратили формы косвенных падежей по именному склонению вследствие того, что в качестве определения стали употребляться членные формы прилагательных, а бесчленные, таким образом, должны были сохраниться лишь при сказуемом, между прочим, в составе сложного сказуемого, где такие прилагательные являлись в форме им. пад.: он красив, она добра, мы вам ради или рады и т. п. В русских памятниках XII — XIII в. именные формы косвенных падежей прилагательных очень редки: Мстисл. грам. 1130 г.: дьржа роусьскоу землю, блюдо серебрьно; Смол. грам. 1229 г.: добра мужа, инъму добру человѣку, дають ѥму Двину свободну (членные формы в той же грамоте гораздо чаще), Новг. грам. 1265 г. от хмелна короба. В летописях XIV в. бесчленные формы косвенных падежей нередки, хотя значительно реже членных: 1 Новг. летоп.: оубиша добра князя полотьского, бяше то мѣсто велми силно твердо... на камени высоцѣ, придоша свѣі въ силѣ велицѣ, і створиша волость іхъ пусту, дѣлаша мостъ новъ чересъ Волховъ и др. Можно заметить, что дольше всего бесчленные формы косвенных падежей прилагательных сохранялись при употреблении прилагательных в качестве вторых косвенных падежей при сказуемом.

В нынешних русских языках, и в.-р., и б.-р., и м.-р., именные формы косвенных падежей прилагательных сохранились лишь в наречиях: мало-по-малу, по-многу, по-добру по-здорову, по-суху, на-бело, вчерне, до-красна, из-грязна, засветло, вдалеке и т. п., а также в качестве определений-эпитетов в языке песен: садился на добра коня, выпил чару зелена вина, прижал к ретиву сердцу и пр.; такие формы в песнях известны как в.-р., так и б.-р. и м.-р. языкам;

очевидно, язык песен или самые эпитеты, в которых сохранились именные формы, вырабатывались в то время, когда эти формы были в языке вполне употребительны на-ряду с членными. С утратой именных форм прилагательных в значении определений, членные формы стали употребляться и в составном сказуемом; на-ряду со старыми: он беден, он был молод, во всем русском яз. стали возможны обороты: он бедный, он был молодой, но в в.-р. они окончательно вытеснили именные формы только у прилагательных относительных, а у так наз. прилагательных качественных вообще не получили дальнейшего развития; в м.-р. и б.-р. обороты с членными формами прилагательных вытеснили старые обороты с именными формами прилагательных.

Повидимому, не все формы именного склонения прилагательных были утрачены русским языком одновременно, а именно, формы тв. ед. муж. и ср. р. и д.-м. ед. ж. р. и косвенных падежей множ. ч. были утрачены раньше и притом всеми прилагательными, в том числе и притяжательными. Поэтому от прилагательных притяжательных на **ов, ин** в этих падежах употребляются формы только по сложному склонению уже в грамотах XIII—XIV в.; ср. в грамоте рижан в Витебск около 1300 г.: у розбойникове клети, у розбойникову клеть, но: со розбойниковымъ товаромъ. От остальных прилагательных даже в языке песен в этих падежах являются тоже только формы по сложному склонению. Форма род. ед. ж. р. прилагательных по именному склонению сохраняется еще в языке песен: у молоды жены и пр., но утрачена прилагательными на **овъ** и **инъ**, образующими этот падеж, как д-м. ед. ж. р, и косв. падд. мн. ч., по сложному склонению. В остальных падежах формы по именному склонению сохраняются только в языке песен и у прилагательных притяжательных (от которых формы этих падежей по сложному склонению не употребительны), а в остальных случаях утрачены.

Как мы видим, именные формы косвенных падежей прилагательных утрачены были не сразу и, выходя из употребления, заменялись членными формами прилагательных. Несколько иную судьбу имели такие же формы прилагательных в сравнительной степени и причастий.

В тех случаях, когда причастие должно было стоять в косвенном падеже, мы уже в древнейших памятниках нередко находим форму им. ед. ж. р. или им. множ.: Изб. 1073 г.: повелѣ мнѣ прѣмѣноу сътворитi рѣчи инако набѫдяште тождьство разоумъ (запись), Ж. Феодосия Печ.: ономоу съповѣдающи ми 33, повелѣ юдиномоу от братии... несъше въсыпати 52, Пантел. Ев.: iако самомоу вълѣзъше в корабль сѣдѣти 67 об., Синайск. Патерик XI в.: видѣхомъ постьника сльзы изливающи 28 об.,—Смол. грам.1230 г.: правити ему поемъши, Р. Пр. 1282 г.: урочи городнику закладаюче и т. п. Очевидно, в живом языке сохранялись в это время только формы имен. пад. бесчленных причастий, и постановка их в косвенном падеже (чаще всего—в книжной форме дат. самостоятельного) представляла для писца трудности. В тех случаях, когда причастие в бесчленной форме должно было стоять в имен. пад., оно в памятниках XI—XIII в. обыкновенно правильно согласовалось в роде и числе с тем именем, к которому относилось[1]); исключения вроде: помоливъши ся епископъ Ж. Нифонта 1219 г. 74, исправя чтѣте там же (запись), жены кланяют ся тако молвя Новг. Корич. 1282 г., л. 520,—единичны. Но в памятниках XIV в. чаще начинают попадаться случаи несогласования причастия с существительным и в роде и в числе: Ев. 1354 г.: Iсъ отшедши скры ся 157 об., Лавр. летоп.: забывъ молвячуть (под 1177 г.) и др., ю.-р. грам. 1387 г.: хто... слышить чтучи и т. д. А это смешение указывает, что причастия в живом языке уже утратили или стали утрачивать, кроме форм косвенных падежей, утраченных раньше, так же и формы рода и числа, т. е. таким образом превратились или были на пути к превращению в глагольные наречия уже в XIV в., как на севере, так и на юге Руси. Нынешние глагольные наречия, получившиеся из причастий, или так наз. деепричастия, как мы видим, восходят к старым формам им. пад., именно а) в.-р. деепричастия на **а**, **въ**: любя, неся, идя, сидя, лёжа, зная, бегая, давая, уйдя, увидя, сплетя, став, сказав, узнав, написав, сходив, вернув, уси-

[1] Впрочем, род правильно различался лишь в ед. ч., а во мн. употреблялась одна форма на **е** (че, ше), по происхождению—муж. рода.

лев, украв и пр.—к старому им. ед. муж. р., б) в.-р., б.-р. и м.-р. деепричастия на **чи** (учи, ячи), **ши, вши:** в.-р. идучи, сидючи, знаючи, играючи, крадучись, написавши, узнавши, признавшись, проснувшись, лёгши, принёсши, диалект. пришоччи и др., м.-р. знаючи, мислячи, бравши и пр. — к им. ед. ж. р. (на **чи, ши**) или к им. мн. муж. р. (на **че, ше**).

§ **384**. Употребление формы род. пад. вместо вин. Об употреблении род. ед. вместо вин. ед. от имён одушевлённых предметов муж. р. и местоимений, когда они обозначают живые существа или относятся к именам, имеющим форму род. пад. в значении вин., см. выше § 350. В древнейших русских памятниках такое употребление встречается на-ряду со старым употреблением формы вин. пад., совпадающей с имен., при чем в памятниках нецерковного письма уже в XII и XIII в. формы вин.=имен. от имён одушевленных предметов мужеского рода в ед. ч. очень редки; так, в Смол. грам. 1229 г. только: за лихии мужь; в остальных многочисленных случаях форма вин. ед. совпадает с род.: своего лучьшего попа, умьна мужа, имьть татя, его и пр. В других грамотах и особенно в Р. Пр. 1282 г. вин. ед.=имен. чаще: убьють и, за боранъ 619, за холопъ 626 об., порежеть конь 625, переиметь чюжь холопъ 626 об. и др., но в общем немногочисленны. В некоторых выражениях эти формы попадаются и в грамотах XIV в.: за одинъ Дух. Симеона Гордого и Димитрия Донского и др., а в летописях по спискам XIV и XV в. они не редки, наприм., в Лавр. летописи даже в части после 1110 г.: посла Володимеръ сынъ свой Романа..., сынъ свой другый Андрѣя (под 1119 г.) и т. п., хотя формы вин.-род. чаще.

В о.-р. эпоху формы род. мн. стали также употребля́ться в значении вин. мн. от всех названий лиц, а диалектически, быть может, и от названий вообще живых существ, без различия рода. Правда, в памятниках до XV в. такое употребление очень редко и притом, кроме единичного: „мьтати жеребѣи кого напьрьдъ вѣсти... аже будуть людие из ыное земль **тьхъ** посль вѣсти“ в Смол. грам. 1229 г., все остальные примеры, известные мне, только в в.-р. памятниках: а холопы и дольжники и поручникы... **тѣхъ** выдаваю Новг. грам. 1294—1301 г., отпусти **ихъ** прочь Новг. грам. 1304 и

1305—1308 г. и др.; созва бояръ и кыянъ Лавр. летоп. под 1097 г. и т. п. Но с XV в. такое употребление становится обычным, хотя продолжают сохраняться и старые формы вин. мн., встречающиеся в памятниках нецерковного письма еще в XVI и даже XVII в. Теперь как в в.-р., так и в б.-р. и м.-р. вин. мн. от названий лиц почти всегда=род. мн., за исключением немногих архаичных случаев употребления старой формы вин. мн.=имен. мн. (такие случаи в м.-р. и б.-р. чаще, чем в в.-р.). Форма же вин. мн. от названий живых существ не лиц (т. е. от названий животных)=форме род. мн. только в в.-р. и некоторых восточно-украинских м.-р. говорах, ср. в.-р.: он купил лошадей, коров, погнал быков, зарежь петухов и пр., м.-р. купив коні, корови, погнав воли, б.-р. гани валы, падой каровы и т. д. От местоимений и прилагательных форма род. пад. получила значение вин., если они относятся к словам, имеющим подобную же форму, точнее,—к существительным, обозначающим одушевлённые предметы муж. р. в ед. ч.: старого старика, верного слугу и пр., и одушевлённые предметы или только людей во множ. ч., независимо от их рода в ед. ч.: старых стариков, серых волков, бурых медведей, бодливых коров, сильных лошадей, верных слуг, домашних животных и пр.

Старые формы им.-в. ед. муж. и ср. р. местоимения **иь, јe** были русским языком утрачены, при чем форма вин. ед. была заменена во всём русском яз. формой род. ед. **јeго** независимо от того, обозначался ли этим местоимением одушевлённый предмет или нет. Ср. в. Смол. грам. 1230 г.: понесеть его (=товар) домовь, Ев. 1357 г. господь его (=жребя) требуеть 88, Чуд. Н. Завет 1383 г. Вы отрѣваете его (=слово) 68 и др.

Таким же образом старые формы вин. мн. всех родов того-же местоимения были заменены в русском яз. формой род. мн. **јихъ**.

Форма вин. ед. ж. р. того же местоимения **ју** тоже стала заменяться во всём русском яз. формой род. ед.; ср. в нынешних русских языках вин. ед. в.-р. **еѣ** или **её**, б.-р. **яѣ**, м.-р. її, еї, неї (ї из **ѣ**), хотя диалектически сохраняется и старое **ю** в некоторых с.-в.-р. говорах и в м.-р. В памятниках **еѣ** в значении вин. ед. засвидетельствована, кажется,

только с XIV в.: бивъ ея. Сборн. XIV в. Рум. М., № 1548 г. 80; вы выкупите ее Дв. грам. XV в., № 7; что ѣе пашут Моск. грам., собр. Беляева, № 16; пошлеть ее Вил. список, Литовск. летоп., ее малюють Позн. зап.-р. сборн. XV в. и др.

§ **385.** Совпадение форм им. и вин. мн. В о.-сл. эти формы различались только в муж. р., при чем форма вин. мн. имён и местоимений муж. р. совпадала с формою им.-вин. мн. ж. р. В русском яз., по аналогии со словами ж. р. форма вин. мн. имён и местоимений муж. р. стала употребляться в значении им. мн. и мало-по-малу почти вытеснила старые формы им. мн. В памятниках случаи употребления вин. мн. вместо им. мн. встречаются уже в XI в.: старьци людьскыи Арх. Ев. 98 об., но до XIII в. такие случаи очень редки; с XIII в. они чаще, первое время преимущественно в с.-р. памятниках: Ростовское Ж. Нифонта 1219 г.: неислѣдованыя неизмѣрныя чины раставлени быша 113; 1-я Новг. летоп.: вьрхы огорѣша и притворы (под 1217 г.), ядяху люди сосновую кору 81 б. и др., Новг. грам. 1270 г. приехаша послы, Лавр. лет.: а сторожѣ изъимани, безбожныѣ же сынове измаилови, и др. На то же употребление, вероятно, указывают и такие написания, как вин. мн.: идѣмъ въ ближняя вьси и гради в Милят. Ев. 1215 г.; можно думать, что это—искусственно образованные формы вследствие неумения отличить вин. мн. от им. В нынешних русских языках окончания им. или им.-вин. мн. обычно восходят к о.-сл. окончаниям вин. мн.: в.-р.: сады, морозы, старики, пороги, грехи (ки, ги, хи из кы, гы, хы фонетически), гвозди, голуби, пути, люди, бедные (ые из ыѣ), все (е из ѣ) и т. д.; м.-р. козаки, кожухи (не—ци, си!), коні, горобці, всі (і из ѣ) и т. д., б.-р. гарады, дамы, жанце, касце, людзи и пр. М.-р. им.-вин. мн. коти, ліси, городи и пр. тоже восходят к старым вин. мн., как это видно из карпатских говоров, где **ы** и **и** старые не совпали: коты, лісы, городы.

Впрочем, в некоторых случаях старые формы им. мн. продолжали сохраняться и уцелели до сих пор. Таковы во всех русских языках им. мн. на **ане:** в.-р. горожане, крестьяне, м.-р. міщане и пр., диалектически в в.-р. и здесь являются формы на **ы:** хресьяны, поезжаны и пр. Кроме того, к старым формам им. мн. в в.-р. восходят им. мн. от некоторых

имён лиц на **е:** бояре, баре (диалектич. бояря, баря, где „я“ фонетически из **е**), также, быть может, зятья, сыновья, кумовья, с.-в.-р. былинные татаровя, улановя, **им. мн. на и:** черти, соседи, бубни, хрести (в картах), им. мн. местоимений они, одни, мои, твои, свои и т. п. (при диалектич. оны, моѣ и пр.) и, наконец, некоторые предикативные формы мн. ч. прилагательных: сыти, ради, диалект. пьяни, голодни, богати и пр.; сюда же относятся и формы мн. ч. прош. вр.: были, ходили, читали, вели, пекли, несли, шли и пр. Что касается им. мн. кони, ножи, лучи, цари и т. п., то здесь могла быть аналогия со стороны таких им. множ., как гуси, гости, звери, огни, мыши, пути (по происхождению вин. мн.) и пр. В м.-р. к старым формам им. мн. восходят, кроме имён на **ане,** также, быть может, такие слова, как **люде,** и диалектич. формы на **ове,** если они не заимствованы с польского или словацкого: сусїдове, склепарьове и др.

§ **386**. Судьба форм склонения имён на ъ с род. ед. на у. Начало взаимного влияния склонений имён на **ъ** с род. ед. на **а** и на **у** относится еще к о.-сл. эпохе. В русском яз. последнее, как особая категория, совсем утрачено, но некоторые окончания этого склонения распространились на имена, принадлежавшие раньше к другому склонению: а) окончание род. ед. **у**, б) окончание местн. ед. **у** и в) окончание род. мн. **ов**. Первое из этих окончаний получили имена собирательные и вещественные, преимущественно в значении так наз. род. разделительного, а частью и другие имена, не обозначающие одушевлённых предметов (наприм., названия места и отвлеченных понятий). Примеры такого употребления в памятниках—XI—XIV в., ср. от льноу Изб. 1073 г., от бою Ж. Феодосия Печ. XII в. 47 об., въску Смол. грам. 1229 г., отъ лну Новг. грам. 1265 г., солоду [1]), гороху Р. Пр. 1282 г., пълку Лавр. летоп. и др. В нынешнем в.-р.: народу, нашего полку прибыло, блюдо киселю, товару, хмелю, ячменю, льду, льну, сахару, с ветру, с возу, с краю и пр.; б.-р. кисялю, пяску, торгу и пр.; м.-р. роду, піску, бобу, року, розуму, чаю, звичаю и др.

---

[1]) Впрочем, в род. ед. солоду, вероятно, окончание **у** старое, т.-е. это слово принадлежало в о.-сл. к тому же склонению, как сынъ, медъ и др. (см. §§ 354—358), ср. лат. saldus „сладкий“.

Местн. ед. на **у** распространился, главным образом, на имена неодушевленных предметов с односложной (преимущественно непроизводной) основой с ударением в остальных косвенных падежах на основе, а также на имена с основою на задненёбные согласные; впрочем, с течением времени, в разных русских языках и наречиях условия, при которых является местный ед. на **у**, несколько изменились. Примеры из памятников XIII в.: въ миру грам. 1229 г. (старая основа на **у**?), на Торожку Новг. грам. 1265 г., въ гною Парим. 1271 г., на търгу Р. Пр. 1282 г., на снѣгу Пандекты 1296 г. и др. В нынешнем литературном в.-р. яз. местный ед. на **у**, обязательно с ударением на окончании, образуется только от односложных слов, несложных с приставкой, являющихся в косвенных падежах также односложными или имеющих в остальных косвенных падежах ударение на основе, исключительно с предлогами **в** и **на**, только в чисто местном (не переносном) или временном значении: во лбу, во рту, на льду, во рву, в роду, на миру, в дому, на возу, в году, на краю, в раю, в хмелю и пр., а также от некоторых двусложных слов, имеющих в основе сочетания „оло", „оро", „ере" с ударением в остальных падежах на 1-м слоге: на холоду, в пологу, в коробу, на вороту, на берегу, в терему; также в полку́, на корню. В ю.-в.-р. нередко местн. на—**у** образуется от имён с основой на **к**, при чём ударение в этом падеже может оставаться на основе: на чердаку, на большаку, на рынку, на девишнику, в садочку и пр.; такого рода формы проникают и в литературный язык: на бережку, Тург. и др. Примеры из б.-р. и м.-р. языков: б.-р. на коню, на Дунаю, на конику, у чорным шоуку (первое **у** неслоговое), у Луцку и др.; м.-р. в снігу, в саду, на краю, в куреню, чаю, у садочку, в барвіночку, на хлопчику и др.

Формы род. мн. на **ов** от имён муж. р. получили преобладание перед формами на **ъ,ь** и почти вытеснили эти последние. В памятниках церковного письма, напр., в Житии Феодосия Печ. и Сказании о Борисе и Глебе по спискам XII в. [1]) формы на **овъ** еще редки: Ж. Феодосия: грѣховъ

[1]) Формы на **овъ, евъ** в древнейших списках евангелий, как грѣховъ, врачевъ в Остром. и Арх. Ев., могли перейти из ст.-сл. оригиналов, ср. те же формы в Зогр., Мар., Супр. и др.

29 об., 67, пълковъ 38, бѣсовъ 38, от манастыревъ 32 и некот. др. при более частых формах на **ъ**, **ь**. Старые формы чаще, чем формы на **овъ**, **евъ**, и в Лавр. летоп. (из форм на **овъ** отметим между прочим: городовъ, дневъ, сторожовъ под 1096 г.), значительная часть которой восходит к оригиналам XII и XIII вв. Но в памятниках делового письма с XIII в. формы на **овъ** преобладают: Смол. грам. около 1230 г. розбойниковъ bis, но: своихъ нємѣчь; Риж. грам. около 1300 г.: ратмановъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, отчовъ; Р. Пр.: хлѣбовъ, оуброковъ, послоуховъ и др., но также: локотъ, колико будеть возъ украдено. В Новгор. грамотах XIII и XIV вв. старая форма род. мн. только дѣдъ грам. 1265 г. и др., но повозовъ грам. 1265 г., закладниковъ грам. 1265 г. и др., а также: купцевъ грам. 1265 г. и др., новгородцевъ грам. 1265 г. и др., закладневъ грам. 1305 г. и др., рядом с купьць гр. 1305 г. и др. Ср. в нынешних в.-р. лесов, городов, купцов, краёв, обычаев и др., диалект. рублёв, ножов, товарищев, приятелев и пр., м.-р. украинск. козаків, батьків, городів, хлопців, країв, дурнів, князів, сторожів и др.

Старые формы род. мн. без окончания, восходящие к о.-р. формам на **ъ**, **ь**, сохранились теперь повсюду лишь от имён с основой на **ан**, **ар**, имеющих в ед. ч. суффикс **ин:** в.-р. мещан, горожан, бояр, татар и пр., м.-р. міщан, варошан и т. п.; кроме того, в м.-р. сохранились такие формы от некоторых имён при числительных: п'ять (шість, сім и пр.) раз, рік (лет), віз, чобіт, чоловік, ворог и пр.; то же в б.-р.; в в.-р. следы такого употребления в сочетаниях пять (шесть, семь и пр., много, сколько) раз, человек, аршин, но род. мн. глаз, волос, сапог, чулок, солдат употребляются и без числительных; ср. также диалектич. без зуб, без рог.

Формы дат. ед. на **ови** в о.-р. также распространились на основы, принадлежавшие раньше к другим склонениям, при чём основы на мягкие получили окончание **еви.** Судя по тому, что в с.-р. памятниках XII — XIV вв. формы на **ови**, **еви** встречаются только от имён лиц, а в ю.-р., где они вообще чаще, преимущественно от имён лиц и одушевлённых предметов, можно думать, что первоначально окончание **ови**, **еви** распространилось только на имена лиц или одушевлённых предметов. Примеры в памятниках — с XII в.:

Мстисл. грам. 1130 г.: георгиеви; Смол. грам. 1240 г.: мастерови; Новг. грам. 1265 г.: Иванкови, Смол. грам. 1284 г. гостеви и др. (другие примеры см. в § 394).

Позднее формы на **ови, еви** в в.-р. были утрачены (см. § 394). О судьбе их в б.-р. и м.-р. см. ниже, § 420.

О судьбе остальных характерных форм склонения имён на **ъ** с род. ед. на **у**, а именно: зв. на **у**, им. мн. на **ове**, тв. мн. на **ъми**, м. мн. на **ъхъ** см. ниже.

§ **387.** Судьба форм склонения имён на **ь** с род. ед. на **и.** Имена муж. р. этого склонения в ед. ч. стали склоняться по образцу имён муж. р. с род. ед. на **а:** татя Смол. грам. 1229 и Р. Пр. 1282 г., гостю Смол. грам. около 1240 г. и Новг. грам. 1266 г., гостеви Смол. грам. 1284 г. и т. д. Но в то же время и старые формы род.-дат.-местн. на **и** от некоторых из этих имён продолжали употребляться довольно долго: дат. гости Новг. грам. 1317, 1325 и 1371 г., род. тести, дат. тьсти Лавр. летоп. под 1159 и 1207 г. и Ипат. летоп., род. и дат. ед. зяти Кормч. 1282 г., Новг. летоп., Ипат. летоп. и др.; в единичных случаях такие формы уцелели и до сих пор, именно, в в.-р. литературном путь—пути и пр., диалект. закарпатском огни.

Во мн. ч. это склонение меньше подверглось влиянию других склонений. О появлении в дат., твор. и местн. мн. окончаний **амъ, ами, ахъ** см. ниже § 390. Наоборот, окончания множ. ч. этого склонения частью распространились на имена муж. р., принадлежавшие первоначально другим склонениям. Так как это распространение в в.-р., б.-р. и м.-р. происходило не одинаково и не одновременно, то рассматривается вместе с другими явлениями, происходившими в отдельной жизни в.-р., б.-р. и м.-р. языков.

§ **388.** Судьба форм склонения имён с род. ед. на **е** (о-и-е основы на согласные и на **у** долгое). Как мы видели (§ 361), эти имена уже в о.-сл. образовывали или могли образовывать бо́льшую часть падежных форм так же, как и имена с им. ед. на **ь** и род.-дат.-местн. ед. на **и.** Этим сходством еще в о.-сл. было вызвано и дальнейшее сближение этих склонений. Так, в им. ед. имена муж. и ж. р., оканчивавшиеся первоначально на **ы,** повидимому, еще в о.-сл. могли получать окончание **ь,** присоединявшееся

к основе косвенных падежей: **камень, свекръвь** рядом с **камы, свекры**; в им. мн. имён муж. р. окончание **е** засвидетельствовано для эпохи распадения о.-сл. яз. только у существительного **дьне** (им. мн. от **дьнь**) и имён с суффиксами **тел, ар, ѣн (ан)**, а остальные уже в о.-сл. получили в этой форме окончание **ийе: каменийе** и др.; повидимому, уже в о.-сл. могло быть и **дьнийе**. В род. ед. в русских памятниках довольно долго сохраняется окончание **е**: Лавр. летоп.: **дне, имене, матере, церкве, крове**; Ипат.: **корене, дне, матере, крове** и др., 1 Новг. летоп.: **дне, племене, матере**; Рижская грам. около 1300 г., гал. грам. 1389 г., грам. 1590 г. **дне**, Новгор. вкладная 1399 г.: **матере** и др. Может быть, к старым формам на **е** восходят и нынешние формы род. ед. на **е** в карпатских м.-р. говорах: **камене, корене, дітяте, любве**. Окончание **е**, повидимому, могло проникать и в склонение имён на **ь** со старым род. ед. на **и**, ср. в списках Д и Е Смол. грам. 1229 г. **путе, тате**, в Ипат. летоп. **зяте**; впрочем, подобные формы в памятниках редки. В то же время окончание род.-местн. ед. **е** в русском яз. уже в древнейших памятниках может заменяться окончанием **и**, которое впоследствии у имён ж. и ср. р. вытеснило почти всюду старое окончание **е**: Арх. Ев. **въ камени** 12 об., **от кръви** 117 об., **капля кръви** 95 об. и др., **три десяти** 89 об., Ж. Феодосия Печ. XII в.: **дни** (род. и местн.), Типогр. Ев. № 6 род. **ремени** и пр.

Рядом с формами на **е** и **и** имена муж. р. стали образовывать также формы ед. ч. по образцу имён на **ь** с род. ед. на **а**. Старых примеров таких образований из памятников не могу привести: на то, что это явление общерусское, могли бы указывать в.-р. род. ед. **дня, камня, ремня, корня**, дат. **дню, камню, ремню, корню** и пр., б.-р. род. ед. **дня, каменя**, м.-р. **дня, каменя, ременя, кореня**, тат. **дневі**.

В род.-местн. дв. ч. уже в древнейших памятниках встречается форма **дьнью** (Арх. Ев. 92, Ж. Феодосия XII в.), но мы не имеем данных для того, чтобы решить, была ли такая форма в русском яз. или перенесена в эти памятники из ст.-сл.

О судьбе форм мн. ч. этого склонения см. §§ 401, 402.

Имена ср. р. с им. ед. на **о** и с основой остальных падежей на **ес** еще в о.-сл. могли склоняться по образцу имён ср. р. на **о** с род. ед. на **а**, образуя все падежи от основы им. ед., где конечное **о** стало, таким образом, окончанием: тѣла, тѣлу и пр. В русском яз. еще в доисторическую эпоху формы от основ на **ес** были вовсе утрачены. На это может указывать то обстоятельство, что в грамотах эти формы не употребляются, а в церковных памятниках, не смешивающих **ѣ** и **е**, при правильном правописании тѣла, тѣлоу и т. п., в формах тѣлесе, тѣлеси и пр. нередко пишется **е** вместо **ѣ**, как и в других старославянских словах, не существовавших в русском яз. Можно заметить, что в русском яз. не сохранилось не только падежных форм от основ на **ес**, но и других образований с этими основами: деревянный, деревяжка, словно, пословица, словечко, тельный, чудной, чудак, чудиться и др.; прилаг. древесный, небесный, словесный, чудесный — заимствования из церк.-слав. яз., а чудесить — новообразование от церк.-слав. мн. чудеса. Единственное существительное, у которого сохранилась о.-сл. основа на **ес**, вследствие исконного употребления этого существительного преимущественно во множ. числе,—колесо, восходящее к о.-сл.. им. ед. коло, род. ед. колеса и пр., тоже стало склоняться по образцу имён ср. р. на **о** с род. ед. на **а**, но с сохранением основы на **ес** во всех падежах. В др.-р. яз. было и коло, р. ед. кола, д. ед. колу и т. д., сохранившееся в таком виде в б.-р. и м.-р. В образованиях от этой основы в нынешнем русском яз. является и **колес** и **кол:** колёсный, околесица, коляска (из колеска?), но окольный, околица, коловорот, кольцо и пр.

§ **389.** Влияние твёрдых основ на мягкие. К общерусским явлениям этой категории относится, может быть, замена окончания **и** в местн. ед. имён муж. и ср. р. с им. ед. на **ь**, **е** и род. на **а** окончанием **ѣ**. Эта замена засвидетельствована с.-р. памятниками с XI в., впрочем, в единичных примерах: Минея 1095 г.: въ чловѣчѣ образѣ 81 (описка?); более решительные указания на такую замену содержат памятники XIII в., напр. Новг. Кормч. 1282 г.: въ Ярославлѣ 575 и др. Ср. в нынешнем в.-р. на конѣ, о царѣ, на ножѣ, о воробьѣ и т. п., м.-р. ковалі, дурні, князі,

сонці и т. п. Впрочем, старые формы местн. на **и** не были вытеснены формами на **ѣ:** они продолжают писаться и в памятниках нецерковного письма, а в некоторых русских наречиях до сих пор употребляются предпочтительно перед формами на **ѣ**, как напр. в б.-р. (см. ниже) и, частью, в м.-р., особенно, в зап.-м.-р. говорах. Конечное **и** в с.-в.-р. говорах Арханг. губ. может тоже восходить к о.-р. **и**, хотя может объясняться и фонетически из **ѣ**.

Остальные случаи влияния твёрдых основ на мягкие не общерусские.

§ 390. Распространение форм на **ама, амъ, ами, ахъ.** Имена существительные муж. и ср. р., не принадлежащие к склонению имён с род. ед. на **и**, по аналогии с именами ж. р. на **а** стали образовывать дат.-твор. двойств. и дат., твор. и местн. мн. с окончаниями **ама, амъ, ами, ахъ.** Впервые такие формы проникают в письменность довольно поздно—в с.-р. памятниках—во 2-й половине XIII в.: Парим. 1271 г.: египтянамъ, безакониямъ, съ клобуками, матигорьцамъ — запись; Ряз. Кормч. 1284 г. къ латинамъ; в новгор. грамотах такие формы только с XIV в. (по постояниямъ 1305, боярамъ, купцамъ 1371, дворянамъ 1571 и др.); в Двинских грам. XV в.: селамъ, хмелниками, ловищахъ; Лавр. летоп.: лицах. В зап.-русских и ю.-русских памятниках только с XV в. Старые формы продолжали употребляться рядом с новыми довольно долго, по крайней мере, на письме, ср. в.-р. Домострой по Конш. списку XVI — XVII в.: по краемъ и по швомъ и по рукавомъ 50, сь яички 69 об., з блинцы и з грібы и съ рыжики 73 об., в заимехъ и в долгѣхъ 43, в сундукѣхъ 53, на возѣхъ 68 об., в пирозехъ 74 и др.; Уложение 1649 г.: помѣщикомъ, селомъ, приставы, въ мѣстѣхъ, въ городѣхъ, въ полкѣхъ и мн. др.; ю.-русское Ев. Тяпинского XVI в.: ученикомъ, часомъ, вороты, в писмехъ, въ городехъ и др. В б.-р. и м.-р. говорах до сих пор рядом с формами дат. мн. на **ам**, местн. на **ах** употребляются и формы дат. на **ом** (б.-р. **ом**, украинск. **ім**, с.-м.-р. и карп. **ум**) и, реже, формы местн. на **ѣх** (б.-р. **ех**, м.-р. **іх**) и **ох** (из о.-р. **ъхъ**?), но окончания **ам, ами, ах** и в м.-р. и в б.-р. теперь более обычны. Формы с теми же окончаниями от имён на **ь** с род. ед. на **и** (гвоздям, гостям, костям, лошадям

и пр.), повидимому, явились позднее и не являются общерусскими.

3. *Великорусские изменения форм склонения.*

§ **391.** Утрата звательной формы. Старые, перешедшие из о.-сл. звательные формы сохранились в м.-р. и б.-р. (с известными изменениями) и по большей части утрачены в в.-р. В грамотах, летописях и т. п. памятниках они встречаются до XVII в., но лишь в стереотипных формулах, в силу литературной традиции: господине, княже, сыне; в Лавр. летоп. рядом со старыми зват. формами встречаем: дружина, Ольга, господа. В нынешнем литературном яз. употребляются некоторые зват. формы, заимствованные из церк.-слав. яз., но в народном яз. они обыкновенно не сознаются, как особая зват. форма. Впрочем, в в.-р. говорах встречаются и настоящие остатки старой зват. формы; это — с.-в.-р. батюшко, Иванушко, при имен. батюшка и пр.; в былине: „ой же ты ратаю-ратаюшко", где „ратаю"—архаизм поэтической речи; ю.-в.-р. Ряз.: мамо, сястро, Ванько и пр.

§ **392.** Новые звательные формы. Во многих в.-р. говорах возникли новые зват. формы от имён на **а**, восходящие к формам имен. ед. с утратою падежного окончания: Маш, Вань, тять, дедуш, матуш и пр. Некоторые же имена, употребляющиеся особенно часто, как обращение, подверглись в этом употреблении ещё большим сокращениям, напр. в диалектич.: ма, дя, боле (=мать, дядя, болезный или болезная) и т. п.

§ **393.** Формы на **гѣ, кѣ, хѣ.** О.-сл. формы местн. ед. имён муж. и ср. р. и дат.-местн. ед. ж. р. на **зѣ, цѣ, сѣ** и местн. мн. имён муж. р. на **зѣхъ, цѣхъ, сѣхъ** от имён с основами на задненёбные (**г, к, х**) в в.-р. нефонетически были заменены формами на **гѣ, кѣ, хѣ** и **гѣхъ, кѣхъ, хѣхъ** по аналогии с другими формами тех же имён. Древнейший пример такой замены уже в с.-р. Минее 1095 г.: Дъмъкѣ (запись), но еще в Новгор. грамотах XIII — XIV в. подобные формы редки [1]): дългѣи грам. 1305—1308 и 1371 г., городкѣ грам.

---

[1]) Раньше, и притом даже в ю.-р памятниках, появляются формы на **скѣ** Изб.1073 г.: золобѣ женьскѣ, въ чловѣчьскѣи доуши; Слова Григория Богосл. XI в. воскѣ, Типогр. Устав XI—XII в. № 142 глюбинѣ... морьскѣи 40 и пр.

1314 г. и рядом: волоцѣ во многих грам., волзѣ грам. 1372 и 1373 г., городцѣ грам. 1317 г. В с.-р. грамотах XV в. формы на **гѣ, кѣ, хѣ** уже преобладают, а Двинские грам. XIV—XV в. знают только эти формы. Местн. на **зѣх** встречается еще в Домострое: въ пирозехъ, при более частых формах на **гѣх, кѣх** (примеры см. выше, § 390); вероятно, это чисто книжная форма, каких в Домострое немало. В нынешнем в.-р. формы со свистящими неизвестны [1]).

§ **394.** Дат. ед. на **ови.** Эта форма теперь в в.-р. утрачена, но еще в XIV в. в новгородском и полоцком говорах употреблялись формы с дат. ед. на **ови**, **еви** от имён лиц: полоцкая грам. около 1331 г.: купцѣви, вѣсцѣви (весовщику); Новг. летоп. Драгуилови, Михалеви, отцеви и др.

§ **395.** Взаимное влияние склонений имён с основою на твёрдые и мягкие согласные. В в.-р. имена на **а** с основою на мягкую подвергались влиянию имён с основою на твёрдую согласную; т. обр. явились окончания дат.-местн. ед. **ѣ** вместо **и**, тв. ед. **ою** вместо **ею:** д. землѣ, душѣ, тв. землёю, душою. Тем же влиянием основ на твёрдые объясняется и окончание **и** в род. ед. и им.-вин. мн. вместо старого ѣ, так как и в других случаях звуку **ы** после твёрдых согласных соответствует после мягких звук **и:** им.-в. мн. земли, души. С другой стороны, в в.-р. получили большое распространение и формы род. ед. на **ѣ**, как от основ на мягкие так и от основ на твёрдые: из землѣ, у сестрѣ, женѣ и пр. Указанные изменения в формах род. и дат.-местн. ед. засвидетельствованы примерами из с.-р. памятников, начиная с XI в.: Минея 1095 г.: из отроковичи 45, въ ветъсѣ одежѣ 93, стѣи гжѣ бцѣ запись; им.-в. мн. на **и** в памятниках—с XIII в.: Милят. Ев. 1215 г. рабыни 103 и т. д. Примеры на **ою** вместо **ею** — только с XIV в.: одежою Моск. Ев. 1393 г., душою Ипат. летоп., землою Двинск. грам.

Но формы на **сцѣ, стѣ** продолжают употребляться в памятниках так же долго, как и формы на **цѣ** не после **с.** Ср. между прочим окончание **ще** из **сцѣ** в Рижской грам. 1300 г.: Вит:бьще, Смоленьще, и в Псковском Прологе 1383 г.: дъще (=доске) 49.

[1]) Если не считать песенного (не разговорного) **во лузях** „в лугах", если это—из „въ лузѣхъ". Говоры Курской губ. с произношением свистящих вм. **г, к** перед старым **ѣ**, м. б., по происхождению не ю.-в.-р.

XV в. Вероятно, позднее указанных изменений в с.-в.-р. появились также формы дат.-местн. ед. на **ы** от твёрдых основ в соответствии с формами на **и** от мягких: к горы, на воды, на земли; таким образом формы род. и дат.-местн. ед. ж. р. в части с.-в.-р. говоров совпали. Древнейшие примеры дат.-местн. на **ы** известны мне из Двинских грамот XV в.: в татбы № 85, по Лавкоты реки № 111, в тои малои Юры рѣкы № 33. В именах муж. и ср. р. с основою на мягкую влияние имён с основою на твёрдую согласную выразилось в образовании местн. ед. на **ѣ:** на конѣ, царѣ, ружьѣ, копьѣ и пр. (явление общерусское? см. выше § 389). и местн. множ. на **ѣхъ;** ср. в Лавр. летоп.: кривичѣхъ (под 859 г.), конѣхъ (под 945 г.), сторожѣхъ (под 968 г.) и др. Позднее формы местн. мн. на **ѣх** и **их** были утрачены во всём в.-р., а формы местн. на **ѣ** почти вытеснили старые формы на **и**, сохраняющиеся лишь в единичных случаях, напр., в литерат. в забытьи[1]).

В говорах Архангельской и части Олонецкой губ. окончание **и** является вместо всякого конечного **ѣ:** на кони, на земли, на столи, в руки, вопчи и пр., что может объясняться или фонетически или влиянием мягких основ на твёрдые.

У имён прилагательных окончание **ей** (как из старого **ей**, так и из **ий**), **ею** заменились окончаниями **ой**, **ою** во всём в.-р.: большой, чужой, диалектич. с.-в.-р. без ударения на окончании: прежнёй и т. п.; но сохранилось **е** в „сам-третей“, вероятно, потому, что окончание **ей** в этом слове не могло ассоциироваться с окончанием **ой** у других прилагательных, ср. сам-друг, сам-пят, сам-шост [2]).

§ **396.** Местн. ед. на **ѣ** от имён ж. р. на **ь**. Эта форма, возникшая по аналогии с дат.-местн. ед. имён на **а**, распространена во многих как северных, так и южных в.-р. говорах: в грязѣ, на печѣ, в тѣнѣ и т. п. Достоверные примеры на такие формы в письменных памятниках встре-

[1]) Орфографическое правило о правописании «и» после «и» (знании, терпении) никакой поддержки в языке для себя не находит; и в выражении «в житии» книжное.

[2]) И по происхождению „третей“—бесчленная форма, так как здесь старая основа „третий“

чаются с XVI в.: Домострой Общ. Ист. и Др. Росс. въ грязѣ 130 и др. Окончание **ѣ** вместо **и** от имён ж. р. на **ь** могло явиться только в том случае, если ударение падает на окончание, а потому в дат. ед. таких имён, где ударение всегда на основе, сохраняется окончание **и**.

§ **397.** Имен.-вин. множ. на **и**. Вследствие общерусского совпадения им. и вин. мн. имён муж. р. в одной форме, являющейся по происхождению формою вин. мн., им.-вин. мн. на **и** в в.-р. должен был получиться лишь у имён муж. и ж. р. на **ь** с род. ед. на **и**: гости, голуби, звери, люди, кости, речи и пр. Но по аналогии с этими именами окончание **и** в им.-вин. мн. распространилось и на другие имена с основами на мягкие неслоговые звуки, совершенно вытеснив о.-р. **ѣ** (из о.-сл. **ѣ** носового): кони, цари, рубли, кули, концы, лучи, земли, души, кожи, тучи, зори, бури и пр. На распространение этой формы могли влиять: 1. сохранявшиеся еще, быть может, старые формы именит. мн. на **и** от имён муж. р. кони, цари и пр., 2. аналогия со стороны им.-в. мн. на **ы** от имён с основой на твёрдую согласную. В памятниках вин. мн. на **и** вместо **ѣ**—с XIII в.: Милят. Ев. 1215 г.: князи 144 об., Рост. Ж. Нифонта 1219 г. князи; Пролог 1262 г.: держаще ножи и мечи 35 об. и т. д.

§ **398.** Имен. множ. на **а** от имён несреднего рода. В нынешнем в.-р. от многих имён муж. р., имеющих в формах ед. ч. ударение на основе, повсеместно употребляется им. мн. на **а** с ударением на окончании, при чём в остальных падежах мн. ч. ударение в таком случае тоже падает на окончание. Примеры: берега, бока, глаза, жернова, повода, рога, рукава, бега, воза, века, года, дома, луга, снега, волоса, вороха, голоса, города, холода, терема, вечера, мастера номера, ордена, паруса, ястреба, колокола, окорока, профессора, повара, поезда, пояса, края, векселя, писаря, тополя. служителя, учителя и др. Состав слов с им. мн. на ударяемое **а** колеблется: одни и те же существительные в разных говорах, а иногда в одном и том же говоре могут иметь в им. мн. и окончание **а** с ударением на нём и окончание **ы** или **и** с ударением по бо́льшей части на основе, но иногда и на окончании [1]): в**о**лосы и волос**а**, г**о**ды и год**а**, л**у**ги

[1]) Черным напечатаны ударяемые гласные.

(в песнях) и луга, образы и образа (с разным значением), офицеры и офицера, промыслы и промысла, снеги (в песнях) и снега, счёты и счета (с разным значением), хлебы и хлеба (с разным значением) и др., верхи и верха, возы и воза, мехи и меха (с разным значением), переды и переда, цветы и цвета (с разным значением) и пр. Можно заметить, что в нынешнем в.-р. имен. множ. на ударяемое **а** может образовываться, главным образом, от следующих категорий имён: 1. от имён с односложной основой, несложных с предлогами, имеющих ударение во всех падежах ед. ч. или во всех, кроме местного, на основе: бега, воза, года, дома, хода (и ходы) и пр., но: входы, сходы, въезды, съезды (ср. поезда) и пр. 2. от имён с двусложной и трёхсложной основой, несложных с приставкой **вы**, имеющих ударение во всех или во всех, кроме местного, падежах ед. ч. не на последнем слоге основы: волоса, города, терема, вечера, мастера, учителя, поезда и пр., но: выстрелы, выезды, выходы, морозы, суставы, кадеты, солдаты, олени, медведи, походы, актёры и пр. Но некоторые имена, не удовлетворяющие изложенным правилам, однако, имеют им. мн. на ударяемое **а**: рукава, обшлага (в ед. ч. ударение на окончании: им. ед. рукав, обшлаг, р. ед. рукава, обшлага), офицера (в ед. ч. ударение на последнем слоге основы), диалект. куста, моста, бурава, маляра, хомута (в литерат. и бо́льшей части в.-р. говоров в этих словах окончание **ы** или **и**); им. мн. переда при им. ед. перёд предполагает существование им. ед. перед с ударением на первом слоге; такое ударение сохранилось в литературном яз. в косвенных падежах единств. ч., а в говорах и в им. ед.

Диалектически в ю.-в.-р. и с.-в.-р. говорах встречается имен. мн. на ударяемое **а** от имён ж. р. с имен. ед. на согласный звук: пустоша, мелоча, податя, зеленя, лошадя, матеря и т. п. и от имен на **а**: староста; последняя форма проникла и в литературный язык.

Рассматриваемые формы возникли, повидимому, довольно поздно. В памятниках древнейшие примеры — конца XV в. и позднее: зап.-р. летоп. Авраамки (списанная с с.-р. оригинала) 1495 г. города; Домострой по списку Общ. Ист. и Др. Р. XVI в. тагана 125 (но в Конш. таганы 71, повары

83 об., потрохи 74); Уложение 1649 г.: тѣ лѣса; Стоглав в Каз. изд. мѣсяца; Поэт. пов. об Азовском сидении в списках конца XVII в.: лѣса темныя (Орлов 98). Можно заметить, что формы им. мн. на ударяемое **а** до последнего времени обнаруживают тенденцию к распространению за счет им. мн. на **ы**, **и**, и что в начале XIX в., как можно видеть из грамматик Востокова и Греча и из произведений русских писателей, число имён, имевших им. мн. на ударяемое **а**, было меньше, чем в нынешнем литературном языке; некоторые существительные, которые в начале XIX в. могли иметь обе формы им. мн.—и на **а** и на **ы** или **и**, как вечеры и вечера, домы и дома, краи и края, куполы и купола, парусы и паруса, учители и учителя и др., теперь имеют только одну форму на **а** (впрочем, „учители" употребляется изредка с особым оттенком значения) Форма им. мн. староста с ударением на окончании проникла в литературный язык совсем недавно и не получила еще всеобщего распространения.

Появление им. мн. на ударяемое **а** вызвано разными причинами: 1. некоторые слова, означавшие парные предметы, сохранили в им.-в. множ. старую форму двойств.: рукава, рога, бока, глаза, берега, жернова, диалект. вѣса, уса (ср. вуса им. мн. в м.-р.); 2. та же форма им.-вин. дв. от имён, не обозначавших парных предметов, могла получить значение им. мн., вероятно, сперва только при числительных[1]), а затем и не при числительных; 3. некоторые имена собирательные ж. р. в им. ед. могли получать значение мн. ч., а этому способствовало употребление их со сказуемым во мн. ч.: сторожа, господа, братья, зятья, шурья, диалект. княжья, дружья и др.[2]); 4. такие формы, как учи-

[1]) Конечно, только в том случае, если по самому своему значению эти имена могли стоять в дв. ч. и с числительными; поэтому имена муж. р. вещественные, собирательные и т. п., не употреблявшиеся в дв. ч. или с числительными, обыкновенно не образуют им. мн. на ударяемое **а**: дары, лады, меды, зады, пиры, полы и т. п.

[2]) Ср. ст.-сл. **стража**; в русском им. мн. сторожа ударение перенесено (впрочем, ср. стража, стражю со знаком ударения над последней буквой в Чуд. Н. Зав. 1383 г.). ср. сторожа им. ед. ж. р. с ударением на 2-м слоге с утратой собирательного значения; **господа** им. ед. ж. р. ср. в Р. Пр. 1282 г.: от господы, Новг. грам. 1270 г.: на господу, I Новг. летоп.: господѣ своей.

теля, писаря, зятья и, может быть, князья, мужья могли получиться и фонетически из учителе, писаре (см. § 364), зятийе (см. § 360) и, по аналогии с этой формой, князийе, мужийе и т. п. с переносом ударения на конец слова (ср. **а**, ударяемое в есмя, меня); 5. при утрате различия по родам во мн. ч. могла действовать аналогия со стороны им.-вин. мн. имён ср. р., подкрепляемая аналогией форм, названных в п.п. 1—3. Формы им. мн. сыновья, кумовья получились из старых сынове и т. п. (откуда фонетически сыновя) по аналогии с братья, зятья, шурья и пр. [1]).

Некоторые имена муж. р. в в.-р. образуют им. мн. на **а**, **ja** с ударением на основе: 1. немногие из этих форм, как братья, хозяева, могут восходить к им. ед. имён собирательных ж. р.; 2. бо́льшая часть им. мн. на **ja** с ударением на основе, как каменья, коренья,[2]) листья, колья, зубья, брусья, клинья, стулья, диалектич. волосья, поясья и т. п., получилась из им. ед. собирательных ср. р. на **ийе** (**ja** из **je** получалось фонетически); такого же происхождения и им. мн. на **ja** от имён ср. р.: деревья, поленья; в части с.-в.-р. говоров, где конечное **je** перешло в **jo**, формы кореньё, кольё

Пск. Пролог 1383 г.: господы своея и др.; **братья**, ср. Поуч. Владим. Моном.: отъ братья моея, чти молодыя яко братью и пр.; **княжья**: Лавр. летоп.: от всякоя княжья, Новг. летоп.: позванъ Полотьскою княжьею; **зятья**: Дух. вел. кн. Ивана Иван.: кого ми дасть Богъ зятью; **шурья**: Ипат.: у шюрьи своея, Двинск. грам. с шуріею своею, грам. 1265 г.: в шурьѣ своее мѣсто и т. д. Примеры употребления сказуемого и определения во мн. ч. при именах собирательных: Сказ. о Борисе и Глебе XII в. приобрѣтоша братия; Посл. митр. Никифора: отвръжени быша латина; Вопрош. Кирика 1282 г. господа вяжють; Лавр. летоп. изъбрашася 3 братья, отвѣщавше дружина рекоша; Ипат. летоп. братья русции, сѣдяху княжья; Новг. грам. 1456 г. наши братіа; Служебн. прп. Сергия XIV в.: готовлющихся братьи нашихъ и т. д.

[1]) Диалектические с.-в.-р. сынова, сватова с ударением на конце (Новгор., Олон.), с.-в.-р. (Новгор., Олон., Вятск. и др.) и б.-р. сватовьё, сыновьё со значением им. мн. также могли получиться из „сынове" и т. п. под влиянием других сходных образований. Акад. А. И. Соболевский (Лекции, 4 изд., 218, 220) предполагает, что некогда существовали собирательные ед. ч. сынова, сыновье и т. п. (ср. татарва и т. п.).

[2]) Вряд ли коренья, каменья следует рассматривать, как старую форму им. мн., так как она еще в о.-р. должна была замениться формой вин. мн.; старая же форма им. мн. могла сохраняться несколько дольше только у имён одушевл. предметов.

и пр. сохраняются со значением им. ед. собирательных имён; 3. такие формы, как диалект. крестьяна, мещана, поезжана, бояра и пр., могли получиться из крестьяня, мещаня, поезжаня, бояря (где „я“ фонетически из „е“) под влиянием косвенных падежей с основами на твердые согласные.

§ **399.** Им. мн. на **ы**, **и** от имён ср. р. Окончание **а** в им. мн. имен ср. р. вообще в в.-р. сохранилось только при ударении в этой форме на окончании, а при ударении на основе заменилось окончанием **ы** после твёрдых и **и** после мягких по аналогии с именами муж. р.: озёры, вороты, болоты, брёвны, окны, гнёзды, сёлы, кольцы, лицы, ружьи; у основ на задненёбные явилось окончание **и** с изменением конечной задненёбной в мягкую средненёбную: яблоки, колечки, крылышки, ведерки, яички, лыки и пр., диалект. ухи (=уши). Впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах известно и **а**: ворота, брёвна, колечка, крылышка. В литературном правописании по традиции продолжают писать (не после **к**) **а**.

§ **400.** Род. мн. на **ов**, **ей**. Распространение род. мн. на **ов** на имена муж. р. не только с основами на твёрдые, но и на мягкие—явление общерусское. Позднее окончание **ов** после мягких в в.-р. частью было вытеснено окончанием **ей**. Зато окончание **ов** диалектически распространилось на имена ж. и ср. р. В нынешнем литературном русском (в.-р.) яз. род мн. на **ов** (**ев**) от имён ж. р. вовсе не употребляется, а от имён ср. р. может употребляться, если основа оканчивается на **к**, **j** или **ц**, при чём от основ на **ц** только при ударении на основе: облаков, ушков, яблоков, ружьев, кушаньев, солнцев, оконцев, но яичек, колечек, знаний, событий, колец, сердец, также и ружей, кушаний. В в.-р. говорах род. мн. на **ов** от имён ср. р. более употребителен: местов, делов, гнёздов, озёров, болотов, семено́в (=семян), кольцев, серпов, полёв и пр.; реже род. мн. на **ов** от имён ж. р., но есть говоры как с.-в.-р. (в Вологодской, Вятской губ. и др.), так и ю.-в.-р. (Рязанск., Ворон. губ. и др.), где это окончание является обычным как у имён муж. и ср. р., так и у имён ж. р.: девков, палков, сёстров, звездов, книгов, комнатов, барышнев, песнев, боронов (борон) и др.

Имена муж. и ср. р. с основами на мягкие, кроме основ на j или й, в в.-р. стали образовывать род. мн. на **ей** по аналогии со старыми род. мн. гостей, лебедей, ночей и т. п.: коней, царей, рублей, князей, писарей, учителей, морей полей, камней, дней и пр.[1]). То же окончание получили и те существительные муж. р., у которых основа оканчивалась на мягкую согласную только во мн.: соседей, чертей, диалект. комарей (при им. мн. комари), крестей (в картах), поясей (им. мн. пояси — пояски из соломы у снопов) и т. п. При этих формах от тех же имён в в.-р. диалектически продолжают сохраняться и старые формы род. мн.: поль. дён, сынов или являются формы на — **ов**: рублёв, камнев, суседов и т. п.

Часто встречаются в говорах (как в с.-в.-р., так и ю.-в.-р.) формы на **ов** (**ев**) при более распространённых формах на **ей** от основ на шипящие: ножей, барышей, ключей, лещей, товарищей и пр. и: ножов, барышов, ключов, товарищов и пр. Имена ср. р. с основами на шипящие обыкновенно не образуют род. мн. на **ей** и **ов**, а сохраняют старую форму: плеч, пожарищ, топорищ, чудовищ. От имён муж. р. с основами на **ц** род. мн. на **ей** явился лишь в тех с.-в.-р. говорах, где сохранилось мягкое **ц**, т.-е. в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Северо-Двинской и Череповецкой губ.: купцей, концей, пальцей, мѣсяцей и т. п.; в остальных в.-р. говорах—цов (цев), как и в б.-р. и м.-р От имён с основами на **й** или j, а также, частью, от тех имен, у которых основа оканчивается на **й** или j только во мн. ч., теперь в в.-р. обычны формы на **ов**, **ев**: краёв, случаев, злодеев, воробьёв, муравьёв, кореньев, зятьёв, листьев, братьев, диалект. сыновьёв, дружьев, недружьев; впрочем, от некоторых имён, имеющих основу на j только во мн. ч., встречаются и формы род. мн. без окончания: литерат. сыновей, друзей, князей или с окончанием **ей** —

[1]) Впрочем, род. мн. дней, камней могут восходить еще к о.-сл. дьниић, камениић; в м.-р. днів, каменів—новообразования. Форма род. мн. коней может считаться общерусской в виду м.-р. коней, б.-р. коний; повидимому, в о.-р. или только в м.-р. и б.-р. это имя и некот. др. стали склоняться во мн. ч. по образцу таких имён, как гости, люди и пр., ср. м.-р. твор. мн. кіньми, что не привело к распространению окончаний **ей** (**ий**), **ми** и пр. на все имена с основами на мягкие, как в в.-р.

диалектич. сыновьей. От имён ср. р. с основой на **й** или **j** в литерат. яз. сохранились по бо́льшей части старые формы на **ей** (пишется также без ударения **ий**), где **ей** относится к основе, а не к окончанию: ружей, кушаний, знаний и пр., хотя употребляются и формы на **ев:** платьев, ружьев, кушаньев (в литерат. яз. XVIII и первой половины XIX в. таких форм было больше [1]), но в говорах род. мн. на **ов** от основ на j нередки. В в.-р. письменных памятниках род. мн. на **ий** (откуда позднее **ей**) от имён муж. р. с основой на мягкую встречается уже в XIII в.: Ев. 1270 г.: кънязии, Кормч. 1282 г. без стихарии и др., Переясл. грам. 1356 г. князии, Лавр. летоп. мужии, князии.

Окончание род. мн. **ей** распространилось и на имена ж. р. на **а**, но в гораздо меньшей степени. В литературном яз. теперь употребительны только формы: свечей (рядом со „свеч“), возжей, ноздрей, юношей [2]); у Пушкина также бурей, вельможей, сплетней; в народных говорах встречаются и другие формы на **ей**, даже от основ на твердые согласные: свадьбей, косэй (Симб.), и т. п.

§ 401. Дат., твор. и местн. мн. на **ём, ми, ёх.** Старые формы дат., твор. и местн. мн. имён на **ь** с род. ед. на **и** стали заменяться в в.-р., как и соответствующие формы других склонений, формами на **ам, ами, ах:** гостям, гостями, гостях, костям, костями, костях и пр., но при этом оказались более устойчивыми, чем формы других склонений, и, частью, сохранились до сих пор. В литературном яз. уцелела только старая форма твор. мн. на **ми** и то от немногих имен: лошадьми, детьми, людьми, дверьми, плетьми, лечь костьми; в начале XIX в. встречались формы: гвоздьми, ушми; но в в.-р. говорах известны так же и дат. и местн. мн. на **ом, ох:** лошадём, гостём, костём, людём, местн. на лошадёх, в гостёх, в санёх и др., при более обычных формах на **ам, ами, ах.** Та же замена известна и б.-р. и м.-р. говорам, но в меньших размерах и не повсеместно. В в.-р.

---

[1]) Напр. у Сумарокова, Хорев: подозрѣніевъ; Державин, Прогулка в Царском Селе: зданіевъ; В. Майков: желаніевъ, дѣйствіевъ и пр.

[2]) Впрочем, следует отметить, что в народных в.-р. говорах им. ед. от последнего имени обыкновенно звучит, как „юнош“ или „вьюнош“, род. юноша, дат. юношу и т. д.

памятниках (летописях, грамотах и пр.) еще в XV в. формы на **ам, ами, ах** от имён на **ь** почти не встречаются (Шахматов в литогр. курсе приводит персямъ Ипат. летоп., пустошамъ грам. XV в. Арх. Калач. № 156). а в XVI в. еще очень редки: Конш. Домострой: в гостяхъ 54, но в печехъ 105 об. и др.

По аналогии со старыми формами на **ми** кое-где возникли новообразования: кнутьми, свечми, слезьми, душми; впрочем, такие формы в в.-р. очень редки.

§ **402.** Окончания дат. и твор. мн. в с.-в.-р. Окончание **ми** (ами, ыми, ими, ми) в твор. мн. сохранилось без изменения в ю.-в.-р. и некоторых с.-в.-р. и переходных говорах, а в остальных с.-в.-р. и переходных говорах заменилось окончаниями **мы, ма, мя** и **м;** в последнем случае твор. мн. совпал с дат. мн. Из названных форм теперь наиболее распространены формы твор. мн. на **м,** являющиеся в бо́льшей части с.-в.-р. и в значительной части переходных говоров; при этом такие формы образуются как от существительных, так и от прилагательных и местоимений: с рукам, с ногам, сапоги со скобам, умывалась горюцим слёзам, за двём ночам, со своим друзьям, пойдём с нам и пр. Формы на **мы** теперь употребительны только в говорах Архангельской и Олонецкой губ., преимущественно от имён существительных: с ногамы, с пескамы рудожолтыма, но также: намы, вамы. Формы на **ма** (по происхождению—старые формы дв. ч. со значением множ.) от имен существительных — только в Архангельской губ.: с девкима, с робятома, за конима и пр., а от имен прилагательных и местоимений также в некоторых говорах Олонецкой, Вологодской, Северо-Двинской, Череповецкой и Новгородской губ.: всѣма, со пивныма стокашоцьками, золотыма ключам и пр. Наконец, формы твор. на **мя** от числительных два, три и четыре теперь в с.-в.-р. и переходных говорах почти повсеместны; те же формы являются и в литературном яз.: двумя, тремя, четырьмя[1]); кроме того, в некоторых говорах Вологодской и Вятской губ. употребительны формы твор. мн. на **мя** от

[1]) В ю.-в.-р. в твор. мн. употребляются только формы **на ми:** двуми, тре и или трюми, четырьми, с ударением на конце.

местоимений с ударением на конце: тѣмя, имя („што с ымя говорить?!“ и т. п.), всѣмя, значительно реже (с ударением не на конце) – от прилагательных: с большимя павками (=палками), за добрымя людям, худымя рукам и пр. Окончание **мя**, вероятно, получилось из более старого **ма** под влиянием мягкости **м** в окончании **ми**.

В части говоров, в которых дат. и местн. мн. совпали в одной форме на **м**, под влиянием говоров, различающих эти два падежа, явились вновь формы на **ми**, но употребляются рядом с формами на **м** безразлично в обоих падежах: к нами, по полями, к людьми и пр.[1])

§ **403.** Судьба форм склонения имён ср. р. на **а** („я“). Имена ср. р. с им. ед. на **а** и основой остальных падежей на **ат** (о.-сл. **е**ⁿ**т**) в в.-р. вовсе утратили формы ед. ч., уцелевшие только в некоторых пословицах[2]) (не в разговорной речи), но сохранили формы мн. ч.: телята, жеребята, поросята, ребята, щенята, мышата, медвежата и пр. (или: теляты, жеребяты и т. д., ср. § 399). Формы ед. ч. этих имён стали заменяться формами ед. ч. уменьшительных на **онок**: телёнок, жеребёнок, поросёнок, ребёнок, мышонок, медвежонок и пр., реже—уменьшительных на **ок**: щенок, телок (=телёнок); от этих уменьшительных существуют в в.-р. и формы мн. ч. с теми же основами: телёнки, мышонки. щенки, но, кроме множ. щенки, эти формы мало употребительны в в.-р. говорах. Благодаря существованию форм мн. ч. на **ата (аты)** при формах ед. ч. на **онок** во многих в.-р. говорах появилась форма мн. ч. опята (р. опят, д. опятам и пр.) от существительного „опёнок“ (гриб).

Слово „дитя“ (др.-р. дѣтя) частью стало склоняться, как существительное ж. р.: дат.-местн. дитѣ, тв. дитей [3]) частью изменилось в дитё и стало склоняться, как другие имена

---

[1]) Такое употребление, по замечанию наблюдателей, свойственно главным образом школьникам и др. людям, пытающимся говорить „по-образованному“.

[2]) Напр. „Ласковое теля двух маток сосёт“, „Кабы нашему теляти да волка поймати“. Возможно, что первая из этих пословиц малорусского, а вторая книжного происхождения. Отметим, что Ломоносов в своей Грамматике считает еще правильным для русского яз. такие формы, как жеребя, щеня и пр.

[3]) Ср. у Грибоедова в „Горе от ума“: Дитёй возили на поклон II. 5. А помню, ты дитёй с ним часто танцовала III. 10.

ср. р. на **о:** р. ед. дитя, д. дитю и пр. Формы р.-д.-м. ед. дитяти, тв. ед. дитятей или дитятею—чисто книжные, хотя и встречаются иногда у писателей, между прочим, у Пушкина[1]); в народных в.-р. говорах они отсутствуют.

Имена ср. р. на **мя** стали склоняться в ед. ч. так же, как имена ср. р. на **е**, образуя косвенные падежи от основы им. ед., в котором конечная гласная была понята, как окончание: р. ед. имя, семя и пр., д. ед. имю, семю, тв. ед. имем, семем и т. д.; в самом им. ед. конечное **а** в части с.-в.-р. говоров (Вологодской, Вятской, Костромской, Новгородской, Владимирской и др. губ.) изменилось в **о:** имё, семё, времё и пр. В литературном яз. сохранились формы от основ на **мен:** р.-д.-м. ед. имени, семени, времени, тв. ед. именем, семенем, временем и т. д., вероятно, книжного происхождения; форм же вроде „нет время", „в прошлом време", „в пламе", „со знамем", „к темю" и т. п., обычных уже у писателей XVIII в. и у Крылова, позднейшие писатели (или их издатели) обыкновенно избегают. Во мн. ч. в в.-р. сохранились старые формы мн. ч. от основ на **мен:** имена, времена, р. имён, времён и т. д. Диалектически, еще не позже XIV в., в с.-в. **ен** в окончании основы изменялось в **ан**, ср. в Двинских грам. XV в.: племяни №№ 5, 7, сѣмяна, сѣмянъ № 116, Лавр. летоп. времяне и др.; в нынешних с.-в.-р. говорах Олон., Волог., Вятской, Арханг. и Новгор. губ.: имян, времян, знамян, сѣмян; форма род. мн. семян является и в нынешнем литературном яз.; литературному яз. XVIII и начала XIX в. была известна и форма род. мн. времян (ср. у Пушкина Евг. Он. IV. 7. в рифму с „обезьян"). В некоторых говорах явились и формы мн. ч. от новой основы ед. ч.: им.-в. мн. семя, племя, время с ударением на конце, дат. мн. времям с ударением на окончании, но эти формы вообще редки.

§ **404**. Склонение имен мать и дочь. Старые формы им. ед. этих имён на **и** сохранились лишь в части с.-в.-р. говоров в виде мати, дочи (курсивом обозначаю ударяемые гласные); в остальных в.-р. говорах конечное **и** здесь отпало, вероятно, сперва в слове „мать", а затем, по

[1]) Кап. Дочка I. „Матушка... наказывала... Савельичу смотреть за дитятей".

аналогии, и в „дочь“. В немногих с.-в.-р. говорах в им. ед. по аналогии с косвенными падежами явились формы „матерь“, „дочерь“ (Новгор., Арханг., Олон. губ.). С другой стороны, под влиянием совпадения им. и вин. ед. от имён ж. р. с им. ед. на согласную, формы мать, дочь во многих в.-р. говорах стали употребляться и в значении вин. ед.; такое употребление перешло между прочим и в литературный яз. Но старые формы вин. ед. „матере“, дочере“ частью сохранились в ю.-в.-р. говорах в виде „матеря“, „дочеря“, частью изменились в „матерю“, „дочерю“, по аналогии с именами на **а**. Той же аналогией вызваны и ю.-в.-р. твор. ед. матерьюй, дочерьюй или матерюй, дочерюй. Во мн. ч. им. матери, дочери и кое-где в ю.-в.-р. матеря, дочеря с ударением на конце, р. матерей, дочерей, д. матерям, дочерям и пр.

§ **405.** Склонение местоимений личных и возвратного. Формы род. вин. ед. личных и возвратного местоимений в ю.-в.-р. сохранились в виде мене́, тебе́, себе́ с **е** ударяемым на конце, а в с.-в.-р. обычно в виде меня, тебя, себя с ударяемым **а** на конце (впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах, напр. в Олон. губ., известны и формы на ударяемое **е**); различия между этими формами вызваны, повидимому, фонетическими причинами (см. выше, § 247). Диалектически довольно рано возникли, вероятно, под влиянием дат. и тв. ед. формы род.-вин. мъне [1]), тобе, собе, откуда позднее с.-в.-р. диалектич. **мня** (Арх., Олон., Костр., Новгор. и др. губ.); **тобя, собя** (Арх., Вятск., Пермск. и др. губ.); в в.-р. памятниках род.-вин. тобе, собе—с XIV в.: оу тобе, близь тобе, оувѣдѣти тобе Лавр. летоп., безъ тобе Догов. 1362 г., тобя Догов. 1428 г., у тобя Моск. грам. XV в. Беляева № 16, пред тобя Конш. Домострой и др.

В дат.-местн. местоимения 1-го л. ед. в значительной части с.-в.-р., а также в переходных говорах и в литерат. яз. сохранилась старая форма **мнѣ**, а в остальных с.-в.-р. и в ю.-в.-р. получила преобладание форма **менѣ**, совпавшая по произношению с формой род.-вин. мене; о происхожде-

[1]) Впрочем, возможно, что форма род.—вин. мъне или мьне известна была еще говорам о-сл. яз., ср. *мне* в некоторых ст.-сл. памятниках (Син. Пс., Син. Тр.), а также польск. mnie, чш. mne.

нии её см. выше, § 370. В дат.-местн. местоимений 2-го л. ед. и возвратного большое распространение получили формы **тебѣ, себѣ,** вытеснившие старые тобѣ, собѣ из литературного яз., большинства переходных и части непереходных с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров. Но диалектически во многих с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорах сохранились формы **тобѣ, собѣ** (ю.-в.-р. табе, сабе). В в.-р. нецерковных памятниках до XVII в., напр., в Новгор., Двинских, Московских и Рязанских грамотах XIV — XVI в.в., в Домострое и т. п. в дат.-местн. употребляются почти исключительно формы тобѣ, собѣ.

Старые формы дат. **ми, ти, си** и род.-вин. **мя, тя, ся** вообще, если не считать частиц **ся** и **си** при возвратных глаголах, в в.-р. были утрачены и сохранились лишь в таких выражениях, как „я те дам“ („те“ там, где **е** предударное звучит иначе, чем **и,**—вместо „ти“ под влиянием „тебе“), а также с предлогом **у:** у мя, у тя и в немногих других случаях.

К новообразованиям чисто великорусским принадлежат распространенные в с.-в.-р. говорах формы род.-вин. **тея, сея,** дат.-местн. **теѣ, сеѣ;** в некоторых ю.-в.-р. говорах встречаются также **таѣ, саѣ** (в Курской г., Новосильском у. Тульской г. и др.).

Местоименное и сложное склонение.

§ **406.** Взаимное влияние твёрдых и мягких местоимённых основ. По аналогии с кѣм[1]), тѣм, всѣм окончание **ѣм** явилось и в тв. ед. чѣм, сѣм (напр., в выражении „и тѣм и сѣм“) вместо старых чимь, симь; древнейший пример написания „чѣмъ“ — во второй Духовной Димитрия Донского; впрочем, в части с.-в.-р. говоров сохранилась и старая форма чим; в твор. ед. **им** (от местоимения **иь**) звук **и** сохранился во всём в.-р. Во мн. ч. формы с **ѣ:** до сѣх пор, моѣм, твоѣм, чьѣм, моѣх, твоѣх, чьѣх и пр. по аналогиии с тѣм, всѣм, тѣх, всѣх и т. п. явились в в.-р. лишь диалектически в некоторых с.-в.-р. и переходных говорах (напр. во Владим., Тверской, Моск. губ. и др.), ср. до сѣхъ мѣстъ в моск. грамотах XV в. Наоборог, **и** вместо **ѣ** по аналогии

---

[1]) **к** в кѣм явилось в в.-р. нефонетически вместо **ц.** Древнейшие примеры этой формы с **к** в памятниках—с XIV в.

с формами их, им, ими, моих, моим, моими, чьих и др. явилось в литерат. яз., а также в ю.-в.-р. и во многих с.-в.-р. говорах в формах: одних, одним, одними, самих, самим, самими (при диалект. однѣх, самѣх и пр.) и в с.-в.-р. говорах в формах: всих, всим, всими. На появление **и** в этих формах могло повлиять также **и** в им. мн.: одни, сами, вси. Ср. в памятниках: всимь Дух. Климента XIII в., всихъ Ряз. Кормч. 1284 г., всими Дух. Ивана Калиты и др., самимъ Лавр. летоп. В род.-дат.-местн. и твор. ед. ж. р. **ей, всей,** моей, чьей и т. п. звук **е** диалектически заменился звуком **о**: **ёй, всёй, моёй, чьёй** и т. д. по аналогии с той, одной, самой и т. п. только в части в.-р. говоров как северных, так и южных, тогда как в других говорах и в литерат. яз. сохранилось **е**.

§ **407.** Род. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных. Окончание **ого (его)** с фрикативным **г** в части с.-в.-р. говоров, именно, в говорах Восточных, Владимирских и Поволжских фонетически заменилось через **ово** (см. выше, § 265). При ударении не на конце вместо **ово** в некоторых из этих говоров явилось позднее **ова:** этова, белова, злова, повидимому, (там, где конечное **о** не переходит фонетически в **а**) по аналогии с род. ед. имен существительных и прилагательных притяжательных муж. и ср. р. Благодаря тому, что формы род. ед. на **ово, ова** с **в** явились и в Московском говоре, они получили большое распространение не только в с.-в.-р., но и в ю.-в.-р. говорах и, частью, вытеснили старые формы с **г** там, где это **г** не изменилось в **в** фонетически.

§ **408.** Употребление род. **чего** в значении им. и вин. Форма чего во многих в.-р. говорах стала употребляться в значении имен. и вин. падежей: чего-то случилось; ты чего знаешь? в чего? на чего? и т. п. (Моск. г. и др.). Когда возникло такое употребление,—сказать трудно; но можно думать, что встречающаяся уже в Двинских грамотах XV в. в значении им. и вин. пад. форма „чо“: о Карпови участки чо княжоостровчи купили № 88 и др., употребляющаяся в том же значении и в нынешних говорах Вологодской губ., по происхождению — стяжённая форма род. падежа.

§ **409.** Вин. ед. ж. р. местоимений. Подобно форме род. ед. **еѣ** в в.-р. стали употребляться в значении вин. ед. также и формы всеѣ, тоѣ, одноѣ, самоѣ, откуда фонетически (см. выше § 216) в части в.-р. говоров: всеё, тоё, одноё, самоё. Теперь употребление этих форм в значении вин. ед. распространено чуть ли не во всём в.-р. яз. (в литерат. только её,—самоё, но уже в подмосковных говорах: тоё, всеё, одноё). Старые формы вин. ед., всю, ту, одну продолжают употребляться в значительной части в.-р. говоров наряду с новыми.

В некоторых в.-р (южных и северных) говорах формы её, всеё, тоё и пр. в значении вин. ед. изменились в ею, всею, тою, одною, самою, с ударением на конце, по аналогии с вин. ед. мою, твою, свою, чью, сию. Ср. еще в Двинских грам. XV в.: выменял ею № 7, в нынешнем литературном яз. у Л. Толстого: неловко за самою себя (Анна Карен.).

§ **410.** Окончание вин. ед. ж. р. прилагательных. В ю.-в.-р. окончание **ую** изменилось под ударением в **уя:** зилянуя, худуя и пр., а без ударения—в **аю** (с **а** редуцированным или другим редуцированным неокруглённым звуком): беднаю, добраю, синию и пр. Формы с окончанием **аю, ию** и т. п. вместо **ую** без ударения распространены и в ср.-в.-р. говорах.

§ **411**. Род. ед. ж. р. местоимений и прилагательных. Формы род. ед. ж. р. местоимённого склонения на **ѣ** в большинстве в.-р. говоров были утрачены и заменены формами на **й**, т.-е. род. ед. таким образом совпал с дат.-местн.: ей, у ней, всей, той, одной, самой, моей, чьей, злой, белой, синей и т. п. В памятниках это изменение засвидетельствовано уже с XIII в.; ср. Вопр. Кирика: из нѣкоторои, Р. Пр. 1282 г.: пьрвои, одинои, от бортьнои. Из старых форм на **ѣ** наиболее устойчиво сохраняется в говорах со значением род. ед. форма **еѣ** или **её**[1]), главным образом, без предлогов; в нынешнем литературном языке **ей** в род. ед. допускается только с предлогами: у ней, от ней (чаще: у неё, от неё), да и то главным образом в разговорном яз., с неко-

[1]) Часто встречающееся у образованных людей (особенно не у москвичей) произношение „ея“ в род. ед. обязано своим происхождением правописанию, перешедшему из церковнослав. письма.

торым оттенком вульгарности, но только: её счастье, ёе не было дома; в русском литературном яз. первой половины XIX в. в сочетании с предлогами форма „ней“ была более употребительна, чем теперь; в народных говорах форма „ей“ в значении род. ед. употребляется и без предлогов. Что же касается форм всеѣ, тоѣ, самоѣ, одноѣ или всеё, тоё, самоё, одноё, то они получили почти везде значение только вин. ед. Но в некоторых с.-в.-р. говорах (Арханг., Олон. губ.) сохранились формы род. ед. ж. р. прилагательных на **ыѣ, иѣ** (или **ые, ие**), употребляющиеся в этих говорах также и в значении дат.-местн. пад.: ко сестрицы родимые, на кроваточки тесовые и т. п., рядом с формами на **ой.**

§ **412.** Твор. и местн. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных. В некоторых с.-в.-р., переходных и ю.-в.-р. говорах форма местн. ед. прилагательных и, отчасти, местоимений стала заменяться формою твор. ед., и таким образом произошло совпадение обеих форм: в яровым, на желтым песочку, на тем берегу, на одним месте и т. п. Ср. подобное же явление в б.-р. С другой стороны, в некоторых из этих говоров стала употребляться форма местн. ед.: ём, ком, вместо твор. ед.: за нём, с ком, за ком и т. п., но только с предлогами.

§ **413.** Имен. множ. местоимений и прилагательных. В о.-р. первоначально в им. мн. местоимений и прилагательных различались формы всех трех родов; затем это различие было повсюду (и в в.-р. и в б.-р. и в м.-р.) утрачено, и в значении им. множ. всех родов стала употребляться одна форма, именно, от прилагательных обычно—старая форма вин. мн. муж. р.=им. вин. мн. ж. р.: худыѣ, добрыѣ и пр., а от местоимений частью та же форма: оны, одны, ты, самы, всѣ и т. п., частью — старая форма им. мн. муж. р.: они, одни, сами, вси, мои, твои, чьи, наши и пр. В.-р. тѣ, онѣ, однѣ [1]) вместо старых, ти, они, одни,— явились по аналогии с „всѣ“ и под влиянием косвенных падежей: тѣхъ, однѣхъ и пр. С.-в.-р. диалектич. моѣ, твоѣ,

---

[1]) Литературное правописание „эти“ при „те“ объясняется тем, что конечные безударные ѣ и и в литературном произношении совпали. Различение им. мн. муж. и ср. р. „они, одни“ и ж. р. „онѣ, однѣ“ в дореформенном правописании не оправдывается живым языком.

своѣ, чьѣ могли бы считаться старыми формами вин. мн. муж. р. или им.-вин. мн. ж. р., но ввиду того, что эти формы известны в тех говорах, где в род.-вин. ед. ж. р. окончание **jo** из о.-р. **йѣ:** её, тоё, самоё, я думаю, что они возникли сравнительно поздно по аналогии с существовавшими уже тѣ, онѣ, однѣ и старым всѣ. Понятно, что вследствие совпадения им. и вин. мн. от имён неодушевлённых предметов старые формы им. мн. могли получить и значение вин. мн. В памятниках: тѣ (цари) им. мн. Кормчая 1282 г., тѣ люди им. мн. Дух. Симеона Горд., тѣ села Дух. вел. кн. Ивана Иван. и Димитрия Донского, тѣ (овца) вин. мн. Ев. 1355 г. и т. д.; онѣ им. мн. муж. р. Лавр. летоп., Ев. 1357 г., Двинск. грам. № 11; **мои** вин. мн. Новг. грам. 1314 г.; с **тѣми** селы которыѣ... Дух. Дим. Донского, врата желѣзныя вин. мн. Апост. 1391 г. и др. Старые формы им.-вин. мн. ср. р. встречаются в грамотах еще в XV в. и даже, изредка, в XVI в.: по которая мѣста грам. 1517 г.

Окончание им.-вин. мн. прилагательных **ыѣ** (а после **г, к, х** фонетически **иѣ**) сохранилось во многих с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорах (с фонетическим изменением конечного неударяемого **ѣ** в **jo, je, ja:** добрыё, добрые, добрыя), в других говорах изменилось в **ыи (ии)** по аналогии с им.-вин. мн. существительных и местоимений (напр., таких, как: случаи, обычаи, судьи, мои, твои, чьи и т. п.): белыи, злыи и пр.; такое произношение является, между прочим, и в литературном яз. В некоторых акающих говорах (Моск., Тульск., Ряз. и др. губ.) окончание **ыи** при ударении на основе изменилось в **аи:** добраи, беднаи (со звуком **а** или редуцированным звуком, более открытым, чем **ы**). От прилагательных с основами на мягкие старое окончание вин. мн. **ѣѣ** еще очень рано нефонетически изменялось в **иѣ** по аналогии с прилагательными, имеющими основы на твёрдые согласные; в тех говорах, где окончание **ыѣ** изменилось в **ыи,** от основ на мягкие явилось **ии:** синии, ближнии, и пр.

§ **414.** Формы прилагательных и местоимений на эй, эи, эх и пр. В род.-местн. ед. ж. р., реже в им. и род.-местн. мн. прилагательных и местоимений в некоторых с.-в.-р. говорах явились окончания **эй, эи, эх** и пр. (т.-е. с **е**

после твёрдой согласной): **тэй, днэй, молодэй, такэй, другэй** или **такей, другей**, реже: им. мн. **молодэи, такэи** или **такеи**, род.-местн. мн. **молодэх, такэх** или **такех** и пр. Подобные формы отмечены между прочим в Олон., Нижегор. и Симбирской губ. Что касается форм на **эй** и т. п. в Псковской и Калужской губ. (**тэй, однэй, тэе, однэе** или **тэё, однэё** и др.), то, может быть, они и не стоят в связи с подобными формами в с.-в.-р. говорах, а объясняются б.-р. происхождением.

4. Белорусские изменения форм склонения.

А. Явления, общие б.-р. яз. с м.-р.

§ **415.** Свистящие **з, с, ц** перед **ѣ** в формах склонения имён с основами на задненёбные сохранились: **в гаросѣ, у лузѣ, на руцѣ, назѣ, на дарозѣ, маладусѣ, сасѣ** и пр. В местн. ед. имён муж. р. формы со свистящими встречаются не часто, так как предпочитается местн. ед. на **у**: **на кóнику, в садочку, у кажуху, на лугу** и пр.

§ **416.** Сохранилась о.-р. зват. форма: **попя, кумя, браця** (=**брате**), **Иване, мамо** и пр.; от имён муж. р. с основами на задненёбные и шипящие и на мягкие неслоговые звуки зват. форма оканчивается теперь на **у**, как и в м.-р.: **сынку, галубочку** (но также: **чалавече, вовче, дзяче**), **коню, нигадзяю, мужу** и пр.

§ **417.** Окончание **ѣ** в местн. ед. существительных муж. и ср. р. и дат.-местн. ед. существительных ж. р. не распространилось на имена с основами на мягкие (или бывшие раньше мягкими) согласные: **на кани** (на коне), **по зямли, дзяжы** и пр.

§ **418.** Местн. ед. на **у** стал образовываться, между прочим, от имён с основами на задненёбные (см. § 415) и от некоторых имён ср. р.

§ **419.** Имен. мн. от имён не среднего рода на **а** в б.-р. не употребляется.

§ **420.** Дат. ед. имён муж. р. на **ови, еви** сохранился в некоторых ю.-з. б.-р. говорах, но употребляется теперь лишь от имён лиц: **бацькави, дзяцькави, сынави, кавалёви.** Ср. в зап.-р. грам. 1330 г.: **купцѣви, вѣсцѣви**; в Минее Четье 1489 г.: **мужеви, огневи**; Сборн. XV в.: **волкови.**

§ **421.** Твор. ед. от имён ж. р. типа „кость“ и т. п. может оканчиваться не только на **у** с удлинением предшествующей согласной (из о.-р. **jу**): ноччу, соллю, жизню, но и на **ою** или **ой** (без ударения **аю, ай** и т. п.): начою и начой, ко́сцей или касцёй (=костью) и пр., по аналогии с именами на **а.**

§ **422.** Сохранился в ю.-б.-р. говорах им.-в. множ. на **ѣ** (произносится **е** или **иэ, ыэ**) от имён и местоимений с основами на мягкие (или бывшие раньше мягкими) звуки: кавалѣ, рублѣ, жанцѣ, маѣ, тваѣ и т. п. Впрочем, формы на **ѣ** от существительных редки, и обычно употребляются формы на **и,** а конечное **ѣ** в местоимениях частью могли бы объясняться и аналогией (ср. выше § 413).

§ **423.** Род. мн. на **ий** или **ей** не получил большого распространения; окончание **ей** в этой форме употребляется в б.-р. теперь обыкновенно только от имён, принадлежащих или принадлежавших к склонению с род.-дат.-местн. ед. на **и:** касцей (=костей), начей, гасцей, людзей и т. п.; по аналогии с ними только: коний (коняй), грошей (как и в м.-р.), дней; редко: акуней, палей (от им. ед. поле) и т. п., но также и канёв, акунёв, поль или палёв, маров (=морей), дзён и днёв, и постоянно: рублёв, мужов, лябядзёв, учыцяляв, писаров и пр.

§ **424.** Форма род. мн. получила значение вин. мн. только от имён лиц; от названий же животных употребляется одна общая форма для вин. и им. мн.: даиця коровы, гани валы, закладывайця кони и т. п.

§ **425.** Сохранились формы имен. двойств. на **ѣ** при числительном **двѣ** от имён на **а** и **о:** дзвѣ руцѣ, паласѣ, сасѣ, сялѣ. По аналогии—та же форма и при числит. **тры.** Наоборот, форма имен. двойств. на **а** от имён муж. р., как и в м.-р., заменена формою им. мн.: два браты, чалавѣки, сталы.

§ **426.** Сохранились старые формы склонения имён ср. р. на **„я“** с род. ед. на **„яти“** (из о.-р. **ате**): жарабя, целя, дзиця, вовча, дзевча (жеребёнок, телёнок, дитя, волчёнок, девочка) и пр., род. ед. жарабяци, целяци и пр.

§ **427.** В склонении личных местоимений можно отметить отсутствие, как и в м.-р., формы дат.-местн. тебѣ, себѣ с **ę**

(немногие отмеченные наблюдателями случаи, вероятно,— заимствования из в.-р.); употребляются исключительно формы **табѣ, сабѣ.**

§ **428.** Склонение местоимений неличных частью совпало по формам со склонением прилагательных: им. ед. муж. р тэй, гэтый, гэный, нашый (рядом с „наш"), ж. р.—тая, гэтая, идная (и „идна"), ср. р.—тое и пр., вин. ед. ж. р.—тую, гэтую, адную и пр., тв. ед. муж. р.—тым, гэтым, адным и т. п., мн.— тыя, тых, тым, тыми и др.

§ **429.** Числительные пять, шесть и пр. стали образовывать формы косвенных падежей, как формы мн. ч.: пяцёх, шасцёх, пяцём, шасцём, пяцьми, шасцьми и пр.

В. Явления, общие б.-р. с в.-р.

§ **430.** Дат. и местн. ед. имён и местоимений муж. р. не подверглись такому смешению, как в м.-р.: местн. ед. на **ови** отсутствует даже в южных б.-р. говорах; местн. ед. муж. р. местоимений и прилагательных никогда не оканчивается на **ому.**

§ **431.** Род. мн. на **ей,** хотя и редко, стала образовываться и от имён ср. р. с основами на мягкие и **р:** палей, марэй (см. выше §§ 400 и 423).

§ **432.** Диалектически, впрочем, только по соседству с в.-р., в переходных говорах возникли новые зват. формы от имён на **а** без окончания: мам, цёт (тётка) и др.

§ **433.** Диалектически в с.-б.-р. говорах (северная часть Витебской и Смоленской губ.), соседних с переходными с.-в.-р. по основе говорами, твор. мн. совпал с дат. мн.: рукам, нынгам, гарадам, с залатым кальцам и пр.

§ **434.** В окончаниях твор. ед. имен существительных и дат.-местн. и твор. ед. местоимений ж. р. с основами на мягкие неслоговые звуки нефонетически явилось **о** вместо **е** по аналогии с основами на твёрдые: зямлёю, маёй, всёй. Как и в в.-р., **о** в этих формах у имён существительных является теперь повсеместно, а у местоимений — диалектически, хотя вообще формы на **ой, ою** от основ на мягкие распространены больше, чем на **ей, ею.**

§ **435**. В вин. ед. ж. р. прилагательных при ударении на основе является окончание **аю** с его фонетическими изменениями (ыю, ию и т. п.): добраю и пр.

§ **436.** Род. ед. местоимения всѣ, еѣ в б.-р. может употребляться в значении вин. ед. рядом с формами яю, ану, всю.

С. Остальные б.-р. явления.

Здесь я назову некоторые явления, или свойственные одному б.-р. яз. или встречающиеся одновременно диалектически, кроме б.-р., также и в в.-р. и м.-р. говорах, но вне непосредственной связи с б.-р.

§ **437.** От имён муж. р. на **а** некоторые формы в б.-р. стали образовываться так же, как и от имён муж. р. с им. ед. на согласную; при старых род. ед. старшыны, судзи (судьи), старосты, пъяницы, вин. ед. старшыну, судзю, старосту, пъяницу возникли дат. ед. старосту и пр., твор. ед. старшыном, судзём, старостам, пъяницам по аналогии батюшку, батюшком или мужику, мужиком; род. мн. старшынов, судзёв, старостав, пъяницав (буква „в" в конце читается, как неслоговое **у**), между прочим, и в тех говорах, где от имён ж. р. род. мн. на **ов** не образуется.

§ **438.** По аналогии с именами, имеющими основы на мягкие неслоговые звуки, окончание **ѣ** в род. ед. ж. р. и им.-вин. мн. распространилось диалектически и на имена с основами на твёрдые согласные, преимущественно на задненёбные, причём согласные твёрдые перед этим окончанием не смягчились, кроме задненёбных, перешедших в мягкие средненёбные: сястрэ, вадэ (но также и: прынёс вадзе), травэ, из руке, мужыке, гаршке, мяхе, луге, жанке, дзявке и пр.; ю.-б.-р. валыэ, дубыэ, братыэ и т. д.; ср. зямлѣ, кавалѣ, жанцѣ, касцѣ и пр. Быть может, эти формы отразились на таких написаниях памятников, как трусѣ, дворѣ, поткѣ в Летоп. Авр. XV в., игрѣ—Библ. кн. XVI в.

§ **439.** Сохранились по бо́льшей части старые формы мн. ч. склонения имён типа „зять", „кость" и т. п.; не только род. мн. гасцей, людзей, начей и пр., но и дат. мн. гасцём, людзём, начом, сянём, дзвяром (=дверям), тв. гасцьми, дзвярми, сяньми, местн. гасцёх, сянёх, начох, дзвярох, у лапцёх и пр.; рядом с этими формами существуют

и новые формы дат., твор. и местн. мн. на **ам**, **ами**, **ах**: начам, начами, начах, касцям, касцями, касцях и пр. Ср. подобные же формы в в.-р. и м.-р. говорах. В б.-р., как и в м.-р., по этому же склонению образуют падежные формы мн. ч. имена конь и грош: коняй, грошай (или грошый), канём, грашом, коньми, грошми.

§ **440.** Во многих ср.-б.-р. и ю.-б.-р. говорах уцелели формы дат. мн. имён существительных муж. р. на **ом** рядом с новыми формами на **ам:** папом, братом, бацьком, пастухом, жанцом, шавцом (шевцам, т.-е. портным), кавалём, сталяром, дубом, зубом и пр. и: папам, братам и т. д.

§ **441.** В тех же говорах распространилась и форма местн. мн. на **ох:** папох, лясох, лядох, садох, дубох, питухох, братох, касцох, жанцох, капачох, караблёх; от имён ср. р.: по балатох. Ср. в грам. 1432 г.: у Троцох, члонкох, роздѣлох, мѣстичох, Минея 1489 г.: о вченикох. На распространение этой формы могли влиять: а) остатки старой формы на **ъхъ** склонения имён на **ъ** с род. ед. на **у:** сынох, дубох и т. п.; б) аналогия со стороны имён с основами на мягкие, имевших ранее в род. дат.-местн. ед. окончание **и;** в) аналогия со стороны форм род. и дат. мн. с гласною **о**. Рядом с формою местн. мн. на **ох** употребительна в б.-р. и форма на **ах.**

§ **442.** Род. мн. на **ов**, кроме имён муж. р., стали образовывать многие имена ср. р., обыкновенно, при ударении во мн. ч. на основе: варотав, письмав, но также: вядзёр и пр., а диалектически, главным образом в ю.-з. говорах, и имена ж. р. при ударении в других формах мн. ч. на основе: сарокав, сёстрав, маладзицав, лисицав, но дачок, дзявок. Ср. овцовъ в Библ. кн. XVII в.

§ **443.** Большое распространение в б.-р. получили формы местоимений и прилагательных на **эй:** тэй, аднэй, сляпэй, другэй; по аналогии с ними в некоторых б.-р. говорах стали образовываться и формы твор. ед. существительных ж. р. на **эй:** галавэй и т. п. Первоначально окончание **эй** получалось, быть может, фонетически в им. ед. муж. р. вместо **ый** и в род. ед. ж. р. вместо **ыѣ,** а затем распространилось и на другие падежи. Ср. такие же окончания в некоторых в.-р. говорах (см. выше § 414).

§ **444.** Местн. ед. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных в значительной части говоров, преимущественно средне-б.-р. и северно-б.-р., совпал с твор. ед.: аб адным, на тым, на вараным конику и т. п. Ср. аналогичное явление в с.-в.-р. и переходных в.-р. говорах.

5. Малорусские изменения форм склонения.

§ **445.** Зват. форма в м.-р. сохранилась, как и в б.-р.: синку, добродію, чоловіче, мамо, жінко и пр.

§ **446.** Свистящие перед **ѣ** в склонении имён с основами на задненёбные сохранились, как и в б.-р.: в лузі, у кожусі, на ріці и пр.

§ **447.** Формы местн. и дат.-местн. на **и** от имён с основами на мягкие или бывшие раньше мягкими согласные по бо́льшей части сохранились: на земли, на поли, в криници (**и** из старого **и**) и др., но частью заменились формами на **ѣ:** ковалі, в кишені, в каші, на селі (**і** из старого **ѣ**) и др.

§ **448.** Вин. множ. От имён лиц в м.-р., как и в б.-р., в значении вин. мн. стала употребляться форма род. мн.: чоловіків, жінок, дочок и пр.; от имён животных, по бо́льшей части, сохранилась старая форма вин. мн., совпадающая с им. мн.: воли, коні, корови и пр., как в б.-р. (см. § 424).

§ **449.** Судьба форм двойств. ч. Старые формы им. дв. на **а** от имён муж. р. при числительных два, оба были утрачены и заменены формами им. мн.: два воли, городи и пр.; зато сохранились формы им. дв. на **ѣ** от имён ж. и ср. р.: дві нозі, руці, відрі рядом с дві ноги, руки, два відра. По аналогии, те же формы стали употребляться и при числительных три и чотири: три корові, чотири селі и пр.

§ **450.** Дат. ед. на **ови**, **еви**. Уже в древнейшую эпоху дат. ед. на **ови** в южнорусских и некоторых севернорусских говорах мог образовываться не только от имён, имевших такое окончание этой формы еще в о.-сл., но и от других имён муж. р. с окончанием им. ед. на **ъ;** по аналогии с ними, и имена с основами на мягкие неслоговые звуки могли иметь дат. ед. на **еви,** ср. в Мстиславовой грам. 1130 г., Георгиеви и т. п. Позднее в севернорусских говорах эта форма была утрачена, а в м.-р. получила большое распространение и

даже стала употребляться предпочтительно перед формою на **у**; ср. нын. украинск. козакові, дубові, вісові, батькові, ковалеві, коневі, ножеві, богачеві, товаришові и пр., и даже, хотя и редко, от имён ср. р. на **о, е:** містові, полеві, мореві, сонцеві, життєві и пр. Окончания **ови, еви** в вост.-м.-р. говорах очень рано, не позже XIV в., нефонетически изменились в **овѣ, евѣ** (откуда нын. **ові, еві**), по аналогии с **ѣ** в дат. ед. личных местоимений и имён ж. р. На такое изменение могут указывать формы дат. ед. **овѣ, евѣ** в некоторых южнорусских памятниках XV в. В зап.-м.-р. (точнее: с.-м.-р., зап.-украинских, галицких и карпатских) говорах и в этих окончаниях осталось[1]) без изменения **в ѣ и і.** Кроме того, звук **е** в окончании **еві** или **еви** во многих (преимущественно западных) м.-р. говорах нефонетически заменён звуком **о,** при чём согласные перед ним стали мягкими, если они мягки в других падежных формах: ковальови, коньови, купцьови, гостьови, ножови, польови, морьови, життьови и пр., по аналогии с **о** в козакови, містови и др.

§ **451.** Местный ед. имен муж. и ср. р. Формы местн. ед. на **ѣ** частью сохранились (с фонетическим изменением **ѣ** в **і**), частью были заменены формами на **у,** которые между прочим стали образовываться и от имён ср. р. Теперь местн. на **у** употребляется в м.-р, преимущественно от имён муж. р. с суффиксами **ък** и **ик:** в садочку, на хлопчику и т. п., реже от основ на мягкие: в куреню, на звірю и пр. Позднее, благодаря совпадению дат. и местн. на **у,** и, может быть, по аналогии с именами ж. р., где дат. и местн. тоже совпадают, стало возможным употребление дат. ед. муж., а диалектически и ср. р. на **ові, еві** (или **ови, еви**) в значении местн., при чём от некоторых имён местн. на **ові** (**ови** и пр.) употребляется теперь даже предпочтительно перед другими формами того же падежа. Примеры: украинск. в вінкові, на батькові, на півневі (півень—петух) и т. п., карпатск. сынови, польови, житьови и пр. Наконец, вследствие возможности совпадения дат. и местн. ед. муж. и ср. р. существительных и ж. р. прилагательных, в с.-м.-р. и

---

[1]) Конечно, с тем фонетическим изменением, какому подверглось в м.-р. всякое старое **и** не после **j**.

укр. стали употребляться в значении местн. и формы дат. ед. муж. р. местоимений и прилагательных: у всьому городі, в вишневому садочку и т. п., рядом со старыми формами.

§ **452.** Им. мн. от имён несреднего р. на **а** в м.-р. не употребляется, кроме немногих слов: повод**а**, вус**а**, рук**а**ва (жирным шрифтом—ударяемые гласные). Ср. выше § 382.

§ **453.** Им. мн. на ове. Формы им. мн. на **ове** и, по аналогии с ними, на **еве** от основ на мягкие, повидимому, сохранялись в некоторых русских говорах в XII в. и позднее, при чём употреблялись от некоторых имен, имевших такую форму, может быть, еще в о.-сл., т.-е. изменявшихся в о.-сл. яз. по типу имен „сынъ", „медъ" и т. п. (сюда, может быть, относится борове в Ипат. летоп. от существ. боръ—лес, сосна), а также от имен лиц: попове, татарове, ляхове и пр. Затем формы на **ове** от имён неодушевленных предметов и животных были утрачены во всём русском яз., а от имён лиц сохранились лишь в некоторых с.-м.-р. (подляшских), галицких и карпатских говорах: сынове, склепарьове, товаришове, сусідове и пр. Возможно, что эти формы возникли уже в м.-р. говорах под влиянием польского или словацкого яз. В украинских говорах они не известны.

§ **454.** Род. мн. имен существительных. Род. мн. на **овъ** (укр. **ів**, с.-м.-р. и карп. **ув**) в большинстве говоров теперь образуется только от имён муж. р. с основами как на твердые, так и на мягкие неслоговые звуки: волів, країв, ножів, царів и пр. Диалектически формы на **ов** стали образовывать и некоторые имена ср. р., ср. подольск. полів, карп. морів, ягнятув, и даже, хотя и редко, ж. р.: матерів, ранів, землів (литерат. укр. матерів, но ран, земель), но обычно имена ср. и ж. р. не образуют род. мн. на **ов.** Имена на **ь** муж. р. типа гость, зять и пр., по бóльшей части, стали склоняться так же, как и другие имена муж. р. с основами на мягкие звуки, т.-е. образуют род. мн. тоже на **ов:** локтів, гостів (карп. локтюв, гостюв); наоборот, существительные конь (кінь, кунь и пр.) и грош (гріш, груш и пр.) склоняются во мн. по образцу имён ж. р. на **ь:** коней, грошей (реже: конів, грошів). Диалектически в карпатских и др. говорах род. мн. на **ий** стали образовывать

имена муж. р. на **рь, ль:** ліварий, учителий. Наконец, в некоторых карпатских говорах возникли формы род. мн. на **ах:** морях, ключах, сонцях, волосях, локтях и пр. по аналогии с формами местн. мн. под влиянием совпадения этих форм у местоимений и прилагательных.

§ **455.** Дат. мн. на ом (ем) и местн. на ѣхъ и ъхъ. Эти формы от имен муж. и ср. р. сохранились в м.-р. лишь диалектически, главным образом, в карпатских говорах; впрочем, форма местн. на **іх** (из ѣхъ) по большей части вытеснена формою на **ох** (из ъхъ): дат.: лісум, чоловікум, сынум, конюм, ліварюм, містум, тілум, морюм, сонцюм, клочум; местн.: лісох, чоловікох, сынох, коньох, ліварьох, тілох, сонцьох, клочох (реже: лісіх и пр.); в с.-м.-р. и укр. формы на **ум** или **ім** (из омъ, емъ) и на **іх** (из ѣхъ) теперь очень редки, преимущественно от некоторых имен с основами на мягкие: с.-м.-р. дат. мн, хлопцюм, конюм и пр., укр. хлопцім, конім, грошім, гостім (здесь **і** по аналогии), местн. хлопціх, коніх, грошіх (**і**, конечно, здесь явилось нефонетически), лісіх и лісох. Украинские формы дат. мн. на **ем** или **ом** и местн. на **ех** или **ох** от имён коні, гроші, гості и пр. см. ниже § 458.

§ **456.** Судьба род. ед. имён ж. р. и им.-вин. мн. муж. и ж. р. на ѣ из о.-сл. ѣ носового. Эти формы вообще в м.-р. сохранились повсеместно: укр. род. ед. землі, диці, бурі, им. мн. землі и пр., коні, ковалі, князі, с.-м.-р. род. ед. земліе и пр., им. мн. клуніе, пісніе, ножіе, купціе. По аналогии с конѣ, мужѣ и т. п. им.-вин. на **ѣ** в м.-р. стал образовываться и от других имён муж. р. с основами на мягкие согласные, ср. укр. звірі, ведмеді, гості, гвозді (реже—со старым **и:** гости, гвозди) и пр. Диалектически окончание **і** (из старого **ѣ**) стало употребляться и от имен ж. р. на **ь,** преимущественно в им. мн.: ночі, кості и пр.

§ **457.** Твор. ед. имён ж, р. Окончание **ою, ею** диалектически распространилось на имена ж. р. на **ь**: при обычном вост.-укр. ніччу, річчу, сіллю (=солью) и т. п. на западе, преимущественно в карпатских говорах, реже в галицких и зап.-м.-р., говорят также: ночою (Подольск. г.), костею и костьою и т. п. В некоторых карпатских говорах окончание **ою** вследствие выпадения **й** между гласными

изменилось в **оу** с **у** неслоговым: бойк. жоноу, рукоу, дыньоу, кустьоу (костью), любовйоу и т. п. (с **у** неслоговым; в слове кустьоу первое **у** из более старой формы кустю, ср. украинск. кістю, где **у**, **і** из **о**). Из этого **оу** в говоре лемков получилось **ом:** руком, дыньом, землъом, честьом (=частью) и пр.

§ 458. Формы мн. ч. склонения имён на ь с род. ед. на и. Слова муж. р. этого склонения в м.-р. по бо́льшей части утратили старые падежные формы, заменив их другими, ср. украинск. род. мн. зьвірів, ведмедів, дат. зьвірям, ведмедям, гостям, твор. зьвірями, ведмедями, гостями и пр. Как архаизм, сохранились старые формы им.-вин., род. и твор. мн. только у немногих имён: им. гости, гвозди (при обычных гості, гвозді), люди (и люде), род. гостей, гвоздей, людей, или гостий, гвоздий, людий, твор. людьми, реже: гістьми, гвіздьми; по аналогии с ними образуются косвенные падежи от имён коні, гроші: род. мн. коней, грошей, или коний, гроший, твор. кіньми (карп. куньми), грішми (карп. грушми); диалектически те же окончания теперь встречаются и от других имен с основами на мягкие и шипящие, но редко. Имена ж. р. по большей части сохранили из старых форм только формы им. и род. мн.: кости, діти и пр., род. костей, дітей и пр.; в остальных же падежах получили окончания **ам, ами, ах** по аналогии с именами на **а:** костям, костями, костях. Старая форма твор. мн. на **ми** стала употребляться значительно реже, чем новая на **ами,** хотя и сохранилась почти повсеместно: укр. кістьми и пр., карп. кустьми и пр. (=костями). Формы дат. мн. на **ем** и **ом** (из о.-р. **ьмъ**) и местн. **ех** и **ох** (из о.-р. **ьхъ**) сохранились лишь диалектически и то при более частых формах на **ам, ах:** вост.-укр. гостем, людем, костем и пр., костех и т. д., с.-м.-р. и зап.-укр. гостьом, людьом, коньом, костьом, гостьох, людьох, коньох, дітьох и пр. Встречаются также в укр. формы дат. мн. на **ім:** дверім, сінім (=сеням), реже—местн. на **іх:** грудіх.

§ 459. Звуки е и о после мягких в окончаниях падежных форм. Звук **е** в окончаниях падежных форм не в конце слова во многих м.-р. говорах, преимущественно в зап.-м.-р., нефонетически заменился звуком **о** с мягкою или шипящею согласною перед ним, ср. вост.-укр. коневі,

богачеві, ковалем, землею и т. п., зап.-м.-р. коньови, богачови, ковальом, земльою и пр. по аналогии с основами на твёрдые, напр., чоловікови, волом, рукою и пр.

§ **460.** Склонение **имён** с о.-сл. основой на **е**ⁿт. В м.-р. формы этого склонения (ср. выше § 361 в) сохранились с небольшими изменениями: в род. ед. окончание **ате** заменилось окончанием **ати,** повидимому, еще в о.-р. эпоху, хотя диалектически является и **ате:** теляти и теляте; в дат.-местн. ед. теперь является окончание **ати** в одних говорах и **аті** в других; в последнем случае **і** по аналогии с именами ж. р.: теляти и теляті. В тв. ед. **атем,** заменившееся в зап. говорах нефонетически через **атьом** или **атом:** телятем (вост.), телятьом и телятом; широкое распространение получили также формы, образованные непосредственно от основы им.-вин. ед. телям, ягням; в литературном украинском яз. употребительны только последние от всех имен ср. р. на—„**я**“.

§ **461.** Им. ед. прилагательных. Окончание им. ед. муж. р. **ый, ий** вообще сохранились без изменения, но конечное **й** после **ы** или **и** во многих говорах отпадает: добрый, синий и добри, сини. Неслоговая гласная **й** выпадает также и в окончаниях им. и вин. ед. ж. р. и им.-вин. ср. р. между гласными. При этом в им. и вин. ед. ж. р. после выпадения **й** между двумя **а** или двумя **у** получились стяжённые формы с **а** или **у** краткими (из более ранних **а, у** долгих): добра, біла, добру, білу и пр., хотя диалектически сохраняются кое-где и нестяжённые формы: добрая, добрую и пр. В им.-вин. ед. ср. р. в большей части м.-р. говоров вследствие выпадения **й** в окончании **оє, єє** получилось стяжение, причём **ое, ее** (т.-е. оэ, еэ) перешли в **е:** добре, біле и пр.; рядом с этими стяжёнными формами сохранились и нестяжённые доброє, білоє или добреє, білеє (где **е** заменило старое **о** нефонетически). В карпатских (главным образом, закарпатских) говорах вместо украинского **е** в им.-вин. ед. прилагательных ср. р. является окончание **ой,** очевидно, из **ойе** после выпадения **й** через посредство **ое** с **е** неслоговым: доброй, бідной, такой: такой чудо и пр.

§ **462.** Род. и дат.-местн. ед. ж. р. прилагательных. В м.-р. сохранились старые формы на **оѣ, еѣ** (см.

§ 382.4), откуда нынешние украинские формы на **oї, eї**: доброї, синеї. В дат.-местн. ед. ж. р. фонетически из о.-р. **ой** получилось в украинском **ій**, откуда далее **i**: добрі и пр.; в с.-м.-р. и закарп. **уй**: добруй и пр.

§ **463.** Дат. ед. личных местоимений в нынешнем м.-р. только: мені, тобі, собі (ср. § 371); формы тобі, собі восходят к о.-сл. и о.-р. тобѣ, собѣ; форма мені—к о.-р. диалектич. менѣ (ср. ю.-в.-р. мине).

§ **464.** Склонение местоимений неличных, как и в б.-р., частью совпало по формам со склонением прилагательных, ср. формы: им. ед. муж. р. цей (=сей, этот), той, им. ед. ж. р. цяя, тая, ср. р. цеє, тоє, вин. ед. ж. р. цюю, тую и пр.

§ **465.** Склонение числительных. Числительные от пяти до десяти и сложные с „десять" в м.-р., как и в б.-р., стали образовывать падежные формы по местоимённому склонению и согласоваться в числе с определяемыми ими существительными: род.-местн. пятьох, шестьох и пр., дат. пятьом, тв. пятьма и пр.; впрочем, сохраняются и старые формы: пяти, шести и пр.

Б. ИСТОРИЯ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

1. *Формы спряжения, перешедшие в русский язык из общеславянского.*

§ **466.** В словах о.-сл. и о.-р. языков, называемых в грамматиках глаголами, следует различать собственно глаголы, т.-е. спрягаемые слова, и те глагольные слова, которые, имея основу, общую с основами форм спряжения, не являются сами формами спряжения. К таким глагольным словам в о.-сл. языке относились а) причастия, б) инфинитивы и в) супины. Уже на почве русского яз. позднее развилась новая категория глагольных слов, так наз. деепричастия. Некоторые причастия, а также инфинитивы, не будучи сами по себе формами спряжения, еще в о.-сл. входили в состав сложных или описательных форм спряжения.

§ **467.** Формы спряжения, перешедшие в о.-р. яз. из о.-сл., состояли из форм лица с их различиями по числу и форм сказуемости, т.-е. наклонения и времени. Формами лица

в глаголах обозначалось отношение признака, выраженного глагольной основой, к известному лицу речи; при этом глагол в формах 1-го и 2-го лица всех трёх чисел (единственного, двойственного и множественного) не требовал при себе в качестве подлежащего слова, обозначающего 1-е или 2-е лицо речи, так как эти лица подразумевались уже самой формой 1-го или 2-го лица глагола: напр., о.-сл. дамь, даси по значению совпадали с нынешними русскими: я дам, ты дашь. Формами сказуемости называются такие формы, которые делают глагол грамматическим сказуемым, т.-е. обозначают предмет мысли, на который указывает основа глагола, в открываемом мыслью сочетании его с другим предметом мысли. К формам сказуемости в глаголе о.-сл. яз. принадлежали формы наклонений: прямого или изъявительного и двух косвенных: повелительного и условного, и формы времени: настоящего, аориста, имперфекта, прошедшего сложного I или перфекта, прошедшего сложного II или plusquamperfect'a, будущего 1-го и будущего 2-го (условного).

§ **468.** Что касается форм залога и вида, то эти формы по своему значению являются формами не словоизменения (синтаксическими), а формами словообразования (несинтаксическими), но в о.-сл. яз. в связи с различиями по залогам и видам стояли и известные различия в образовании и значении синтаксических форм спряжения. Из форм залога в о.-сл. яз. в эпоху его распадения сохранялись полностью лишь формы залога действительного; глаголы, имевшие эти формы, по значению были частью переходными, частью непереходными. Кроме форм действительного залога, в о.-р. яз. перешли из о.-сл. причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога. Отсутствие форм спряжения возвратного и страдательного залогов возмещалось описательными выражениями: 1) сочетанием форм действ. залога с возвратным местоимением в вин. пад. **се**ⁿ (в о.-р. **ся**) для обозначения прямого возвратного действия и в дат. пад. **си** для обозначения непрямого возвратного действия; 2) сочетанием причастий страд. залога с формами спряжения вспомогательного глагола **быти** для описания страдат. залога. Описательная форма возврат-

ного залога уже в о.-сл. могла получить значение страдательного.

Видовые значения в глагольные основы в о.-сл. вносились различным образом: или 1) известными словообразовательными суффиксами, или 2) сложением простых глагольных основ с приставками. В случаях первого рода в зависимости от присутствия или отсутствия тех или других суффиксов в глагольных основах различались формы вида кратного и некратного с известными подразделениями. Во втором случае, в глаголах, сложенных с приставками, эти приставки могли изменять значение несовершенного вида простых основ в значение вида совершенного, внося притом и другие, невидовые изменения в значение простых основ.

§ **469.** Все глаголы о.-сл. яз. можно разделить на 2 класса, унаследованные им от общеиндоевропеского яз.: а) глаголы нетематического спряжения, у которых окончания личных форм наст. врем. присоединялись непосредственно к непроизводной основе; это—глаголы јесмь, ѣмь, дамь, вѣмь, имамь; и б) глаголы тематического спряжения, у которых перед окончанием почти всех личных форм наст. вр. (кроме 1 л. ед. и 3 мн.) являлись гласные **е** или **и**, представлявшие первоначально суффиксы основы наст. вр.: 2 л. ед. несеши (или: несешь), хвалиши (или: хвалишь), 3 л.: несеть, хвалить и пр. [1]). По характеру этой гласной в глаголах тематического спряжения в о.-сл. можно различать, как и в нынешнем русском яз., тоже 2 класса: 1-е тематическое спряжение с гласной **е**, и 2-е тематическое спряжение с гласной **и**.

Бо́льшая часть глаголов образовывала формы спряжения, а также инфинитивы, супины и причастия от двух основ, называемых 1) основой настоящего врем. и 2) основой инфинитива; эти две основы различались между собой или

[1]) В 1 ед. и 3 мн. первоначально были тематические гласные **о** (у тех глаголов, у которых в остальных лицах такой гласной было **е**) и **и** и окончания **-ом** и **нти**; в 1 ед. тематическая гласная **о** слилась с гласной **о** окончания еще в дославянскую эпоху, а тематич. гласная **и** перед **ом** изменилась в j; в 3 мн. в о.-сл. из *о+нти*, *и+нти*, получилось $о^{н}ть$, $е^{н}ть$.

суффиксами основы или характером гласного звука внутри основы или и тем и другим; часть глаголов имела одну и ту же основу наст. вр. и инфин. По присутствию или отсутствию различий между этими основами и по самому характеру этих различий глаголы могут быть разделены на несколько классов. Не перечисляя этих классов, укажу, что в тех случаях, когда основы различались только по характеру гласной, в основе наст. вр. могла быть или более краткая гласная, чем в основе инфинитива: мьро^{н} (др.-р. мьру), инф. мерти (др.-р. мерети, ст.-сл. мрѣти), или носовая гласная при неносовой в основе инфинитива: наст. вр. ле^{н}го^{н} (р. лягу), се^{н}до^{н} (р. сяду), аорист (образованный от основы инфинитива) легохъ, сѣдохъ и пр. Если же основы различались суффиксами, то в 1-м тематическом спряжении основа наст. врем. отличалась от инфинитивной или а) присутствием суффикса j, отсутствовавшего в инфинитивной основе, ср. 1 ед. наст. знаj-о^{н}, кол^{i}-о^{н}, 2 ед. знаj-еши, кол^{i}-еши (**л** мягкое из **лj**), инф. зна-ти, кол-ти (р. колоть, ст.-сл. клати) и т. п., или б) отсутствием суффикса **а**, присутствовавшего в инфинитивной основе: 1 ед. рьв-о^{н} (р. рву), дѣj-о^{н} (др.-р. дѣю), 2 ед. рьв-еши, дѣj-еши, инф. рьва-ти, дѣjа-ти; или же в) тем и другим: 1 ед. плач-о^{н} (**ч** из **кj**), ор^{i}-о^{н} (р. орю; **р** мягкое из **рj**), пируj-о^{н} (**у** из **оу** с **у** неслоговым), 2 ед. плач-еши, ор^{i}-еши, пируj-еши, инф. плака-ти, ора-ти, пирова-ти (**в** из **у** неслогового). Глаголы 1-го спряжения с суфф. **н** (из общеиндоевроп. не/но) в основе наст. врем. имели основу **инфинитива** или без этого суффикса: 1 л. ед. наст. вр. стан-о^{н} (р. стану), 2. ед. стан-еши, **инф.** ста-ти, двигн-о^{н} (или двин-о^{н} с выпадением **г** перед **н**), двигн-еши (двин-еши), аорист: двиг-ъ, двиг-охъ, или с суффиксом **но^{н}**, ср. инфинитив того же глагола двигно^{н}-ти или двино^{н}-ти (р. двинуть). Глаголы с основой наст. вр. на согласную и основой инфинитива на **а** могли в этой основе иметь гласную более краткую, чем в основе наст. вр.: 1 ед. наст. беро^{н} (р. беру) – инф. бьрати (р. брать) и т. п. Глаголы 2-го спряжения образовывали инфинитивную основу с суффиксами **и, ѣ** (из более раннего **е** долгого) **и а** (кроме глагола съпати „спать", из **е** долгого после смягчённых согласных, см. § 130), а в основе наст. врем. имели в 1-м

л. ед. (перед **о** носовым) **j**, а в остальных формах, перед согласными звуками личных окончаний **и** (см. § 471). Так как сочетания согласных с j еще в о.-сл. изменялись в смягчённые согласные (см. выше §§ 141—146), то в эпоху распадения о.-сл. яз. основа глаголов 2-го спряжения в 1-м л. ед. ч. наст. вр. обязательно оканчивалась на смягчённую согласную, а в остальных личных формах наст. вр. из смягчённых согласных могли быть только те, которые получались из задненебных перед **и**, ср. в нынешнем русском чередование шипящих с зубными **д, т** и свистящими **з, с**, а также чередование сочетаний губных с **л** мягким с мягкими губными без **л** в формах 1-го л. ед. и остальных лиц глаголов 2-го спряжения: вижу—видишь, молочу—молотишь, вожу — возишь, ношу—носишь, люблю—любишь, ловлю—ловишь, кормлю—кормишь, сплю—спишь, пущу—пустишь: все эти чередования восходят к о.-сл. чередованиям смягчённых согласных (из сочетаний с **j**) с несмягчёнными согласными перед **и**; там, где в нынешнем русском языке является во всех формах одна и та же шипящая: лежу—лежишь, молчу—молчишь, сушу—сушишь, в о.-сл. была смягчённая шипящая, получавшаяся вследствие изменения задненёбных как перед **j**, так и перед палатальными гласными, ср. р. лёг, легла, умолк, сухой. В 3 л. мн. ч. из сочетания **и+н** перед **т** в о.-сл. получилось **е** носовое, откуда русское **а** после мягких или шипящих: сидят, летят, грозят, висят, спят, гремят, свистят, лежат, молчат, решат.

§ **470.** От основы наст. вр. образовывались кроме форм наст. врем. также формы повелит. наклонения и причастия наст. врем. действит. и страдат. залога; от основы инфинитива—формы аориста и имперфекта, а также инфинитив, супин и причастия прош. вр. действ. и страд. залогов.

§ **471.** Личные формы наст. врем. имели в о.-сл. следующие окончания: 1 ед. ч. от глаголов нетематического спряжения **мь,** от глаголов тематического спр. **о** носовое (без тематической гласной перед этим окончанием): дамь, ѣмь, јесмь, имамь, беро^{н}, хвал^{i}о^{н} (р. беру, хвалю, где **у** из **о** носового); в остальных формах кроме 3 мн. в тематическом спряжении перед окончаниями были гласные: в 1 спр. **е,**

во 2-м **и;** 2 ед. от глаголов нетематического спряжения с первоначальными основами на согласные—**си,** от остальных—**ши** или **шь:** даси (старая основа дад), ѣси (старая основа ѣд), јеси (основа јес), имаши или имашь (основа има), береши или берешь, хвалиши или хвалишь; 3 ед. **ть;** это окончание у глаголов тематического спряжения (первоначально только 1-го.) и у глагола јесмь могло отсутствовать: дасть, ѣсть, јесть, имать, береть, хвалить и је, бере, хвали. Дв. ч. 1 л. **вѣ,** 2 л. **та,** 3 л. **та** и **те** (**тѣ**). Мн. ч. 1 л. **мъ, мо, ме, мы:** дамъ, ѣмъ, јесмъ, имамъ, беремъ, хвалимъ или дамо, ѣмо, јесмо, имамо, беремо, хвалимо или даме и пр. или дамы и пр., 2 л. **те:** дасте, ѣсте (здесь **с** из **д** перед **т** явилось еще в общеиндоевроп. яз.), јесте, имате, берете, хвалите; 3 л. от глаголов 1-го тематического спряжения **о**ⁿ **ть:** беро ⁿ ть и т. п., (др.-р. беруть, где **у** из **о** носового), от глаголов 2-го тематического спряжения **е**ⁿ **ть:** хвале ⁿ ть (др.-р. хвалять, ср. нын. сидят, где **а** из **е** носового). от глаголов нетематического спряжения эти формы были следующие: даде ⁿ ть, ѣде ⁿ ть, вѣде ⁿ ть (здесь **е** носовое из более раннего **н,** становившегося слоговым между согласными), со ⁿ ть, имо ⁿ ть (здесь **о** носовое из **а** в конце основы +**н** перед согласной), ср. др.-р. дадять, ѣдять, вѣдять, суть, имуть. Окончание **ть** в 3 л. множ. могло отсутствовать.

§ **472.** В русских памятниках с XIV в. встречается нередко 1 ед. есми (грам. Андрея Полоцк. до 1399 г., Двинск. грам. XV в. и др.); повидимому, эта форма с конечным **и** перешла в о.-р. яз. из о.-сл., где она, может быть, являлась вместо јесмь перед **и.**

§ **473.** Форма 2 ед. у глаголов тематического спряжения и глагола имамь в о.-сл., повидимому, являлась как с окончанием **ши,** перешедшим в ст.-сл. яз., так и с окончанием **шь,** на которое указывают все остальные славянские языки, в том числе и русский, имеющие в этой форме только окончание **ш:** поль. masz, niesiesz, czynisz, znasz, сербск. имаш, несеш, видиш, чуваш, болг. имаш, береш, молиш, виждаш и пр. Формы с окончанием **ши,** впрочем, сохранились в одном из м.-р. карпатских говоров; в остальных же в.-р., б.-р. и м.-р. говорах теперь известны только формы на **ш,**

восходящие к старым формам на **шь.** В др.-р. церковных памятниках в силу церковной и книжной традиции обычны формы на **ши,** а формы на **шь** редки; древнейшие примеры—XII—XIII в.: тружаешь Ев. XII в. Киевского Музея, прѣтъкнешъ Ев. Румянц. Муз. № 104 XII—XIII в., низъведешь я Типогр. Псалт. XIII в. № 27, л. 87 об., забудешь мя там же 15, попрешь лва там же 147 и др.; довольно часты формы на **шь** в севернорусском списке Кормчей 1282 г.: будешь, переступишь, стоишь и мн. др. Но в грамотах и других памятниках нецерковного письма с XIII в. (до XIII в. формы 2 ед. в таких памятниках вовсе не встречаются) обычны формы на **шь,** а формы на **ши** являются очень редко, очевидно, под влиянием церковного письма. Примеры с **шь:** посулишь Смол. грам. 1229 г., будешь, поедешь Новг. грам. 1304 г. и др.

§ **474.** На о.-сл. **ть** в окончании 3 ед. и мн. указывает русский яз.; в древнейших русских памятниках и церковного и делового письма эти формы пишутся почти исключительно с окончанием **ть;** к о.-сл. **ть** следует возводить не только **т** мягкое в окончании 3 л. в вост.-м.-р. и ю.-в.-р. и **ц** мягкое в б.-р., но и **т** твёрдое в с.-в.-р. и зап.-м.-р., в виду показаний древних с.-р. и ю.-р. памятников, знающих только **ть;** это **т** твёрдое объясняется позднейшим отвердением конечных согласных. В ст.-сл. формы 3 л. с окончанием **ть** являлись лишь диалектически только от глаголов нетематических и, может быть, от глаголов 2-го тематического спряжения в ед. ч. [1]). В остальных случаях формы

[1]) Интересно отметить, что **ть** в этих ст.-сл. говорах являлось именно в той категории глаголов, в которой русский яз. знает только формы с окончанием **ть** или **т:** ср. §§ 509, 527, 537; те же глаголы, которые в русском яз. могут иметь 3 ед. без **ть,** в этих говорах являлись только с окончанием **тъ.** Повидимому, эти ст.-сл. и русские говоры одинаково восходят к таким говорам о.-сл. яз., в которых окончание **ть** могло отсутствовать в ед. ч. именно у тематических глаголов 1-го спряжения. Если так, то это соотношение между русскими и некоторыми ст.-сл. говорами служит подтверждением мнения акад. Ф. Ф. Фортунатова (Старославянское **тъ** въ 3-мъ лицѣ глаголовъ— Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1908. 2), что ст.-сл. **тъ** восходит к о.-сл. **тъ,** приставлявшемуся первоначально только к формам 3 л. с суффиксом **т,** отпадавшим в этой форме фонетически, но не с суффиксом **ти** (откуда в эпоху распадения о.-сл. яз. **ть**).

3 ед. и мн. наст. вр. в ст.-сл. памятниках являются только с окончанием **тъ**, которое можно считать новообразованием, возникшим, быть может, уже после распадения о.-сл. яз. Нынешнее болгарское **т** твердое в окончании 3 мн. и, частью, 3 ед. наст. вр., может восходить и к этому **тъ** и к о.-сл. **ть**. Остальным славянским языкам те же формы известны издавна только без окончания **т** кроме 3 ед. есть (сербск. јест, польск. jest и пр.). Формы без окончания **ть** от глагола јесмь и глаголов тематического спряжения перешли, между прочим, из о.-сл. яз. и в некоторые говоры ст.-сл. яз. (Зогр. достои, подобаа, е; Супр. може, хоште, праздьноуе, сѣди и др.) и в русский яз. Из древнейших русских памятников церковного письма формы без **ть** очень часты в Изборн. 1073 г.: ѥ, буде, оумираѥ, боли, соу и пр.; в остальных редки: напише запись О. Е., обряще запись Минеи 1095, чьто ѥ тебѣ, приде 1 поч. Арх. Ев. и др.; в летописях и грамотах такие формы чаще; теперь они обычны в м.-р. и части б.-р. и в.-р. (северных и южных) говоров.

Окончание **ть** перед **и** еще в о.-сл. могло фонетически изменяться в **ти**; формы на **ти** в этом положени перешли и в русский яз. и встречаются в древнейших памятниках, преимущественно южных, напр., в 1 поч. Арх. Ев.: ѥмлети и, дасти и, оубиюти и др., в Усп. Сборн.

§ **475.** Форма 1-го л. мн. в о.-сл. могла оканчиваться на **мъ, мо, ме** и **мы.** Окончание **мъ** перешло из о.-сл., между прочим, в ст.-сл. и русский яз.; ср. ст.-сл. ѣмъ, дамъ, несемъ, хвалимъ и пр., др.-р. несемъ, хвалимъ, нын. в.-р. несём, хвалим и т. п.; окончание **мо** перешло в сербский и словинский языки и в южные говоры о.-р. яз., ср. нын. сербск. јесмо, дамо, несемо, носимо, м.-р. дамо, ïмо, несемо, учимо и пр.; окончание **ме**—в чешский, словацкий и болгарский языки, а также, по крайней мере, в форме 1 мн. јесме—в северные говоры русского яз., ср. нын. чешск. jsme, budeme и др., болг. сме, чукаме, хващаме, диалект. плетеме, молиме. Окончание **мы**, являющееся теперь в польском и лужицких языках, ср. польск. jesteśmy, niesiemy, czynimy и пр., и известное также памятникам ст.-сл. и др.-р. языков, первоначально, вероятно, являлось только перед **и**, вследствие фонетического изменения конечного **ъ**, как показывают

некоторые ст.-сл. и др.-р. памятники, в которых формы на **мы** употребляются именно в этом положении (ср. в 1 поч. Арх. Ев. оубиѥмы и 43), хотя позднее окончание **мы** является и независимо от этого положения.

Наиболее обычным окончанием 1 мн. в древнейших русских памятниках и церковного и делового письма является **мъ**, как и в ст.-сл. Формы на **мо** нередки в южнорусских и западнорусских памятниках с XIV в. и обычны в нынешнем м.-р. и б.-р. рядом с формами на **м.** Форма есме. в севернорусских памятниках—с XIII в. (сев.-р. Хлудовский Пролог 1262 г., новгор. грам. 1265 г. и позднее). Формы на **мы** в нын. русском яз. не сохранились, но еще в XIII и XIV в. встречаются как в церковных памятниках, так и в грамотах, при этом в положении не перед **и** преимущественно от нетематических глаголов: дамы, продамы—грам. рижан в Витебск около 1300 г., а то есмы положили—договор Тверского князя Михаила Александр. с Новгородом около 1370 г., дали есмы—ю.-р. грам. Панка 1387 г.

§ **476.** Повелительное наклонение образовывалось от основы наст. вр. и имело формы всех лиц, кроме 1 ед. и 3 мн. Форма 2 и 3 ед. от нетематических глаголов: бо^{н}ди (др.-р. буди), ѣдјь (др.-р. ѣжь, ст.-сл. ѣждь), дадјь (ст.-сл. даждь, др.-р. дажь), вѣдјь (ст.-сл. вѣждь, др.-р. вѣжь); так же образовывалась форма 2 и 3 л. повелит. от глагола видѣти: видјь (ст.-сл. виждь, др.-р. вижь). Форма 2 и 3 л. ед. тематических глаголов имела суффикс **и:** неси, знайи, пиши, хвали и пр. Остальные формы повелит. наклонения имели перед окончаниями суффикс **ѣ** у глаголов 1-го тематического спряжения с основами на твёрдую согласную: несѣмъ, несѣте и т. п., и суффикс **и** у остальных глаголов: пишимъ, знайимъ, хвалимъ, пишите, знайите, хвалите. У глаголов нетематического спряжения окончания в дв. и мн. ч. присоединялись к основам бо^{н}дѣ, ѣди, дади, вѣди, ср. др.-р. будѣмъ, ѣдимъ, дадимъ, вѣдимъ, будѣте, ѣдите, дадите, вѣдите. Окончания дв. и мн. ч. те же, что и в наст. врем.: 1 дв. **вѣ,** 2 и 3 дв. **та,** 1 мн. **мъ, мо, ме, мы,** 2 мн. **те.** Согласные задненёбные перед суффиксом **и** в ед. и **ѣ** в дв. и мн. переходили в свистящие: мози, мозѣте, пьци, пьцѣте

и пр. Форма 2 и 3 ед. впоследствии утратила значение 3 ед. и сохранилась лишь со значением 2 ед. повелит.

§ **477.** Аорист в о.-сл. образовывался от инфинитивной основы; при этом различались две формы аориста: а) аорист простой, личные формы которого образовывались через присоединение личных окончаний непосредственно к инфинитивной основе, и б) аорист сигматический, образовывавшийся с помощью суффикса **с**. Простой аорист образовывался только от глаголов 1-го тематического спряжения с основою на согласную несонорную и от глаголов с суффиксом инфинитивной основы **но**^{н}, отпадавшим в этой форме (1 ед. несъ, двигъ и т. п.). Те же глаголы имели и формы аориста сигматического; остальные глаголы образовывали только сигматический аорист. В эпоху распадения о.-сл. яз. формы аориста простого от упомянутых глаголов, кроме форм 2 и 3 ед., были, повидимому, менее употребительны, чем формы аориста сигматического, так как в большей части славянских языков утрачены еще в доисторическую эпоху. Сигматический аорист в эпоху распадения о.-сл. яз. образовывался от основ на гласные и сонорные через присоединение суффикса **с** (с его фонетическими изменениями в **х** и **ш**) непосредственно к инфинитивной основе, а от основ на согласную несонорную двояким способом: 1) или непосредственно к основе с удлинением гласного звука основы: чисъ (ср. 1 ед. наст. чьто^{н}, р. чту), басъ (1 ед. наст. бодо^{н}—бодаю), нѣсъ (1 ед. наст. несо^{н}, р. несу), рѣхъ (1 ед. наст. реко^{н}, др.-р. реку), или 2) с помощью тематической гласной **о** без удлинения гласного звука основы: чьтохъ, бодохъ, несохъ, рекохъ. Глаголы нетематического спряжения по образованию основы не отличались от тематических: 1 ед. аор.: быхъ, дахъ, вѣдѣхъ, ѣсъ и ѣдохъ (при инфинитивах быти, дати, вѣдѣти, ѣсти); вместо 1 ед. ѣсъ, 3 мн. ѣсе^{н} еще в говорах о.-сл. яз. могло являться ѣхъ, ѣше^{н} по аналогии с аористами на **хъ.** Глагол дати, может быть, еще в говорах о.-сл. яз. мог образовывать аорист также от основы наст. вр.: 1 ед. дадохъ, 2 ед. даде и пр., сохранившийся в болгарском и сербском языках и известный также из старых памятников чешского яз. и поздних церковнославянских памятников русского извода (в последних только в форме 2 и 3 ед.).

Русским яз. из о.-сл. несомненно были получены только формы аориста сигматического, при этом от глаголов с основами на согласные—только формы с тематической гласной **о**[1]): чьтохъ, несохъ и пр., кроме 2 и 3 ед., которые образовывались в др.-р. так же, как в ст.-сл., и представляли собою формы аориста простого (несигматического). Что касается остальных форм аориста несигматического и аориста сигматического от основ на согласные без тематической гласной **о**, то в русских оригинальных памятниках как делового, так и церковного письма они вовсе не встречаются, а в русских списках со ст. сл. оригиналов очень редко.

§ 478. Рассмотрю только те формы аориста, которые несомненно перешли в русский яз. из о.-сл. Личные окончания сигматического аориста, относя суффиксы **с, ос** с их изменениями в **х, ох, ш, ош** к окончанию, были следующие: Ед. ч. 1 л. съ, хъ, охъ. ѣсъ (позднее ѣхъ), jeⁿ съ (позднее jeⁿ хъ, откуда р. яхъ), начеⁿ съ (позднее начеⁿ хъ, откуда р. начахъ), быхъ, дахъ, знахъ, писахъ, видѣхъ, хвалихъ, мерхъ (ср. ст.-сл. мрѣхъ, в др.-р. должно было быть мерехъ) и мьрохъ (от основы наст. вр.), борхъ (ст.-сл. брахъ, в др.-р. эта форма должна была звучать: борохъ), несохъ, могохъ, пекохъ; 2 и 3, если основа оканчивалась на согласную несонорную,—**е:** несе, може, пече; если же основа оканчивалась на согласную сонорную или на гласную, то форма 2 и 3 ед. совпадала с основой: бы, да, зна, писа, видѣ, хвали, мер (ср. ст.-сл. оумрѣ; в др.-р. эта форма должна бы была звучать, как умере) и пр. Дв. ч. 1 л. **совѣ, ховѣ, оховѣ:** ѣсовѣ, даховѣ, несоховѣ и пр., 2 и 3 л. **ста, оста:** ѣста, даста, несоста и пр. Мн. ч. 1 л.: сомъ, хомъ, охомъ: ѣсомъ, дахомъ, несохомъ; рядом с **мъ** в этой форме являлось также **мо, ме, мы**, различавшиеся по говорам так же, как и в наст. вр.; 2 л. **сте, осте,** 3 л.: **сеⁿ, шеⁿ, ошеⁿ**: ѣсеⁿ (позднее ѣшеⁿ, откуда др.-р. ѣша), дашеⁿ (др.-р. даша), несошеⁿ (др.-р. несоша) и пр. Звук **с** в окончаниях 1-го л. всех чисел и 3 мн. являлся только в образованиях аориста

---

[1]) Впрочем, от глагола ѣсти в древних русских памятниках встречаются и формы: ѣхъ, ѣша, изъѣ и т. п. при обычных ѣдохъ, ѣдоша, съѣде.

без соединительной гласной **о** от основ на согласную неплавную и на **е** носовое, причём от основ на **е** носовое формы с **с** уже в говорах о.-сл. яз. заменялись формами с **х** и **ш** по аналогии с формами аориста других глаголов; в ст.-сл. памятниках встречаются и те и другие формы, т.-е. как с **с**, так и с заменившими их **х** и **ш**, но в др.-р. памятниках мы находим только формы с **х** и **ш**: възяхъ, приꙗхомъ, начаша и пр.

§ **479.** К односложным формам 2 и 3 ед. аориста еще в говорах о.-сл. яз. могло присоединяться окончание **тъ**, ср. ст.-сл. ѩстъ, дастъ, бъістъ (в дастъ и бъістъ **с** по аналогии с ѩстъ), питъ, поѥтъ и др. В русских памятниках обычны формы без этого окончания: бы, да, изъѣ, нача, възя и т. п., но в памятниках церковного и литературного характера, между прочим, в оригинальных житиях и летописях встречаются формы 2 и 3 л. ед. аор. нетематических глаголов на **сть**: бысть, дасть, съѣсть, а в некоторых памятниках—и формы на **тъ** от глаголов тематического спряжения: приятъ, начатъ, оумрѣтъ и мн. др. Житие Феодосия Печ. по списку XII в. Повидимому, и те и другие формы заимствованы из ст.-сл. яз., а **ь** в окончании **сть** явилось по аналогии с **ь** в 3 л. наст. вр.

§ **480.** И м п е р ф е к т в о.-сл. образовывался двумя способами: 1) через присоединение окончаний **ахъ, аше** и пр. к инфинитивной основе, если она оканчивалась на гласные **а** или **ѣ**; 2) через присоединение окончаний **ѣахъ, ѣаше** и пр. к основе наст. вр. в остальных случаях. Окончание **ѣахъ** и пр. изменялось в **аахъ** и пр., если инфинитивная основа оканчивалась на мягкий неслоговой звук или на задненёбную согласную вследствие перехода этой согласной перед гласною переднего ряда в шипящую. Этот переход показывает, что **ѣ** в окончании имперфекта—из более раннего **е** долгого, а не из **ой,** и что появление этой формы раньше изменения **е** долгого после мягких в **а** и дифтонга **ой** в **ѣ.** Нетематические глаголы быти, ѣсти, вѣдѣти образовывали имперфект от основ **б, ѣд, вѣдѣ:** бѣахъ, ѣдѣахъ, вѣдѣахъ и пр. О.-сл. образования имперфекта сохранились в ст.-сл. яз., а в русском еще в доисторическую эпоху претерпели известные изменения, о которых см. ниже, § 495.

Личные окончания имперфекта в о.-сл. были следующие (суффиксы **х, с, ш** отношу к окончанию): Ед. ч. 1 л. **хъ,** 2 и 3 л. **ше.** Дв. ч. 1 л. **ховѣ,** 2 л. **ста** или **шета** (шьта?), 3 л. **сте, шете** (шьте?) или **ста, шета** (шьта?). Мн. ч. 1 л. **хомъ (мо, ме, мы),** 2 л. **сте, шете** (шьте?), 3 л. **хо**[н].

§ **481.** В 3 л. ед. и мн. в о.-р. могло являться окончание **ть.** Ср. Остр. Ев. моуждашеть 279, Арх. Ев. оугнѣтахоуть и 138 об., нарицахоуть и 157 об., Житие Феодосия Печ. по списку XII в. идяшеть 31, имяшеть 36, творяхоуть 36, исходяахоуть 59 об. и мн. др., Лавр. летоп. оучашеть (под 955 г.), предаяшеть (под 986 г.), изимахоуть (под 941 г.), несяхуть (под 1019 г.) и мн. др.; вообще, в памятниках XII—XIV в.в. это окончание нередко. Повидимому, формы с окончанием **ть** в имперфекте восходят еще к о.-сл. эпохе; правда, в ст.-сл. их нет, кроме единичного запрѣщащеть в Сав. кн., но они встречаются в старосербских памятниках.

§ **482.** Формы 2 и 3 дв. и 2 мн. в ст.-сл. памятниках русского извода XI—XII в. являются исключительно с окончаниями **ста** и **сте:** Остр. Ев. бѣста 60 и др., и т. п., Арх. Ев. идяста 83; те же окончания и в оригинальных русских сочинениях: Житие Феодосия Печ. XII в.: видяста 58 и др., но в Лавр. летоп. рядом с живяста (под 1091 г.) и т. п. также: оубивашета, отимашета (под 1071 г.), примерзняшета (под 1074 г.); в севернорусских памятниках XIII—XIV в. встречаются формы на **шьте, шьта:** Рост. житие Нифонта 1219 г.: стояшьте (3 дв.), Панд. 1296 г.: пояшта, Ев. 1357 г.: зряшьта, идяшьта, хожашьта и др. Акад. А. И. Соболевский сопоставляет эти формы со сходными формами в старочешском и лужицких языках.

§ **483.** Причастия наст. вр. действ. залога от глаголов нетематического и 1-го тематического спряжения образовывались с помощью суффикса **о**[н] **тj** (откуда в русском **уч**), а от глаголов 2 тематического спряжения—суфф. **е**[н] **тj** (откуда в русском **ач**), присоединявшегося к основе настоящего времени; в им. ед. муж. р. они имели, повидимому, первоначально, окончания **ы, ѣ** носовое и **е** носовое. См. выше, § 367.

§ **484.** Причастия наст. вр. страд. залога от глаголов 1-го тематического спряжения образовывались с

помощью суффикса **ом** после твёрдых согласных и **ем** после мягких неслоговых звуков: несомъ, бијемъ, пишемъ, а от глаголов 2-го спряжения с помощью суффикса **им:** хвалимъ и пр.; эти суффиксы присоединялись к основе наст. врем.; от глаголов ѣсти и вѣдѣти эти причастия: ѣдомъ и вѣдомъ.

§ **485.** Причастие прош. врем. 1-е действительного залога образовывалось через присоединение к основе инфинитива суффикса **ъ** в им. ед. муж. р. и **ъш** в остальных формах склонения, если основа оканчивалась на согласную (в том числе и на **р** и носовую): ѣдъ, несъ, (у)мьръ, начьнъ, (възъ)ьмъ и суффиксов **въ, въш,** если основа оканчивалась на гласную или **л:** бывъ, давъ, знавъ, писавъ, вѣдѣвъ, хваливъ, колвъ (откуда ст.-сл. клавъ, р. коловъ) и пр.; от глаголов 2-го тематического спряжения с инфинитивной основой на **и** то же причастие могло образоваться с суффиксами **ь, ьш** (**ь**—из **ъ** после ј), причём конечное **и** основы переходило в ј с дальнейшими изменениями получавшихся вследствие этого перехода сочетаний согласных с **ј:** любл'ь, садјь (ст.-сл. саждь), ношь (от глаголов любити, садити, носити) и пр. В русском яз. в историческую эпоху причастия прош. врем. на **ь** не употреблялись, а были известны только причастия на **ъ** и **въ.**

§ **486.** Причастие прош. врем. 2-е образовывалось через присоединение к инфинитивной основе суффикса **л.** Основы на согласные **д** и **т** утрачивали эти согласные перед **л** в тех говорах о.-сл. яз., к которым восходят языки русский и южнославянские (см. выше § 161. 1). У основ на **в** это **в** выпадало перед **л** во всех говорах о.-сл. яз., ср. р. жил, слыл, ст.-сл. жилъ, слылъ, польск. żył (наст. вр. в нын. польск. żyję, но в старопольск. żywę). Это причастие в о.-сл. употреблялось исключительно в составной форме перфекта в им. пад.

§ **487.** Причастия прош. врем. страд. залога образовывались от инфинитивной основы с помощью суффиксов **т** и **н** или **ен.**

1. Причастия с суффиксом **т** образовывали глаголы 1-го тематического спряжения с непроизводными основами на сонорные и на гласные **и, ѣ, у, ы,** а также глаголы с суф-

фиксом **но**ⁿ; от всех этих глаголов, кроме глаголов с основами на носовые, в о.-сл., как показывает ст.-сл. и сербский яз., могли образовываться и причастия с суффиксом **н** или **ен**. Ср, в нын. русском: колотый, распоротый, запертой, стёртый, взятый, начатый, сжатый, битый, одетый, обутый, вырытый, согнутый, двинутый и пр., польск. roztarty, zaczęty, żęty, bity, truty, kryty, wysuty, podźwignięty и др., сербск. клат, трт, узет, начет, жет, бит, изут, крит, дигнут и пр., ст.-сл. прострътъ, повитъ, пѣтъ, отвръстъ, жѧтъ, но также ст.-сл. бранъ (от глаг. брати=р. бороть), закланъ, биѥнъ, одѣнъ, обоувенъ, откръвенъ, сербск. клан, бијен, обувен, кривен, швен и пр.

2. Причастия с суффиксом **н** — от глаголов с инфинитивной основой на **а, ѣ** и **л**, ср. нынешн. р. узнанный, виденный и пр.

3. Причастия с суффиксом **ен** — от глаголов с инфинитивной основой на согласную и на гласные **и, у, ы;** при этом гласная **и** в конце основы у глаголов 2-го тематического спряжения изменялась в ј с дальнейшими изменениями сочетаний предшествующего согласного звука с этим **ј**, а у непроизводных глаголов (которые могли образовывать также и причастия с суффиксом **т**), гласные **и,у,ы** перед суффиксом **ен** изменялись в **ий, ув, ъв:** бијенъ, шьвенъ, обувенъ, покръвенъ; подобные причастия из о.-сл. перешли между прочим в ст.-сл. и в сербский языки; в русском причастия с суффиксом **н** или **ен** от глаголов с непроизводными основами на гласные **и, ѣ, у, ы** не известны.

§ **488.** Инфинитив в о.-сл. образовывался с помощью суффикса **ти** или **ть,** присоединявшегося к основе инфинитива. У глаголов с основами на задненёбные сочетание **кт**, получавшееся от соединения согласного звука **г** или **к** в конце основы с **т**, принадлежавшим суффиксу инфинитива, подвергалось перед **и** или **ь** известным изменениям (см. выше, § 144.2), в результате которых получился тот звук о.-сл. яз., который дал в ст.-сл. **шт,** а в русском **ч**, ср. ст.-сл. мошти, лешти, брѣшти, пешти, решти, др.-р. мочи, лечи, беречи, пэчи, речи, нын. р. мочь, лечь, беречь, печь, изречь. У глаголов с основами на губные **б, в, п** эти губные перед окончанием инфинитива выпадали: ст.-сл. погрети (похоро-

нить), жити, шити, тети (бить, рубить); в нын. русском грести звук **с** явился нефонетически. У глаголов с основами на **д, т** в инфинитиве перед окончанием **ти** являлось **с**: плести, вести, брести и пр., полученное о.-сл. языком в этой форме еще из балт.-слав. праязыка [1]). Формы инфинитива на **ти** при ударении на окончании в русском яз. сохранились почти повсюду, а при ударении на основе—в м.-р. и в некоторых с.-в.-р. и б.-р. говорах, а также в языке песен, что указывает на бо́льшую употребительность их раньше. Но инфинитивы на **чи** даже в тех случаях, когда ударение падало на окончание (печи, мочи, беречи и т. п.), уцелели только в немногих с.-в.-р. и б.-р. говорах и в м.-р., а в остальных говорах заменились инфинитивами на **ч** с ударением на основе: в.-р. печь, беречь и пр. Формы на **т** мягкое (в б.-р. **ц** мягкое) теперь распространены во всём русском яз., но в м.-р. менее употребительны, чем формы на **ти.** Существование еще в о.-сл. инфинитивов на **ть** можно предполагать на основании не только русского, но и польского яз., в котором издавна известны инфинитивы только на ć (из о.-сл. **ть**): brać, nieść, chodzić и пр., и лужицких языков. В русских письменных памятниках инфинитивы на **ть** засвидетельствованы с XI в.: Остр. Ев. напълнить 213, Изб. 1073 г. почрьпать 257, Арх. Ев. въкоусить 80 об. (везде по одному случаю). Но вообще, в древнейших памятниках они редки: Добр. Ев. 1164 г. рость, мнить ся, помолить ся, взять; Житие Феодосия Печ. XII в. напълнить и т. д. Не чаще они и в грамотах: Смол. грам. 1229 г. усадить, взяте (=взять) при многочисленных инфинитивах на **ти;** в Новгор. грам. XIII—XIV в. в. их вовсе нет, а из 87 Двинских XV в. только в трёх; но в зап.-русских и московских памятниках с XV в. они нередки. Повидимому, в древнейших южнорусских говорах и говорах Новгор. и Двинском инфинитивы на **ти** были более употребительны, ср. их потомков, м.-р. язык и нынешние говоры Арх. и Вологодской губ.

§ **489.** Супин образовывался в о.-сл. от инфинитивной

---

[1]) О.-сл. инфинитив **ити** (идти, ср. нын. войти, зайти, уйти и пр.) восходит к общеиндоевропейскому образованию от основы **ei** ср. литовск. eiti (идти (латинск. eo, įs, it, imus, itis, eunt, где **e** и **i** из **ei.**

основы с помощью суффикса **тъ**, т.-е. отличался от инфинитива только конечной гласной.

Составные формы спряжения в о.-сл.

§ 490. Перфект (прошедшее сложное) в о.-сл. выражался с помощью сочетания причастия прош. врем. 2-го (на **лъ**) спрягаемого глагола с личными формами наст. врем. вспомогательного глагола **быти: дạлъ јесмь**, ходилъ јесмь и пр.

§ 491. Plusquamperfectum (преждепрошедшее) выражалось посредством соединения того же причастия спрягаемого глагола с личными формами имперфекта глагола быти (бѣахъ и пр.) или аориста бѣхъ, ср. в Лавр. летоп. под 988 г.: еще бо не бяху прияли святаго крещенья.

§ 492. Будущее 1-ое сложное выражалось в о.-сл. сочетанием инфинитива спрягаемого глагола с личными формами вспомогательных глаголов **имамь** (или йьмо^н), хотјо^н (р. хочу), начьно^н (р. начну) и, может быть, бо^{н}до^н (р. буду). Первые три способа образования будущего времени были известны ст.-сл. и др.-р. языкам; теперь обороты с глаголом „иму“ употребляются в м.-р., б.-р. и некоторых с.-в.-р. говорах, с глаголом „хочу“—в болгарском и сербском (болг. ща, щеш и пр., сербск. ђу, ђеш и пр.). Образования будущего 1-го с глаголом „буду“ теперь являются в русском (см. §§ 518, 532, 541) и зап.-слав. языках, но в русском эти образования, может быть, новые (в древнейших памятниках как церковного, так и делового письма их нет), а в польском являются рядом с формами будущего 2-го; поэтому в обоих языках употребление глагола „буду“ в форме будущего 1-го могло бы объясняться влиянием будущего 2-го.

§ 493. Будущее 2-ое выражалось сочетанием причастия прош. врем. 2-го (на **лъ**) с личными формами глагола бо^{н}до^н (р. буду), употреблялось только во временных и условных предложениях для обозначения действия, которое должно предшествовать в будущем другому действию, и было близко по значению к условному наклонению. В др.-р. языке оно еще сохранялось, ср. в Дух. Симеона Гордого: кого буду прикупилъ или хто ми ся буде въ винѣ досталъ и т. д. Из нынешних славянских языков оно сохранилось

в болгарском со старым значением и в сербском (у хорватов), польском и словинском в значении одинаковом с будущим 1-м.

§ **494.** Условное наклонение выражалось сочетанием причастия прош. вр. 2-го с личными формами аориста вспомогательного глагола быти—быхъ и пр. или условного наклонения того же глагола бимь и пр. В русском яз. в древнейшую эпоху были известны только обороты с „быхъ“. Остатком их в нынешнем русском яз. является употребление частицы „бы“ (по происхождению—2 и 3 ед. аориста) с формами прош. врем. в значении условного наклонения. Никаких следов употребления оборотов с „бимь“ в русском языке ни в древнем, ни в новом не находим.

---

2. Общерусские изменения форм спряжения.

§ **495.** Изменения в образовании имперфекта. Еще в доисторическую эпоху фонетически **ѣ** в окончании **ѣахъ**, ассимилируясь следующему **а**, переходило в **а** с мягкостью предшествующей согласной: бяахъ, горяахъ, идяаше, живяаше и пр., затем, несколько позднее, наступало стяжение **аа** в **а**, ср. Изб. 1076 г.: бяше, Арх. Ев. вѣдяше, идяху, хотяше и пр. Кроме того, шипящие согласные и сочетания губных с **л** мягким в конце основы, получавшиеся из сочетаний зубных (**д, т, з, с**) или губных с **j**, у глаголов 2-го тематического спряжения с инфинитивной основой на **и** могли нефонетически заменяться мягкими зубными нешипящими и мягкими губными без **j**, являвшимися в основе инфинитива: Арх. Ев. исходяаше 150, Житие Феодосия Печ. XII в. прославяше 38 об., коупяше 29 об., отпоустяаше 49 об., исходяахоуть 59 об. и др.

§ **496.** Утрата имперфекта. Имперфект встречается в списках русских житий святых и летописей, составленных в XI—XII в.в., и это присутствие в них формы имперфекта и при том несколько отличной от ст.-сл. формы, повидимому, говорит за то, что имперфект существовал в русском яз. еще в XI—XII в., но в грамотах, Русской Правде и других памятниках делового языка имперфект не встречается ни разу; можно думать, что он был утрачен живым языком не позже XII в.

§ **497.** Утрата аориста. Аорист в южнорусских и западнорусских говорах был утрачен очень рано, так как из памятников, писанных в области этих говоров, встречается лишь в сочинениях церковного характера и летописях и вовсе отсутствует в грамотах и других памятниках делового письма [1]). Но в севернорусских говорах аорист, повидимому, сохранялся несколько дольше. Севернорусский список Русской Правды 1282 г., где находим два случая употребления аориста: отложиша, уставиша, конечно, на это сохранение не указывает, так как эти формы могли принадлежать еще южнорусскому протографу XI в., но такие указания дают новгородские и двинские грамоты, в которых формы аориста, правда, больше в традиционных формулах, попадаются изредка еще в XIV—XV в.в.: пояша Новгор. грам. 1314 г., повелѣше, послаше грам. 1372 г., се дахъ, се дасть, се выкупи, посадники вспросиша, а даша, обиниша, се розділиша Двинские грам. XV в.

§ **498.** Судьба plusquamperfect'a. Старая описательная форма plusquamperfect'a была утрачена не позже того времени, когда произошла утрата форм имперфекта, причём заменилась другим описательным оборотом: сочетанием причастия на **лъ** спрягаемого глагола с прош. сложным (перфектом) вспомогательного глагола: былъ отъялъ Новг. грам. 1265 г. ишьло было Смол. грам. 1284 г. и т. п. Древнейшие примеры этой новой формы—XIII в.; старая же форма встречается и в XIV в. и даже позднее, но только в списках памятников, восходящих к XI и XII в., напр., в частях летописей, излагающих события этого времени.

§ **499.** Судьба форм перфекта (прошедшего времени). В 3-м л. всех чисел вспомогательный глагол мог опускаться еще в о.-сл. В русском яз. отсутствие его в этих формах составляет правило уже для древнейшей эпохи (ср. в надписи на Тьмутороканском камне 1068 г.: „глѣбъ князь мѣрилъ море по леду“); правда, в летописях, особенно древнейших, он встречается еще довольно часто, хотя и реже, чем отсутствует, но это употребление могло

---

[1]) Уже в древнейшей, Мстиславовой, грамоте 1130 г. встречаются формы только прош. сложного.

быть книжным. В формах 1-го и 2-го лица вспомогательный глагол стал опускаться в тех случаях, когда лицо было обозначено личным местоимением; употребление же личных местоимений при глаголах с течением времени стало чаще, чем раньше. Ср. уже в Мстиславовой грамоте 1130 г.: „а язъ далъ роукою своею“, рядом с „а я Всеволодъ далъ есмь“ и др.

§ **500.** История форм условного наклонения. Спрягаемые формы аориста вспомогательного глагола быхъ, быхомъ, быша и пр., входившие в состав описательной формы условного наклонения, в русском яз. заменились частицей „бы“, представляющей по происхождению форму 2 и 3 ед. аориста вспомогательного глагола: если бы мы знали, я бы дал и т. п., м.-р. я би продав, ви би мали и пр. Древнейшие примеры такой замены в памятниках—XIII в.: Милятино Ев. 1215 г.: аще бы въ Турѣ быша силы былы и пр. Но в Смоленских и зап.-русских грамотах, летописях и т. п. правильные старые образования условного наклонения продолжают употребляться довольно долго, ср. рижскую грам. около 1300 г.: а быСте пустили жито; зап.-р. грам. 1341 г.: а быхомъ васъ пустили; грам. 1445 г.: што быхъ опять отдалъ. Формы 2 ед. и мн. условного наклонения в этих памятниках с XV в. начинают заменяться оборотами с „бы еси“, „бы есте“, где „бы“ уже превратилось в частицу: ани смѣли бы есте взяти грам. 1440 г., а бы еси собралъ Позн. сборн. XVI в. Но формы 1 ед. и мн. в зап.-р. памятниках сохраняются еще в XVI в.: ани быхъ поглѣдел (Скорина), а быхмо... не жаловали (Катихиз. 1562 г.); быхмо—зап.-р. образование 1 мн. аориста, возникшее не позже XV в. В так наз. придаточных и условных предложениях с союзами что, да, как, хотя, если частица **бы** слилась с ними в одно слово, образовав таким образом новые союзы: чтобы, дабы, как бы, кабы, хотя бы, если бы.

В в.-р. вследствие того, что параллельно с так наз. придаточными, условными и т. п. предложениями в языке употребляются обороты с инфинитивами, причастиями и деепричастиями, приблизительно совпадающие с ними по значению, частица **бы** перешла и в эти обороты, внося в них значение условности. Употребление **бы** при инфинитиве

известно как литературному яз., так и народным говорам: „я поѣду в город, чтобы повидаться с родными“, „как бы мне это сделать?“ и пр. Реже, и притом только в литературном яз. употребляется **бы** в оборотах с причастиями. Ср. у Гоголя: „Боже! и погубить так безжалостно все лучшие годы своей юности, истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, **разлившегося бы** теперь в величии и красоте, может быть, также **исторгнувшего бы** слезы изумления и благодарности“ (Портрет, 1-я ред., § 1) или „Спит ум, может быть, **обрѣвший бы** внезапный родник великих средств“ (Мертвые Души, ч. I, гл. 11); у Достоевского: „По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия, вследствие каких-нибудь комбинаций, никоим образом не могли бы стать известными людям иначе, как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и т. д. человек, **мешавших бы** этому открытию или **ставших бы** на пути, как препятствие, то Ньютон имел бы право... устранить эти десять или сто человек“ (Преступление и Наказание).

§ **501.** Утрата двойств. ч. в спряжении в живом русском яз. произошла, повидимому, судя по памятникам, в XIII в., но в книжном яз. двойств. ч. употреблялось более или менее правильно еще довольно долго (до XV в. и дольше).

§ **502.** Утрата супина. Употребление инфинитива вместо супина встречается в русских памятниках еще в XI в., ср. Остр. Ев. посъла призъвати 80, но окончательная утрата супина значительно позже: правильное употребление его мы находим еще в грамотах XIII и XIV в., ср. Смол. грам. 1229 г.: позвати на поле русина битъ ся и др. (но там же: ехали твердити миръ), Новгор. грам. 1265 г. ездити звѣри гонитъ; грам. Кейстута 1341 г. пустили тръговатъ и пр. Позднее XIV в. супин в русских памятниках не встречается.

3. Великорусские изменения форм спряжения.

Личные формы глаголов нетематического спряжения.

§ **503.** Формы 2 ед. **ѣси, даси** (с ударением на конце) сохранились лишь в части с.-в.-р. говоров (в Олон., Мурманской, Архангельской, Новгородской и Северо-Двинской губ.), в остальных же с.-в.-р. говорах и в ю.-в.-р. они заменились

новообразованиями **еш, даш,** возникшими по аналогии с формами глаголов тематического спряжения и совпавшими по произношению со старыми формами 2 ед. повелит. накл. ѣжь, дажь (о форме дажь см. ниже, § 513). Эти формы могли возникнуть очень рано, еще в о.-р. эпоху, ср. м.-р. диалектич. їш, даш. В памятниках форма „ѣшь“ в виде „ѣши“ является впервые в XIV в. Псалт. Публ. Б-ки F. 4: до избытка ѣши 5.

§ **504.** В 3 ед. и мн. конечное **т** (из **ть**) в ѣсть, дасть, ѣдять, дадуть (об **у** в этой форме см. ниже, § 507) отвердело в с.-в.-р., но осталось мягким в 3 ед. есть, может быть, под влиянием мягкого **т** в 3 ед. есте и ести. В ю.-в.-р. **т** мягко во всех формах 3 л.

Форма 3 ед. **je** сохранилась лишь в некоторых с.-в.-р. говорах (Арханг., Мурм., Олон., Новгор. губ.) рядом с формами есть и естя. В остальных с.-в.-р. говорах и в ю.-в.-р. сохранилась только форма есть. К форме **je** восходит также отрицание „нет“ из нѣ (=не je)+ту.

§ **505.** Форма 1 мн. от глагола есмь в в.-р. нецерковных памятниках XIV—XVII в.в. встречается почти исключительно в виде **есме** (напр., в Новгор. летописях и грам. XIII—XVII в., между прочим, еще в грам. 1614 г., в Пск. апост. 1307 г. и др.) и **есмя** (в Двинских грам. XV в., Московских грам. и других московских памятниках XIV—XVII в. и др.). Последняя форма, вероятно, получилась вследствие фонетического перехода конечного **е** в **а** в слабоударяемом положении (ср. такое же **а** в в.-р. меня, тебя, себя). Формы на **мо** в.-р. памятникам не известны.

§ **506.** Формы 1 и 2 мн. от глаголов **дамь и ѣмь,** полученные из о.-сл., заменились в в.-р. новообразованиями от той основы, какая является в 3 мн.: дадим, ѣдим, дадите, ѣдите. На образование этих форм, вероятно, оказали влияние тожественные с ними формы повелит. наклонения. По памятникам эти формы отмечены с XIV в.: не выдадите Новг. летоп.

§ **507.** В 3 мн. старая форма дадять изменилась, как и в м.-р. и б.-р. в дадуть (откуда нын. ю.-в.-р. дадуть, с.-в.-р. дадут), может быть, под влиянием причастных форм с **у.** Повидимому, это изменение относится к очень старому

времени, так как является общерусским, но еще в в.-р. грамотах XIII в. встречается старая форма дадять: дадять ему корму и подводы Новгор. грам. 1294 г. и др.; форма дадуть известна по памятникам, кажется, только с XIV в.: коли мои села князя великого дадутъ, тогды и митрополичи дадутъ Уст. грам. в. кн. Вас. Дм. 1392 г. и др.

От глагола ѣсть в в.-р. сохранилась старая форма 3 мн.: ю.-в.-р. ѣдять, с.-в.-р. ѣдят или ѣдя.

§ **508.** Формы глагола „есмь" в в.-р. вообще не сохранились кроме 3 ед. (есть, е), вследствие того, что вообще личные формы этого глагола при подлежащих в русском языке издавна опускались, а при формах 1 и 2 л. в в.-р. с известного времени стали обязательно употребляться в качестве подлежащего личные местоимения; форма 3 ед. сохранилась благодаря употреблению ее в тех случаях, когда глагол быть не являлся связкой, а обозначал существование предмета. Утрату форм 1 и 2 л. глагола есмь в в.-р. можно относить приблизительно к XVI в.: до этого времени они встречаются не только в памятниках литературного языка, но и в грамотах, частной переписке и т. п. Встречающаяся в научной прозе форма 3 мн. „суть" — из церковно-славянского яз. и живому русскому яз. не свойственна.

Личные формы глагола имамь по нетематическому спряжению утрачены, повидимому, еще в о.-р. эпоху.

Личные формы наст. врем. глаголов тематического спряжения.

§ **509.** Формы 3-го л. ед. и мн. В в.-р. эти формы перешли из о.-р. как с окончанием **ть,** так и без **ть.** Формы без **ть** сохранились лишь в части с.-в.-р. говоров и в бо́льшей части ю.-в.-р. говоров. В названных говорах формы 3 л. без **т** употребляются теперь в ед. ч. только от глаголов 1 спряжения: он знае, несе, но возит, стоит и пр., а во мн. (значительно реже)—только от глаголов 2 спряжения: оны говоря, но знают, несут. В Двинских грам. XIV—XV в. формы 3 ед. без **ть** встречаются не только от глаголов 1-го спряжения: изоиде 15 и др., но и от глаголов 2 спр.: поруши 86, 88, но при этом употребляются только в условных

предложениях: а хто сии рядъ поруши 86, а хто почне наступати 90, а буде тируну не до земли 36 и пр. Ср. в нынешнем литературном яз. единственную форму без **т**: „буде“ в том же значении. В нынешних с.-в.-р. говорах различия по значению между формами на **т** и без **т** нет. В ю.-в.-р. 3 ед. без **ть** образуют не только глаголы 1 спряжения: он зная (знает), несе, но и глаголы 2 спр. с ударением на основе: он ходя, нося, но говорить, стаить; во мн. числе иногда тоже образуются формы без **ть**, но только от глаголов 2 спр. при ударении на окончании: они глядя, говоря, но знають, несуть, ходють. От тех же глаголов и в тех же говорах употребляются и формы на **ть** или **т**.

Конечное **т** в 3 ед. и мн. из о.-р. **ть**, бывшее в о.-р. после утраты конечного **ь** полумягким, затем отвердело в с.-в.-р. и стало мягким в ю.-в.-р. О времени отвердения **т** в с.-в.-р можно до некоторой степени судить по написаниям с **тъ** в памятниках делового (нецерковного) письма [1]). В московских грамотах до 2-й половины XIV в. пишется в 3 ед. и мн. последовательно только **ть**; впервые формы на **тъ** в достаточном количестве появляются в Дух. Димитрия Донского: вѣдаетъ, перемѣнитъ, имутъ, потянутъ; в новгородских грамотах и других памятниках XIII—XV в.в. — только **ть**; то же в Двинских грам. XV в., но в некоторых Двинских грамотах является окончание **тъ**. Отсюда можно заключить, что отвердение **т** в 3 л. в с.-в.-р. происходило не одновременно. Теперь в некоторых говорах Олонецкой губ. окончание **т** мягко в 3 мн. глаголов 1-го спр.: идуть, несуть и пр. и твёрдо в остальных случаях.

§ **510.** Во 2 мн. в о.-сл. многие глаголы с непроизводной основой имели ударение на конце: пиjетé, съпитé и пр.; в некоторых с.-в.-р. говорах это ударение сохранилось, в остальных же как с.-в.-р., так и ю.-в.-р. перенесено на основу; ср. Арханг. спитé, Вологод. спитё с литерат. спите.

§ **511.** Различие между глаголами 1-го и 2 спряжения в формах наст. вр. сохранилось в с.-в.-р., а в ю.-в.-р.—только при ударении на окончании: несёш, встаёш, стоиш, говориш, несуть, встають, стоять, говорять. При ударении же

---

[1]) Формы на **тъ** в церковных памятниках XIV в., как Ев. 1354, 1355 и 1357 г.г., могут и не быть отражением живого произношения.

на основе тематические гласные **е** и **и** в формах 2 ед., 3 ед. на **ть** и 1 и 2 мн. фонетически совпали в одном звуке, а в формах 3 ед. без **ть** и 3 мн. глаголы 2 спряжения получили окончания **а (я), уть** по аналогии с глаголами 1-го спряжения, и таким образом формы обоих спряжений совпали; ср., напр., глаголы 1-го спряж. 1 ед. знаю, полю (инф. полоть) и 2 спр. вижу, солю, 2 ед. знаиш, полиш, видиш, солиш, 3 ед. знаить, полить, видить, солить и зная, поля, видя, соля; 1 мн. знаим, полим, видим, солим, 2 мн. знаитя, политя, видитя, солитя; 3 мн. знають, полють, видють, солють.

§ **512.** У глаголов 1-го спряжения фонетически тематическая гласная в в.-р. должна была бы являться в виде **о** перед твёрдыми согласными и **е** перед мягкими: идёш (**ш** в в.-р. отвердело раньше перехода **е** в **о**), идём; быть может, также с.-в.-р. идёт, если **т** в 3 ед. отвердело до окончательного перехода **е** в **о**, но идеть (ю.-в.-р.), идете (ю.-в.-р. и с.-в.-р.). Но благодаря влиянию одних форм на другие такое чередование **е** и **о** в личных формах наст. вр. сохранилось лишь в немногих в.-р. говорах (напр., в Тотемском у., Вологодской г., и некоторых др., где говорят: пасёш, пасёт, пасём, но пасете); в большинстве же говоров во всех четырёх формах является одна и та же гласная, именно, в большей части с.-в.-р. и переходных и во многих ю.-в.-р.—**о**: несёш, несёт, несёть или несё, несём, несёте, а в остальных с.-в.-р. и в архаичных ю.-в.-р. — **е**: несеш, несеть или несе (в немногих с.-в.-р. говорах также: несет), несем, несете. Понятно, что в ю.-в.-р. говорах звуки **о** или **е** в этом окончании являются только под ударением.

Судьба форм повелительного наклонения.

§ **513.** Во 2 ед. повелит. наклонения из старых форм на **ь** сохранилась только **ѣжь** (пишется „ешь“); форма дажь еще в XIV в. была непонятна и заменяется в памятниках выражением „дай же“; теперь употребляется только „дай“; повелит. „вижь“ сохранилось, как частица, а в значении повелит. наклонения заменилось другими образованиями. Во 2 ед. на **и** это **и** при ударении на основе могло отпадать еще в о.-р. Позднее в в.-р. неударяемое **и** в окончании этой формы по большей части совсем утрачено: будь, стань

сядь, знай, пой, режь, ляг и пр., и сохранилось только после двух согласных: молви, наполни, прыгни, тресни и пр., а также в сложных с приставкой **вы:** выгляни, выложи, выкупи и пр. Формы на **и** с ударением на конце по большей части сохранились, хотя диалектически возникли формы с переносом ударения на основу и отпадением конечного **и:** положь, напой, становь, подь (=пойди).

§ **514.** Форма 1-го мн. повелит. в тех случаях, когда она отличалась от 1 мн. наст. врем., была заменена формою наст. врем.; вместо идѣмъ, берѣмъ, споимъ, сдѣлаимъ и т. п. стали говорить: идём, берём, споём, сдѣлаем; но затем значение 1 мн. повелит. сохранили только формы 1 л. множ. глаголов совершенного вида, употреблявшиеся, как формы изъявительного наклонения, со значением будущего времени, а в значении 1 мн. повелит. наклонения от глаголов несовершенного вида стала употребляться форма 1 множ. будущего сложного: будем стоять, будем говорить и пр., кроме немногих глаголов, от которых в значении 1 множ. повелит. может употребляться 1 мн. наст. вр. несовершенного вида: идём, бежим, едем. В памятниках замена 1 мн. повелит. формой 1 мн. наст. вр. появляется уже в XII—XIII в.

§ **515.** Так как 1 мн. повелит. после утраты двойств. ч. стало обозначать приглашение совершить то или другое действие совместно с говорящим, обращённое или к одному второму лицу или к нескольким вторым лицам, то для обозначения множественности вторых лиц к форме 1 мн. стал иногда прибавляться суффикс 2 мн. **те,** причём формы без **те** стали употребляться преимущественно (но не исключительно), если приглашение обращено к одному лицу: пойдём и пойдёмте.

§ **516.** 2 множ. повелит. Окончание **ѣте** заменилось в в.-р. окончанием **ите:** идите, ведите, несите, живите и пр. В в.-р. памятниках примеры 2 мн. повелит. на **ите** вместо **ѣте** встречаются уже в XIII—XIV в.в.: Р. Пр. 1282 г.: съведите ся, Дух. новгородца Климента: възмите и др. Окончание **ите** как старое, так и из **ѣте,** сохранилось преимущественно в тех случаях, когда на него падает ударение, а также после двух согласных и в сложных с приставкой **вы,** т.-е. в тех же случаях, в которых сохранилось конечное **и** во 2 ед. повелит.,

а в остальных случаях (т.-е. при ударении на основе не после двух согласных) заменилось окончанием **те**, которое таким образом во всех случаях стало приставляться непосредственно к форме 2 ед. повелит.: будьте, станьте, сядьте, знайте, пойте, режьте, лягте, диалектич. положьте, напойте, становьте, подьте и пр. Таким путём возникли и новообразования: ѣжьте (теперь пишут: „ешьте“), дайте. Уже в XIII в. в памятниках встречаются формы: вижьте, вѣжьте, оставьте, обидьте и пр.

§ 517. Изменение основ. У многих глаголов о.-р. яз. основы форм спряжения были неодинаковы в различных формах. Сюда относятся 1. а) глаголы, имевшие в 1 ед. и 3 мн. наст. вр. основу на задненёбную, в остальных личных формах основу на шипящую, а в повелит. на свистящую: пеку, печешь, пеци, лягу, ляжешь, лязи и др.; б) глаголы 2 спряжения с основой 1 ед. на шипящую и на сочетание губной с **л** мягким, а остальных лиц наст. вр. на мягкую зубную нешипящую и на мягкую губную без **л**: сажу—садишь, лечу — летишь, грожу — грозишь, прошу —просишь, езжу—ездишь, пущу—пустишь, рублю—рубишь, ловлю—ловишь, куплю—купишь и т. п.; в) глаголы, имевшие разные гласные в основах наст. вр. и повелит.: реку—рьци и т. п.; 2. глаголы с различными основами наст. вр. и инфинитива. Вследствие стремления устранить эти различия в в.-р. возникли следующие изменения.

1. Во всём в.-р. свистящие в формах повелит. наклонения, стоявшие в чередовании с задненёбными, заменены мягкими средненёбными; это явление аналогично подобной же замене в склонении: теки, пеки, бѣги, ляги, откуда после отпадения **и**: ляг. В памятниках такая замена встречается с XIV в.: стереги (Парим. Сергиевой лавры).

2. Диалектически у тех же глаголов шипящие в окончании основы личных форм наст. врем. заменились а) мягкими средненёбными: текеть, пекеть, стерегеть или текет, пекет, стерегет и пр.: эти формы довольно обычны теперь в ю.-в.-р. и во многих с.-в.-р. и переходных говорах; литературный язык избегает их, но они всё-таки проникают и сюда: ткёт; б) твёрдыми задненёбными, после которых гласная обязательно **о**,—в восточных и поволжских с.-в.-р.

лягот, говорах: 2 ед. пекош, 3 ед. текот, стерегот, могот, бегот, 1 мн. запрягом и пр. (форма 2 множ. на оте в материалах не отмечена).

3. Диалектически шипящие и сочетания губных с мягким л в 1 ед. глаголов 2 спряжения с основой остальных форм на зубные нешипящие и губные заменены этими звуками: ходю, летю, ездю, пустю, возю, несю, любю, кормю, спю и пр. Это изменение возникло независимо в части с.-в.-р. говоров (Арханг. г.) и части ю.-в.-р. Ср. подобное же явление в м.-р.

4. В различных говорах возникли новообразования инфинитива от основы наст. врем., и наоборот, если эти основы первоначально были различны, напр., ю.-в.-р. идить вместо „ити"; такого же происхождения и наше идти; ю.-в.-р. диалектич. жмать вместо „жать", касим. вытреть вместо „вытереть". Сюда же относится с.-в.-р. диалектич. пекчи, мокчи и т. п. вместо печи, мочи (литерат. печь, мочь), откуда далее пекти, мокти и пр. Основу наст. врем., изменённую под влиянием инфинитива, представляют с-в.-р. теру, стери, он отперёт и т. п.

§ **518.** Судьба форм будущего сложного. Из способов образования будущего сложного в в.-р. теперь сохранились обороты с „буду" и „иму", причём последние — только кое-где в с.-в.-р. говорах (Волог., Костр., Яросл.): иму дѣлать, имём косить и т. п.; в остальных — только „буду"... Кроме того, в в.-р. стал употребляться для образования будущего с особым видовым — начинательным — оттенком глагол „стану" с инфинитивом, а в литературном языке существует также оборот с глаголом „иметь": имеет быть и пр. Но в в.-р. памятниках XIII — XVI в. обороты с глаголом „буду" почти не встречаются, а для образования будущего обыкновенно употребляются глаголы „учну" или „почну" и „иму"; в грам. Ольга Рязанского 1356 г. также: того хочю боронити. Примеры оборотов с глаголом „иму": Дух. Симеона Гордого: а хто сю грамоту иметь рушити, имуть вѣдати; грам. Ольга Ряз. 1356 г.: гдѣ имуть сѣдѣти; грам. Звенигородского князя Юрия Дмитр. 1404 г.: а которые люди имуть жити; Двинские грам.: а хто иметъ мое... подвигывати 5, хто иметь наступати 77 и пр.; обороты с гла-

голами „почну“ и „учну“: Двинск.: грам.: а кто почнетъ на сю землю наступать 107, а хто учнеть отимати 13 и др.; грам. вел. кн. Ивана Вас. Московского 1486 г.: а хто у них... учнет жыти людей; Конш. Домострой XVI в.: учнетъ на люди глядя жити 43 об., учнутъ спрашивати 55, не учнешъ хранити 122, и пр.

§ **519.** Plusquamperfectum (новый, см. выше § 498) в в.-р. грамотах и других гражданских актах и сочинениях нецерковного характера XV—XVII вв. встречается, но довольно редко, между прочим, в Истории Курбского, Разрядной книге 1615 г. и др. Теперь он сохранился лишь диалектически в некоторых с.-в.-р. говорах (Арханг. и Олон. губ.): пошол был, воротилася была, заболѣла была, ср. в Онежских былинах: эти королю были рѣчи не понравились; в других в.-р. говорах plusquamperfectum утрачен. К plusquamperfect'у восходит существующий в русском литературном яз. оборот: „было“ с прош. временем глагола в значении начатого, но брошенного в прошедшем действия.

§ **520.** Выражения перфекта и plusquamperfect'а в с.-в.-р. Причастие несклоняемое прош. врем. 1-е (деепричастие) стало употребляться во многих с.-в.-р. говорах, как сказуемое, в значении перфекта: он ушоччи (его нет, потому что он ушёл), дом сгорѣвши и т. п.; в сочетании со связкой в прош. врем. то же причастие получило значение plusquamperfect'а: он был ушоччи, она была роздѣвши.

§ **521.** История форм возвратного залога. Возвратное местоимение **ся, си,** превратившись в частицу для обозначения возвратного действия, в в.-р. стало употребляться исключительно после глагола и, наконец, слилось в одно слово с глаголом, к которому относится. Свободное употребление **ся** при глаголе в в.-р. памятниках встречается еще в XVI в.: Конш. Домострой: в мале бо ся ослабиши 24, каково ся лучитъ 51; Судебник 1550 г.: чтобы ся недѣлщики не отпирали, и даже грам. 1615 г.: съ воры ся ему не водити, но, быть может, лишь в силу письменной традиции. Слиянием частицы **ся** с глаголом вызваны дальнейшие диалектические изменения в образовании форм от возвратных глаголов. Так, в некоторых южных и переходных в.-р. гово-

рах возникли формы 3 ед. и мн. от возвратных глаголов на тцеть и тцуть: придетцеть, учутцуть и инфинитивы на тцать: учитцать, забавлятцать (Калужск. г., Егор. у. Моск. г. и Касим. у. Рязанской г.)

§ **522.** Инфинитив. Инфинитивы на **ти** при ударении на основе, а также инфинитивы на **чи** сохранились лишь в песнях, а в разговорной речи—только в части с.-в.-р. говоров (а именно, инфинитив на **ти** только в Вологодской, Северодвинской и Вятской губ., а инфинитив на **чи** также и в Архангельской, Череповецкой и Новгородской губ.), а в остальных говорах вытеснены формами на **ть** и **чь**, (с переносом на основу ударения, бывшего на конце у некоторых инфинитивов на **чи**): ходить, знать, лечь, мочь, печь, беречь и пр. Инфинитивы на **ти** с ударением на конце, а также с приставкой **вы** от глаголов, имеющих ударение на конце не в сложении с этой приставкой, по бóльшей части сохранились: нести, вести, прийти, вынести, выйти и пр., хотя диалектически рядом с ними встречаются и формы на **ть** с переносом ударения на основу: несть, рость, плесть, весть и пр. В в.-р. памятниках с XIII—XVIII в. употребляются формы инфинитива и на **ти** и на **ть.** Из новообразований инфинитива можно отметить такие формы, как о.-в.-р. грести (из о.-р. грети, 1 ед. наст. гребу), где **с** по аналогии с вести, плести, брести, мести и пр., диалектич. в.-р. итить, где к форме инфинитива в виду её формальной неотчётливости прибавлена инфинитивная примета **ть,** с.-в.-р. диалект. вестить (вести) и т. п.

§ **523.** Причастия наст. врем. действит. залога. Старые причастия или утратили значение причастий и стали прилагательными (текучий, лежачий и пр.), или существительными (пройда, рёва и пр.), или же перешли в несклоняемые деепричастия еще в о.-р., но в литературном в.-р. языке получили большое распространение заимствованные из церк.-слав. яз. и образованные по аналогии с ними причастия наст. врем. от глаголов несовершенного вида на **ущий, ащий:** идущий, говорящий и пр. От глаголов совершенного вида такие причастия вообще в литературном яз. не образуются, но изредка встречаются со значением причастий будущего времени: „Весьма рады, когда кто, **пригод-у**

щий из столицы, найдёт, что у них точно так же, как в Петербурге“ (Гоголь); „Это (лошадь Пржевальского)— вид... вероятно, скоро **вымрущий** совершенно (С.-Пб. Ведом. 1901 13 ноября); „У меня не хватает денег на поездку, **потребующую** много затрат“ (Шахматов) и т. д.

§ **524**. Деепричастия наст. врем. В о.-р. яз. первоначально причастия наст. врем., из которых потом получились деепричастия, образовывались лишь от глаголов несовершенного вида, но довольно рано возникли такие причастия или деепричастия и от глаголов совершенного вида со значением причастий или деепричастий прош. врем, наприм., уже в Смоленской грам. 1230 г. возма; в записи Пантел. Ев. XIII в. исправляче; в севернорусском Хлуд. Прологе 1262 г.: возьмя, займя, поймя; в Лавр. летоп. лиша ся, пожга, внида и др. Ср. в нын. в.-р. пройдя, прочтя, полюбя, не спросясь, сломя голову, высуня язык, сложа руки и др. В нынешнем литературном яз. такие деепричастия менее употребительны, чем в 1-ой половине XIX в.; ср. у Пушкина: постучась, увидя, обидя, поклонясь, бросся, заменя и др.

У деепричастий наст. врем. на **а** с основой на твёрдую согласную, соответствующих ст.-сл. причастиям на **ы**, твёрдые согласные перед **а** в в.-р. заменились соответвующими мягкими согласными по аналогии с деепричастиями от других глаголов; таким образом получились нынешние в.-р.: идя, плетя, ведя, неся, везя, гребя и т. п. Древнейшие примеры этого изменения, в церк. памятниках—с XII в.: Устав Патр. б-ки (с.р. список, восходящий к ю.-р. протографу): идя 23, чьтяи 200, в Сл. Ипполита грядя в грамотах и летописях с XIII в.; приведу некоторые примеры: Новг. летоп. идя, ждя, рекя; Нов. грам. 1305 г. повьргя; Двинск. грам.: ркя и т. п.; теперь формы на **гя**, **кя** в литерат. яз. не употребительны, а потому от глаголов с основой на задненёбные деепричастия не образуются.

Деепричастия наст. врем. на **чи** в в.-р. сравнительно редки и притом встречаются только с ударением на основе или на конце (не на 1-м слоге окончания **учи** или **ачи**); в деепричастиях от глаголов 2-го спряжения неударяемое **а** перед **чи** нефонетически заменилось гласной **у** по аналогии с дее-

причастиями от глаголов 1-го спряжения: идучи, живучи, крадучись, знаючи, вставаючи, играючи, сидючи, глядючи и пр. В литературном яз. такие деепричастия почти неупотребительны. В некоторых ю.-в.-р. говорах возникли новые деепричастия наст. вр. на **мчи** или **вчи**: лежамчи, седимчи, делаемчи, играемчи, видаемчи, стреляемчи, глядемчи; дожидаивчи, ходивчи и т. п.

§ **525.** Деепричастия прош. врем. 1. По аналогии с деепричастиями, образованными с суффиксом **в**, этот суффикс распространился и на деепричастия от тех глаголов, которые раньше образовывали их без суффикса **в**: ѣв, сѣв, украв, заперев, взяв, сняв, начав и пр. или ѣвши, сѣвши, укравши, и пр. вместо старых: ѣдъ, сѣдъ, украдъ, заперъ, вземъ, снемъ, наченъ, или ѣдъши, сѣдъши и пр. Впрочем, сохранились и некоторые деепричастия без суффикса **в**, исключительно в форме на **ши**: гребши, запершись, утерши, слѣзши, привезши, диалект. пришоччи, ушоччи (из пришедши, ушедши), украччи (украдши), снёмши, наёмши взёмши и пр.

2. В ю.-в.-р. говорах возникли новообразования на **мши**: завладомши, увидамши, обумши (=обувшись), поднямши, дожамши, не пимши, не ѣмши, идёмши, живёмши, привезёмши, принесёмши, сбережомши, испечомши; „девушка коровушку доила, подоёмши молочка цедила, процежомши душу Ваню поила, напоёмши уговаривала“ (песня) и т. п., распространившиеся и на переходные и на некоторые чистые с.-в.-р. говоры. В части в.-р. говоров являются также деепричастия на **лши**, тоже представляющие новообразования: бывалши и пр.

4. Белорусские изменения форм спряжения.

§ **526.** Личные формы наст. вр. глаголов нетематического спряжения. В б.-р. сохранились старые формы этих глаголов: 2 ед. даси, яси (ешь); 2 мн. дасцё, ясцё (чаще) и дасце, ясце (реже; главн. обр. на юге). 1 мн. дамо, ямо—только в ю.-б.-р. говорах (Минская губ.). В остальных говорах старая форма 1 мн. заменена новообразованием: дадзём, ядзём (бо́льшая часть говоров), реже: дадзим, ядзим (по соседству с в.-р. говорами и на юге). Диа-

лектически стала употребляться в значении 2 мн. изъяв. наклонения форма дадзицё, ядзицё или дадзице, ядзице (ударение на конце). В 3 мн. по аналогии с о.-р. **у** в дадуць (вместо о-сл. даде^{н}ть, см. выше § 507) явилось также ядуць (едят). От вспомогательного глагола сохранилась лишь форма 3 ед. ёсь, ёсцека, ё и есь (есць), е (последние две формы только в ю.-б.-р. говорах).

§ **527.** Личные формы наст. врем. глаголов тематического спряжения. В 3 ед. формы без окончания **ць** (т. е. **ц** мягкого из о.-р. **ть**) в северовост. б.-р. говорах теперь неупотребительны, а в ю.-з. б.-р. говорах являются только в 3 ед. невозвратных глаголов 1-го спряжения: нясе, таргуя и пр.; 2 мн. без **ць** — только в очень немногих ю.-б.-р. говорах. С глаголами 1-го спряжения совпали по формам глаголы 2 спряжения при ударении на основе, как и в ю.-в.-р.; таким образом от этих глаголов 3 ед. в ю.-з. говорах: ходзя, любя и пр., 3 мн. везде ходзюць, любюць и пр.

1 мн., как и в в.-р., имеет окончание **м.** Окончание **мо** — только на юге (Минская и ю. часть Могилевской губ.): поѣдзимо, глядзимо, купимо, хочемо, станемо.

Во 2 мн. сохранилось ударение на конце у тех глаголов, которые имели его на конце в о.-сл.: идзицё, стаицё, спицё или идзице, спице, стаице (последние формы—только на юге). Тематическая гласная у глаголов 1 спряжения под ударением правильно (фонетически) сохранилась, как **е**, во 2 и 3 ед. и 2 мн., а в 1 мн. в одних говорах сохранилось **о**, получавшееся фонетически перед твёрдой согласной, в других же по аналогии с остальными формами явилось **е**: нясеш, нясець или нясе, нясём (и нясом) или нясем, нясеця.

§ **528.** Судьба форм повелительного наклонения. Формы 2 ед. повелит. накл. имели, приблизительно, ту же судьбу, что и в в.-р. Конечное **и** при ударении на основе отпало, а при ударении на окончании частью сохранилось, частью тоже отпало, с переносом ударения на основу; такую же судьбу имели и формы повелит. накл. от глаголов с приставкой **вы**: атступ, становся, пазгонь, насоб, несь, вынесь, выкаць (выкати) и пр.

В 1 мн. в б.-р. сохранились старые формы на **ѣмъ** от основ на твёрдые согласные: нясѣм, вядзѣм и пр., а по аналогии с ними 1 мн. повелит. на **ѣм** стали образовывать и другие глаголы: хадзѣм, касѣм, лежѣм, памирѣмса, вместо старых: ходимъ, косимъ, лежимъ, помиримъся. Ср. уже в памятниках XV—XVI в.: велѣмъ грам. 1475 г., терпѣмо Позн. Сборн. XVI в., подадѣмъ Статут 1588 г. Окончание **мо** в 1 мн. повелит. теперь является только в ю.-б.-р говорах, причём формы с этим окончанием стали образоваться только от глаголов, имеющих во 2 ед. повелит. ударение на основе (как старое, так и перенесённое с окончания). Как и окончание **те** во 2 мн. повелит, окончание **мо** стало присоединяться непосредственно к форме 2 ед. повелит.: рѣжмо, сядьмо, бѣгаймо. Ср. совершенно такой же способ образования 1 мн. повелит. на **мо** в м.-р. В немногих ю.-б.-р. говорах по соседству с м.-р. стали употребляться в значении 1 мн. повелит, формы 1 мн. наст. вр. на **ом**: идом, пасядом и др.

Во 2 мн. частью сохранились, частью возникли по аналогии формы с суффиксом **ѣ**: нясѣця, идзѣця, ходзѣця, накажѣця, но лишь в части б.-р. говоров; в других говорах, наоборот, по аналогии со старыми просите, колите, накажите и под влиянием 2 ед. на **и**, от всех глаголов, имевших в этой форме ударение на суффиксе, 2 мн. стало образовываться с окончанием **іця** (из ите), т. е. не только прасиця, пишыця, где **и** старое, но и нясиця, вядзиця, бярыця и т. п., а от глаголов, имевших во 2 ед. ударение на основе (старое или перенесённое),—через присоединение окончания **ця** прямо к форме 2 ед.: станьця, стойця, сыпця, адгоньця и пр. Ср. совершенно такое же образование 2 мн. повелит. в в.-р. и, частью, в м.-р.

§ **529.** Изменение основ. 1. У глаголов с первоначальной основой на задненёбную в формах повелит. наклонения свистящие согласные были заменены шипящими, как и в м.-р. и зап.-слов.: пячы, памажы, бяжы, ляж и пр. Ср. в зап.-русских летописях XVI в.: поможи и пр., XVI в.: речи (повелит.) и пр. Диалектически шипящею же заменились задненёбные в 1 ед. тех же глаголов: пячу, бяжу, стрыжу и пр. В других говорах, наоборот, вместо шипящих

являются мягкие средненёбные перед суффиксом **е**: пякець и пр.

2. В некоторых говорах в 1 ед. глаголов 2 спряжения вместо **ж** явилось **дж**, если в остальных формах является **д**: виджу, ходжу, гляджу. Ср. то же явление в м.-р. говорах.

3. В ю.-б.-р. говорах произошла замена мягких согласных в конце основы твердыми и шипящих задненебными в 1 мн. наст. врем. перед окончанием **ом** у тех глаголов 1 спряжения, основа которых в 1 ед. и 3 мн. оканчивалась на твердую согласную нешипящую: идом, вядом, грызом, прынясом, вярномся, зграбом (сгребем), жывом, магом, пяком, тавком (толчем), пасядом и т. п., должно быть, по аналогии с 1 ед. и 3 мн. Во 2 и 3 ед. и 2 мн. тех же глаголов в этих говорах перед **е** мягкие согласные сохранились, а шипящие заменились мягкими средненёбными: идеш, вядзеш, сядзиць, магець, пякець и пр.

4. Из образований инфинитива от основы наст. врем. и наоборот отмечу инфинитивы: церци, вмерци, заперци (тереть, умереть, запереть); дзерци (драть); бярахчы, памахчы и бярахци, памахци, валакци, тавкци (беречь, помочь, волочить, толочь); грапци (гресть) и др.; наст. вр. от глагола „пѣць" (петь): пяю, пяець, пяюць и пр. От глаголов с суффиксами **ыва**, **ива** по аналогии с глаголами с суффиксом **ова** образуются формы наст. вр. **ую**: выговарую, обманую и пр.

§ **530**. Судьба форм прош. сложного (перфекта) в б.-р.— **та же, что в в.-р.**

§ **531**. Судьба plusquamperfect'а (нового, см. § 498). Plusquamperfectum в зап.-русских памятниках встречается еще в XVII в.; в современном б.-р. сохраняются лишь его остатки, напр.: „я прыйшов быв, але яго не застав" (буква **в** читается везде, как у неслоговое) и т. п. со значением близким к значению в.-р. оборотов с „было".

§ **532**. Будущее сложное. Сохранились образования с „буду" во всем б.-р. и с „иму"; последние только в ю.-б.-р. говорах. Обе формы будущего 1-го встречаются и в древнейших зап.-русских памятниках: грам. Корибута 1388 г. „будемъ держат"; статут 1529 г.: будут стояти 158; Тайна Тайных XVI в.: иметь чужаго именія жадати; грам. 1492 г

маеть онъ дань давати. Обороты с глаголами **хочу** и **начну** в зап.-р. нецерковных памятниках не встречаются. Глагол „иму" или „му" в нынешнем б.-р. ставится непременно после инфинитива и сливается с ним в одно слово: рабицьму, хадзицьмеш, брацьмеце, нясцимуць и пр. В памятниках уже в XVI в. в этой форме глагол „иму" занимает обыкновенно то же место, ср. Псалтырь XVI в.: выхваляти иму, взывати имем и пр. Кроме этих двух оборотов в б.-р. теперь распространены также образования будущего с глаголом „маю": чым маю драмаць, лѣпѣй пайду спаць, и т. д., развившиеся, вероятно, из того же о.-сл. оборота с „имамь", к которому восходят и формы на „му".

§ **533**. В о з в р а т н ы й з а л о г в б.-р. имел ту же судьбу, что и в в.-р.

§ **534**. И н ф и н и т и в. Инфинитивы на **ць** (ть) в б.-р. теперь являются при тех же условиях, как и в.-р. (преимущественно от основ на гласную при старом ударении на основе, реже,—с переносом ударения, бывшего раньше на окончании **ти**, на основу), но инфинитивы на **ци** (ти) сохранились всё-таки лучше, чем в в-р., и могут являться даже от основ на гласную; инфинитивы на **чи** с ударением на окончании в б.-р., как и в м.-р., сохранились.

§ **535**. Д е е п р и ч а с т и я. В значении деепричастий в б.-р., как и в м.-р., сохранились преимущественно формы им. ед. ж. р. причастий на **учи, ачи, ъши, въши**: просючы, сидзючы, йдучы, стоячы, бравшы, прыйшовшы и пр.; деепричастия же на **а** почти совсем вышли из употребления. Старые причастия с суфиксом **ъш** от основ на согласные заменились новообразованиями на **вши**: цвившы, взявшы, принявшы, изъѣвшы (съевши), увайшовшы и пр. В восточных говорах известны теперь и деепричастия на **мши**, должно быть, заимствованные из ю.-в.-р.

5. *М а л о р у с с к и е и з м е н е н и я ф о р м с п р я ж е н и я.*

§ **536**. Л и ч н ы е ф о р м ы н а с т. в р е м. н е т е м а т и ч е с к о г о с п р я ж е н и я. Старые формы наст. вр. їм, дам, вім (о.-р. ѣмь, дамь, вѣмь) сохранились. Во 2 ед. при обычных їси, даси, віси (с ударением на конце) диалектически возникли и новообразования: їш, даш, как в в.-р.; в 1 мн.

теперь является окончание **мо**: їмо, вімо, дамо (с ударением на **о**), а за карпатами и у лемков **ме**: їме, даме, віме (с ударением на основе). От глагола „есмь“ формы наст. вр. утрачены кроме 3 ед. є, реже есть; впрочем, в западных говорах употребляются теперь в несколько изменённом виде формы 1 и 2 л. обоих чисел в значении связки или суффикса в образованиях прош. врем.: ходил-ем, ходил-есь, ходили-сьмо, ходили-сте и т. п.

§ **537**. Личные формы наст. врем. глаголов тематического спряжения. Во 2 ед. в говоре лемков сохранились формы на **ши**: маєши, йдеши, в остальных говорах на **ш**: йдеш, сидиш и пр.

В 3 ед. глаголов 1 спряжения в.-м-р. сохранились только формы без **ть**: несе, бере, питає или пита, каже и пр.; от глаголов на **ть (т)** и от глаголов 2 спряжения при ударении на основе с изменением (нефонетическим) конечного **и** в **е**: ходе, носе.

В 3 мн. сохранились формы только на **ть** (**т**).

Конечное **т** в 3 ед. и мн. мягко в вост.-украинских и некоторых карпатских говорах и отвердело в сев.-м.-р., зап.-украинских, галицких и бо́льшей части карпатских говоров.

В 1 мн. в нынешнем м.-р. являются формы на **м** и **мо**: несем, ходим и несемо, ходимо и пр.; у лемков также **ме**: идеме, хвалиме, знаме (формы на **ме**, должно быть, заимствованы из словацкого яз.).

Во многих говорах произошло стяжение **ає** в **а** у глагол. на **аю**: знат, питат, нема, співа и т. п.; у лемков подобное стяжение и в глаголах на **ую**: бесіде (бесідує).

§ **358**. Судьба форм повелит. наклонения. Во 2 ед. окончание **и** без ударения отпало: стань, сядь и пр. В 1 и 2 мн. по аналогии с берім, ідім, беріть, ідіть и т. п., где **і** правильно из **ѣ**, явились формы ходім, просім, кажім, ходіть, просіть, глядіть, кажіть и пр., вытеснившие старые формы на **им, ите.** При ударении на основе формы множ. ч. повелит. стали образовываться через присоединение окончаний 1 мн. **мо** (ме), 2 мн. **те** прямо к форме 2 ед.: їжмо, будьмо, бігаймо, їжте, станьте, побачте, выходьте, и пр. В окончании 2 мн. **іте** отпало конечное **е**: беріть, ідіть, озміть,

ходіть и пр., диалектически и в этой форме конечное **т** отвердело: беріт, ходіт и пр.

§ **539**. Изменение основ. 1. От глаголов с основами на задненёбные в формах повелит. наклонения о.-р. свистящие заменились шипящими, как и в б.-р.: печи, печіть, біжи, біжіть и пр. Диалектически шипящие явились и в 1 ед.: біжу, можу, печу и пр., реже в 3 мн. можуть и пр.

2. Диалектически в сев.-украинских говорах у глаголов 2 спряжения, имевших в 1 ед. основу на **ж**, чередовавшееся с **д** в остальных формах, это **ж** заменилось через **дж**: виджу, ходжу, сиджу.

3. Диалектически, именно, в некоторых украинских говорах, у глаголов 2 спряжения, имевших в 1 ед. основу на шипящую, чередовавшуюся с зубными нешипящими в остальных формах, эти шипящие под влиянием остальных форм заменены соответствующими мягкими нешипящими, т. е. теми же, какие являются в 3 мн.: видю, ходю, стрітю, возю, просю и т. п.

4. В бо́льшей части говоров, кроме говоров так наз. „былаков“ (в западной части Карпатской Руси) вместо форм быти, был, была, было, были и т. п. явились формы: бути, був, була, було. У былаков в этих формах сохранилось **ы**.

5. У глаголов с основами на задненёбные вместо **чи** в инфинитиве явились формы на **кчи, хчи** или **кти, хти,** гти, пекчи, втекчи, мохчи, берехчи или пекти, втекти, мохти, берехти или могти, берегти. От глаголов умру, утру и пр. явились инфинитивы: вмерти, втерти и пр. У глаголов с суффиксом **ова** в инфинитиве этот последний заменился суффиксом **ува**: бесідувати, годувати, малювати, прош. вр. бесідував, годував и пр.

§ **540**. Прошедшее сложное. В бо́льшей части говоров, как и в в.-р. и б.-р., связка в прош. вр. утрачена, но диалектически на западе являются формы прош. врем. с вспомогательным глаголом в 1 и 2 л. обоих чисел, слившимся с причастием на **л** в одно слово: 1 ед. м. р. ходилем, ж. р. ходилам, 2 ед. м. р. ходилесь, ж. р. ходилась, 1 мн. ходилисьмо, 2 мн. ходилисьте. Возможно, что эти формы—заимствование из польского языка.

§ **541.** Будущее сложное. В образовании этой формы, как и в в.-р. и б.-р. различается два способа: 1. сочетание инфинитива спрягаемого глагола с глаголом „иму“ сохранилось только в вост.-украинском и сев.-м.-р, причём обычно слово: „иму“ и пр. ставится после инфинитива, сливаясь с ним в одно слово: робитиму, ходитимеш, знатиме, гратимуть и пр., реже: иму робить и т. п. 2. сочетание „буду“ и пр. с инфинитивом сохранилось повсюду, но в литературном укр. не употребительно.

§ **542.** Инфинитив на **ть** в м.-р. менее употребителен, чем в в.-р.; инфинитив на **ти** могут иметь все глаголы.

§ **543.** Деепричастия на **а** (**я**) в м.-р. не сохранились, кроме единичного „мога“ в выражении „як мога“; теперь в м.-р. употребляются деепричастия наст. вр. исключительно на **чи**: йдучи, мислячи и пр., а прош. вр.—на **ши**: взявши, ходивши.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Объяснение транскрипций.

Звуки о.-сл. и о.-р. языков, а также нынешних русских языков, кроме малорусского, передаются в настоящем „Очерке“ буквами обычной русской азбуки с некоторыми изменениями и дополнениями. О значении буквы „е“ см. § 33, буквы „ѣ“—§ 129, букв „ъ“ и „ь“ для древнейшей эпохи—§ 132, „$о^{и}$“, „$е^{и}$“, „$ѣ^{и}$“ — §§ 122, 133, 134, буквы „ä“ — § 32, букв „ö“ и „ü“ — §§ 37, 38, буквы „j“—§ 43, буквы „w“ - § 45; буква „h“ обозначает гортанное придыхание, буквы „$г^{х}$“ и „γ“ употребляются в одном и том же значении, для передачи звонкой фрикативной задненёбной согласной (см. § 42); маленькое „i“ вверху справа от буквы обозначает мягкость согласной; буква „ъ“ в примерах из нынешнего русского яз. обозначает средний гласный звук среднего подъема (см. § 33).

Примеры из ст.-сл. яз. передаются соответствующими буквами обычной русской азбуки с добавлением недостающих букв из церк.-слав. шрифта. Относительно значений букв ст.-сл. азбуки следует заметить.

Согласные буквы **ж, ч, ш, ц** обозначали только мягкие звуки („жа“=русскому „жя“). Согласные буквы **г, к, х** могли обозначать мягкие согласные звуки только в греческих словах перед „и“ и перед „е“. Буквы „б“, „в“, „м“, „п“ вообще обозначали немягкие согласные звуки („бе“=русскому „бэ“), но в некоторых ст.-сл. памятниках обозначают, повидимому, мягкие согласные звуки в тех случаях, в которых другие ст.-сл. памятники имели сочетания **бл, вл, мл, пл** с мягким л (любмаше=люблмаше других памятников). Буквы

„д“ и „т“ обозначали мягкие согласные звуки только в сочетаниях „жд“, „шт“ (из о.-сл. **дј**, **тј**) и в слове „господь“; в остальных случаях обозначали соответствующие немягкие согласные („де“=русскому „дэ“). Буква „з“ в тех памятниках, которые различали „з“ и „ѕ“, обозначала только немягкий согласный звук. Буква „ѕ“ обозначала аффрикату **дз**, первоначально мягкую. Буква „с“ вообще не обозначала мягкого звука, но в местоимении „весь“ с производными и перед „ѣ“ и „и“ в падежных окончаниях основ на **х** (и перед „вѣ“, „ви“ у основ на **хв**) могла читаться мягко. Буквы „л“, „н“, „р“ обозначали как немягкие, так и мягкие согласные звуки, при чем мягкость их обозначалась или особым значком над буквой, или употреблением после них т. н. „йотированных“ букв. Гласные буквы: „е“=русскому **э** („еда“= эда, „небо“=нэбо), „оу“=русскому **у**; „ѣ“, повидимому—дифтонг „еа“ или „йä“ (русские писцы в XI в. читали „ѣ“ иначе); „ѫ“ (юс большой) и „ѧ“ (юс малый)—носовые гласные звуки, приблизительно, **о** носовое и **е** носовое; „ꙗ“, „ѥ“, „ю“, „ѭ“, „ѩ“, т.-е. т. н. „йотированные“ буквы—сочетания **ja**, **je**, **jу** (**jü**) и пр. или гласные **а**, **е**, **у** (ü) и пр. после мягких согласных; „ъ“ и „ь“—редуцированные гласные звуки, первый—среднего или заднего ряда, второй—переднего ряда; точное значение их не поддается определению; в части говоров ст.-сл. яз., по крайней мере, эти звуки были близки к **о**, **е**.

В примерах из древне русских памятников „ѧ“ по б. ч. передается через „я“, буквы „ѡ“, „ѯ“, „ѱ“=буквами „о“, „кс“, „пс“. О значении букв в др-р. письме см. §§ 109—119 и 165—328.

Звуки украинск., болг. и сербск. яз., пользующихся кирилловской азбукой, и языков польск., чешск., словинск., лит. и др., пользующихся латинской азбукой, передаются обычным правописанием, принятым на этих языках.

Особенности **украинской** азбуки сравнительно с русской. Буква „г“ означает гортанное придыхание, „**г** с крючком кверху“—**г** взрывное, „е“=русскому **э** (т.е. в начале слова—звук **э** без йотации, после согласных—**э** и твердость самих согласных), „є“=„е“ в.-р. орфографии (т. е. передает или сочетание **je** или **е** после мягких), „и“—звук средний ме-

жду в.-р **и** и **ы**; „і“—звук **и**, перед которым согласные обыкновенно мягки; „ї“—или сочетание **јі** или **і** после мягких зубных; „ь“—только мягкость согласных, в том числе и перед некоторыми гласными (ковальові чит. ковалёви). Об остальных особенностях см. §§ 98—100.

Особенности **болг.** азбуки. „ѣ“ перед твердыми согласными в произношении одних=русскому „я“ (т. е. передает или сочетание **ја** или **а** после мягких), в произношении других—**е** открытое; перед мягкими согласными — звук **е**; буква „ъ“ не в конце слова и „ѫ“—один и тот же гласный звук, определяемый, как неокругленный задний гласный звук среднего подъёма; „о“ безударное в литературном болг. яз. почти=русскому **у**; „е“ безударное там же почти=русскому **и**; буквы „ъ“ и „ь“ в конце слова сами по себе особого звука не обозначают; буква „ь“ после „н“ обозначает мягкость согласного звука; „щ“ читается, как русское **шт**; „хв“=**ф** („захващамъ“ чит. зафаштам); „дръво, пръви“ чит. „**дърво, първи**“, но „прѣвъ“, „грѫмъ“ — **прѫф, грѫм.** С 1921 года в Болгарии введено новое правописание, по которому „ъ“ и „ь“ в конце слов не пишутся; в середине слов вместо „ъ“ везде пишется „ѫ“, вмѣсто „ѣ“ перед твердыми под ударением пишется „я“, перед мягкими и без ударения—„е“. В „Очерке“ примеры из болг. яз. приводятся в старой орфографии; новая указана (не везде) только в скобках, п. ч. почти все болг. книги, имеющиеся в России, напечатаны до реформы.

Особенности **сербской** азбуки сравнительно с русской. Согласные буквы, кроме ђ, ћ, љ, њ, ј обозначают звуки не мягкие и не веляризованные; „е“=русскому **э** („еда“=эда, „небо“=нэбо); „љ“, „њ“—звуки **л, н** мягкие („ња“, „ља“=ня, ля); „ђ“, „ћ“ произносятся, как русские **д, т** очень мягкие с шепелеватым оттенком или как **дж, ч** очень мягкие; „л“ читается, как l „европейское“, среднее; „џ“—аффриката **дж**) т.-е. тот звук, который в русском языке произносится вм. **ч** перед звонкими согласными (дочь больна): „отаџбина“ (отечество); „х“ произносится, как придыхание или вовсе не выговаривается: „ходим“ (хожу), „Христо“ (собств. имя), чит. **һодим, һристо** или одим, ристо; „ј“—звук **ј** или **й**: „јагода“, „змај“ чит. **ягода, змай**; „р“ может обозначать и слого-

вой плавный звук; слоговое свойство **р** между согласными не обозначается, в начале слова и перед гласной обозначается двумя черточками над буквой „р". Ударения различаются не только по месту, но и по интонации; в обычном письме ударение не обозначается; в научной транскрипции обозначается значками, соответствующими четырем видам сербского ударения.

В **чешской** и **словацкой** азбуке буквы a, b, d, e, f, g, i, k, l, m, n, o, p, r,, t, u употребляются в том же значении, как и в латинской и немецкой азбуках; „c" =русскому **ц** (всегда); „h"—звонкое придыхание; „j" имеет те же значения, что и в сербской азбуке; „l"—среднее („европейское") **l**, не мягкое и не твердое; „s" всегда=русскому **с**; „y"—то же, что „i" (раньше произносилось, как русское **ы**); „v" русскому **в**; „z"=русскому **з**; буквы „č", „š", „ž"—шипящие=русским **ч, ш, ж**; „ř" — шепелявый звук, не совсем точно передаваемый через „рж"; „l'", „ň", „d'", „t'"—мягкие **l, n, d, t**; кроме того мягкость согласных перед **e** обозначается значком над „e"—„ě"; сочетания „bě, mě, pě, vě" произносятся, как **bje, mje, pje, vje**; „ů"=**у** (русская буква) долгому; „ch"=русскому **х**. Знак ударения над гласной буквой означает долготу; само же ударение всегда на первом слоге.

В **польской** и **кашубской** азбуке — следующие отличия от чешской: „y" почти=русскому **ы**; „w"=русскому **в**; „l"— только **л** мягкое, несколько менее мягкое, чем русское („lato"—почти **лято**); „ą" — **о** носовое; „ę"—**э** носовое; „ó"= русскому **у**; "é" (диалектич.)—то же, что „i" или „y"; „ł" почти=русскому **л** твердому; „ń" — мягкое **н** („kóń"=**кунь** „лошадь"); „ć", „ś", „ź"—мягкие шипящие или шепелеватые звуки в роде русских **ч, ш, ж** очень мягких; „ż"=русскому **ж**; „cz", „sz"=русским **ч, ш**; впрочем, польское **cz** всегда твердо, как и ż, sz: czysty чит. **чысты** „чистый"; „rz" в начале слова и после гласных и звонких согласных=русскому **ж**, после глухих и в конце слова=русскому **ш**; иногда впрочем этими буквами обозначается и сочетание **рз**, напр. mierzić (чит. мерзичь); „i" после согласной перед гласной не произносится, а обозначает лишь мягкость согласного звука: wiara, ziarno чит. вяра, зярно, nieść, ciepły чит. нещь, чеплы и пр. Согласные перед „i" читаются мягко. Согласные непосред-

ственно перед „e“ читаются твердо: sen, deszcz, ogródek, ten чит. сэн, дэшч, огрудэк, тэн (сон, дождь, огород, этот). Согласные „b, d, g, v, z, ż“ перед глухими и в конце слова читаются, как соответствующие глухие; наоборот, „c, f, k, p, s, t, ch, cz, sz“ перед звонкими читаются, как соответствующие звонкие; „w“ после „s“ читается, как **ф**: swój= сфуй (свой). Конечное „ł“ после согласных не читается: niósł, plótł=нюс, плют „нёс, плёл“. Ударение в польском в неодносложных словах всегда на предпоследнем слоге.

Основные значения букв **словинской** азбуки те же, что чешской, но „h“=русскому **х**; долгота звуков не обозначается; „j“ после „l“ и „n“ обозначает только мягкость этих согласных звуков; впрочем, в нынешнем словинском языке буквенное сочетание „lj“ произносится обычно, как **l** немягкое („европейское“), а „nj“, как „йн“ или „нй“ (konj= койн, njega=нйега); „l“ перед согласными и в конце слова часто произносится, как **у** неслоговое; „g“ может читаться и как г взрывное и как **г** фрикативное; вообще, словинское правописание передаёт нынешнее словинское произношение очень неточно.

Хорваты пишут латинской азбукой; значения букв хорватской азбуки в общем те же, что и в чешской. Но в настоящем „Очерке“ хорватская азбука не встречается, так как примеры из сербохорватского яз. везде переданы сербской азбукой.

В старом **литовском** правописании значения букв и их сочетаний были в общем те же, что в польской азбуке („cz“, „sz“, „ż“=**ч, ш, ж**; „w“=**в**, „c“=**ц** и пр.); но буква „y“ обозначала **и** долгое: gyti=**гити** с долгим **и** в 1-м слоге („жить“), и употреблялись буквы „ė“=**э** долгому закрытому, „ë“—дифтонг **иэ**, „ů“—дифтонг **уо**. В новом правописании введены те же обозначения звуков, что и в чешской азбуке (č, š, ž, v), но сохранены буквы „y“ и „ė“ для обозначения **и** и **э** долгих, а вместо „ů“ и „ë“ пишется „uo“ и „ie“. В „Очерке“, по недосмотру, примеры из литовского яз. встречаются и в той и в другой орфографии.

По поводу встречающихся в „Очерке“ **греч.** слов следует заметить, что в IX—X в.в. нашей эры греч. произношение было близко к нынешнему, но отличалось от него между

прочим тем, что звук, обозначавшийся буквою „υ", произносился (может быть, не всеми) еще, как ÿ (теперь эта буква читается, как **и**). С ним совпадал и звук, обозначавшийся буквами „οι" (ποιμήν, φοῖνιξ чит. пюмин, фюникс, где „ю"=ÿ). Буквы „ε", „αι" читались (как и теперь), как **э**; буквы „ι", „η", „ει"—как **и**; долгота и краткость не различались; буква „β" не после „β" или „μ" читалась, как русское **в** [1]); сочетания „ββ", „μβ" и „μπ" читались, как русское **мб**; сочетание „ντ"—как русское **нд**; „ζ"=русскому **з**; „τς"=русскому **ц**; „σμ"=русскому **зм**; сочетания „αυ", „ευ" перед сонорными и звонкими согласными читались, как **ав, эв**, а перед глухими—как **аф, эф** или **ап, эп**.

---

[1]) Впрочем, „β" после согласных, может быть, только диалектически, кажется, могла произноситься как **б**, ср. древнерусское презбутер=греч. πρεσβύτερος.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Древние памятники русского языка.

Здесь названы памятники, упоминаемые в „Очерке", кроме тех, ссылки на которые взяты исключительно из „Лекций" акад. А. И. Соболевского, „Очерка" акад. А. А. Шахматова и II т. „Белоруссов" акад. А. Е. Карского.

1. Памятники церковного языка.

1. Остромирово Ев. 1056 г. (Публ. Б-ка). Писано для новгор. посадника Остромира. Бо́льшая часть кроме первых 24 листов, заголовков и текста на лицевых изображениях, писана дьяконом Григорием. Изд. I. Востокова, 1843 г.; поправки — в статье Козловского (см. ниже); 2 и 3. Савинкова, фото-литогр. 1883 и 1889. Иссл. 1. М. Козловский; 1895 (Иссл. по р. яз., т. I). 2. А. А Шахматов и В. Н. Щепкин, в приложении к книге: Лескин. Грамматика ст.-сл. яз., русский перевод, 1890; 3. Н. М. Каринский. О. Е., как памятник р. яз. (Ж. М. Н. Пр. 1905, 5); 4. Ф. Ф. Фортунатов. Состав О. Е. (Сборн. статей, посвящ. В. И. Ламанскому, II, 1908); 5. Н. М. Каринский. Письмо О. Е. (Сборн. Публ. Б-ки, 1920).

2. Изборник Святославов 1073 г. (Историч. Музей). Списан для вел. кн. Святослава с болг. сборника, переведенного с греч. для болг. царя Симеона. Изд. фото-литогр. Общ. Люб. Др. Письм. 1880; поправки Шахматова в ASlPh. VII.

3. Архангельское Ев. (Румянц. Музей). Писано в разное время разными лицами: 1) л.л. 1 — 76 об. в конце XI в.; последние страницы этой части написаны, повидимому, позже, чем первые стран. 2-й части; 2) непосредственное продолжение 1-й части, л.л. 77 — 175; почерк и приёмы письма сильно отличаются от 1-й части; в конце— запись писца — Мички — без даты (конец XI в.); 3) л.л. 175 — 176 об.: письмо XI в. наведено чернилами позднее; 4) л. 177, не представляющий непосредственного продолжения л. 176 об.; почерк и приемы письма отличны как от 1-й, так и от 2-й части; эта стран. писана в 1092 г., почему и всё А. Е. не совсем точно называется часто Ев. 1092 г.; 5) л. 177 об.—письмо XIII в.; 6) л. 178 — 178 об. — письмо конца XI в.

Изд. трехцветной фото-цинкографией в 1912 г. (ср. Н. Дурново. Изв. 2 АН. 1913. 2). Иссл. Н. Дурново. Ст.-сл. смягченные согласные в А. Е. Slavia II. 4.

4. Тринадцать слов Григория Богослова XI в. (Публ. Б-ка). Изд. А. Будилович, 1875 г.

5. Синайский Патерик XI в. (Историч. Музей). Правописание памятника отличается неустановленностью и обилием руссизмов, рядом с некоторыми архаизмами.

6. Чудовская Пс. с толкованиями Феодорита, XI в. (Историч. Музей). Изд. В. А. Погорелов (Памятники ст.-сл. яз., т. III, в. 1. 1910); словарь к ней: Погорелов, Варш. 1910; иссл. 1) Он же. Толкования Феодорита Киррского на Пс., 1910; 2) Обнорский. К истории глухих в Ч. Пс. (РФВ. 1912. 4).

7. Пандекты Антиоха XI в. (Историч. Музей). Изд. приготовл. Бодянским (только небольшая часть). 1913. (Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс.); иссл. Копко, в Изв. 2 АН. 1915. 3.4.

8. Минеи Служебные конца XI в. за сент., окт., ноябрь. янв., апр., июль и авг., сев.-русские; из них окт. и ноябрь датированы 1096 и 1097 г. Изд. Ягич. Служебные Минеи за сент., окт. и ноябрь... по рукописям 1095 — 1097 г. Остальные не изданы. Иссл. М. Корнеева-Петрулан. О яз. Служебной Минеи 1095 г. (РФВ. 1917).

9. Устав к кондакарём конца XI или нач. XII в. Типографской б-ки № 142. Устав, из которого в этой рукописи—только отрывок, переведен с греч. на Руси в середине XI в.; рукопись—сев.-р. список с ю.-р. оригинала.

10. Слова Кирилла Иерусалимского XI в. (Историч. Музей). Перевод ю.-слав. Список, рядом с значительным количеством руссизмов, отличается сохранением некоторых черт ю.-сл. правописания и предпочтительным употреблением ь перед ъ, употребляющимся сравнительно редко.

11. Мстиславово Ев. около 1115. (Историч. Музей). Изд. около $^{1}/_{5}$ всей рукописи Г. Воскресенским. Ев. от Марка, 1894. Иссл. Е. Ф. Карский (РФВ. 1895. 4).

12. Галицкое Ев. 1144 г. (Историч. Музей). Изд. Архим. Амфилохий. М. 1882 и 1884 (два тома).

13. Ефремовская Кормчая XII в. (Историч. Музей). Изд. Бенешевич. Древне-слав. Кормчая XIV титулов без толкований, т. I. 1906. Иссл. С. П. Обнорский. 1912. (Иссл. по р. яз., т. III, в. 1.)

14. Добрилово Ев. 1164 г. (Рум. Музей). Писано попом Добрилом в Галиче южном. Изд. (отрывки) и иссл. А. И. Соболевский. Очерки по истории р. яз. 1884.

15. Типографское Ев. № 1, середины XII в., повидимому, южно-русское.

16. Успенский Сборник XII в. (Историч. Музей). Содержит жития свв. за май, между прочим, русское житие Феодосия Печерского напис. Нестором, Сказание о Борисе и Глебе, припис. мниху Иакову и

болг. житие Мефодия Моравского, а также и другие статьи. Изд. (половина Сборника, куда вошли, между прочим, все три назв. жития) Шахматовым и Лавровым, 1899 г. (Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс. 1899). Иссл. Лукьяненко. О яз. Несторова жития Феодосия Печ. по древнейшему из дошедших списков (РФВ. 1907. 1); 2. Инна Попова. Паннонское житие Мефодия... (РФВ. 1913).

17. Типографское Ев. № 7, XII в., ю.-р. Иссл. А. И. Соболевский. Очерки... 1884.

18. Устав Патриаршей Б-ки № 330, XII в. (Историч. Музей) Устав переведен на Руси в середине XI в. (ср. отрывок того же Устава в списке XI в. — выше, под № 9); настоящий список — сев.-русский, восходящий к ю.-р. протографу.

19. Ростовское житие Нифонта 1219 г. Изд. Рыстенко. Житие Нифонта (изд. напечат., но не выпущ. в свет). Иссл. Б. М. Ляпунов. Проф. Рыстенко и напечатанные им тексты жития Нифонта (Изд. Од. Библиогр. О-ва, т. V, в. 3—6).

20. Новгородская Кормчая 1282 г. (Историч. Музей). Содержит, между прочим, Русскую Правду (в ссылках на последнюю. „Р. Пр. 1282 г.").

21. Ев. 1283 г. (Рум. Музей). Писано поповичем Евсевием, ю.-р. Иссл. Голоскевич. Евсевиево Ев. 1283 г. (Иссл. по р. яз. т. III, в. 2. 1914.).

22. Житие Саввы Освященного XIII в. Изд., параллельно с греч. текстом, Помяловским, 1890.

23. Типографское Ев. № 5, XIII в., ю.-р. Иссл. А. И. Соболевский. Очерки... 1884.

24. Пс. Типографской Б-ки № 27 (45), XIII в. Описана В. А. Погореловым: Б-ка М. Синод. Типографии, ч. I. Рукописи, в. 3. Псалтыри. М. 1901, под № 45.

25. Новгородский Пролог 1356 г. Типографской Б-ки № 155. Отрывок изд. в моей Хрестоматии по ист. р. яз. 1914 г.

26. Псковский Пролог 1383 г. Типогр. Б-ки № 172. Отрывок изд. в моей Хрестоматии. Иссл. А. И. Соболевский. Очерки по ист. р. яз. 1884.

27. Псковская Пс. Типогр. Б-ки № 28 (46), XIV в. Иссл. 1. А. И. Соболевский. Очерки по ист. р. яз. 1884; 2) Погорелов. Б-ка М. Синод. Типографии, ч. I. Рукописи, в. 3. Псалтыри. 1901.

28. Октоих 1488. (Главн. Арх. 442), писан в пределах вел. княжества Литовского, ю.-в.-р или б.-р.

29. Октоих и Торжественник конца XV в. Главн. Арх. № 626, писан. в пределах вел. княжества Литовского, ю.-в.-р.

30. Устав церковный Главн. Архива № 560, XV в. после 1472 г., ю.-в.-р.

31. Устав церковный Главного Архива № 635, нач. XVI в., в.-р.

32. Вологодское Ев. XVI в. (Публ. Б-ка). Иссл. Л. Л. Васильев (РФВ. 1907. 1—2).

33. Сборник Софийской Б-ки № 1460, XVI в, с.-в.-р. Иссл. Л. Л. Васильев (РФВ. 1917. 4).

34. Пс. Публ. Б-ки F. I. 7, XVI в., с.-в.-р. Иссл. Л. Л. Васильев (РФВ. 1917. 4).

35. Богдановский Златоуст XVI в. (из собр. Богданова, Публ. Б-ка). Иссл. Л. Васильев (Изв. 2. АН. 1905. 3).

36. Стоглав в списках XVI и XVII в.в. Изд. 1. Кожанчиков (неудовл.) 1863; 2. Казанское (Правосл. Собеседник, по Казанским спискам); 3. Н. П. Субботина. Царские вопросы и соборные ответы.

2. Памятники литературного нецерковного языка.

1. Новгородская летопись по списку Патриаршей (Синодальной) Б-ки, XIII—XIV в. (Историч. Музей). Изд. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, изд. Археографич. Комиссией (снимок). 1875. Иссл. 1. Б. М. Ляпунов. Иссл. о яз. Синод. списка 1-й Новгор. летописи, в. 1. 1900 (Иссл. по р. яз. т. II, в. 2), 2. Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синод. списке 1-й Новгородской летописи (Изв. 2 АН. 1918. 1); 3. Она же. Синтаксические явления Синод. списка 1-й Новгор. летописи (Изв. 2 АН. 1919. 2, 1921). 1923.

2. Лаврентьевская летопись, 1377 г. (Публ. Б-ка). Изд. Несторова летопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археографич. Комиссией (снимок). 1872. Иссл. Некрасов (Изв. 2 АН. 1896. 1 и 1897. 2).

3. Ипатьевский список летописи. XV в. Изд. Археогр. Комиссии. Иссл. Никольский (РФВ. 1899).

4. Акир XV в. Повесть об Акире в списке Общ. Ист. и Древн. Росс. № 189, второй половины XV в. (Румянц. Музей). Список псковский. Изд. А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. 1913. Поправки: Николай Дурново. К истории повести об Акире. 1915. Иссл. Там же.

5. Домострой по списку Общ. Ист. и Древн. Росс. XVI в., с.-в.-р. Изд. И. Е. Забелин. 1881 (Чт. в О-ве Ист. в Древн. Росс. 1881 г.).

6. Домострой по Коншинскому списку, XVI в. (Публ Б-ка); список ю.-в.-р., но восходит (не непосредств.) к с.-в.-р. оригиналу. Изд. (и, отчасти, иссл.) А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. 1910 (Чт. в О-ве Ист. и Древн. Росс. 1908. 2).

7. Повесть об Азовском осадном сидении, списки XVII и XVIII в., ю.-в.-р. Изд. А. С. Орлов. Историч. и поэтич. повести об Азове. 1906.

3. Памятники делового (юридического) языка.

1. Надпись на Тьмутороканском камне, 1068 г. Издавалась много раз. Последнее изд. фототипич. А. Спицын (Записки Отдел. Русской и Славянской Археологии Русского Археологич О-ва, т. XI, 1915 г.).

Мстиславова грамота около 1130 г. Дарственная грамота вел. кн. Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю. Изд. 1. А. Маркс, фототип. (Древности Московск. Археолог. О-ва XXIV. 1913); 2. Николай Дурново. Хрестоматия по истории русского яз. 1914 и др.

3. Грамота Варлаама Хутынского (духовная), около 1192 г. Изд. там же, где и предыдущая.

4. Смоленские грамоты XIII в. (Рижский городской архив). Изд. К. Е. Напьерский. Русско-Ливонские Акты. 1868 (грамоты, кроме грамоты 1229 г., изданы неудовлетворительно). Древнейшая—договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.—сохранилась в 5 списках, обознач. буквами А, В, С, D, Е, из них А и В, повидимому, подлинники договора, С и D—немного позднее и Е 80-х годов XIII в. По списку А грам. 1229 г. переиздана с издания (Напьерского) в моей Хрестоматии по ист. р. яз. 1914 г.

5. Рижские грамоты XIII—XIV в. (Рижский Городской Архив). Наиболее интересна по яз. обширная грамота Рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу, содержащая протест против действий князя и его наместника в Риге около 1300 г. Все рижские грамоты изд. (неудовл.) К. Е. Напьерским в Русско-Ливонских Актах 1868 г.

6. Полоцкие грамоты XIII—XIV в. (Рижский Городской Архив). Изд. (неудовл.) там же. Древнейшая—договор князей Герденя и Изяслава с литовским магистром 1264 г.

7. Новгородские грамоты XIII и XIV в. Изд. 1. Договоры новгородцев с немцами и грамоты их к немцам: К. Е. Напьерский. Русско-Ливонские Акты 1868 (неполно и неудовл.). 2. и иссл.—договоры Новгорода со своими князьями: Шахматов 1885—1895. (Иссл. по р. яз. т. I); 3. Духовная новгородца Климента до 1270 г.: Срезневский. Сведения и заметки XXXV. 1867. Древнейшие из новгородских грамот—договор Александра Невского с немцами не позже 1263 г., договор новгородцев с князем Ярославом Ярославичем 1264 г. и список 1263 г. с грамоты 1189 г.

8. Русская Правда по списку 1282 г. См. выше 1 (Памятники церковного письма). 19.

9. Грамота Ольга Рязанского 1356 г. (б. Архив Минист. Юстиции). Изд. 1. М ск. Архива Минист. Юстиции (снимок в красках); 2. Николай Дурново. Хрестоматия по ист. р. яз. 1914.

10. Южно-русские грамоты (галицкие, волынские, буковинские и др.) XIV—XV. Изд. (некоторые): А. И. Соболевский и Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. 1903.

11. Западно-русские грамоты XIV—XV в. (грамоты литовских князей и др.). Изд. (некотор.)—там же. Иссл. Карский. Белоруссы, т. II.

12. Московские грамоты XIV—XVII в. Сюда относятся грамоты московских вел. князей и царей, удельных князей звениго-

родских, верейских, серпуховских и др., московских митрополитов и частных лиц. Изд. (некотор.). Соболевский и Пташицкий. Палеограф. снимки и пр. Иссл. Л. Васильев. О звуке ѣ в московских грамотах (Изв. 2 Ан. 1905). Древнейшая из московских грамот—духовная Ивана Калиты около 1327 г.

13. Двинские грамоты XV в. Изд. и иссл. Шахматов (Иссл. по р. яз. т. II, в. 5). 1903.

14. Сборник Патриаршей Б-ки № 562, XVI в., содержащий копии с грамот и посланий московских митрополитов, вел. князей, епархиальных архиереев и др. XV и начала XVI в.

Другие древние памятники русского письма и языка частью перечислены у А. И. Соболевскаго (Лекции по ист. р. яз., изд. 4. 1907, стр. 10–18), в литограф. Курсе истории р. яз. Шахматова (часть I. Введение), в I томе Белоруссов Карского (зап.-р. памятники) и др. Библиотеки, архивы и рукописные хранилища, в которых находятся письменные памятники, перечислены в Лекциях Соболевского (стр. 5–10) и в курсе слав.-русск. палеографии Карского. В настоящее время рукописные собрания Патриаршей (Синодальной) Б-ки, Чудова, Симонова, Новоспасского и Новоиерусалимского монастырей, кремлевских соборов, Барсова, Вахромеева, Забелина, М. И. Соколова, Уварова, Хлудова и некотор. друг. находятся в Моск. Историч. Музее.

Кроме тех изданий древних памятников, которые названы здесь и в „Лекциях" А. И. Соболевского, многие памятники изданы в Сборн. 2 АН., Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс., Трудах Славянской Комиссии Моск. Археологич. О-ва, в изданиях Археографич. Комиссии (последние по большей части не удовлетворительны, кроме самых новейших) и др.

Отрывки из различных старинных памятников русского яз. имеются также в хрестоматиях по истории русского яз.:

1. Буслаев. Историческая Хрестоматия церковно-славянского и русского языков. 1861.

2. Николай Каринский. Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам, ч. I. 1902; изд. 2. 1913. Здесь изданы отрывки из некоторых памятников XI и XII в.в.

3. Николай Дурново. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. Памятники XI—XV в.в. 1914.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Указатель пособий.

I. По общим вопросам. (Введение, § § 1—35.)

Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. Изд. 6. 1923.

В. К. Поржезинский. Введение в языковедение. Изд. 4. 1916.

Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Общий курс. 1902 (литогр., не конч., 256 стр.).

(Ст. М. Кульбакин). Народная Энциклопедия Харьковского Общества Грамотности, т. VIII.

Николай Дурново. Грамматический Словарь. 1924.

Э. Рихтер. Как мы говорим. 1913.

А. И. Томсон. Общее языковедение. 2 изд. 1910.

A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. Paris. 1922.

II. О правописании. (Введение, §§ 21—34 и 109—120.)

Д. Н. Ушаков. Русское правописание. Изд. 2. 1917.

А. И. Томсон. К теории правописания. 1903.

III. По физиологии и акустике звуков речи и о звуках русского языка. (Введение, §§ 37—59.)

Кроме назв. в отд. I:

Рад. Кошутић. Граматика руског jезика. I. Гласови. А. Општи део. 1919.

Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаков. Хрестоматия по великорусской диалектологии. 1910. (Приложение: Образец литературного языка в московском произношении.)

О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. 1910. (Энциклопедия Слав. Филологии, вып. 5_2.)

В. А. Богородицкий. Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. В. I—III. 1917 и 1922 г. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik.

IV. О грамматических формах вообще и о морфологическом составе русского языка. (Введение, §§ 60—80.)

Кроме назв. в отд. I:

Ф. Ф. Фортунатов. О преподавании грамматики русского яз. в средней школе. (Труды 1-го съезда преподавателей русского яз. в военно-учебных заведениях 1904 или РФВ. 1905.).

А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2. 1919.

Nicolas Dournovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. (Rèvue des études slaves. II. 3—4. Paris. 1922.)

Он же. Cathégorie du genre en russe moderne. (Там же, IV. 1—2.)

Serge Kartsevski. Études sur le système verbal du russe contemporain. (Slavïa I. 2—3. 4. Praha 1922—1923.)

Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола. Изв. 2 АН. 1899.

R. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Heidelberg. K. Winter. 1922. (Slavica. 7.)

Рад. Кошутић. Граматика руског језика. II. Облици. Београд. 1914.

V. О литературном языке. (Введение, §§ 37—79).

Кроме назв. в отд. I—IV:

А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точки зрения на язык. (Русский язык в школе, вып. I. 1923.).

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. 1913. (литограф.).

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 4. 1913.

VI. О наречиях и говорах русского языка. (Введение §§ 81—108.)

Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. 1916.

Николай Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говорор. Вып. 1. 1917 и вып. 2. 1918.

А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. вып. 1. Иркутск. 1921.

Е. Ф. Карский. Белорусская речь. 1917.

Не использованы в названных сочинениях вышедшие позднее мелкие статьи и материалы:

Труды Моск. Диалектологической Комиссии, вып. 8. 1919.

Материалы для изучения великорусских говоров, вып. XI [1]). 1922. (Сборн. 2 АН. Т. 99. № 3.)

---

[1]) Вып. X содержит только характеристики материалов, ничего не дающие для суждения о говорах.

С. А. Еремин. Описание Уломского и Ѣаучского говоров Череповецкого у., Новгородской губ. 1922. (Сборн. 2 АН. 99, № 5.)

Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр, Зарайского у. 1922. (Там же, № 6.)

О м.-р. диалектологии см. дальше.

VII. О малорусском (украинском) языке. (Введение, §§ 98—104.)

Іларіон Свенціцкий. Основа науки про мову українську. 1917.

С. М. Кульбакин. Украинский язык. 1919.

О. Синявський. Украинский язык. 1923.

Всеволод Ганцов. Діялектологічна класифікація українських говорів. 1923. (Записки Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук, кн. IV.)

Он же. Характеристика поліських дифтонгів. (Там же, кн. III.)

VIII. Об исторических условиях образования русского языка.

А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка Ч. I. 1916.

Он же. Древнейшие судьбы русского племени. 1918.

Он же. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка. (История русской литературы до XIX в. под ред. А. Е. Грузинского, т. I. 1916.)

IX. По другим славянским языкам.

1. Старославянский язык.

С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. Изд. 3. 1917.

Лескин. Грамматика древне-болгарского (др.-церк.-слав.) яз. Перевел проф. Н. М. Петровский. 1915.

2. Нынешние славянские языки.

Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию. 2 тома.

А. М. Селищев. Введение в сравнительную грамматику славянских языков.

В. Н. Щепкин. Учебник болгарского языка. 1909.

С. М. Кульбакин. Сербский язык. 1 изд. 1915, 2 изд. 1918.

Leskien. Grammatik der Serbo-Kroatischen Sprache. 1. Heidelberg. C. Winter. 1914.

André Mazon. Grammaire de la langue tchèque. Paris. 1921.

E. Smetánka. Tschechische Grammatik, в Sammlung Göschen, 2 изд. 1923.

Улашин. Самоучитель польского языка. 1917.

A. Breznik. Slovenska slovnica za srednje šole. 2 изд. 1921 г. (Словинская грамматика на словинском яз.; указывается за

отсутствием подходящих пособий на русском яз.; грамматика. хотя и предназначенная для средней школы, носит более или менее научный характер.)

Другие пособия, между прочим, словари, указаны в назв. кн. Селищева.

X. О звуковом составе общеславянского яз. Часть I, §§ 121.

См. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык, изд. 3.1917.

А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. 1915, отд. I—IV. (Энциклопедия Слав. Филологии, вып. $11._1$.)

Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старо-славянского яз. 1918. (При пользовании книгой следует иметь в виду, что она представляет перепечатку невышедшего в свет издания, печатавшегося в 1885—1890 г.г., и многое в ней сильно устарело.)

Он же. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. 1922.

В. К. Поржезинский. Лекции по сравнит. грамматике славянских языков. Изд. 2. 1916.

XI. История звуков русского языка.

А. Общие труды.

А. А. Шахматов. Очерк (см. отд. X).

Он же. Русский язык (см. отд. VIII).

А. И. Соболевский. Лекции по истории русского яз.. изд. 4. 1907.

Б. История звуков отдельных русских языков или история отдельных звуковых явлений.

Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. II, в. I. 1908.

Он же. Белорусская речь (см. отд. VI).

А. А. Шахматов. Исторический очерк украинского яз. (Украинский Народ. 1914.) То же на украинском яз.: Акад. О. Шахматов та акад. А. Кримский. Нариси з історії української мови та хрестоматія старописьменьскої українщини. (Збірник історично-філологічного Відділу Всеукр. Акад. Наук, № 12. 1923.)

С. М. Кульбакин (см. отд. VII).

Николай Дурново. Диалектологические Разыскания (см. отд. VI).

П. Н. Виноградов. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Вып. I. 1922.

Л. Л. Васильев. О значении каморы (РФВ. 1917).

Другие работы по истории звуков русского яз. частью указаны в приложении к книгам А. И. Соболевского (Лекции),

А. А. Шахматова (Очерк) и Е. Ф. Карского (Белоруссы) и выше, в Приложении II к настоящей книге, а также в примечаниях к книге Виноградова. Бо́льшая часть статей и исследований по истории русского яз. помещена в следующих изданиях: Исследования по русскому языку (изд. 2 АН,), Сборник 2 АН., Известия 2 АН., РФВ., ЖМНПр., Записки Наукового Товариства ім. Шевченка и Arch. für slav. Philologie.

XII. О формах склонения и спряжения в общеславянском яз.

С. М. Кульбакин (см. отд. X).

Б. М. Ляпунов. Формы склонения в старославянском яз. I. Од. 1905.

Oldřich Hujer. Slovanská deklinace jmenná. Praha. 1910.

Б. К. Поржезинский (см. отд. X).

XIII. История форм склонения и спряжения в русском яз.

А. И. Соболевский. Лекции (см. отд. XI).

Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. I, в. 2. 1911.

С. М. Кульбакин (см. отд. VII).

XIV. Словари русского языка.

И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 3 тома. 1890—1912.

Дювернуа. Материалы для словаря древне-русского яз. 1894.

А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14 (А—Сулея). Окончание словаря сохранилось в рукописи.

Словарь русского языка, составл. 2 АН., т. I (А—Дя), II (Е - Зятюшко), III, в. 1 (И—Изба), IV. В. 1—9 (К—Крикун), V. В. 1 (Л—Лёгкий).

Вл. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 1-е 1863—1866, изд. 2-е 1880, изд. 3-е под ред. Бодуэна-де-Куртенэ, 1902—1909.

(Б. Д. Гринченко.) Словарь Украинского языка, собр. редакцией журн. „Киевская Старина“. I—IV. 1907—1909.

И. Носович. Словарь Белорусского наречия. 1870.

А. Подвысоцкий. Словарь областного Архангельского наречия. 1885.

Г. Куликовский. Словарь областного Олонецкого наречия. 1898.

Н. М. Васнецов. Материалы для об'яснительного областного словаря Вятского говора. 1908.

В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. 1914.

Кроме названных, существует ряд других областных словарей, напечат., по большей части в Сборн. 2 АН., ЖСт., РФВ. и некоторых местных изданиях.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Настоящий „Очерк“—переработка моих университетских курсов. Часть его—история форм склонения и спряжения—была напечатана в 1913 г. и здесь подверглась лишь самой незначительной переработке; остальное до сих пор существовало лишь в литографированных изданиях (последнее—1914 г.), сравнительно с которыми сильно переработано, причем бо̀льшая часть Введения и некоторые главы I-й части написаны заново. В настоящем своем виде „Очерк“ содержит несколько больше того, что̀ можно требовать со студентов на экзаменах, потому что я думаю, что университетский курс должен не только служить пособием для экзаменов, но и быть также надежным руководством при самостоятельных занятиях русским языком как студентов, так и вообще начинающих ученых, преподавателей языка и специалистов по смежным областям научного знания, напр., по другим славянским языкам, истории русских государств, народов и литератур, русской этнографии и т. п., которым приходится для своих специальных занятий обращаться и к истории русского языка. Я думаю, что всякий преподаватель В. У. З., который пожелает рекомендовать своим слушателям мой курс для подготовки к экзаменам, сумеет выделить в „Очерке“ то, что̀ он сочтет необходимым для усвоения. В то же время, имея в виду, главным образом, студентов, начинающих ученых и неспециалистов, я стремился не перегружать „Очерка“ научным аппаратом, чтобы сделать его доступным для тех лиц, для которых он предназначается. С этой целью я привожу цитаты из памятников, живых говоров и писателей лишь в самом ограниченном количестве, в тех случаях, когда такие ци-

таты казались мне необходимыми для понимания текста „Очерка", и при этом по большей части не указываю страниц цитируемого памятника или издания и местностей, откуда взяты диалектические примеры; значительная часть цитат из древних памятников взята мною из „Лекций" акад. А. И. Соболевского (изд. 4.1907) и „Очерка" акад. А. А. Шахматова; но часть памятников, главным образом, XI и XII в. в. и грамот, использована самостоятельно; что касается примеров из живых говоров, то они взяты непосредственно из источников как изданных, так и неизданных. Чтобы не осложнять печатания и не удорожать книги, в настоящем издании сделано всё возможное для упрощения как транскрипции звуков языка, так и передачи примеров из старинных памятников и иностранных языков. С этой целью звуки общеславянского и русского языков передаются буквами русского алфавита, примеры из старославянских и древнерусских памятников, по возможности, русским шрифтом; примеры из чешского и словинского языков в главах о звуках и формах общеславянского языка почти отсутствуют.

Николай Дурново.

Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Задачи и методы истории языка.

Звуковой состав современного великорусского литературного языка.

Гласные звуки московского произношения.

Согласные звуки московского произношения.

Понятие о слоге. Звуки слоговые и неслоговые.

Морфологический состав русского языка:

Понятие о грамматической форме.

Согласные.

Б. Явления северновеликорусские.

Б. Явления южновеликорусские.

VI. Малорусско-белорусские явления.

VII. История звуков б.-р. языка.

VIII. История звуков малорусского языка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ.

I. ИСТОРИЯ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ И СПРЯЖЕНИЯ.

А. ИСТОРИЯ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ.

I. Формы, перешедшие в русский язык из общеславянского.

Падежные окончания именных склонений в о.-сл.

Склонение местоимений личных в о.-сл.

Составные формы спряжения в о-сл.

II. Общерусские изменения форм спряжения.

III. Великорусские изменения форм спряжения.

Личные формы глаголов нетематического спряжения.

Личные формы глаголов тематического спряжения.

Судьба форм повелительного наклонения.

IV. Белорусские изменения форм спряжения.